„ТЕКУЩАЯ ХРОНИКА И ОСОБЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ“

ДНЕВНИК В. Ф. ОДОЕВСКОГО 1859—1869 гг.

Вступительная статья Б. Козьмина
Редакция текста и предисловие М. Брискмана
Комментарии М. Брискмана и М. Аронсона

ОДОЕВСКИЙ В 1860-е ГОДЫ

Было время, когда автор печатаемого ниже дневника кн. В. Ф. Одоевский стоял в первых рядах русской литературы. В 30-х и 40-х годах прошлого века его произведения читались, по свидетельству В. Г. Белинского, с «жадностью», с «восторгом» [1]. Сам Белинский, судья и критик очень строгий, отзывался о сочинениях Одоевского в весьма лестных выражениях. В 1834 г. он писал, что в произведениях этого автора «виден талант могущественный и энергический, чувство глубокое и страдательное, оригинальность совершенная, знание человеческого сердца, знание общества, высокое образование и наблюдательный ум» [2]. Высоко ценили творчество Одоевского и такие люди, как Пушкин и Гоголь, а его друг декабрист В. Кюхельбекер писал ему в 1845 г. из сибирской ссылки: «Тебе и Грибоедов и Пушкин и я завещали все наше лучшее; ты перед потомством и отечеством представитель нашего времени, нашего бескорыстного служения к художественной красоте и к истине безусловной?» [3].

Такая высокая оценка творчества Одоевского основывалась и на его незаурядном художественном даровании, и на его умении выдвигать в своих произведениях проблемы, глубоко интересовавшие его современников, и на оригинальном освещении этих проблем, и на основательном знакомстве с философскими течениями его времени. Каких только вопросов не ставил Одоевский в своих художественных произведениях! Он писал и о границах человеческого познания, и о смысле жизни, и о значении науки и искусства, и о природе художественного творчества, и теории Мальтуса, и о вере и атеизме, и о взаимоотношениях России и Запада, и о роли капитализма в экономическом развитии человечества. И по всем этим вопросам он умел выразить более или менее самостоятельное, оригинальное и облеченное в художественную форму мнение.

Автор «Русских ночей» пользовался популярностью не только среди читателей, но и среди товарищей по перу. На вечерах, которые он устраивал по субботам, можно было встретить виднейших представителей литературы того времени. Недаром в 1838 г. Шевырев писал Погодину про «петербургскую литературу», что «вся она на диване Одоевского».

Это замечание Шевырева характеризует не только печальную немногочисленность кадров литературных деятелей того времени, но и положение, которое занимал среди них В. Ф. Одоевский.

Однако, к 60-м годам, т. е. ко времени, к которому относится дневник Одоевского, положение последнего в литературе совершенно изменилось. Его литературная известность была уже вся в прошлом. Большую часть лет, охваченных днев-

ником, Одоевский провел в Москве в усердных занятиях по службе (он был тогда сенатором одного из московских департаментов Сената), среди немногочисленной группы друзей и светских знакомых и в удалении от литературы. Про Одоевского этого времени желчный писатель-эмигрант П. В. Долгоруков в своем журнале «Будущность» не без остроумия заметил, что он «между светскими людьми слывет за литератора, а между литераторами за светского человека» [4]. Эта полная яда фраза тем более была неприятна Одоевскому (см. запись в его дневнике от 24 ноября 1860 г.), что в глубине своей души он не мог не сознавать ее справедливости. «С половины 40-х годов,— пишет один из его биографов,— литературная производительность кн. Одоевского значительно ослабевает, почти прекращается совсем» [5]. Это еще не значит, что Одоевский перестал писать и печататься. Наоборот, до самой смерти Одоевского его фамилия довольно часто попадалась на страницах газет и журналов. Еще больше его произведений, написанных в 50-е и 60-е годы, осталось в рукописном виде, не найдя себе, по тем или иным причинам, доступа в печать. И о чем только не писал в то время Одоевский. Достаточно просмотреть опись его архива, хранящегося в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, чтобы быть пораженным разнообразием тем, которыми интересовался и за разработку которых брался престарелый литератор. Среди его рукописей мы находим и трактаты «о том, что во всех явлениях есть период прекращения» или «о социальных между людьми отношениях», и рассуждения «о вреде водки» или «о распущенности прислуги». На ряду с произведениями по вопросам педагогики или музыкального искусства попадаются статьи и наброски «о грязи на улицах», «об осеннем воздухе», «о причинах пожаров», «о ретирадных местах», «об извлечении кубических корней», «об обществе для распространения мира», «о солнечном затмении», «о пауперизме», «о судебной реформе и о суде присяжных», о том «иезуит может ли быть христианином» и т. д. [6]. Уже из этого перечня тем, затронутых Одоевским, ясно, что вся эта «литература» в сущности стоит вне литературы. В качестве беллетриста Одоевский теперь больше уже не выступает. Значение его произведений редко выходит теперь за пределы интересов данной минуты. Если что из груды его писаний за последнюю четверть века его жизни (он умер в 1869 г.) и сохраняет некоторое значение,—то это лишь его статьи на музыкальные темы, довольно высоко ценимые специалистами, не лишенная интереса и проникнутая бодрым оптимизмом статья или вернее стихотворение в прозе—«Не довольно», которым он опротестовал пессимистическое «Довольно» И. С. Тургенева [7], и, наконец, дневник, только теперь становящийся достоянием читателей.

Дневник этот относится ко времени, когда Одоевский уже отошел от художественной литературы. В 60-х годах, когда он писал свой дневник, он уже во многих отношениях был не тем человеком, каким знавали его читатели 30-х и 40-х годов. Во взглядах и убеждениях его к этому времени произошли большие перемены, и это весьма ярко отразилось на записях его дневника. Познакомиться, хотя бы кратко, с этими переменами необходимо для правильной оценки дневника, как исторического и историко-литературного документа.

Сверстник декабристов, Одоевский не был их единомышленником. Несмотря на то, что в событиях 14 декабря принимало участие немало близких ему людей (его двоюродный брат А. И. Одоевский, Вильгельм Кюхельбекер, совместно с которым В. Ф. Одоевский издавал в 1824 и 1825 гг. альманах «Мнемозина» и др.), сам он стоял вне того политического движения, представителями которого являлись декабристы. Не политика, а философия стояла для него на первом месте. Не французские политические мыслители, а метафизик Шеллинг владел всеми его помыслами. Еще в 1823 г. его двоюродный брат А. И. Одоевский язвительно отзывался об его увлечении «глубокомысленными умозрениями непонятного Шеллинга» [8]. В то время, когда члены декабристских обществ обсуждали вопросы о будущем политическом устройстве России, об отмене крепостного права и о необ-

ходимости истребления царской фамилии, В. Ф. Одоевский и его друзья по московскому кружку «любомудров» в «самосовершенствовании» искали способов «счастливить ближних своих». Как подобало истинным любомудрам, они ограничивались обличением страстей и пороков, не касаясь политических учреждений.

Этот «аполитизм» Одоевского и его товарищей особенно усилился после рокового дня 14 декабря, суровой расправы с участниками неудачного восстания и торжества феодальной реакции. К самому началу 1830-х гг. относится глубокое увлечение В. Ф. Одоевского мистикой и усиленное изучение произведений Сен-Мартена, Пордеча, Як. Беме и тому подобных писателей. Тогда же определяются и политические убеждения Одоевского. Он выступает как убежденный сторонник существующего строя. Самодержавный деспотизм Николая I представляется ему наиболее совершенной формой правления, а крепостное право — результатом обусловленного природой неравенства людей. «Я не понимаю,—писал он в одном из своих не попавших в печать набросков,—другой формулы политического общества, кроме следующей: старшие братья над меньшими и отец надо всеми». Во власти этого «отца», т. е. русского царя, он усматривал «прибежище угнетенных, что-то священное, действующее, как высшая сила» [9]. Одоевский видит, что русская жизнь имеет много мрачных сторон; он знает, как сильно процветают в России произвол и лихоимство. Однако все это он считает только следствием неудачного подбора чиновников. По его мнению, поднять и укрепить добродетель чиновников и научить их относиться к подчиненным, как любящий и заботливый отец относится к своим детям, вполне достаточно для того, чтобы превратить Россию в страну наиболее счастливую в свете.

Одоевский не видит надобности в уничтожении крепостного права. Он ограничивается проповедью гуманности в отношениях помещиков к своим крепостным. Рассматривая «звание помещика» как государственную службу, он предлагает подвергать «предварительному экзамену в ученом и нравственном отношении» всякого дворянина, «имеющего по наследству притязание на право помещика». В этом он видит вполне достаточную гарантию против злоупотребления помещичьей властью [10].

Социальное неравенство является в глазах Одоевского фактом, вытекающим из природы человека, обусловленным естественным неравенством способностей человека и потому неустранимым. «Глупый ненавидит умного,—пишет он,—по той же самой причине, по которой бедный ненавидит богатого, голодный сытого, трус храброго, подлец честного, невежда ученого—и из сего даже можно вывести доказательство, что неравенство между людьми не есть выдумка человека, но естественное состояние природы» [11]. Все мечты о равенстве Одоевский отвергает, как вредные измышления «нелепых мечтателей XVIII века». Поэтому в своей утопии «4338-й год» он оставляет в неприкосновенности классовое неравенство: в России 44-го столетия попрежнему будут существовать богатые и бедные, хозяева и слуги, трудящиеся и праздные. Даже в общественных столовых обеды подаются по особому прейскуранту, который будет «для каждого звания соображен с тою степенью пользы», какую это «звание» приносит государству [12].

Рост рабочего движения на Западе и распространение социалистических идей сильно пугали Одоевского и способствовали укреплению в нем реакционных идей. «Сохраним,—писал он в 1849 г. в своей записной книжке,—нашу старую, добрую веру, полную миротворения и поэзии, сохраним нашу преданность царю, сему святому залогу русского единства и земской целости, не переймем у иностранцев ни их гражданского безумия, ни смут, ни раздора» [13].

Правда, в «Русских ночах», особенно в эпилоге, и в других произведениях Одоевского можно найти горячие филиппики против экономического рабства на Западе. Он возмущается наглой эксплоатацией труда капиталом и превращением рабочего в придаток к машине. В статье «Англомания», не появившейся в печати, Одоевский, признавая, что англичане «прекрасно делают перочинные ножики»,

подчеркивает, что успехи своей промышленности они «купили ценою человеческого достоинства». Рабочий умеет прекрасно делать винт, но «для всего прочего он глух, нем и слеп». Обследование положения детей, работающих на английских фабриках, показало, что «здесь все принесено в жертву золоту» [14].

Сознавая тяжелое положение и безысходную нищету рабочего класса на Западе, Одоевский ищет спасения не в создании общественного строя, основанного на уничтожении эксплоатации труда капиталом, а в различных мероприятиях филантропического характера, вроде учреждения домов трудолюбия, организуемых для борьбы с пауперизмом.

Его сочувствие положению западного рабочего вытекало из таких же побуждений, которыми руководствовались английские консерваторы, поддерживавшие различные законодательные ограничения эксплоатации труда рабочих на фабриках и заводах. В этом сочувствии гораздо больше ненависти к буржуазии и страха перед нею, чем симпатии к пролетариату.

Еще в 1820-х гг. Одоевский в своих произведениях отмечал переход дворянских имений в руки капиталистов и сближение обедневшей аристократии с плутократией. В рассказе «Утро ростовщика» он изобразил зазнавшегося и разжиревшего ростовщика-Процентина, улавливающего, подобно пауку, в свои сети нуждающихся в деньгах князей и графов. В другом рассказе «Клязьма, мельник и два его аполога»—Одоевский изображал разорение дворянства и запустение его усадеб, приписывая эти явления развращающему влиянию кредита, ведущего, по его мнению, исключительно к развитию роскоши, пьянству и разорению [15].

При этом ясно, что все симпатии Одоевского находятся на стороне оскудевающего дворянства. Успехи и растущее влияние буржуазии приводят его в ужас. Торжество «банкирского феодализма»—это болезнь, от которой гибнет Запад и которая начинает угрожать России.

Победа буржуазии в глазах Одоевского знаменует победу грубого и материального над благородным, возвышенным и поэтическим. «Материальное направление века» он считает вредной односторонностью, ибо, с его точки зрения, человек нуждается не только в полезном, но и в «бесполезном», являющемся истинным «украшением жизни». «Науке гордых промышленников» Одоевский противопоставляет «средневековую мудрость», которая доводит человеческую мысль «до последних пределов», на ту высоту, где беспокойная мысль человека смиряется и претворяется в молитву создателю.

Политические воззрения Одоевского эпохи 20—40-х годов совершенно отчетливо рисуют нам его, как характерного представителя дворянской культуры в эпоху приближающегося кризиса крепостнической системы. Одоевский типичен для эпохи дворянской реакции, последовавшей за поражением декабристов. Он — яркий представитель дворянства, надеющегося при поддержке николаевского абсолютизма спастись от опасности, грозящей ему со стороны развивающегося капитализма, одержавшего на Западе свои первые победы.

Вот почему Белинский был совершенно неправ, когда он в одной из своих ранних статей рассматривал Одоевского, как убежденного врага «высшего», т. е. дворянского общества [16]. Правда, Одоевский в своих повестях и рассказах довольно резко обличает пустоту и тщеславие «светского общества», но это, как мы уже убедились, не ведет его к отрицанию господствующей роли дворянства в общественной жизни. Единственный вывод, который делает он, сводится к совету всем не довольствующимся жизнью этого общества уйти в свой кабинет, завалиться книгами и из «мира существенного» перенестись в «мир идеальный», как это сделал Арист, герой очерка Одоевского «Странный человек» (1822 г.).

Во второй половине 40-х годов в убеждениях Одоевского наметился значительный перелом, в результате которого его отношение ко многим вопросам, философским и политическим, сильно изменилось. Перелом этот стоял в связи с выяснившейся для Одоевского неизбежностью гибели крепостнического строя. По-

требности экономического развития страны и ее производительных сил все более приходили в противоречие с ее социально политическим укладом. Экономическая необходимость заставляла помещиков задуматься над вопросом о неизбежности отмены крепостного права. Одоевский, готовый ранее заимствовать с Запада его технику, но решительно открещивавшийся от его экономики, должен был признать необходимость коренного реформирования общественного строя России. Это отразилось на всем миросозерцании Одоевского и в первую очередь на его философии. От идеализма он переходит к своеобразному реализму и навсегда отказывается от своего прежнего стремления «найти абсолют в науке и в искусстве».

«Моя юность, — вспоминал на склоне лет Одоевский, — протекла в ту эпоху, когда метафизика была такою же общею атмосферою, как ныне политические науки. Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством которой возможно было бы построить (мы говорили конструировать) все явления... Мы немножко свысока посматривали на физиков, на химиков, на утилитаристов, которые рылись в грубой материи» [17].

Увлеченный в то время идеями Шеллинга Одоевский питал твердую уверенность в бессилии опыта и ограниченности основанного на нем знания. «Удивительно,—писал он,—как опыт, который многими еще так высоко ценится, не научил своих защитников, что со времен потопа не было собственно ни одного совершенно чистого, ни совершенного верного опыта; что все важнейшие открытия сделаны вследствие неверных опытов... Лишь умозрительно рассматривая царство науки и искусства, можно видеть, где и чего недостает ему, и обратить на то внимание, ибо в этом и состоит открытие... Новые идеи могут приходить в голову только тому, кто привык беспрестанно углубляться в самого себя, беспрестанно представать перед собственное свое судилище и оценять все малейшие свои поступки, все обстоятельства жизни, все невольные свои побуждения; в сии минуты внезапно раскрываются перед ним новые миры идей» [18].

В 50-х и 60-х годах отношение Одоевского к опыту и интуиции совершенно меняется. Он безвозвратно отказывается от «всех схоластических разглагольствований об абсолютных идеях, о врожденных идеях, а равно и ожиданий, что когда либо, например, при большем усовершенствовании человечества, эти абсолютные идеи упадут к нам с потолка». Теперь он признает и подчеркивает, что «абсолютная истина может находиться лишь в опытном наблюдении». «Даже аксиома $2 \times 2 = 4$,—говорит он,—отнюдь не упала с потолка», ибо «эта аксиома есть не что иное, как сокращенная формула опытного наблюдения над тем, как образуется число четыре». «Как только наука начинает подчиняться какому либо авторитету, кроме авторитета фактов, выработанных добросовестным наблюдением, так она становится бесплодною» [19].

С резким переломом в области философских идей совпало и изменение политических взглядов Одоевского. Правда, и теперь он попрежнему остается убежденным монархистом и отрицательно относится к ограничению власти царя. В возможность введения в России конституции он не верит, так как этому препятствует, по его мнению, недостаточная политическая развитость русского народа. «Едва ли через сто лет Россия будет готова к парламенту», — писал он в 1854 г. [20]. Однако он понимает, что реформы насущно необходимы для России. Значительный рост числа крестьянских волнений, обнаружившийся в 40-х и 50-х годах и показывавший, насколько обостренным становится положение дел в деревне, не мог не произвести впечатления на Одоевского. «Лишь во время произведенными реформами,—пишет он в 1857 г.—можно остановить насильственное вторжение гибельных, фантастических нововведений». Не меньше чем волнения крестьян, пугают его политические притязания дворянства, обнаружившиеся во время подготовки и проведения в жизнь крестьянской реформы. В одной записке, предназначавшейся для подачи Александру II, Одоевский писал: «До тех пор Россия будет сильна и спо-

койна, пока в ней не заведется то, что на Западе называется аристократией и что основано совершенно на иных началах, нежели наше дворянство» [21].

В 50-х годах Одоевский проявляет горячий интерес к отмене крепосного права, видя в этом гарантию спасения России от грозящих ей бед. «Готовившаяся тогда крестьянская реформа,—вспоминает А. П. Пятковский,—поглощала все внимание кн. Одоевского, и он с глубоким чувством говорил о том обновлении, которое внесет эта реформа в русскую жизнь» [22]. Вопреки истине, ему начинает теперь казаться, что он «всегда и везде утверждал необходимость уничтожения крепостничества» [23]. 19 февраля 1861 г. было одним из счастливейших дней в жизни Одоевского. Ежегодно он отмечал эту дату устройством званых вечеров. «Говорить ли,—писал он в 1867 г., отвечая на тургеневское «Довольно»,—что с 19 февраля 1861 г. Россия пережила, по крайней мере, два века. Кто этого не чувствует? Все силы ее подвинулись: напряжены все мышцы ее могучего организма; новая, свежая кровь струится в его жилах; стройно дышет он новым дыханием жизни. Наука, правда, у нас развивается медленно, но все шире и шире; поселянин, отдохнувший от барщины, начинает в свободном труде сознавать самого себя, понимать свое неведение и необходимость из него выйти» [24].

Восторженное отношение Одоевского к реформе 19 февраля ярко отразилось на его дневнике. Он преклоняется перед Александром II. «Нынешний государь,— записывает он 3 мая 1862 г.,— величайший из государей русских». Он негодует на продолжающийся произвол администрации, находя, что своими злоупотреблениями она разрушает «веру в государя». «Нет у государя добрых помощников,— со скорбью пишет он 24 октября 1868 г.,— а лишь честолюбцы или лентяи».

Главное, за что ценит реформу 1861 г. Одоевский,—это то, что, по его мнению, она гарантирует Россию от потрясений, грозящих Западу. «Дух бродит повсюду, над всей Европой, над Китаем, над Америкой,—пишет он.—Луи Наполеон и Крымская война, итальянская война, Польша и проч. суть взрывы этого подземного духа. В России открыт для него клапан — освобождение крестьян» [25].

С неменьшим одобрением, чем к отмене крепостного права, относится Одоевский и к земской и судебной реформам. В них он видит залог обновления и оздоровления администрации, компрометирующей своими злоупотреблениями монарха.

В соответствии с этим Одоевский чрезвычайно враждебно настроен по отношению к крепостникам, не желающим примириться с реформой 19 февраля и мечтающим компенсировать себя за отнятых у них рабов ограничением власти царя. Он сравнивает их с героями фонвизинского «Недоросля». Их он винит в политических интригах. Изданная в 1861 г. прокламация «Великорус», по его мнению, написана под влиянием партии помещиков, недовольных отменою крепостного права (запись в дневнике 30 июня 1861 г.). Равным образом и другие прокламации, в большом числе выходившие в 1861—1863 гг., он готов приписать печальникам «об отмене крепостного права», надеющимся, что «заведя смуты, они как нибудь в мутной воде восстановят свою желанную мечту — крепостное право» [26]. В 1865 г. он записывает в дневник о своем расхождении с весьма ценимым им до того Катковым, которого теперь он обвиняет в том, что он «взял сторону феодализма» (запись 8 сентября).

К оппозиции дворян-помещиков Одоевский относится резко отрицательно, независимо от того, откуда эта оппозиция исходит: от крепостников ли или же со стороны дворян-либералов. Свои взгляды на роль дворянства он изложил в протесте, написанном им по поводу оппозиционного выступления московского дворянства в 1865 г. (см. его записи об этом выступлении в дневнике за указанный год). Протест этот он предполагал опубликовать в газетах за подписями дворян, разделяющих его точку зрения.

Основная задача дворянства, по мнению Одоевского, сводится к тому, что оно должно «содействовать искренно и честно, с доверием и любовью, тем благодатным

преобразованиям, которые ныне уже предначертаны мудрым нашим государем». Для достижения этого дворянам необходимо: «приложить все силы ума и воли к устранению остальных последствий крепостного состояния, ныне с божиею помощью уничтоженного», «принять добросовестное и ревностное участие в деятельности новых земских учреждений и нового судопроизводства», «не поставлять себе целью себялюбивое охранение одних своих сословных интересов исключительно, не искать розни с другими сословиями перед судом и законом, но дружно и совместно со всеми верноподданными трудиться для славы государя и пользы всего отечества» [27].

Еще более враждебно, чем к дворянской оппозиции Одоевский относился к революционному движению, развертывающемуся в России его времени. В 1864 г. он отмечает в своем дневнике, что правительство делает большую ошибку, не опубликовав до сих пор материалов по делу декабристов, чтобы все могли убедиться, «какую белиберду затевали декабристы» (запись 12 октября). Петрашевцы в глазах Одоевского—«безумцы». «Я отправил бы их,—пишет он,—в богадельню Преображенского раскольничьего кладбища, пусть бы на практике отведали коммунизма» [28]. Герцена он расценивал как беспочвенного «лже-народника». В 1860 г. он негодует на увеличивающуюся строгость цензуры, находя, что это содействует росту влияния и значения герценовского «Колокола» (запись в дневнике 20 марта 1860 г.). Тогда же он набрасывает проект мер для борьбы с эмигрантской печатью и предлагает опубликовать биографии Герцена, Огарева, Долгорукова и других эмигрантов, рассчитывая подорвать этим значение их литературной деятельности. «Оценка сих господ,—читаем мы в проекте Одоевского,—написанная ловко, забавно и без всяких личностей, уничтожила бы наполовину действие их изданий на публику» [29]. В «Что делать?» Чернышевского он не находит ничего кроме «нелепости и болтовни» (запись 2 января 1861 г.). «Нигилисты» приводят Одоевского в совершенный ужас, и он с серьезным видом вносит в свой дневник слова, слышанные им от одной дамы, утверждавшей, что «одно из правил нигилистов — не быть опрятными» (28 октября 1866 г.). О степени политической сознательности Одоевского можно судить по тому, что развитие революционного движения он объясняет интригами ненавидящих Россию иезуитов. «Нигилизм,—пишет он,—есть порождение иезуитов» (запись в дневнике 29 января 1863 г. и 26 марта 1864 г.). Вслед за Катковым он преувеличивает и влияние поляков на развитие революционного движения в России. «Выражение: Россия отравлена поляками — не гипербола»,— пишет он в своем дневнике после покушения Каракозова на Александра II (запись 4 августа 1866 г.).

Относясь враждебно к революционному движению, Одоевский отвергает и социализм. Он резко критикует тех, кто видит в социализме «нечто похожее на науку, словом, нечто серьезное, заслуживающее внимания». Одоевский готов признать, что социализм прав в своей критической части, что в основе его лежит вполне законное «стремление сделать наивозможно большее число людей участниками в благах природы». Однако средства, которые предложены для достижения этой цели социализмом, представлялись Одоевскому не более, как «мечтательными теориями», не осуществимыми в действительности. Постепеновец Одоевский считает социализм вредным, поскольку его приверженцы намерены достичь общественного преобразования «скачком, тогда как ни в человечестве, ни в природе ничто скачком не делается», а все развивается постепенно. Поэтому Одоевский ищет иных средств осуществить «счастье всех и каждого». Человечество должно, по его мнению, ожидать своего спасения не от «попыток осуществления беспочвенных мечтаний социалистов, а только от науки; ее развитие откроет человеку не только законы природы, но и законы общественной жизни» [30].

«В России все есть,—писал Одоевский в 1868 г.,— а нужны только три вещи: наука, наука, и наука». Исходя из этого, Одоевский мечтал о наступлении времени, когда «руоские люди» будут машинистами на фабриках, на железных дорогах, на

пароходах, когда «научившийся мужичок будет заправлять деревенскими локомобилями, да и сам еще приспособит их к местному делу» [31].

Блестящее развитие науки и техники на Западе примирило Одоевского с западно-европейскими порядками, и он отказался от тех мыслей о близкой гибели западной культуры, которые он высказывал в 30-х и 40-х годах. Одновременно он должен был признать и необходимость серьезных реформ русской жизни и русских социально-политических порядков. Из апологета крепостничества он становится его врагом, из сторонника привилегий дворянства он превращается в их противника.

Эта перемена во взглядах Одоевского облегчалась для него условиями его личной жизни.

Представитель одного из древнейших русских дворянских родов, к середине XIX столетия обедневшего и утратившего свое былое значение, Одоевский в экономическом отношении был очень мало связан с дворянством. Его недвижимое имущество сводилось исключительно к небольшой мызе Ронгас в Выборгской губернии, но этот «кусочек камня посреди воды» не приносил ему никакого дохода [32]. Приходилось искать другие источники для обеспечения своего существования. Одоевский жил не на доходы от поместья, а на жалованье, которое он получал по своей службе сначала в Публичной Библиотеке в Петербурге, а позднее в одном из департаментов Сената. Таким образом, он был по социальному положению своему гораздо более чиновником, чем дворянином.

Мы уже знаем, какое громадное значение для будущего России он придавал удачному подбору чиновников. С его точки зрения долг каждого честного и желающего блага России человека — итти на государственную службу, чтобы помогать царю и правительству в их ответственной и сложной работе. Еще в 1835 г. Одоевский формулировал эту мысль устами одного из своих героев.

«Служба — у нас в России единственный способ быть полезным отечеству. Толкуй мне что хочешь про почтенное, высокое звание поэта, ученого, про его обширный круг действия — все это справедливо, да не у нас. Что у нас литература? Ведь охота же писать для тех, которые ничего не читают... У нас нет врожденного, непроизвольного стремления к просвещению. Скажи, кто у нас заводит школы? Правительство. Кто заводит фабрики, машины? Правительство. Кто дает ход открытиям? Правительство. Кто поддерживает компании? Правительство и одно правительство. Частным людям все эти вещи и в голову не приходят. Правительству нужны люди для его предприятий; отдаляться от него значит удаляться от того, чем движется, живет, чем дышет вся Россия» [33].

В другом своем произведении — в пьесе «Хорошее жалованье, приличная квартира, стол, освещение и отопление» (1836 г.), изображая мир чиновников — карьеристов и лихоимцев,— Одоевский видит одну опасность для него — в лице «чиновников-литераторов из хороших фамилий». Выведенный в этой пьесе представитель таких чиновников граф Рельский, сочинитель повестей сатирических и фантастических (фигура несомненно автобиографического порядка), является в то же время чиновником, исключительно добросовестно относящимся к своим обязанностям и безжалостно преследующим всякие чиновничьи злоупотребления [34].

Не менее характерен фантастический рассказ Одоевского «Сегелиель». Сегелиель — падший дух, по воле автора превращающийся, ради искупления своей вины, в русского чиновника, поступающего на государственную службу, для того, чтобы быть полезным человечеству. Сегелиель не знает личной жизни, он целиком погружен в интересы службы. Каждое дело, которое ему приходится выполнять, он изучает внимательно и всесторонне, подвергая его философскому обсуждению. П. Н. Сакулин остроумно охарактеризовал этот рассказ Одоевского как «бюрократическую мистерию», и правильно подчеркнул его автобиографическое значение [35].

Современники, знавшие Одоевского по его службе в Сенате, свидетельствуют, что он был именно таким усердным, добросовестным и проникнутым сознанием важности своего дела чиновником, каким он изображал графа Рельского и Сегелиеля. Об этом же свидетельствует и дневник Одоевского. Ряд записей, внесенных на его страницы автором, показывает, насколько он отличался в отношении к своим служебным обязанностям от сослуживцев, всецело полагавшихся на секретарей и считавших лишним знакомиться с делами, по которым им приходилось выносить решения.

Человек уже пожилой, Одоевский в 60-х годах примкнул к той молодой бюрократии, которая стремилась спасти царский абсолютизм при помощи реформ. Недаром крупнейший представитель этой бюрократии Н. А. Милютин был для Одоевского единственным государственным человеком в России того времени (запись в дневнике 26 декабря 1866 г.). Характеризуя русскую бюрократию XIX века, В. И. Ленин писал: «Пополняемая, главным образом, из разночинцев, эта бюрократия является и по источнику своего происхождения, и по назначению и характеру деятельности глубоко буржуазной, но абсолютизм и громадные политические привилегии благородных помещиков придали ей особенно вредные качества. Это постоянный флюгер, полагающий высшую свою задачу в сочетании интересов помещиков и буржуа» [36]. Такой двойственный характер политических устремлений русской бюрократии, ярко отразившийся на истории реформ, проведенных ею в 60-е годы, положил отпечаток и на дневник Одоевского. Автора этого дневника можно рассматривать как рядового представителя либеральной бюрократии эпохи так называемых «великих реформ».

Этим определяется и характер дневника Одоевского, и степень того интереса, который представляет этот документ.

В дневнике Одоевского мы не найдем сообщений о каких-либо крупных исторических фактах, неизвестных ранее. Нет в нем и ярких характеристик лиц, с которыми приходилось соприкасаться автору дневника. Его суждения о том, что ему приходилось наблюдать и слышать, не отличаются ни глубиной, ни оригинальностью. Одоевский остается в дневнике тем, чем он был в жизни — средним обывателем из рядов более или менее умеренно-либерального и образованного дворянства или — точнее — той его части, которая поддерживала свое существование не доходами от поместий, а служебным жалованием.

Несмотря на это, дневник Одоевского — документ, представляющий значительный интерес для характеристики той эпохи, к которой он относится. Автор его старательно заносил на его страницы то, что ему приходилось видеть, читать и слышать. Сообщения политического и бытового характера чередуются в нем с новостями литературными, музыкальными и театральными. О фактах, известных по другим источникам, автор нередко сообщает интересные детали, уточняющие картину событий того времени. Борьба вокруг крестьянской реформы, революционное движение тех лет, либеральная и крепостническая дворянская оппозиция правительству — таковы наиболее значительные и острые темы, затрагиваемые дневником Одоевского. Ряд записей характеризует отношение автора и людей его типа к Чернышевскому и «нигилистам», с одной стороны, и к «властителю дум» реакционеров того времени—Каткову, с другой. Представляют интерес и записи его об Ап. Григорьеве, Соллогубе, Лескове и других писателях. Наконец, интересны и характерны внесенные им на страницы дневника обывательские слухи и разговоры по поводу различных событий, волновавших людей того времени.

Дневник Одоевского охватывает десятилетие (1859—1869), имевшее большое значение в истории русской социально-экономической, политической и умственной жизни XIX века. В это десятилетие Россия сделала «первый шаг по пути превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию» [37]. Каким бы уродливо компромиссным характером ни отличалась реформа 19 февраля 1861 г.— а она и не могла быть иной, поскольку она являлась «буржуазной ре-

формой, проводимой крепостниками» — тем не менее она представляла собою «крупный исторический перелом». «19 февраля 1861 года,— писал В. И. Ленин,— знаменует собой начало новой, буржуазной России, выраставшей из крепостнической эпохи» [38].

Для ознакомления с этой эпохой дневник Одоевского дает обильный материал. Поэтому он безусловно заслуживает того, чтобы сделаться достоянием читателей.

Б. Козьмин

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. Под ред. С. А. Венгерова, т. IX, стр. 9 и 14.

[2] Там же, т. I, стр. 389.

[3] Отчет императорской Публичной Библиотеки за 1893 г., приложение, стр. 71.

[4] П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М. 1934, стр. 325.

[5] А. П. Пятковский. Из истории нашего литературного и общественного развития, ч. II, СПБ, стр. 267.

[6] См. опись архива В. Ф. Одоевского, составленную И. А. Бычковым и напечатанную в приложении к Отчету императорской Публичной Библиотеки за 1884 г.

[7] «Не довольно» было напечатано в 1-й книге «Беседы Общества любителей российской словесности», М. 1867 г.

[8] А. И. Одоевский. Полное собрание стихотворений и писем. М.—Л. 1934 г., стр. 269.

[9] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель, т. I, ч. 1, М. 1913 г., стр. 585.

[10] Там же, стр. 586.

[11] Там же, т. I, ч. 2, стр. 320.

[12] Утопия «4338-й год» напечатана в книге: В. Ф. Одоевский «Романтические повести», Л. 1929 г.

[13] О. Цехновицер. Вступительная статья к «Романтическим повестям» Одоевского, стр. 38—39.

[14] П. Н. Сакулин. Назван. сочинение, т. I, ч. I, стр. 580—581.

[15] Там же, стр. 204, 222—224.

[16] В. Г. Белинский. Литературные мечтания. Сочинения, т. I, стр. 389—390. Вот, что писал здесь Белинский об отношении Одоевского к «высшему обществу». «Как глубоко и верно измерил он неизмеримую пустоту и ничтожество того класса людей, который преследует с таким ожесточением и таким неослабным постоянством! Он ругается их ничтожеством, он клеймит их печатью позора, он бичует их, как Немезида, он казнит их за то, что они потеряли образ и подобие божие, за то, что променяли святые сокровища души своей на позлащенную грязь, за то, что отреклись от бога живого и поклонились идолу сует, за то, что ум, чувства, совесть, честь заменили условными приличиями». Эта горячая тирада характеризует гораздо более ее автора, нежели действительное отношение Одоевского к верхушке дворянского общества. Впоследствии Белинский, как видно из его статьи о сочинениях Одоевского, убедился в своей ошибке.

[17] Предисловие к несостоявшемуся собранию сочинений. «Русский Архив», 1874 г., № 2, стр. 316—317.

[18] П. Н. Сакулин. Назван. сочинение, т. I, ч. I, стр. 483—484.

[19] «Русский Архив» 1874, № 2, стр. 323 и 334.

[20] О. Цехновицер. Назван. статья, стр. 40.

[21] Там же, стр. 40—41.

[22] А. П. Пятковский. Назван. сочинение, стр. 281.

[23] Там же, стр. 288.

[24] Беседы Общества любителей российской словесности, кн. 1-я, М., 1867 г., стр. 47.

[25] «Русский Архив». 1874, № 7, стр. 48.

[26] Незаконченная и оставшаяся в рукописи статья «Закулисные проказы в роде преступлений». Цитирую по названной выше статье О. Цехновицера, стр. 39—48.

[27] А. П. Пятковский. Назван. сочинение, стр. 285—286.

[28] П. И. Сакулин. Русская литература и социализм, стр. 455.

[29] Этот проект Одоевского опубликован в «Русском Архиве» 1874 г., № 7, стр. 30—39.

[30] П. Н. Сакулин. Русская литература и социализм, стр. 456—458.
[31] См. брошюру Одоевского (изданную под инициалами: К. В. О.) «Публичные лекции профессора Любимова», М. 1863 г., стр. 21—22.
[32] Н. Ф. Сумцов. Кн. В. Ф. Одоевский. Харьков, 1884 г., стр. 50.
[33] Рассказ «Петербургского письма», напечатанный в «Московском Наблюдателе» 1835 г., ч. 1, цитирую по книге П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма», т. I, ч. 2, стр. 274.
[34] Пьеса «Хорошее жалованье...» вошла в III т. сочинений Одоевского, изданных в 1844 г.
[35] П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма, т. I, ч. 2, стр. 64.
[36] В. И. Ленин. Сочинения, т. I, стр. 186.
[37] То же, т. XV, стр. 146.
[38] То же, т. IV, стр. 124; т. XV, стр. 143.

ОДОЕВСКИЙ И ЕГО ДНЕВНИК

«Кн. Одоевский имел намерение, с закрытием Сената в Москве, выдти в полную отставку и писать свои записки, для чего у него было собрано очень много материалов», писал друг Вл. Фед. Одоевского, А. И. Кошелев («Записки», Берлин, 1884, стр. 195). Осуществить это намерение Одоевскому не удалось; но среди множества необработанных, черновых, часто без начала и конца, заметок, статей, набросков, писем Одоевского, сохранился его дневник за 1859—1869 гг. В продолжение последних 11 лет жизни Одоевский ежедневно педантически заносил в дневник все события своей личной жизни, литературные и музыкальные происшествия, политические события, старательно записывал доходившие до него слухи, разговоры, встречи, остроты, эпиграммы. Именно в этой непосредственности, в отражении сегодняшнего дня, без какого бы то ни было расчета на опубликование этих записей — особый интерес печатаемого дневника. Шестидесятые годы отразились в нем под углом зрения простодушного и часто наивного просвещенного либерала; суждения Одоевского, убежденного в том, что дела идут плохо только потому, что «нет у государя добрых советчиков», нередко покажутся читателю смешными; его либерально-бюрократическое умиление реформами — неуместным; но, при всей наивности своих политических установок, в своем дневнике Одоевский сумел передать ощущение событий бурного десятилетия русской общественной жизни, передать впечатление этих событий на либеральные круги современного русского общества, в отдельных любопытных деталях зафиксировать интересы этих кругов. В этом большая историческая и историко-литературная ценность дневника.

Но дневник этот представляет и большой интерес, как материал для характеристики самого Владимира Федоровича Одоевского. В истории русской литературы Одоевский является несомненно фигурой далеко не заурядной. К сожалению, до сих пор его литературная и общественная деятельность изучена довольно слабо. Сравнительно полно освещен в литературной историографии, хотя и не всегда верно, ранний период ее — период любомудрия Одоевского. Гораздо поверхностнее господствующие представления об Одоевском 50—60-х гг. Его эволюция, крутой поворот его идеологических позиций вызывает до сих пор недоумение исследователей; современники — биографы Одоевского, смазывая противоречия, рисовали иконописный облик благодушного и любвеобильного, полного оптимизма и энергии филантропа и умилялись серьезности, с которой Одоевский относился к служебным поручениям, вроде исследования о пресловутом сомовьем клее или вредных насекомых. Печатаемый дневник, на ряду с разительными примерами подлинной и неутомимой энергии старика Одоевского, помогает разрушению этого иконописного облика; проясняется фигура этого вечного труженика, все чаще и чаще задумывающегося над тем, «сколько было работы, а как мало я успел сделать такого, что бы могло остаться после меня».

«Будь писатель, ученый, воин, судья, но трудись непременно, непременно трудись», убежденно писал молодой Одоевский еще в 1825 г. в «Разговоре двух приятелей» («Моск. Телеграф», ч. 2, № 5, стр. 82). Но уже в 40-х годах Одоевский заметил, что «сделал в жизни большую глупость:.. старался на сем свете кое что делать и учился искусству кое что делать» (Бумаги Одоевского, перепл. 95). А к началу 60-х годов относится замечательное высказывание Одоевского, проливающее свет на истинный характер этой, умилявшей биографов, практической деятельности Одоевского: «Мое убеждение: все мы в жизни люди законтрактованные; контракт может быть прекрасный, пренелепый, но мы его приняли, родясь, женясь, вступая в службу и т. д. следственно, должны исполнять его, что не мешает стараться о его изменении и о том, чтобы впредь таковых контрактов не было. Dura lex, sed lex,—говорили римляне. В администрации то же, что в деле судебном: судья должен прилагать самый нелепый закон, пока этот закон существует. В том условие всякого государственного, общественного, семейного и прочих устройств». (Письмо к С. И. Паншину, 1861. — «Рус. Стар.» 1872, т. 74, стр. 37). Трудно лучше характеризовать формально-юридическую сущность всей позиции Одоевского. В печатаемом дневнике мы находим яркие примеры применения этого убеждения на практике.

Одоевский 60-х годов додумывается иногда до мысли: «такова наша атмосфера; изобретай паровую машину, чтобы поднять соломинку» (1860), но надеется все же на «прекрасную, добро-прозорливую душу» Александра II. Горестно характеризующий правящую камарилью, как толпу «получеловек и даже четвертей человеков» (1866) и адресующийся к этой же камарилье с просьбами об облегчении участи революционера, осужденного Сенатом при его же деятельном участии, Одоевский — живое воплощение российского либерализма. И в этом тоже особый интерес печатаемого дневника.

Подлинник дневника Одоевского за 1859—1869 гг. находится в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, в собрании бумаг Одоевского, поступившем в библиотеку от его родственников в 1884 г. Некоторые из томов этого собрания, в том числе и дневник (переплеты 15 и 16), согласно воле жены Одоевского, могли быть предоставлены в общее пользование не ранее 1919 г. До революции, поэтому, дневник не мог быть вовлечен в научную эксплоатацию, и содержание его оставалось неизвестным.

За последние годы в печати появилось несколько отдельных выдержек из этого дневника. Самой крупной является публикация О. Цехновицера, использовавшего ряд записей дневника для вступительной статьи к «Романтическим повестям» В. Ф. Одоевского (Л. 1929). Все остальные немногочисленные публикации отмечены ниже в примечаниях к дневнику.

Подлинник дневника представляет собою ряд тетрадей, сшитых из специальной разграфленной и снабженной печатными рубриками бумаги. На определенной форме записей Одоевский остановился не сразу (ср. ниже снимки с дневника). Правая сторона тетрадей служила, главным образом, для скрупулезного, распределенного по часам, описания всех событий дня: «чем занимался», «что видел», «с кем познакомился» и т. п. Напр. «Май. 1859. Место пребывания Спб. С 23 мая в Ораниенбаумском дворце... Суббота 23. Отправил письмо к вел. кн. Мар. Павл.— простился с Кош. — кн. Львова уехала за-гран. Обедал у Апраксина. 6.40 поехал по железной дороге в Ораниенбаум, куда приехал в 9.». Или: «Январь. 1864 г. Москва. 29. Среда. От утра до обеда. Жена свезла в Сенат и в карете мы простились; я пошел в Департамент, — она — на железную дорогу — не без слез. Писал с ней к Бар. Раден».

Такие подневные записи в целом не представляют общественного интереса, а потому эта часть дневника в настоящем издании использована лишь частично: включены только отдельные записи, имеющие историческое, литературное или биографическое значение (например, отсюда извлечены записи 21/X и 9/XI 1861 г. и 13 и 30/VII 1863 г., 25/III 1866 г., предсмертные записи — 24 и 25 февраля 1869 г.). Включены также записи, отсутствие которых затемнило бы смысл остального материала дневника, записи, представляющие фактическую основу для записанных Одоевским разговоров, слухов, известий и т. п. (напр., записи 13/III 1859 г., 14/II 1861 г., начало записи 26/I 1865 г., запись 25/III 1866 г.).

Главный же интерес представляют заметки, идущие параллельно подневным записям, иногда связанные с ними, иногда самостоятельные, часто внешне даже неприуроченные к определенным числам. Эта часть дневника — левая сторона тетрадей и многочисленные вклеенные в дневник отдельные листы — воспроизводятся в настоящем издании почти полностью. Опущены лишь некоторые повторения, несколько записей, не имеющих ни культурно-исторического, ни биографического значения; кроме того, сокращены не представляющие большой ценности утомительные описания малоинтересных эпизодов служебной деятельности Одоевского в московских департаментах Сената.

Заголовок — «Текущая хроника и особые происшествия» — извлечен из дневника за 1859 г.

Исправления незначительных описок, раскрытие сокращений, инициалов и т. п., как правило, не оговаривается. Французский текст сохранен только в небольших по размеру записях. В остальных случаях записи даны в переводе. Заключенное в прямые скобки принадлежит редактору.

Задачей примечаний к дневнику было восстановить подлинную историческую перспективу, настоящий исторический смысл общественных явлений, отраженных в дневнике, рассказать подробнее о событиях, упомянутых Одоевским вскользь, к слову, намеком, проверить достоверность отмеченных в дневнике слухов и т. д. Вряд ли была необходимость объяснять встречающиеся в тексте дневника имена широко известных исторических персонажей, комментировать широко известные исторические факты, вроде польского восстания, освобождения крестьян, судебной реформы. Примечания в таких случаях должны прояснить лишь тот или иной конкретный эпизод, отмеченный в дневнике. С другой стороны, ряд мелочей, не имеющих общественного или биографического значения, вовсе не отражен в примечаниях.

Примечания расположены в хронологическом порядке, с указанием даты записи, к которой данное примечание относится. В случае многократных записей об одном и том же событии комментарий собран в одном месте и снабжен соответствующими ссылками.

За помощь в работе и ряд ценных советов приношу благодарность И. А. Бычкову, Б. Я. Бухштабу, Н. Я. Рыковой, С. А. Рейсеру, И. Г. Ямпольскому и, особенно, С. Н. Валку и В. Г. Гейману.

М. Брискман

„ТЕКУЩАЯ ХРОНИКА И ОСОБЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ"

Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой.

ПУШКИН

1859 год

[*Январь*]

В Петербурге—барыня, рассердясь на свою крепостную девку, посадила ее голой задницей на горячую плиту, так что бедную отвезли в госпиталь. На одном бале я говорю Данзасу, что такого рода печатание опаснее всех возможных печатаемых статей. Данзас стал уверять, что это происшествие—ложное; кстати подошел обер-полициймейстер гр. Шувалов, который подтвердил это происшествие еще тем, что он сам был на следствии.

Помещица Архангельская секла девку свою, из ревности к мужу, по детородным частям. А еще есть антиэманципаторы!

Февраль

Говорят, что «Польское Слово» запрещено, а издатель Огрызко посажен на месяц в крепость по настоянию кн. [М. Д.] Горчакова (наместника), который, говорят, в этом деле обойден польскими езуитами, досадовавшими за слишком русское направление «Слова», и старания сблизить обе нации.— Вспоминают, что кн. Горчаков поддался в Крыму влиянию Нарк. Атрешкова — следственно, доступен всякому влиянию, а особливо таких проходимцев, как езуиты.

Говорят, что «Польское Слово» запрещено за письмо Лелевеля, но что точно такое же письмо было пропущено в «Виленском Сборнике» самим Горчаковым.—Все это происшествие производит сильное впечатление; везде об нем толки. Говорят, c'est la première mesure extralègale du règne — et on la doit au prince Gortchacow *.

Защищают кн. Горчакова, говоря, что он поступил так потому, чтобы иметь право на подобные же меры в Польше, где они оказываются необходимыми; но общий голос против наказания без суда.

13 марта

Огрызко выпущен.

14 марта

Говорят, что вследствие оффицияльных просьб редакции «Польского Слова», а равно писем Тургенева и других (?) государь велел передоложить дело. Честь и слава государю, но не его советникам!

Говорят, что митрополит писал к генерал-губернатору о розыске: какою силою Крейцберг укрощает зверей — силою ли божественною как Даниил, или силою демонскою, в каковом случае его следует казнить.

Дворяне так сердиты на «Журнал Благоустройства», что перестали подписываться; теперь всего 500 подписчиков. — «Журнал Землевладельцев» также прекращается, ибо ценсура не позволяет ни плантаторских писем, ни ответов им.

---

* Это первое беззаконие с начала царствования [Александра II] — и им обязаны кн. Горчакову.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Акварель работы А. Покровского, 1844 г.
Исторический Музей, Москва

15 марта

Жемчужников также писал к государю в защиту Огрызки.

17 марта

16-м числом отставлен Закревский от генерал-губернаторства. Говорят, что в заготовленном проекте указа было поставлено: по прошению и с оставлением членом Государственного совета, что государь вымарал, оставив лишь генерал-адъютантом.

Говорят, что по случаю отставки у Закревского была вся Москва с визитом. Объясняют это тем, что поправил в Москве о себе мнение возражениями против эманципации. Говорят, наряжено над Закревским следствие.

В многих крестьянских комитетах выразилось мнение о гласности суда и допроса.

Гримм желает ввести музыкальный элемент в воспитание наследника. Наследник, Александр Александрович и Владимир слушали музыку с видимым удовольствием. Мария Максимилиановна—ее мнение о пении Штуббе. Кажется против Штуббе есть интриги. Молодые князья спрашивали меня о скрипках, что такое Гварнерий, Страдивариус.

18 марта

Варшавского Горчакова прозвали: Don Quichotte malfaisant *.

Мираж моего сна: поутру вчера читал я статью о Шамиле и о горцах и вечером поднимался по высокой лестнице к Гримму и устал; во сне отразилось это моим пребыванием у горцев, где я в доме, но в верхнем этаже, а горцы наступают с низу высочайшей лестницы, оружие в моих руках было странное, вроде длинной оси, с загнутым концом, которое почиталось самым действительным оружием — отражение частей того механизма, о котором я вчера толковал Шеплыгину.

Сочинитель книги: «Описание сельского духовенства» — Беллюстин — священник в Калязине. Его гонит духовенство, и говорят, что в Синоде шла речь о ссылке его в Соловецкий монастырь,—что было остановлено особой запиской государя. Другие жертвы такого же гонения: Медведев, бывший преподаватель в Московской духовной академии, Гиляров — теперь ценсор в Москве. (В «Духовной Беседе»—против этой книги статья, написанная, говорят, Муравьевым, исправленная Филаретом московским. В сей статье между прочим говорится, что духовные училища от того худы, что отняли имения у духовенства).

26 марта

Веневитинов при мне получил письмо от своего управителя из Симбирской губернии, что крестьяне уговорились не пить водки, и наложили на виноватого штраф в 5 р., но что вследствие предписания земского суда по циркуляру от министерства внутренних дел о том, что «за пьянство не подвергать штрафу и наказанию», он должен будет постановление крестьян отменить.

3 апреля

Когда Миттендорфа выбрали в председатели Вольно-Экономического общества, он благодарил импровизированной речью, где между прочим сказал: я не ослепляюсь вашим доверием,—милостивые государи,—и понимаю, что вы в моем лице видели академика, и непременного секретаря Академии, и хотели почтить: науку и коллегиальное устройство. Я предложил членам: просить принца Ольденбургского, выбывающего из президентов по новому уставу,—быть, по тому же уставу—покровителем Общества. Эта демонстрация отложена до будущего заседания.

* Зловредный Дон-Кихот.

4 апреля

Чуть было не выбрали меня в Городской общей думе в старшины 1-го отделения. Заметив по первой (бюллетениевой) баллотировке, что я попал в число трех кандидатов, я просил членов не класть мне шаров. Не смотря на то, мне положили более 40 на 66. К счастью, Хрущеву было 66—1, Огареву (генерал-адъютанту) больше меня тремя шарами и, следственно, Огарев и остался кандидатом под Хрущевым. Затем меня выбрали в Городское депутатское собрание 63 голосами против 3.—Сегодня хоронили Бозио; было какое-то столкновение между студентами и полицией, что противники университета, разумеется, стараются преувеличить. Я сказал во всеуслышание им, что есть котерия, которая, если студент снимет шляпу, то готова сказать, что он шляпу бросил о земь, или снял ее с прохожего.

Была пресмешная история со стульями в зале Думы, где собираются все сословия. Поставили было стол присутствующих у подножия государева портрета, как во всех присутственных местах, а стулья остальных членов обратили лицом к царскому портрету. Генерал-губернатор [П. Н.] Игнатьев нашел в этом, как равно и в высоких спинках кресел что-то представительное, даже революционное,—и велел перенести стол и стулья, так что все и присутствующие и остальные члены пришлись б о к о м к царскому портрету, что всем показалось весьма неблагоприличным. — Было несколько представлений генерал-губернатору; тщетно. Но наконец уже перед 4 апреля его уговорил, кажется гр. Апраксин, отказаться от такого нелепого каприза, и в заседании сегодня мы сидели п р я м о к лицу государя. Но все таки г. Игнатьев не позволил стол присутствующих поставить на небольшое возвышение, хотя от того в задних рядах не видно и не слышно. Что за дребедень! Говорят, что г. Игнатьев явно говорит, что Городовое положение 1775 г. есть произведение революционного духа того времени,—следственно, и Учреждение о губерниях—тоже? Уже почему не начать с Петра Великого, учредителя коллегиального устройства? Если такое революционное дело в течение 100 лет не оказало своего вредного действия, то кажется можно оставить его в покое. А не будет ли в самом деле р е в о л ю ц и о н н ы м опровергнуть этот вековой порядок?

5 апреля

Был сегодня большой пожар в Каретной части — в 1 час ночи я не удержался, чтобы не съездить проведать Библиотеку, и нашел все в порядке.

26 апреля

Толки о поддержке правительством откупщиков против обществ трезвости, о содействии откупщикам со стороны тех помещиков, которые вовсе не желают, чтобы крестьяне привыкали к самоуправлению. Этою мерою недовольны; сравнивают с торговлей англичанами опиумом; боятся, что будут жечь кабаки; что содействие откупщикам не будет иметь результатов, но что сей мерою воспользуются раскольники, как оппозиционным средством; обвиняют в том, что не дадут откупу лопнуть, заменив его акцизом. Вообще ожидают весьма худых последствий от сей меры.

Рассказы о кокарде гр. Разумовской. Она в восхищении, и все ездят ее поздравлять; между тем выпускают следующее сближение: что она дает надежду Лидии Нессельроде также когда-нибудь получить кокарду (вспоминают, что гр. Разумовская была продана своим мужем за 300 т. р. ассигнациями).

28 апреля

Приехал Виндишгрец *; в выборе этого человека, некогда столь близкого к императору Николаю, видна обычная австрийская тонкость. Этот старый

* Этот слух оказался ложным. [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о.]

паук пускает повсюду свои отравленные тенета; не уж-ли мы еще раз в них попадемся? Благородного человека можно обмануть один раз, но два раза сряду обманывают только дураков. Говорят, его примут весьма учтиво, но отпустят ни с чем. Дай бог! Сегодня за обедом у вел. кн. зашла речь об parti autrichien Франции. Я заметил, qu'il y a partout un parti autrichien.—«Comment, est ce qu'il en existe même chez nous»? *—спросил меня кн. Василий Долгоруков (шеф жандармов)—«Ho! ho!», отвечал, я, не желая продолжать разговор «Mais est ce que en verité il existe»? ** продолжал князь посмеиваясь. «Oui! mon prince, — отвечал я, — mais ces gens n'ont pas le courage de l'avouer» ***.

Май

Рассказывают про скупость Кокошкина (неаполитанского)—выписывает бумагу из Флоренции, потому что она там двумя гранами дешевле, и как Чевали имеет правилом ничего не посылать под видом депеши, то Кокошкин ему доказывал, что эту бумагу можно послать в виде депеши, ибо хотя она и не депеша, но назначается для депешей.

Басня—верблюд и лев (на Чевкина). Лев сделал верблюда министром; а верблюд лег поперек дороги.

Ходячая карикатура—Россия окруженная колыбелями, в коих крестьянский вопрос, финансовый вопрос. — Кн. [А. М.] Горчаков приглашает ее танцовать, а ей не до пляски за заботами.

Говорят, что Кошелева не сделали экспертом в Крестьянской комиссии потому, что он нажил состояние откупами.

4 мая

Une gazette anglaise dit: l'Autriche a 3 principes: l'infanterie, la cavalerie et l'artillerie ****. Слухи о Виндишгреце вздор, он еще не приехал. Бух сменен.—Говорят, что вчера государь дал Плаутину жестокую головомойку за буйство гвардейских офицеров.

10 мая

Меня выбрали в общники Академии художеств и с первой минуты заставили раздавать медали.

21 мая

Кн. [А. М.] Горчаков говорил бар. Раден: ***** «Удивительно, что в момент великих событий среди государственных деятелей — одни пигмеи. Карольи утверждает, что мы заодно с революционными партиями. Я ему ответил: Австрия, соглашаясь на конгресс, ничем не рисковала—или очень немногим; начав войну, Австрия развязала бы руки революционным партиям: вы говорите, что в случае неудачи вы поднимете всю Германию—тем хуже, но вы поднимете прежде красные партии. Мы—консерваторы, но мы считаем своим долгом знать, кто настоящие революционеры.—Я получил из Вены

---

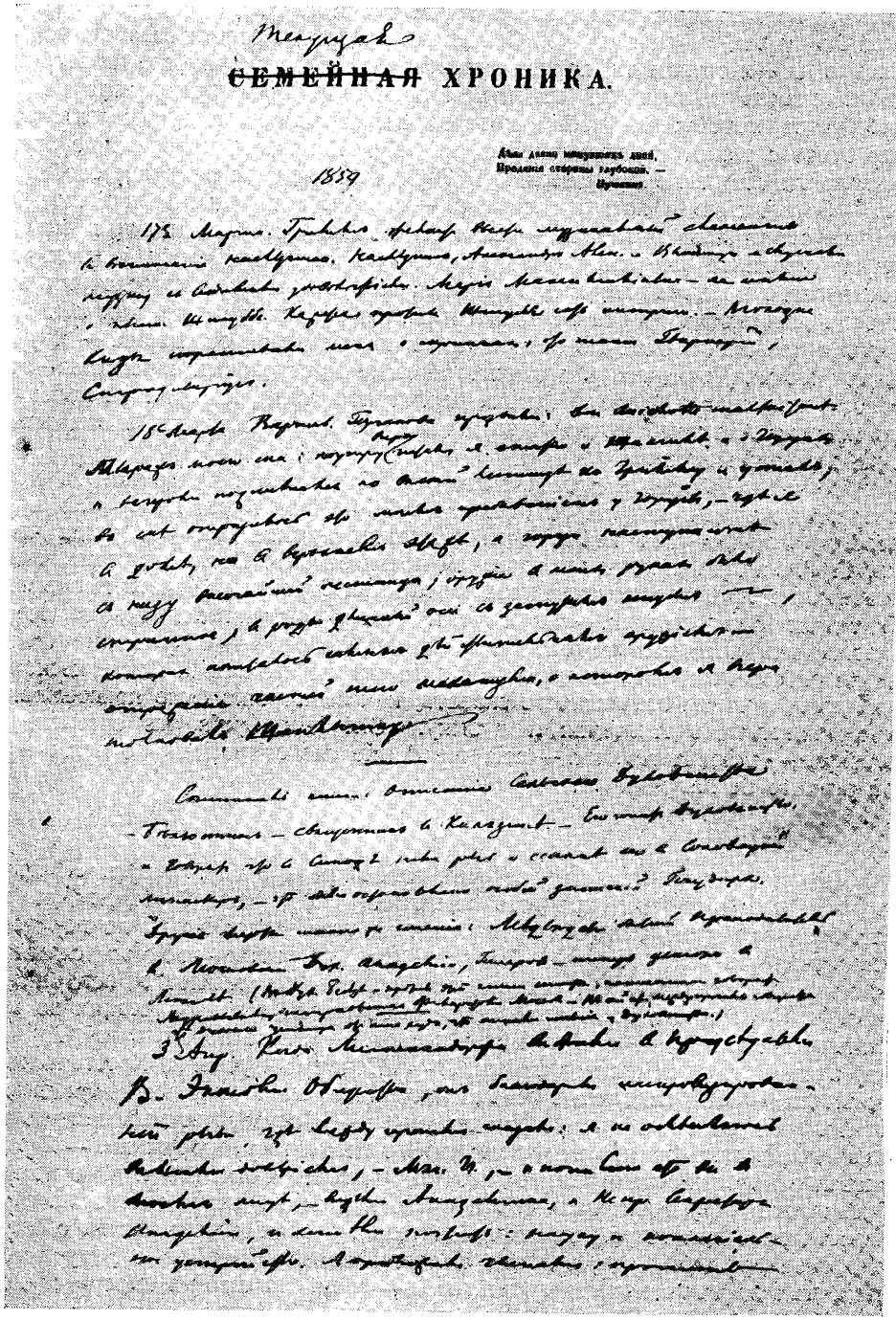
* Что австрийская партия существует повсюду.—Как, разве она существует даже у нас?

** Нет, правда, неужели она действительно существует?

*** Да, князь, но ее сторонники не имеют мужества сознаться в этом.

**** Одна английская газета пишет: У Австрии есть три принципа: пехота, кавалерия и артиллерия.

***** Далее до конца записи, за исключением двух фраз, в подлиннике по-французски.



СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА.

1859

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО
Публичная Библиотека, Ленинград

письмо, подписанное: женщина, которая вас презирает». («Вы не знаете, сколько ей лет?»—спросил я). «Сейчас мы дойдем до ответа на этот вопрос. Письмо на 4-х страницах, полное инсинуаций; между прочим она пишет, что кн. Горчаков должен бы стыдиться причинять вред прекрасному дому Габсбургов, который мы любим, который мы обожаем и т. д., и связываться для этого с таким революционером, как Луи Наполеон, которого по справедливости следовало бы повесить, а Горчакова рядом с ним, как сообщника. — Это письмо я послал государю, — говоря: вот, ваше величество, чего мне стоит ваша политика. — Если бы письмо было подписано, я бы ответил: пришлите мне вашу фотографическую карточку, чтобы я знал, какое чувство вы внушаете мне. Ротшильд говорил, что сейчас основным вопросом для многих дворов Германии является вопрос желудка, так как Австрия с большой ловкостью распределила повсюду свои облигации. — Я убеждаю Чевкина привлекать возможно больше иностранных капиталов—это залог безопасности. Почему Англия терпит пощечины, которые ей постоянно наносит Америка? потому что английские деньги вложены в американские железные дороги».

Во время обедни в саду я сказал гр. Строганову: «чрез кого я могу представиться вел. кн. Марии Николаевне?»—«Чрез Куракина».—«Но я по особому случаю—как новый член Академии художеств».—«А тогда чрез кн. Г. Г. Гагарина, который назначен президентом». После завтрака, видя, что многие представляются вел. кн., я попросил Строганова доложить обо мне. Я тотчас был допущен. «Мы с вами теперь — camarades des service *, сказала вел. кн.; я еще не была на выставке. Как она?»—«Очень замечательна по работам молодых людей».—«Да! Но старые ленятся»... После нескольких слов, я нашел возможность сказать, как бы хорошо было присоединить к художествам в Академии и музыку. «Oh! je ne puis pas entendre la musique — сказала вел. кн. — cela me donne des crispations de nerfs — et où prendre de l'argent?»**.

28 мая.

Вел. кн. Елена Павловна вечером завела речь о бар. Корфе: «Правда-ли, что ему поручено прочесть наследнику курс права? Почему он не отклонил это предложение и не настоял на том, чтобы это было поручено какому-нибудь профессору? Скажите ему об этом — вопрос слишком важен. — Я знаю, что он рассердится, но что же делать. У него много [нрзб]». — «И много достоинств, ваше высочество, довольно редких по нынешним временам». — «Да, но их не видно». — «Разве по его вине? То, что ему поручают, он исполняет хорошо». — «Почему он ушел из Крестьянского комитета?»—«Он оказался в невыносимом положении—ему все время давали понять, что он всего лишь — пролетарий». — «Государственный деятель не должен обращать на это внимание; у него не хватает выдержки». — Я рассказал о пожертвовании Корфом всей выручки его книги (26 т. р.) в пользу Библиотеки, ее устройства. — «Это очень похвально для частного лица, но недостаточно для государственного деятеля». — Я рассказал басню о белке и о возе орехов. — «Да, все это хорошо, но ведь это он с Бутурлиным настаивал на закрытии университетов». — «Нет! Но он был против студенческой формы». — «Не только против формы, — я знаю, чего мне стоило отвратить великого князя от всех тех идей, которые ему внушал Бутурлин».

---

* Товарищи по службе.

** О! я не в состоянии слушать музыку... это вызывает у меня нервные спазмы. А кроме того, где взять денег?

29 мая

Рассказывают, что император Николай так был уверен в помощи Австрии при начале Крымской войны, что посылая не знаю какого генерала к австрийскому императору, он велел сказать, что он настоятельно просит, чтобы сам император отнюдь бы не ездил сам на войну.

Говорят, что когда на Павского был донос, что он преподает противно учению церкви, то император Николай, призвав его, спросил: чему он верует? Павский отвечал: «вера есть дело между богом и мною и в этом я никому не обязан отчетом. Что же касается до моего преподавания, то я держусь в нем учения церкви, нисколько не отступая».

Говорят, что на приговоре о ссылке Шевченко император Николай прибавил собственноручно: не позволять ни писать, ни читать. Что и действительно наблюдалось и для чего был приставлен к Шевченке особый сторож во все время его ссылки.

Над Беллюстиным было уже 17 следствий, он каждую минуту на волосок от Соловков. Опоздает звонить — следствие; то выдумают, что пропустил такую-то молитву — следствие, — он в беспрестанной тревоге. — Мои попытки перевести его в морское ведомство не удались; морские священники сводятся под эпархиальное начальство.

Кн. [Д. А.] Оболенский сказывал мне, что когда он был послан ревизовать Черноморское провиантское комиссариатство, открылось, что поставщик три года лишь предъявлял на бумаге припасы, но в натуре их не ставил, — его бумажки записывались в книги, а смотритель (из вахтеров) давал квитанцию в приеме по приказанию начальства. При очной ставке с начальником, начальник в оправдание говорил: «за чем же ты не доносил на меня?» Это ошеломило бедного смотрителя. «Да как же я могу осмелиться доносить на начальство?» Он был бы спасен, как наименее виноватый, но по отъезде Оболенского, верно под угрозами благоприятелей — застрелился. В Черноморском флоте не был введен ни один новый закон, потому что Меньшиков не любил Лазарева.

Комитет для составления свода морских постановлений длился десять лет, на огромном содержании и все его занятия ограничивались тем, что Фишер спорил с Жандром. — Когда, после 10 лет, потребовали сделанные ими работы, они прислали лишь экземпляр печатный свода общего, и 4 дела; эти дела состояли в споре Фишера с Жандром о том, что один к другому должен относиться рапортами, или отношениями, мог ли не знаю кто из них [писать] — требуемые сведения, а не просимые и т. п.

Сильны толки в городе о деле с купцом Малкиным [Малковым], гласным в Распорядительной думе. Рассказывают различно, но все нападают на [П. Н.] Игнатьева и на Панина, что они, чтобы поддержаться на месте, — пожертвовали правосудием и популярностью государя. Игнатьев, говорят, за что-то поссорился с Малкиным и посадил его под арест на две недели, тем расстроив его коммерческие дела. Малкин подал просьбу, требуя суда. Дело дошло до Общего собрания Сената, куда приехал сам Панин и уговаривал сенаторов каждого отдельно; но с ним согласились лишь трое. Огромное большинство решило: дать суд Малкину; — дело должно было перейти в Государственный совет, но Игнатьев с Паниным выхлопотали повеление приостановить дело, а Малкину внушить, чтобы он не смел повторять своих просьб под страхом высылки из столицы. Что во всем этом верного, или преувеличенного, — но результат тот, что эти толки везде, и производят самое неприятное и вредное впечатление. — Отказ в правосудии, un déni de justice — вот что слышится везде и на всех языках.

Сентябрь

1-го сентября был с другими чиновниками у министра Муравьева; на вопрос, что делает ученый комитет, я отвечал: держит свою аванпостную службу. Действительно, перед тем шла речь о важном влиянии, которое произведет замена кулей мешками по военному ведомству, эта мысль вышла из Ученого комитета при соображениях о сохранении лесов.

Октябрь

Параболические стекла обливаются смесью азотнокислого серебра и раствора сахара на разгоряченное стекло.

Об Etablissement de bouillon Дюваля в Париже (суп — 20 сант.; самое дорогое блюдо бивстекс с картофелем — 50 сант.); семейству из 4-х человек обед стоил 3 франка. — Обедают до 60 тысяч человек; барыш Дюваля 3 сантима с человека в день.

12 ноября

Работал над наставлением для надзирательниц Патриотических школ. В Библиотеке.

14 ноября

В ученом комитете подписал журнал и задал на сочинение народного учебника.

[*22 ноября*]

Говорят, что когда кн. [М. Д.] Горчаков (Варшавский), взбешенный вопросами по делу Огрызки, вскричал: не уж-ли ж можно у меня отнять право посадить кого в крепость, когда мне это покажется нужным — кто-то сказал: «Правда, князь, но этот вопрос напоминает вопрос одного лица в «Недоросле»: Не уж-ли дворянин не может побить слугу, когда ему то з а х о ч е т с я?». (NB. В «Недоросле» этот вопрос вложен в уста Скотинина).

[*29 ноября*]

Т[олстой И. М.] рассказывал, что ехал на извозчике, который сказался господским человеком; спрашивал: будет ли воля? — «Будет, только нельзя вдруг». — «Да будет ли? Уж мы ждавши язык поломали. — Вот если бы господам позволили вольных разобрать, кому сто, кому двести, то тотчас бы покончили».

Ростовцеву лучше. Долгое время врачи не позволяли ему даже думать о деле освобождения.

Жд[анов] сказывал, что очень мало теперь случаев жестокого обращения; бывало до 200 в год, ныне едва три, четыре; тоже и в отношении к убийству помещиков. Однако в Пскове одна барыня не только секла девку по переду из ревности, но, свернув кнут, всунула ей так, что та потеряла способность к деторождению; муж [нрзб] любовник повенчан; между тем по суду оставлена только в подозрении.

Говорят, что [Н. П.] Игнатьева китайцы посадили в тюрьму.

В концерте Музыкального общества la haute société a brillé par son absence *, как и во всех патриотических предприятиях. Из всех аристократических имен во всех этих вещах торчит одно мое имя, яко перст, — aussi je n'ai pas d'enfants **.

---

* Высшее общество блистало своим отсутствием.

** Но я не имею детей.

Особыя происшествія:

Приключенія, встрѣчи, подробности болѣзни, если таковая случится ея леченія: маршруты, поѣздки, число верстъ, дорожные расходы и проч.

Число мѣсяца.	Январь.	Число мѣсяца.	Февраль.
	Отправлен		
	Г Замятнинъ Ка. Горчакова, говоря, что онъ получилъ наше письмо, самъ былъ у него, но дѣлать ничего не можетъ, ибо онъ отправленъ въ Новгородскую, а оттуда новое предписаніе будетъ сюда.		Говоря, что Польскія слова дагерротипа, а прочія будутъ посланы на мѣсяцъ в отпускъ, по настоянію Ка. Горчакова (Жандарма) который, говоря в Орлѣ для обѣщанія Кавелина Государыни, дождавшись за свѣдѣнія Русскихъ, направленія Слова, а отправилъ совершить оба акціи. 22 — Возвращ. в Орлѣ это Ка. Горч. получилъ (Бибиковой Карт. Апухтинова — свѣд. отпущен. Кавелину библіей и оставлено Ваше продолженіе Ваше Бумаги.
14	Марта — Говоря, что Польскія слова дагерротипа, а прочія будутъ посланы на мѣсяцъ в отпускъ (?) Говоря, что Кавелинъ Государыни, дождавшись за свѣдѣнія Русскихъ, направленія Слова, а отправилъ совершить оба акціи.		
	Говоря, об отпускѣ, что онъ писалъ ко Ка. Горчакову о томъ, что онъ получилъ Императорскій дозволеніе — онъ не Императоръ какой Земли, или онъ дѣлаетъ, Вопросъ, Журналъ не Императ. сенатъ?		
	Этотъ день отправлено въ Журналъ Благодѣтеля 25 Марта получилъ, Выпущено 500 экз. — Журналъ Кавелинъ, между прочимъ, изъ Орла, что Цензура не пропускаетъ его Письмо, письмо, не сообщ.		

СЪ КѢМЪ ПОЗНАКОМИЛСЯ.

№	ИМЯ И ФАМИЛІЯ.	Гдѣ и когда познакомился.	День Апрѣля.	АДРЕСЪ.	Характеръ знакомаго, его положеніе въ свѣтѣ, родственныя или служебныя связи или какія случаи могутъ быть полезны.
	Адресъ, у которыя Бибикова купить Коллекцію Автографовъ Э. 582 ?	Бибик. знак.			Марья. Ник. Сем. Ушакова, которая будетъ за любовь Кавелина?
	Графиня Вас. Вас. Орлова Ст. Спасъ — урожденная Чернышева Трубецкая	у Трубец.			Поповцевъ — Авт. Поповцева Медалей и надписей.
	Самаринъ — Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, отправленъ Наблюдать за Кавелинымъ (Вѣдомость Самаринъ Наблюдающій)				Изъ Петербурга — Вѣра, Дарья, К. Кавелинъ и Аксаковъ.
	Ал. Марья — Ея Высокопревосходительство Алексѣевна Ивановичъ (Мещерская)			В Москвѣ у Кавелина Орлов А. Г. Кав. Гр. Орловъ с Кав. Ник. Ѳ. Зем. Сов.	
	30 Марта Кавелинъ Ив. Зав. Бутырки. 5 Апр. уѣзд. Гр. В. Н. Орлова 22 Апр. Кавелинъ Соф. Вас. Ламанъ	Зав. Бутырки Кавелинъ объ уѣздѣ Гр. Орловой Ламанъ			

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публичная Библиотека, Ленинград

[*6 декабря*]

В 1848—1849 году поляк Гофмейстер был сослан в Оренбургский корпус за участие в возбуждении мятежа с д-ром Рором; мать писала к 70-летнему генералу Левицкому, чтобы уведомить, жив ли ее сын. Левицкий ответил, что жив и что как верноподданный он не может ничего для него сделать, но как христианин постарается облегчить его участь. Письмо было перехвачено на польской границе. За это Левицкий был отдан под суд и во время производства суда умер от удара. — Гофмейстер сослан в Сибирь на поселение; куда приехала к нему его невеста и вышла за него замуж. Ныне возвращен вместе с другими.

Рассказывают, что [Н. П]. Игнатьев в Бухаре не отличился и скомпрометировал русское имя; по обычаю, как скоро русский посланец переезжает через границу, так все его содержание натурою идет от хана; беспрестанно возникали требования того, чего не доставлялось. Чтобы покончить, Игнатьев согласился принять от хана содержание — деньгами.

11 декабря

Благодарение всемилосердому богу! я освободился от грозивших мне занятий по цензуре! И как премудро господь бог это устроил — для моего спасения и совести. Но что будет?

17 декабря

Говорил с И. М. Толстым *. «На вас лежит историческая ответственность; одни разрушают веру в государя по своему тупоумию, другие — дабы удовлетворить свои мелкие страстишки; они ставят себя между государем и любовью народа. Они хотели бы поставить правительство в противоречие с самим собой. После того, что решено о статье [В. П.] Б[езобразова] ни один добросовестный цензор не должен разрешить никакой серьезной статьи о местном и областном управлении, между тем, как правительство стремится к тому, что бы избирательные должности занимались людьми способными и чтобы избиратели относились к выборам серьезно. Возможно ли уверять в том, что какая-либо статья может оказаться более опасной, чем случай с Малковым, слух о котором облетел всю Россию?» Толстой говорил, что он это объяснил этим господам. «Хотят усилить Главное управление цензуры экспертами, но чему это поможет, если эксперты будут вопиять в пустыне, а Панин с сотоварищами будут обделывать свои дела в другом месте. Давайте их сюда на очную ставку и документы на стол. Я странное существо — я не стремлюсь ни к чему, я не прошу ничего и я не желаю ничего, но я не могу видеть, как люди компрометируют государя, которого я люблю помимо моих обязанностей в отношении его всеми силами моей души — и кто может не любить его? — люди, которые натворив что-либо прячутся за государя вместо того, чтобы защищать его. Скажите это государю и не щадите меня. Основанием самодержавного государства является истина, более чем при каком-либо другом строе. Нужно, чтобы гласность касалась прежде всего чиновников, и вины их были ясны всем, дабы из-за отсутствия гласности их преступления не переносились на священную особу государя».

При диспуте (в воскресенье) Ламанский дозволил диспутантам обращаться к публике; и потом, когда публика вмешалась в диспут, сказал: я вижу, что мы еще не созрели для таких диспутов — на это из толпы ему отвечали: нет, а вы не созрели для управления такими диспутами.

---

* Далее до слов «При диспуте...», за исключением двух фраз, в подлиннике по-французски.

20 декабря

История с бароном Корф доказывает, что в мире бывают события, происходящие силою обстоятельств (тем же движением жизненных соков, которое заставляет растение склоняться в благоприятной атмосфере в ту или другую сторону), когда вопреки всеобщему желанию, и без вины с чьей-либо стороны вполне лояльный человек бывает вынужден отступить, отказаться от своего дела. Свободная воля человека, что бы там ни говорили, имеет свои пределы *.

Владимир Безобразов был смешан с Михайлом Безобразовым. Панин и consorts ** нарочно не объяснили разницы между этими двумя людьми, — а объяснил, говорят, Ростовцев. Как бы то ни было, Безобразову (за статью в «Рус. Вестн.») — выговор; цензор отставлен от должности, но причислен к министерству народного просвещения.

История Малкова прошла за границей и произвела самое невыгодное впечатление на негоцьянтов: «Comment voulez vous, говорили они, que nous allions engager nos capitaux en Russie, quand la justice n'y est pas exercé, et par consequent la propriété et les droits ne sont pas garanties, et on peut compromettre les affaires commerciales d'un homme en l'emprisonant par justice, administrative» ***. Дойдет ли это до сведения государя? а дело важное, если приравнять к тому, что говорил министр иностранных дел о необходимости сколь возможно более притягивать капиталов в Россию, ибо это громоотвод против войн.

Чевкина обвиняют в настоянии об отставке Унковского, предводителя тверского (за что? — не знаю) и называют горбатым Аракчеевым.

1860 год

10 января

Писал к Некрасову относительно «Филантропа» и получил ответ, где он уверяет честным словом, что не имел меня в виду. Чтение в пассаже в пользу литераторов. — Публика требовала «Филантропа», Некрасов сказал, что слабость груди препятствует ему читать более. Публика вела себя удивительно и восхитительно.

31 января

[А. Г.] Рубинштейна вызвали. — Правда, что я надоумил, такие толчки необходимы; теперь публика поняла, что ей необходимо было вызвать и только потому, что несколько человек начали!

1 февраля

Концерт Музыкального общества — 9-ая симфония. Серова пиес не пели, за отказом солисток по причине высоких нот. После концерта жезл Рубинштейну от оркестра, хоров и членов. Только г.г. директора скомкали — не дали Яковлевой войти на эстраду, я втащил одну Гринберг [Грюнберг] с венком. Жена со мною была на этом концерте.

---

* В подлиннике запись по-французски.

** Единомышленники.

*** Как же вы хотите, чтобы мы помещали свои деньги в России, когда законность там отсутствует, следовательно собственность и права ничем не гарантированы, и можно расстроить коммерческие дела человека, арестовав его в административном порядке.

6 февраля

В театре в бенефисе Лагруа в «Норме» — Лагруа была чудо, и тем нелепее казалась музыка. На место Ростовцева публика нарекает: Муравьева, Панина, Ламберта, [Н. А.] Милютина, Булгакова.

13 февраля

Панин назначен председателем эманципационного комитета на место Ростовцева. Явилась и эпиграмма; говорят, что это после трагедии la petite pièce, mais trés longue *. Прибавляют еще злее, что от карбункула люди или умирают, или вылечиваются, а у него карбункул вошел в мозг и там и остался.

Вечер у Авроры Карамзиной. Кн. [В. Н.] Долгоруков и гр. [И. М.] Толстой приняли меня с вопросами о назначении Панина. Я отвечал, что нахожу его весьма благоразумным, ибо оно удовлетворит недовольных эманципацией, а между тем дело будет сделано и по силе вещей, и потому что самолюбие Панина будет в этом заинтересовано. Спрашивал Крамптона о наказаниях, употребляемых в английских школах; он не знает наверное.

[*22 февраля*]

На лекции Северцова — еще не привык говорить — проглатывает концы слов.

Говорят, что Панин сказал новой категории депутатов, что им нечего ни писать, ни собираться у Шувалова, а что он будет сообщать им, что им делать. Депутаты весьма недовольны его приемом. После этих слов Панин напомнил, что не должно увлекаться личностями и страстями и что записки депутатов должны быть кончены в течение месяца. Тогда на сцену выступили Горсткин, Минин и другие и просили объяснить, с какого времени считать месяц, ибо иные уже тому две недели получили вопросы, а другие доныне никакого. Панин отвечал: мне остается вам повторить, что ваши записки должны быть окончены в течение месяца. Напротив, в Редакционном комитете были весьма довольны Паниным, так что один из членов сказал: «Кажется нам председателя подменили, точно Панин, а не похож на Панина». Он был очень вежлив, говорил много о полной независимости мнений, всех выслушивал, сводил мнения и постановлял вопросы. Иные видят в этом ловушку и предполагают намерение Панина отделаться от комиссии, принимать ее журналы к сведению, а в большой Комитет представлять собственные мнения под видом извлечений из журналов комиссии.

[*28 февраля*]

Говорят, тверских депутатов Унковского и двух Алопеусов сослали в Вятку; вероятно не на долго, но это происшествие возбуждает общее и весьма значительное негодование, выражающееся на всех диалектах: русском, французском и даже немецком, хотя в этом обвиняют австрийскую партию, которой цель ** сделать государя непопулярным, приучить правительство к произволу, прекрасно зная, что произвол — опиум, дозу которого нужно постоянно увеличивать. Будто воспользовались добротой государя, убедив его, что законный суд имел бы пагубные последствия для этих господ, что гораздо лучше в интересах осужденных действовать в таких случаях в административном порядке. — Ни одного наказания без суда! Лучше их расстрелять, но после суда и проч. т. п. Прибавляют, что это

* Водевиль, но слишком длинный. [Намек на высокий рост Панина].
** Далее, до слов «и проч.», в подлиннике по-французски и по-немецки.

дело — времен Клейнмихеля и покорения Крыма..., что одного господина избирали в какую-то должность и что он отказался, говоря, что он не хочет быть сослан, как Унковский, и не получить суда, как Малков. Иные видят тут целую систему: сперва раздражить купцов, потом дворян, затем студентов (по поводу какой-то перехваченной переписки между харьковскими и киевскими студентами о грамотности и даже о каком-то проекте конституции!!) и приготовляют чем бы раздразнить крестьян *. — Что цель зажать рот тем, кто говорит об административных злоупотреблениях, убедить всех, что следует рассчитывать не на правосудие, а исключительно на угодливость перед стоящими у власти; что хотят вести ту же игру, которую вели в предыдущее царствование, т. е. под предлогом охранения интересов правительства сделать его послушным орудием собственных, частных интересов и проч. и проч. Другие напротив говорят, что в совете министров все объявили, что по закону Унковского и других обвинить нельзя, и что о ссылке их — для примера — настаивали Ланской, Чевкин и [П. П.] Гагарин. Что тут правда — не разберешь, но общее негодование выражается гласно. Какую цель преследует наказание? — говорил один господин — произвести известное воздействие на массу. А чего достигают произволом? — убеждения, что можно избежать правосудия интригами и деньгами и что можно понести наказание за вполне законное деяние, возбудив неудовольствие власть имущих. Как бы то ни было — все это прискорбно в высшей степени. Le revers de la medaille **. Унковский — человек в долгу, как в шелку и ему хотелось сохранить за собою звание губернского предводителя в надежде, таким образом, получить хорошее место. — Была постройка гимназии, ревизия которой производилась его врагом кн. Шеханским и каким-то тайным советником Долговым. В рапорте ревизоров Унковский нашел для себя оскорбительные намеки о каких-то с д е л к а х; приехал в Дворянское собрание и назвал ревизоров м е р з а в ц а м и; Долгов почел долгом вступиться за отсутствующего кн. Шеханского — редактора рапорта. Дворяне выгнали Долгова из собрания, по настоянию Унковского, и даже говорят в шею. Сын кн. Шеханского вызвал Унковского на дуэль; Унковский отказался, говоря, что, находясь на службе, он за служебные дела не дерется. Происшествие о драке дошло до Петербурга. Между тем от Унковского стали требовать рассказа о том, что происходило в петербургском комитете, где он был депутатом; он отозвался, что за предписанием министра, он говорить об этом предмете не может. Тогда дворяне положили отправить просьбу государю. Губернатор (Баранов) принять ее не согласился, но имел неосторожность прибавить, что дворяне могут пользоваться правом представления всеподданнейших просьб. Дворяне наняли экстренный поезд в Петербург, где между тем Унковский уже был отставлен за возбуждение драки в собрании. Кн. Шеханский молодой обратился снова к Унковскому, говоря, что его предлог миновался, и что он вызывает его снова. Унковский снова отказался. Кн. Шеханский уведомил его, что он его ударит при первой встрече в публичном месте. Действительно, они встретились в каком-то концерте. Губернатор, отведя кн. Шеханского к дверям, отправил его волею неволею из города. Все восстало на Унковского, и друзья его отступились; но ссылка Унковского в Вятку снова помирила с ним дворян тверских, — и он теперь слывет у них жертвою за общее дело. Вот выгода секретного судопроизводства.

29 февраля

Экзамен желающих учиться бесплатно у профессоров Музыкального

* Далее, до слов «как бы то ни было», за исключением двух фраз, в подлиннике по-французски.

** Оборотная сторона медали.

общества. Я должен был проакомпанировать дюжины две варламовских романсов и разных фити-фаги итальянских (замечательный голос Эллионт). Другие члены, разумется, опоздали. Предложил им наставление для профессоров, программу конкурса на народные песни.

10 марта

У меня поутру Погодин — показывал ему мое сказание о гласах — одобрил. — Его письмо к дочери в Тифлис по поводу обеда кн. Барятинскому в Москве, на который Погодин не попал, что произвело в Петербурге неприятные толки и что, говорят, государю старались представить в виде несочувствия литераторов к человеку, им любимому.

17 марта

Вечер у вел. кн. [Елены Павловны]. — Дрейшок — кунстмахер, а не музыкант — взбесили меня дамы [нрзб] с Рубинштейном, который сел акомпанировать Лешетицкую и уж тем убил Дрейшока. Вел. кн. сказала мне *: «Скажите Рубинштейну, чтобы он сыграл что-нибудь хорошее». «Ваше высочество, это невозможно, это сочли бы за неучтивость по отношению к артистам». — «Вы — голова, пустите в ход все Ваши дипломатические способности». Я к Рубинштейну — тот и руками и ногами; но вел. кн. настояла на своем. Рубинштейн, к моему удивлению, начал играть. «Ваше высочество, — сказал я вел. кн., — моя дипломатия должна спустить флаг перед вашей». — «Мне пришлось прибегнуть к крайним средствам», отвечала она.

18 марта

Григорий Васильевич [Есипов] читал мне свои архивные работы. Дело об истязании Деревнина царицею Прасковьею Федоровною. Письма Алексея Петровича, между прочим письмо к нему его духовника Чакова, который напоминает ему его клятву во всем ему повиноваться, яко ангелу. Манифест Пугачева об свободе крестьян и об избитии всех дворян. — Трудится над царицею Евдокиею и Преображенским приказом.

19 марта

Погодин прислал мне билет на мою записку о том, что мне нельзя не быть на диспуте, ибо тут я заинтересован лично: что я такое? Норманн или жмудь? Диспут шел хорошо; но ни в том, ни в другом оппоненте нет искусства спорить, а особливо у Костомарова. Были остроумные у них шутки. Публика слишком прерывала. Как не завести колокольчика? Как не иметь презуса? Были люди, которые жаловались на публику. «Да что же, сказал я, разве вы хотите, что бы живые люди были мертвыми?»

От 24 февраля 1860 за № 45 последовал приказ от военного министерства о том, чтобы бессрочно-отпускных в разных случаях (не подвергающих их законному суду), между прочим при вредном влиянии на общество, обращать в действительную службу без произведения следствий по распоряжению исправников и городничих. (Сегодня в субботу он напечатан в «Северной пчеле» in extenso **).

Я спрашивал у [Н. А.] Муханова, какому цензору он мне присоветует отдать мою рукопись о древнем русском песнопении. «Вот вы нападаете на цензуру, когда публика вся нападает на литературу, но мы уважаем ученые сочинения» — «Ведь публика для вас, — отвечал я гр. Сумарокову с Б. Федоровым и Алекс. Фед. Гамом.—Настоящая публика говорит другое,

* Далее до конца записи в подлиннике по-французски.
** Полностью.

а именно, что корень цензуры сладок, но плоды ее горьки». — «Нет, возразил Муханов со вздохом, и корень, и плоды горьки».

[20 марта]

Возобновленная строгость цензуры возбуждает разные толки: говорят, что ее усилили для содействия Герцену, которого «Колокол» в последнее время начал уже было ослабевать, а теперь снова привлекает интерес читателей. Важнее этой шутки замечание, что в то время, как боятся карикатур «Искры», позволяют распространять в народе лубочные картинки страшного суда, где изображены разные роды истязаний, которые были произведены на практике в Старой Руссе.

Губернатор Ховен присутствовал в губернском правлении (во время оно) и когда, в споре, показали ему Свод, он взял его и сел на него, говоря: ну где же теперь ваш Закон?

Бенкендорф говорил Дельвигу, который стал ссылаться на закон: «закон для подчиненных, а не для нас».

Таганрогский (Керченский?) градоначальник Франк нашел, что выписывать «Сенатские Ведомости» напрасная издержка, что довольно его предписаний, и просто на просто запретил их выписывать в присутственные места. Арцимович рассказывал, что быв послан в Таганрог (Керчь) в комитет какой-то, он не только не мог достать ни нумера «Сенатских Ведомостей», так плотно они были запрещены, но даже и Свод должен был выписывать из другой губернии и послать за ним подводу.

23 марта

В большом концерте Большого театра под дирекцией Шуберта («Хота» Глинки с 3 арфами) — в прошедший раз Сабуров не хотел было позволить повторить, но публика пришла в негодование небывалое — и должны были уступить — я брал ложу пополам с Штуббе.

31 марта

Был у меня поэт-водовоз Лобанов. Он должен вносить 50 р. в год, иначе отец потребует его на землю.

Бар. Корф спрашивал, хочу-ли быть представленным к награде — я отказался. Нужны бы деньги, — но просить их не стану. Nessun maggior dolore che d'essere un'eccelenza nella miseria *.

8 апреля

Мой метафизический сон с 7-го на 8-е. Грежу, что спорю с Пеликаном о чем-то, кажется, о тождестве между человеком и природой, на что он мне отвечает с насмешкой: «это толкует натуральная философия». Это меня рассердило и я ему отвечаю: «нет, я к этой школе не принадлежу; природа для меня есть функционный ряд, а человек — другой функционный ряд; вся задача философии — найти отношение между этими двумя рядами, но беда, что философы — не математики; тогда только философия будет наукой, когда найдет основание в математике.

15 апреля

Рассказывали, что у Панина снова появляется шишка.

21 апреля

По Конногвардейскому переулку до сих пор лежат груды грязи между казармами и госпиталем и заражают воздух нестерпимой вонью. Не уж-ли

* Нет большего несчастья, чем быть сиятельством в нищете.

нет власти, которая бы могла потребовать от казарм, что настоятельно требуется от каждого частного дома? Что за стыд!

30 апреля

Вечер у Львовой, куда свез Лакруа. — Вел. кн. говорила ему между прочим, чтобы он не слишком верил разным рассказам против императора Николая * так как то, в чем его упрекали, основывалось только на исключительной любви к стране, отцом которой он себя считал. — Я сказал, между прочим, что лучшие [матерьялы?] — суть собрание законов, где можно видеть важные правительственные акты, а не мелкие детали, которые сделали бы из книги [Лакруа] собрание анекдотов, каких имеется великое множество.

2 мая

Получил ответ от гр. Адлерберга, который мое простодушное предложение привести к нему Лакруа, который бы и не нашел его городского дома, принял за желание быть во всем этом деле руководителем и наблюдателем!! Тогда же, в полдень отправил мой ответ к гр. Адлербергу с курьером, который нашел гр. Адлерберга в петербургском городском доме.

5 мая

Встретил на выставке придворного певчего Демидова, который горько мне жаловался, что Львов запретил ему учиться по урокам Музыкального общества.

Говорят, что Львов потребовал к себе все партиции из полков, чтобы увериться: не перешли ли к столбовому пению?!

8 мая

У нас Пименов, Григорович и Соллогуб. Правда ли, что его забаллотировали в Общество пособия литераторам? Что за свинство! Вот уж русские люди; держат над ними палку — ниже травы; немного отдохнут, — давай над всем свою власть показывать, — не для чего иного, а так, чтобы посамоуправствовать.

10 мая

Рассказ Лакруа о князе Монакском [Флорестане] и его конституции которую у него выкрадывали из кармана в течение 10 лет, и когда, в конце концов, он ее отпечатал в Париже, экземпляры ее оказались подмененными чистой бумагой **.

Монако, сказывал Лакруа, теперь принадлежит Франции.

12 мая

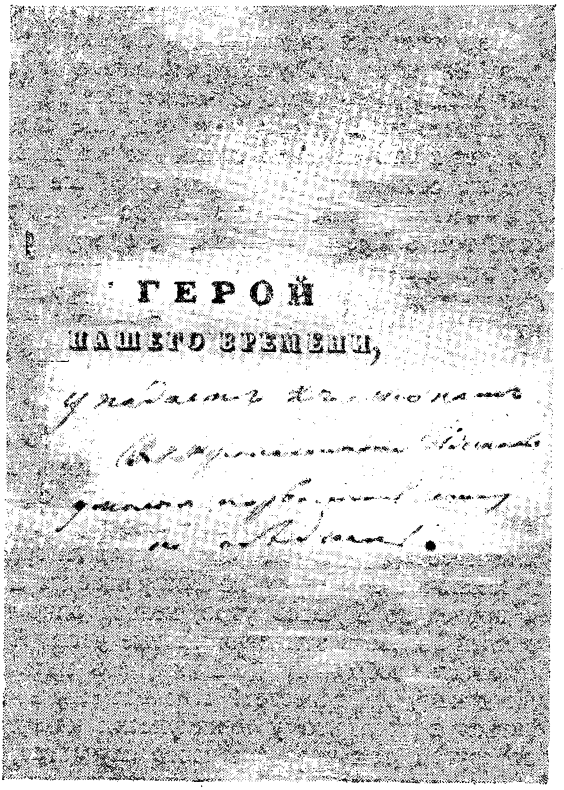
Был у нас молодой Армфельдт с рассказами о Швеции. В Швеции нас так любят, что в магазине не хотели исправить шпагу Армфельдта, потому что она русской работы. Армфельдт велел сказать, что она работана шведом, который нашел добрый кусок хлеба в России и работает на русских. Это подействовало.

17 мая

Смирнова рассказывала про крестьянку в Ишле, которой муж был австрийцами посажен в тюрьму по наветам папистов; в то время, как она

* Далее до конца записи в подлиннике по-французски.
** Запись в подлиннике по-французски.

ЭКЗЕМПЛЯР «ГЕРОЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ» ЛЕРМОНТОВА С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ О. С. ОДОЕВСКОЙ
Институт Русской Литературы, Ленинград


ГЕРОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ,

хлопотала об том, чтобы узнать, жив-ли он по крайней мере, и когда ему позволили к ней писать, не означая откуда, к ней в дом вошла дама с мужчиной-патером, расспрашивала ее о том, что к ней пишет муж, перебирала ее книги, библии, и искала в них записок — после крестьянка узнала, что эта дама была: l'archiduchesse Sophie *, которая занималась такого рода шпионством.

20 мая

Амурский сказывал о своем намерении принять предложение 8 000 пруссаков, желающих у нас поселиться. Есть желание и между славянскими населениями. Когда воротится в декабре, то желает познакомиться с Гильфердингом, которого записку гр. Амурский получил здесь, не зная, что ее автор в Петербурге.

21 мая

Что за история обеда депутатов? Говорят, кто-то предложил здоровье Унковского и Кавелина; тогда Булгаков сказал: тогда уж и здоровье Пугачева. Так ли это?

26 мая

В ночь с середы на четверг мои мучительные 3 часа.

Я всю середу не выезжал из Музеума; под моими глазами работали Демидов, Васильев, Глушковский. Пропасть было работы и бумаг из Библиотеки затруднительных; около 8 часов Демидов отпросился у меня на

* Эрцгерцогиня Софья.

час времени для свидания с матерью, по какому-то, говорил он, важному делу. Васильев и Глушковский мне помогали в переписке писем и отношений между полуночью и часом. Все мы утомились. В час я отпустил их, посмотрев на 3 книги, кои они мне сдали, по обычаю. Когда они ушли, я понес книги в определенный для них шкаф, где нашел еще т р и и только. Где же седьмая? Поутру они были все на лицо. Я перешарил все возможное — нет 7-й книги, да и только. Я подумал, наконец, что Козлов оставил свой том в Музеуме, но зная его, трудно было поверить, что он осмелился бы это сделать. Пробило 3 часа. Итти в Музеум в это время, поднимать смотрителя, — произвести шпектакель? — Я пересмотрел все томы и нашел, что Козловский тут, но нет 7-го, Демидовского. Тут произошел со мною замечательный психологический процесс. Естественно я заключил, что или Демидов продал этот том (важнейший!), или что он унес, чтобы взять из него выписку, подкупленный кем-либо. Где искать его? Я был уверен, что дело с матерью только предлог, — что он верно у своей любовницы (он действительно воротился лишь в четверг в 6 час. вечера, не ночевав дома); приходило в мысль, что может быть он дал только кому-либо 7-ю книгу на время, что взявший воспользовался его легковерием и просто не отдает книги, говоря, что потерял, отослал за границу, что Демидов об этом теперь и хлопочет и потому не возвращается и проч. и проч. В этом терзании я провел до 5 часов утра, нельзя описать и не упомню, что перероилось в моей голове в эти мучительные часы. Я расчитывал, что остается делать? отыскать любовницу Демидова, его мать и проч. и проч. А если все это ни к чему не приведет? Как объяснить в ы ш е этот случай? Как оправдаться в том, что у меня унесли книгу из под носа? Мысли текли одна за другой, так что, как часто случается, сам не знаешь их последования... я хватился, что мои мысли перешли от настоящего предмета в иную сторону, и что я просто расчитываю, что успешнее и удобнее, пулю в рот или перерезать себе артерию по всем правилам анатомии!.. Это наблюдение над самим собою привело меня в себя, и я, укрепясь духом, решился бодро ждать утра и чтобы сохранить силы, какие мне нужны в наступающий день — приказал себе лечь в постелю и заснуть. Но едва я лег, стараясь забыться, как-будто что меня толкнуло заглянуть в ящик стола Демидова. И что же? Открываю — 7-й том в ящике. Вертопрах думал, что он в самом деле воротится, но как все люди с слабою волею не выдержал.

29 мая

Начал читать грамматику Аксакова; несколько дельных наблюдений, потонувших в фантастическом соре.

2 июня

Совет железных дорог выписал всех возможных иностранцев, кои роздали свои акции по приятелям — так что у них образовалось 3 200 голосов, а в оппозиции всего 700. Наши и не подумали о такой штуке, даже Кошелев прислал мне 400 акций (т. е. 10 голосов) лишь 25 мая, т. е. не за 15 дней до полного собрания, как требует устав. Между тем совет распорядился так, в чем упрекал его Устрялов: во всей Европе принимались акции в конторах общества, но в России нигде, кроме Петербурга, даже в Москве, не было приема. «C'est une triste victoire, *, сказал я кн. Дм. Оболенскому, — вы словно удельные князья, в помощь на своих — татарщину призвали. — Я предвидел такую развязку и потому приехал в заседание лишь в 3½ — кутерьма, кутерьма, — порядка никакого, — все говорят вме-

* Это печальная победа.

сте, встают, собираются в гурьбы; Колиньону не дали говорить, требуя, чтобы он говорил по-русски, основываясь на том, что возражения были сделаны совету, — следственно не подчиненный совету, но член совета должен был и отвечать. Перейру спутали, хотя он говорил по-французски и не сказал ничего, кроме фраз. Председатель, бар. Мейендорф, говорит так, что разобрать нельзя, глухо и путается в фразах; не умел даже сказать, что заседание закрыто, а как-то так: «теперь, кажется, можно считать это... совещание, заседание — окончилось».

3 июня

В заседании комитета Думы, где мне предлагали звание градского главы к Игнатьеву. Остановились на Ростовцеве и на Кусове.
(с 10 тысячами жалованья) — я отказался. Хрущев тоже — по отношениям

[*5—12 июня*]

Граф Анреп-Эльм рассказывал, что в последнюю войну с турками, при обратном переходе чрез Дунай по понтонному мосту, он получил приказание кн. [М. Д.] Горчакова не пропускать ни одного болгара — боялись стеснения войск на мосту. Но болгаре, ожидая погони турок, собрались в числе 18 тысяч на телегах с женами, детьми. Анреп решился их пропустить и в то же время написал к Коцебу, чтобы он объяснил это дело князю. Князь посердился, но умилостивился. Приехав сам к мосту, он сказал: «mais maintenant pas un seul bulgare de plus *. Ночью прибежали к нему трое болгар, бледные, трепещущие, говоря, что за 3 версты их не пускают более к мосту — то был Хрулев, человек совершенно бесчувственный. Анреп решился написать к нему, что по приказанию главнокомандующего он должен пропустить болгарские семейства — их было до 1 500 человек. Ночью они перебрались. Поутру Анреп пошел в главную квартиру и встретил Коцебу, который, отдавая ему назад его письмо к Хрулеву, сказал: «reconnaissez vos amis **. — Хрулев принес было это письмо к главнокомандующему, но Коцебу отнял у него эту бумагу. Лидерс прислал было сено на возах болгар, согнав их семейства — Анреп велел вывалить сено на землю и отослал обозы. Наконец войска перешли, начали рубить мост; уже с трех понтонных лодок были сняты доски, остались одни продольные бревна; явились еще несколько болгарских семейств — матери решились нести детей через бревна — не было ни одного несчастного случая. Когда мост совершенно был подрублен, явились еще до 1 000 человек; видя невозможность переправы, они собрались гурьбою и запели молитву, к которой присоединился вой собак. Никогда, говорил Анреп, музыка не производила такого глубокого, хотя и ужасного впечатления на всех нас. Даже Хрулев остолбенел. Если бы их застали турки, то все семейства были бы перерезаны. Анреп, расчитывая время, велел нашим пароходам и другим судам, пришедшим для воспрепятствования движению турок, перевезти все эти семейства на другой берег. Пароходы успели возвратиться во-время к появлению турок, которые затем выставили батарею из 7 пушек. Анреп дал им выстроиться и потом пустил в них залп из 32 орудий, от чего ни одной турецкой пушки не осталось на месте. В последствии Николай Адлерберг и другие получили владимирские кресты за распоряжения для размещения переправившихся на нашу сторону болгар. Большой враг Анрепа — полковник Меньков.

8 июня

С 4 до 7 работал с Серовым над Энциклопедическим словарем.

---

* Но теперь больше ни одного болгарина.
** Знайте, кто вам друг.

13 июня

Толки о комиссии для дела железных дорог. Перейра предлагает купить Московскую дорогу, Чевкин не согласился.

Мой разговор с Бунге: почему запрещен у нас вывоз ассигнаций, когда позволен вывоз монеты. Jacques Pereira не мог этому надивиться, как Лакруа моей деятельности (Vous ne mangez pas, vous ne dormez pas — mille lieux pour vous n'est rien — vous n'avez pas d'habitudes, notre santé à nous ne suffirait pas à ce genre de vie *.

28 июля

В Думе — меня выбрали в председатели (единогласно) комиссии рассмотрения росписей городских доходов и расходов. От сего, отказавшись от звания градского главы, я отказаться не мог, но должно сознаться, что мне все даются места, где 5 тысяч неприятностей, и ни гроша жалованья. А между тем в кошельке зело пусто.

30 июля

Сегодня мне 90 лет — ровно 56 лет от рода и 34 службы.
Пора на покой, о чем писал к бар. Модесту Андреевичу [Корфу].

7 августа

Ожесточение к императору Николаю кажется не уменьшается в толпе, а возникает при каждом новом поводе. В кружке, возле которого я нечаянно остановился в Петергофском саду и где я застал конец рассказа о сирийских происшествиях, кто-то сказал: «обрезал нам крылышки незабвенный». — «Да, обрезал, обрезал», повторили другие.

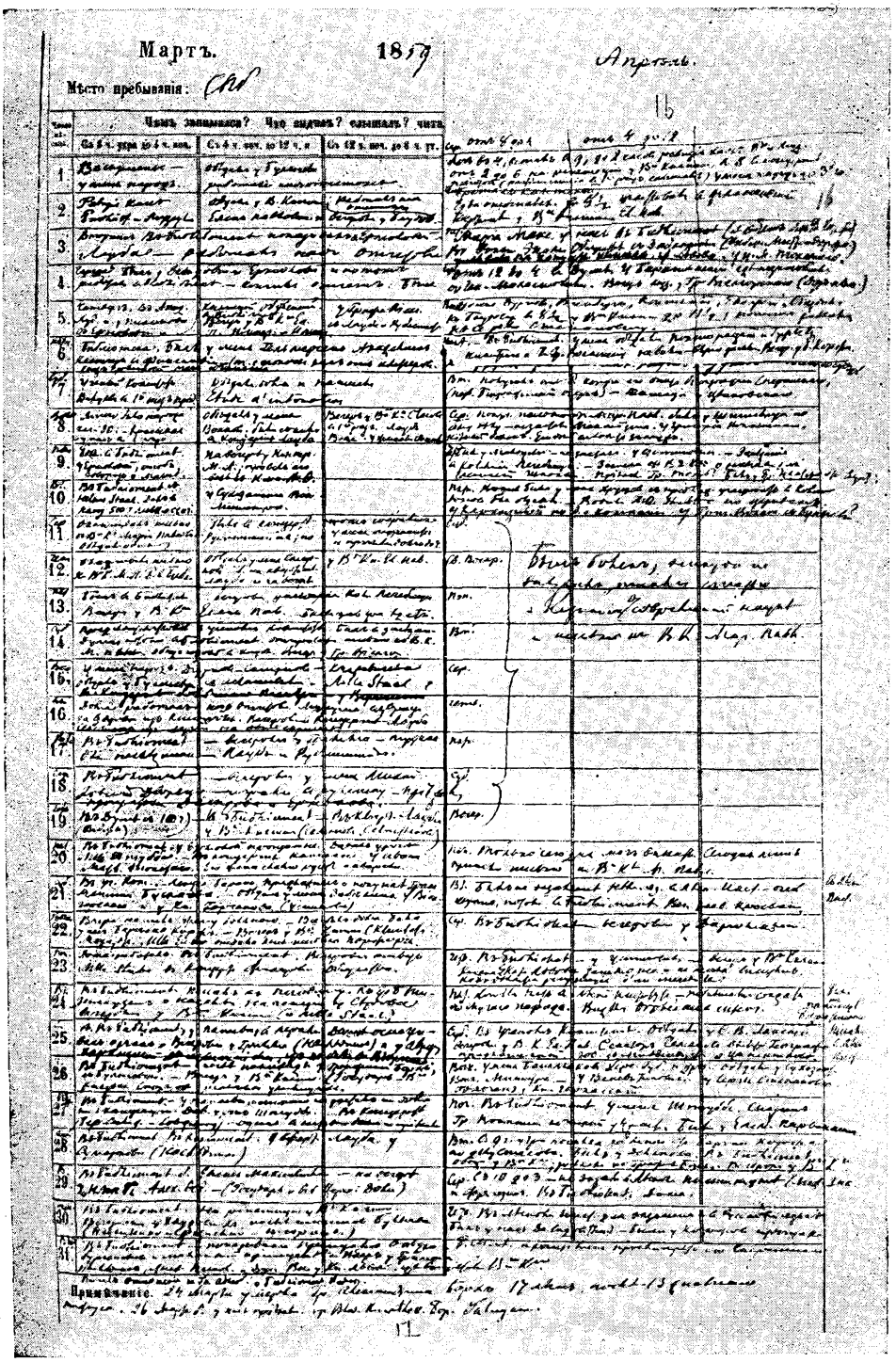
Говорил с Игнатьевым о губернском комитете. Дело в том, что в губернском комитете приготовляется журнал заранее, так что некогда в него и вникнуть. Я сказал Игнатьеву: «За грехи отцов моих меня выбрали в председатели комиссии для рассмотрения городских доходов и расходов. Я бы желал, чтобы на этот раз устранились те недоразумения, кои возникали в прежние годы. Я человек не заносчивый, — но педант и буду настаивать на точном исполнении закона». — Игнатьев отвечал мне, что он исполняет свою должность, не взирая на нападки против него, — что он не может отдавать себя на рассуждение, — что другое дело в сношениях со мною и проч. Я заметил, что обратил особое внимание на недоимки, коих набралось уже 700 000.—Игнатьев отвечал, что сама Дума в том виновата и верно ссылается на полицию. — «Я знаю, что и теперь на меня кричать будут, опять выбрали портного Малкова членом Распорядительной думы. Я не могу утвердить его — он негодяй, а его поддерживают. — «Зачем вы не отдали его под суд,— сказал я, — это лучшее средство истребить ложную репутацию негодяя». — «Я по моей должности имел право без суда отрешить его».

5 сентября

Общие толки о победе Гарибальди над Ламорисьером. Итальянские происшествия сравнивают с нашим 1612 годом, а Гарибальди с Мининым, которого также польские историки называют мятежником против законного Владислава. Вспоминали, что покойный государь Николай говорил про неаполитанского короля (отца нынешнего), что [он] один из немногих, с которым можно иметь дело.

---

* Вы не едите, вы не спите, тысячи верст для вас ничего не значат — у вас нет привычек — наше здоровье не выдержало бы такого образа жизни.



Мартъ. 1859 Апрѣль.

Мѣсто пребыванія: СПб

Чѣмъ занимался? Что видѣлъ? слышалъ? читалъ

Число мѣсяца	Съ 8 ч. утра до 4 ч. веч.	Съ 4 ч. веч. до 12 ч. н.	Съ 12 ч. веч. до 8 ч. ут.	Сер. отъ 8 до 4	отъ 4 до 12
1	[illegible]	[illegible]		[illegible]	
2	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
3	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
4	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
5	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
6	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
7	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
8	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
9	[illegible]	[illegible]		[illegible]	
10	[illegible]	[illegible]		[illegible]	
11	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
12	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
13	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
14	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
15	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
16	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
17	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
18	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
19	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
20	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
21	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
22	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
23	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
24	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
25	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
26	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
27	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
28	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
29	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
30	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
31	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	

Примѣчаніе. [illegible]

СТРАНИЦА ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публичная Библиотека, Ленинград

16 сентября

Поутру у генерал-губернатора Игнатьева с журналом Думы, который ему и оставил. На необходимость строительной части согласен; обещает этот журнал включить в журнал губернского комитета для представления в Совет.

Мой аргумент по строительной части: издержка эта падает нам на голову неожиданно; мы считаем алтыны, — а тут требуют сотень тысяч; если бы нам сообщили строительные предположения прежде, то Дума могла бы уменьшить издержки по другим предметам, а не трогать постоянно запасного капитала, который дело святое и который нужно беречь на случай больших бедствий: пожаров (как в Гамбурге напр.), наводнения, как в 1824 году, голода, войны, эпидемий и проч. т. п. Запасный капитал есть капитал страховой — против всех таких бедствий.

7 октября

У нас обедала Штуббе, с которой поехали в Мариинский театр на «Жизнь за царя» — в ложе у меня кн. Оболенский и Рубинштейн. — В театре портреты живых музыкантов (кроме Даргомыжского!!) — Я советовал бы погодить, — великих людей фабрикуют после смерти, а как придется стирать? Леонова и Булахова ниже всякой критики. Видел сестру Глинки. Она просила меня отыскать facsimile канта, который был написан в честь Глинки.

16 октября

Сильные толки о варшавском свидании. Боятся, чтобы не попасть в лапки австрийских езуитов. Народное мнение так сильно, что в газетах не печатают даже ничего о приезде императора австрийского, а только о принце регенте.

17 октября

Хлопоты с Даргомыжским — он никак не может понять, что во всякой ассоциации отдельный голос должен покоряться большинству.

22 октября

Известие о кончине императрицы помещено 21 октября в «Journal de St. Pétersbourg» по-французски. Русские газеты вышли с черными полями, но без известия — от этого происходят самые неблаговидные толки, говорят о презрении к русскому языку и проч. т. п. нелепости.

Филарет противился железной дороге из Москвы к Сергию, говоря, что молельщики должны ходить пешком, а не ездить, как на гулянье. On a trouvé la difficulté * заставив Общество делать дорогу до Ярославля, которая пройдет мимо Сергия. Боялись, что монастырские служители лишатся тогда доходов от пешеходов, останавливающихся между Москвой и Сергиевской Лаврой.

23 октября

Соллогуб называет меня: conseilleur privé... des moyens de se faire entendre **.

Анекдот о Михаиле Павловиче. Однажды в Бадене Соллогуб сидел подле него в бороде. Михаил Павлович писал к Бибикову. — «En voyant Sollogub avec une barbe, je n'ai pu m'empêcher de penser à sa pauvre mère» ***.

Встретивши Дантеса (убившего Пушкина) в Бадене, который, как богатый человек и барон, весело прогуливался с шляпой на бекрень, Михаил

---

* Придумали затруднения.

** Советчик способов как заставить себя слушать.

*** Видя Соллогуба с бородой, я не мог не подумать о его бедной матери.

Павлович три дни был расстроен. Когда гр. Соллогуб мать, которую он очень любил, спросила у него о причине его расстройства—он отвечал: «Кого я видел? Дантеса!» — «Воспоминание о Пушкине вас встревожило?» — «О нет! туда ему и дорога». — «Так что же?» — «Да сам Дантес! бедный! подумайте, ведь он солдат.»

Все это было в Михаиле Павловиче не притворство, но таков был склад его идей.

24 октября

В «Северной Пчеле» 24 октября статья де-Галлета в защиту Джона Росселя и Англии замечательна.

Было ужасное слово Аракчеева Клейнмихелю: «Вот вы говорили, что без ленты вас никто уважать не будет; я дал вам ленту, дал другую, но вот этого (показывая себе на лоб) я вам дать не могу». — Клейнмихель перенес; что мудреного, что он почитал должным, чтобы и другие от него в свою очередь то же переносили.

Михаил Павлович однажды приехал к гр. Соллогуб матери весьма сумрачный. «Бог знает, что делается, — говорил он, — ни на что не похоже. Точно Павловы времена».

Приезжие из губерний рассказывают, что нетерпение народа возрастает. «Да скоро-ли же? Когда-же?» спрашивают они у чиновников и у помещиков.

25 октября

Говорят, что Енохин сказал государю, что если он будет работать ежедневно до 3 часов ночи, как он делает теперь (по крестьянскому вопросу), государь отвечал, что это дело такое, что можно за него «живот положить» *. Высоко, благородно и отвечает вполне моим мыслям о государе. Но не уж-ли никто из приближенных не нашелся ему выговорить, что всегда жизнь его есть драгоценность, но теперь более, [чем] когда-либо. Случись несчастие — не уж-ли народ поверит, что оно следствие натуральной болезни? и тогда уж в самом деле горе и для помещиков, и для дворянства, и для всех людей бритых. Пугачевщина возобновится, но в иных и страшных размерах.

30 октября

Полагают, что будет много больных; в крепостной церкви холодно и сквозной ветер от двух открытых друг против друга дверей для народа, которого однако ж немного. — Народ вообще холоден к кончине императрицы, кроме некоторых, весьма немногих.

Члены депутатской комиссии весьма недовольны Паниным; он даже не приехал сам закрыть комиссию, а прислал высочайшее повеление через Булгакова. — Депутаты отнеслись к министру внутренних дел с просьбою об исходатайствовании им приказания: ехать или не ехать. Говорят, что государь примет их во вторник. — В одно из предыдущих заседаний Панин проговорил: «Вы можете быть уверены, господа, что не останетесь без награждения». Это взорвало всех и Галаган отвечал: мы так уверены в милости государя, что знаем — он не захочет ошельмовать нас какою-либо наградою.

Напечатано было, по распоряжению Панина, какого-то доклада по числу членов комиссии; теперь понадобилась эта брошюра для Главного комитета и для Совета. Панин надеялся их отобрать у членов (как у сенаторов); никто не отдал. Он написал записку в 3-м лице к Черкасскому; Черкасский тоже в 3-м лице отвечал, что не может отдать брошюры, ибо, почитая ее своей собственностью, сделал на ней замечания, кои не может никому пока-

* Так в подлиннике.

зать. Панин не удовольствовался, написал еще, что карандаш можно стереть. Черкасский отвечал, что писано чернилами. Тем дело и кончилось.

Белавин, почетный смотритель гимназии, предлагал введение музыки в уездных училищах и готового человека Ламакина. [Евгр.] Ковалевский отвечал, что нельзя, что родители будут негодовать, что их детей учат музыке, да еще по нотам.

Государь каждый день возвращается в Царское село два раза—где работает постоянно над крестьянским вопросом. — Говорят, к 1 декабря будет объявлено. Сомнения в том: с манифестом или без манифеста. Я убеждаю, что последнее лучше, ибо нельзя в краткие слова манифеста включить все многообразие и сложность сего узаконения, не подавши повода к толкам.

[6—12 ноября]

Толкуют так называемые бояре об эманципации. Я вспомнил анекдот, рассказанный мне матушкой; в ее время (т. е. около 1790 года) в Петербурге одна важная барыня, родственница Глазовой (Аграфены Петровны) наказывала свою девку следующим образом: обливала ее водою, и потом заставляла ее босую ходить по набережной в мороз, а сама из форточки ей кричала: «что? каково? бестия! каково?» — «Таково тебе будет на том свете» — кричала ей в ответ нещастная девка. — Теперь этого именно не делают, но московский генерал-губернатор Тучков мне сказывал, что никогда, как теперь, помещики не предаются насильному разврату со своими крепостными женками и девками. — «Кажется, — говорил Тучков, — что они спешат [воспользоваться] остатками своей крепостной власти. Мои им убеждения тщетны».

13 ноября

В прошедшее воскресенье 6 ноября в фельетоне «Спб. Ведомостей» была напечатана статья о модном магазине; эту статью Замятин принял на свой счет и, говорят, жаловался [В. А.] Долгорукову и [Евгр.] Ковалевскому. Весьма это неловко. Если цензор или даже сочинитель статьи потерпит—то спрашивается, за что? Чтобы они были виновны — необходимо, чтобы рассказанная история о девушке действительно применялась к Замятиным, чего они не могут признать; и оставить им так нельзя, ибо вся публика об этом толкует. Единственный исход: публичный, гласный суд.

18 ноября

Просматривая «Tristan et Isolda» Вагнера — не могу надивиться его беспрестанному употреблению тритона. Хроматическая гамма существенно однообразнее диатонической.

20 ноября

Говорят, что в журнале кн. [П. В.] Долгорукова (bancal) * «Будущность» он объявляет, что я сделался придворным, царедворцем, но впрочем не по своей вине, но по самолюбию жены! — что Сергей Степанович [Ланской] проиграл все свое состояние на цыганах и румынах.

[22 ноября]

В «СПБ Вед.» 20 ноября несколько строк в фельетоне о том, что не могли отыскать в каком магазине была история, описанная в № 6-го ноября. Это сделано по настоянию Замятина. Недавно он давал обед для сильных мира — прибавляют злые языки: для поправления своей репутации. Хорошо средство!

---

* Хромой.

[*24 ноября*]

В «Будущности» кн. Петра Долгорукова (1860 № 1 — сент. — 15) посвящена мне следующая любопытная статейка (стр. 6 в примеч.) *:

«Князь Одоевский, ныне единственный и весьма жалкий представитель древнего и знаменитого рода князей Одоевских, личность довольно забавная! В юности своей он жил в Москве, усердно изучал немецкую философию, к р о п а л п л о х и е с т и х и *(неповинен)*, производил неудачные химические опыты *(т. е. учился химии)* и беспрестанным упражнением в музыке терзал слух своим знакомым. В весьма молодых летах он женился на Ольге Степановне Ланской, старшей его несколькими годами, женщине крайне честолюбивой *(!)*. Она перевезла мужа [своего] в Петербург, и до такой степени приохотила его к п е т е р б у р г с к и м с л а б о с т я м и м е л к и м п р о и с к а м (*!*), что при пожаловании своем в камер-юнкера, Одоевский пришел в восторг, столь непомерный, что начальник его тогдашний министр юстиции Дашков *(никогда в юстиции не служил)* человек весьма умный, сказал: *ВОТ ОДНАКО К ЧЕМУ ПРИВОДИТ НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ (экой вздор — я не ожидал моего камер-юнкерства и когда выразил мое удивление Дашкову, он мне сказал: «Que voulez vous — c'est une convenance* **). Одоевский бросался на все занятия *(виноват)*, давал музыкальные вечера *(которые брали приступом)*, писал скучные повести *(может быть, только их нет уже в торговле и все они переведены на все языки)* и чего уж не делал! *(даже не пускал к себе в переднюю таких негодяев как Петр Долгорукий)!* По выходе его Пестрых сказок, знаменитый Пушкин *(тот самый, к которому анонимные письма писал тот же Долгорукий, бывшие причиною дуэли)* спросил у него *(я тогда вовсе не был еще знаком с Пушкиным)*: *«КОГДА ВЫЙДЕТ ВТОРАЯ КНИЖКА ТВОИХ СКАЗОК?» (Мы с Пушкиным были на вы).—«НЕ СКОРО,* отвечал Одоевский. *ВЕДЬ ПИСАТЬ НЕ ЛЕГКО!» — «А КОЛИ ТРУДНО, ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ ПИШЕШЬ?»* — возразил Пушкин *(такого разговора не было вовсе — и не могло быть — Пушкин сам писал с большим трудом, в чем сам сознавался и чему доказательством черновые стихотворения. — Пушкин уважал меня и весьма дорожил моими сочинениями, и печатал их с признательностью в «Современнике»)*. Ныне Одоевский между светскими людьми слывет за литератора, а между литераторами за светского человека. Спина у него из каучука *(ну, уж этого никто на Руси, кроме подлеца, не скажет)*, жадность к лентам и к придворным приглашениям непомерная *(ну, уж убил бобра)* и, постоянно извиваясь то на право, то на лево, он дополз (*!*) до чина гофмейстера. При его низкопоклонности, украшенной совершенною неспособностию ко всему дельному и серьезному, мы очень удивимся, если при существовании нынешнего порядка (или правильнее: беспорядка) вещей в России еще лет десяток, не увидим Одоевского обергофмейстером и членом Государственного совета».

Я посылаю Петру Долгорукову следующий ответ:

Стихов не писал,
Музыкой не надоедал,
Спины не сгибал,
Честно жил, работал,
Подлецов в рожу бивал.

---

* Разрядка в тексте статьи Долгорукова — подчеркнуто Одоевским, курсив в скобках — примечание Одоевского, прописной курсив — выделенное Долгоруковым.

** Что вы хотите — это условность.

От чего и теперь не отказываюсь при первой встрече. Но что пользы! если я ему и прострелю брюхо, все таки его клевета останется без ответа. Где писать? В наших журналах нельзя, ибо запрещается говорить о запрещенных книгах. За границей? Где? не уж-ли послать в «Колокол»? Странное положение, в которое ставят нас цензурные постановления. Впрочем, Долгоруков прав: всякая полезная деятельность бывает с м е ш н а, ибо встречает препятствия, следственно неудачи, а всякая неудача смешна. Над вредной деятельностью не смеются, но иногда ненавидят. Бездействием всегда возбуждается уважение, как калмыцкими идолами, факирами, браминами.

Полторацкий вне себя от негодования на гадость Петра Долгорукова.

29 ноября

Заседание Комитета общественного здравия. [П. Н.] Игнатьев сказал нам речь, где просил нашего содействия, посадил меня возле себя, с другой стороны был Отсолиг. Прочли всеподданнейший доклад министра внутренних дел, где между прочим указывается на устройство этой части в Париже, на что Игнатьев возразил, что он не берется сделать то же, что в Париже и прочел бюджет Парижа и его огромные займы; на то, что я возразил, что эти мильоны пошли больше на постройку и переделку улиц — «также в видах общественного здравия», сказал он: — «Нет, отвечал я, но с стратегической целью». Потом прочли мою записку; Игнатьев сказал, что не успел ее еще прочесть — что вероятно, но возражения его были готовы: против предлагаемого мною собрания сведений и в особенности против гласности, на которой я настаиваю. Спросили, кого мы предлагаем еще в эксперты; я назвал: Зинина, Петерсона, Ходнева. — Игнатьев сообщил нам дневной рапорт, из коего оказывается, что вчера в Петербурге родилось 27 человек, умерло 54; прибавил, что так всегда, и исключения редки, так что, сказал он, если бы не было постоянного прилива в Петербург, то он скоро бы сделался пустынею. При чем рассказал, что один и важный человек говорил, что напрасно очищают Екатерининский канал, — что из него вода с ы т н е е. — Паткуль заметил, что одна из причин смертности — худая пища низшего класса. — Я указал на дом кн. Вяземского у Чернышева моста *, где в несколько ярусов нары, и спросил, не уж-ли не имеет правительство право обязать домовладельца к очищению воздуха? — Отвечали, что нет. Заговорил Смирнов, уверяя, что им все известно, и что потому новые расспросы не нужны. Я спросил, знает ли он кубическое содержание воздуха в доме Вяземского. Смирнов отвечал, что мы не можем требовать того или другого содержания. Однако же положено было, как я и прочил, чтобы мои разряды были разделены между специалистами. — Здекауэр рассказал о найденной им примеси свинцового окисла в дорогом вине от Елисеева и спросил, можно ли публиковать этот факт. — Игнатьев отвечал, что нельзя. Смирнов стал кричать, что нужна не гласность, а деньги. «А без гласности не будет у вас денег», отвечал я. После заседания я подошел к Смирнову и, указывая на него Пеликану, я сказал: вот человек думает без гласности обойтиться. — «На гласность и сапогов не купишь», отвечал Смирнов. «Да! но ума прикупишь», — возразил я. — В будущий раз постараюсь развить следующий силлогизм: «Нет денег, потому что нет доверенности со стороны публики, а доверенность покупается на гласность».

1 декабря

С Штуббе в Мариинском театре — Ристори в «Медее» Легуве. Великая актриса; искусство в высшей степени, но производит впечатление одинаковое

* Говорят, что дом Игнатьева, которого я не видал, еще хуже. [Прим. В. Ф. Одоевского.]

с оркестром одних с а к с о ф о н о в; прекрасно, но монотонно. Рашель была нечто другое. Даргомыжский хочет оставить Общество, потому что не согласились, чтобы и в нынешнем году играл Родзянко. C'est un homme tout à fais personnel *; кто не разделяет его мнения, тот, кажется ему, оскорбляет его.

9 декабря

В Мариинском театре — «Кроатка» Дютша. Оркестровка чудесная — il y a des intentions **, но все отлито в формы Флотовские и Вердиевские со всеми возможными задержаниями мочи. Даргомыжский объявил мне, что не хочет более быть в комиссии Музыкального общества и что Родзянко n'est qu'un prétexte ***. Славянская кровь: моя изба с краю.

10 декабря

На вечере Музыкального общества с Зинаидой. Сидел возле Веригиной. Публика наша подвинулась — играли из Passion-Musik **** Баха, — 10 лет тому назад все бы расхохотались.

[*11—13 декабря*]

Говорят, что Хрущев сообщил письмо о ямбургском происшествии многим сенаторам, чем будто бы некоторые обиделись. Сам Хрущев сказывал, что он послал это письмо при шутливой записке к Замятнину, где выразил боязнь, чтобы Смирнов не прибил их. Впрочем, сам Смирнов, говорят, рассказывал в гостинной министра внутренних дел, как он схватил старика за бороду и повалил его и как Адеркас платил по 5 р. солдатам, чтобы сильнее били (см. прилагаемое письмо из Нарвы от 1 декабря). Хрущев говорил, что если Смирнов подойдет к нему, то он ему скажет: «Отойдите, от вас воняет человеческой кровью». — Смирнов рассказывает, что все это потому, что он помешал Хрущеву быть губернатором. — Все это очень может быть, но вопрос не в том, а вот в чем: 1) были ли биты мужики без суда или по суду? 2) в том и другом случае бил ли сам Смирнов, т. е. исполнял ли должность палача? Если ответы на эти два вопроса суть утвердительные, то Смирнов должен быть 1-е) предан суду, 2-е) быть заклеймен общественным презрением. Не уж-ли этого не будет? Не уж-ли такая мерзость пройдет, как дело весьма обыкновенное, даже похвальное? — Каков пример для всех других губернаторов. Говорят, Смирнов сделан сенатором с оставлением в губернаторском звании. Возможно ли это? — Говорят, что пускают в ход систему интимидации; уверяют, что для предстоящих бед будто бы от эманципации необходим такой заплечный мастер-охотник. Забывают одно, что именно такими заплечными мастерами сотворена была ужасная драма Старой Руссы. — Господи! сохрани и защити от таких мерзавцев и царя и Россию.— Такими действиями виновные убеждаются не в том, что они виновны, а в том, что они в т у м и н у т у бессильны; а как минуты переходчивы, то в другую минуту они вспомнят данный им урок о п р а в е к у л а к а. Чувство законности не утверждается, но в корне уничтожается такими действиями.

14 декабря

Приходил ко мне литератор (не знаю, что он писал) Аполлон Александрович Григорьев, но в такой бедности, что жалко смотреть. На беду у меня всего до первого числа было 30 рублей; я отдал ему половину, а уже как

---

* Этот человек болезненно самолюбив.
** Есть замысел.
*** Что Родзянко только предлог.
**** «Страсти».

обвернусь в эти две недели — не знаю, тем более, что разные господа меня терзают.

Рубинштейн рассказывал так свою историю в Певческой академии (в Михайловском дворце). Разучивали «Walpurgis Nacht» * Мендельсона; хор фальшивил в сопранах; он заставляет одних первых — фальшивят; он заставляет петь один первый ряд, также фальшивят; один второй — фальша нет; следственно фальшивят в первом ряду; он перебирает тройками, открывается, что одна тройка производит фальш; он приглашает этих дам пропеть по одиночке, они не соглашаются. С обычной своею резкостью Рубинштейн говорит: «Ces dames sont priées de ne plus revenir» **. Тогда произошел скандал; полсотни мущин стали кричать, что Рубинштейн должен просить извинения; дамы, видя защиту, пустились в истерики, в обмороки и проч. т. п. Доктор Арнет прибежал в шлафроке — умора! Рубинштейн не уступил требованиям и ушел из залы, и на другой же день он послал уведомления директорам, что он отказывается от учения в академии, от директорства и от дирижерства. Завтра он пишет извинения к трем дамам и объявляет им о своей отставке. Рубинштейн не прав в форме. Отказ непослушным дамам должно было объявить не тут же, но после. Неправ может быть и в обороте речи. Но в сущности он прав; на него падает ответственность за фальшь хора; и потом, за чем дамы ходят в Певческую академию: учиться или для веселого препровождения времени; в последнем случае можно найти другие забавы. Дело в том, что мы еще до такой степени дики, что музыка считается не более, как забавою, но как поправить все это? С Рубинштейновым отказом Общество рушится; удержать его может лишь общее письмо или просьба всех членов Общества, или по крайней мере всех участвовавших в Певческой академии. Но кто имеет право собрать их, и во имя чего? Здесь сказывается вся нелепость организации Общества, о чем я говорил Рубинштейну, как только вышел устав. «Vous n'avez personne à invoquer» ***, сказал я ему тогда. И действительно отсюда все неприятности. Общество не избирало ни директоров и никого из должностных лиц; никто не может говорить от имени Общества, car la Societé n'a donné de mandat à pesonne ****, а только от своего имени. Я боюсь, что вся моя готовность это дело уладить не будет иметь никакого успеха. — Штуббе говорила, что надобно сделать повестку au nom de l'art et de l'humanité *****. Любопытна была бы редакция такой повестки.

15 декабря

Писал Плетневу, чтобы дал мне какие-либо данные о Григорьеве и получил ответ. У Веригиной (Софьи Яковлевны) — отдал ей романс Глинки для Гирс, встретил Григоровича, который сказывал мне, что Григорьев у всех занимает деньги без отдачи и переходит от журнала к другому.—У испанского посла. — У гр. Борх.

Говорят, что из Парижской кухни вышло новое блюдо: «La Pologne devant l'Europe» ****** — го! го!

16 декабря

К Путяте о Григорьеве. Был Веневитинов, весьма рассерженный на Хрущева за сообщение сенаторам Ямбургского происшествия. Я ему отвечал: зачем хорошие вещи держать под спудом? Были бы у нас газеты, как в Англии, тогда такое сообщение было бы не нужно.

---

* Вальпургиеву ночь.
** Можете больше не беспокоиться.
*** Вам не к кому обратиться.
**** Так как общество никому не давало полномочий.
***** Во имя искусства и человечества.
****** «Польша перед лицом Европы».

18 декабря

Григорьев (мой откровенный разговор с ним). Я Григорьеву говорил откровенно, что удивляюсь, как он, человек даровитый, дошел до такой нищеты, намекнув о заблуждениях молодости, и сказав ему, как собрату по литературе, что на нем лежит тяжкая ответственность как пред собою, так и пред людьми. Он принял мою откровенность хорошо; рассказал, что из «Русского Слова» он был вытеснен Хмельницким, что он, случалось, пил по 9 дней сряду с горя, и на 10-й говорил — не буду пить, и не пил... что по его направлению он ни в какой журнал идти со своими статьями не может, ибо хотя он и либеральный человек, но консерватор... За то, что я писал о нем Путяте, он весьма благодарил, но я ему заметил, что вот уже 3-й день, как не получаю ответа и что ему не худо бы справиться. Григорьев горько жаловался мне, что об нем дурно отозвались в «Спб. Ведомостях». Я постарался его утешить, рассказав, что про меня написал кн. Петр Долгорукий.

20 декабря

В 7 в зале Михайловского дворца, где класс пения любителей при Русском музыкальном обществе. Дамы пристали ко мне с тем, что если Рубинштейн не будет управлять хором, то они все разойдутся. Я испросил у них письменного изъявления — подписались 75 человек.

Подписка дам была прекуриозная — всякая спешила подписать. Сцены бы не было, если бы в классе были усердные директоры. Один Шустов не мог этого устроить и, вероятно, растерялся. Кажется, есть враги у Рубинштейна в самом составе дирекции, — именно Лавониус. Он, говорят, препятствовал дамам делать общую подписку — я этого не заметил. — В заседании вчера Шустов требовал, чтобы были назначены директоры (за отсутствием Каншина и Кологривова) — Стасов объявил, что Кологривов возвратился; таким образом и Шустов и Щелков остаются без директорских прав, следственно с связанными руками. Лавониусу, кажется, хочется, чтоб Шуберт заступил место Рубинштейна; оно понятно, потому что Рубинштейн сбирается уехать, а Шуберт нужен Лавониусу, как протектор. Дамы принесли мне список своих имен — гр. Виельгорский не приехал, уведомив меня, что он отозван к вел. кн. Марии Николаевне. Штуббе надоумила их обратиться ко мне, — что я принял не как должностное лицо, но просто как член Общества, — сказав им, что если они хотят придать просьбе своей значение, то она должна быть писанная, определительная и всеми подписанная. Я вызвался на одно, чтоб они продиктовали мне, что хотят сказать и по их словам набросал на бумагу карандашем нескладную редакцию их желания. Одна дама написала ее

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Силуэт В. П. Киреевского. Первый вариант
Собрание Беер, Москва

чернилами, а другие затолкались, чтобы подписать ее. Это происходило в комнате перед залою, ибо в зале спевались еще одни мужчины; некоторые из них разошлись прежде, нежели толпа дам отошла от стола; другие человек 20 подписались; один, подписывая, сказал: «dans l'esperence qu'il sera plus poli» *. Я старался объяснить, что Рубинштейн был прав, ибо ошибки в исполнении некоторых падают и на дирижера и на весь хор, и что для того необходимо безусловное повиновение дирижеру. Шустов и Лавониус заспорили, кому из них взять у меня эту бумагу. Я сказал, что если так, то не отдам ни тому, ни другому, а оффициально отошлю к гр. Виельгорскому, как председателю дирекции.

21 декабря

Штуббе премилая и преумная, но ужасно einseitig **. Она пришла меня уговаривать сделать то, что уже у меня было готово, то есть написать собирательное письмо к Рубинштейну, чтобы он мог войти в Общество honorablement ***. Этого мало. Она хочет, чтобы я во вторник пришел в залу хора и держал спичь к собранию. Никак она не может понять, что по странной и нелепой организации Общества — где никто никем не выбирался, — никто не имеет права говорить именем Общества, а только от своего имени, — что поддерживая такой сумбур, я стану с собой в противоречия, ибо везде поддерживаю строгость законного избирательства — это ей все нипочем, и даже аргумент, что в Германии ни одно общество не существует иначе, — по ней в Германии люди, а в России не люди...

Валуев, говорят, остается и председателем Ученого комитета с жалованьем; судили, что это, ставя его в зависимость от Муравьева, уничтожит его независимость в комитете министров.

За шахматами вел. кн. [Елена Павловна] меня спросила между прочим: **** «много ли в городе разговоров?». — «Да, среди анти-эманципаторов, — но бояться нечего, теперешний государь, благодаря вопросу об эманципации, стал так могуществен, как никогда не был ни один русский государь, и если не допустят какой-либо грубой ошибки (вроде позорного происшествия в Ямбурге), то все пройдет совершенно спокойно».

Говорят, что дело поступит в Совет к 1-му января.

26 декабря

Какое мнение должны иметь средние классы об нас, так называемых вельможах — название, присвояемое всем тайным советникам. Жилица Антоновская, которой я принужден отказать в квартире, в Музеуме, по неисправности в платеже, приходила во 1-х прельщать меня собою — это не удалось. Потом забегала ко всем моим знакомым, а муж ее толковал мне о своих связях с Суковкиным, который тогда еще был жив — и то не подействовало; подкупить меня деньгами также нельзя; узнала она, что я люблю моих племянниц и на этом основании написала к моей жене письмо о том, что она для племянниц может женишков отыскать. Уж настрочил же я ей в ответ предписание Зимницкому.

27 декабря

Был у меня Григорьев — сказать, что его сажают в долговое отделение, и потому нет ли ему надежды на определение на службу — и, говорит, запил с горя. — Писал о нем к [М. М.] Достоевскому, чтобы как нибудь вместе помочь.

---

* Надеюсь, что он будет более вежлив.
** Односторонняя.
*** Почетно.
**** Далее до слов «Говорят, что дело...» в подлиннике по-французски.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Силуэт В. П. Киреевского. Второй вариант
Собрание Беэр, Москва

Рубинштейн благодарил меня за то, что я уладил его распри с хором; был на репетиции и держал спичь, как он сказывал мне сегодня же на вечере у вел. кн.

28 декабря

Был у меня Михаил Михайлович Достоевский и толковали мы, как помочь Григорьеву [Егор] Ковалевский мне сказывал сегодня, что тому два месяца, как ему из Общества литераторов выдали 500 р. Кн. Черкасский и Самарин мне сказывали, что он пьет жестоко, в чем сам Григорьев мне признавался, ссылаясь на свое горе. Да хоть бы и пил,—да человека то даровитого жаль, — ведь у нас людьми не мосты мостить.

[Н. А.] Милютин, Оболенский напали на меня, за чем я не нападаю на Хрущева за то, что он сообщил сенаторам письмо о ямбургском кулачном побоище Смирнова; в публике утверждают, что Хрущев с ума сошел. Я отвечал, что я бы этого не сделал, но преступления в том не вижу; в Англии бы такая штука была бы тотчас напечатана. «В том и дело»,— заметил Милютин,— «что мы не Англия». В ответ я напомнил о сказке в старинной детской книге: «В старину была небольшая земля, где не было человека, который бы ходя не хромал и говоря не заикался; один иностранец, заметив тот порок, пошел по улице твердыми ногами — издеваются над ним во всей земле и проч.» «Да, подхватил Милютин,— а тут хромоногий пришел в землю, где никто не хромает». «Ah! monsieur le ministre! возразил я — d'après votre avis personne ne boite?» * вы посмотрите по крайней мере на Комитет общественного здравия — как он хромает». — «От того, что и Комитет-то этот хромой» — грустно отвечал Милютин.

29 декабря

Ходит в городе словцо по поводу китайских происшествий и immaculée conseption ** в Неаполе: croyez vous aux images miraculeuses?—Beaucoup, quand elles sont sculptés sur les canons d'Armstrong ***.

Какая нибудь грамотность все лучше какой бы ни было безграмотности.

---

* Ах, господин министр, по-вашему, никто не хромает?

** Непорочного зачатия.

*** Верите ли вы в чудотворные иконы? — Очень, когда они изображены на пушках Армстронга.

У кн. Юсупова, где слышал одного из его рабов, славного (в будущем) скрипача.— Кн. Юсупов показывал мне свою книгу о древней музыке, но я не хотел ее смотреть, чтобы не украсть чего в свою.

31 декабря

Встречали у меня новый год: Мальцев, Штуббе, Шталь, Бульчев, Рубинштейн, братья Киреевы, Маркевич, бар. Раден, Е. П. Эйлер — и вот еще прошел тяжкий год; труд безмерный, беспрерывный, беспощадный и спешный — в результате едва две-три капли пользы. Такова наша атмосфера — изобретай паровую машину, чтобы поднять соломинку.

1861 год

1 января

Никак не мог добиться уничтожения листа в передней — приходящие обижаются — говорят: «стало быть князю противно и имя наше видеть?» Что прикажешь делать?

3 января

Окончил 1-й том Сперанского и в 6 часов отправил к бар. Корфу. — Принужден снова отнестись к частному приставу о понуждении Антоновского очистить квартиру.

10 января

А все таки Антоновского не могу выжить из Музеума. В этих маленьких обстоятельствах всего очевиднее это бессилие властей на законное дело: частный человек не боится жить насильно в чужом, да еще казенном, доме и полиция ничего не может сделать.

14 января

Отправил к бар. Корфу большую тетрадь из 2-го тома Сперанского.

18 января

В Ученом комитете председательствовал. Валуев отказался от Ученого комитета под влиянием общего говора о том, что ему нельзя оставаться в министерстве и быть независимым секретарем в Комитете министров.

Неелов назначен исправляющим должность директора сельского департамента возобновляемого. Общая боязнь членов комитета, чтобы не назначили Шульгина председателем.

Толки о Балабине: одни говорят, что его отправляют в Мадрид из Вены по интригам австрийской партии — так, чтобы в Вене остался Будберг-протестант и советник посольства Кнорринг (из протестантов обратившийся в папизм); другие, что потому только, что Балабина по чину нельзя сделать послом. — Общее мнение очень взволновано и сильно негодует против меры в пользу Австрии. Обвиняют кн. Елену Кочубей; рассказывают о записке к ней кн. [А. М.] Горчакова, оканчивающейся словами: «toutes les ambassades sont à vos pieds» *.

Потулов мне рассказывал:

В пензенской гимназии был акт; один из учителей читал речь о сатире в России в XVIII веке; разумеется, он должен был цитовать Кантемира и между прочим стихи вроде следующих:

Или вот, что ища чин архиерейский достати
Свой конский завод раздарил некстати.

* Все посольства — у ваших ног.

Архиерей Варлаам осердился и обиделся, и после акта стал говорить попечителю гимназии, что его пригласили да и обругали. Шум. Схватились перечитывать речь и не нашли ничего в ней зловредного. Варлаам пуще обиделся. Возвратясь домой, он позвал к себе одного из семинаристов побойчее и велел написать ответ на речь. Семинарист отказался, говоря, что разделяя вполне мнения автора речи, не может писать про него. Варлаам изломал об его спину свой архиерейский посох; в тот же день и служка его был с расквашенной рожей до крови. В воскресенье в своей церкви Варлаам сказал проповедь, где предал анафеме все современное направление.

19 января

Был у товарища министра государственных имуществ Зеленого убедить его, что Неелов по званию исправляющего должность директора департамента сельского хозяйства был бы наилучшим председателем Ученого комитета, и что я отнюдь не обижусь тем, что он ниже меня чином. Но Зеленый сказал мне, что это невозможно — и кажется на мою долю выпадет чаша председательства.

22 января

Никитенко просил моего содействия по «Народной Газете», им же проектируемой.

Берх [Берг] мне рассказывал, что после войны его первое дело было восстановить торговое судоходство. Он тотчас собрал представителей торгового сословия и спросил, сколько им нужно. Они просили миллион. Он дал им по 40 р. на тонну — с 2% и рассрочкою платежа. Теперь купеческих судов больше, нежели до войны и все построены на американский образец. Паскевич в Варшаве дал ему эту мысль; принявшись прежде всего, после покорения Польши, за раздачу денег для поддержки земледелия. Берх говорил, что до него не было ни одной на финском языке школы в Финляндии. В Земледельческом обществе дозволил употребление обоих языков: шведского и финского. Завел финские литературные журналы. Шведов всего 200 тысяч на 2 миллиона финнов.

Мой разговор с Ник. Мих. Смирновым: «Racontez moi ce que vous avez commis à Jambourg — je veux avoir le coeur net la dessus» *. Тут он рассказал мне происшествие в Итовской волости иначе, нежели как в письме, ходившем по городу, которое он называл клеветою; что крестьянам были сделаны возможные внушения, но что они отказались решительно выбирать себе старост, прибили волостного и проч., — но наконец объявил, что во избежание драки между солдатами и крестьянами, он вошел в их кружок, спрашивал, понимают ли они по-русски, и что они отвечали просто: не хотим, что повторил и подошедший к нему крестьянин, которого Смирнов ударил кулаком в рожу и тем заставил его стать на колени, и что затем вся волость встала на колени и бунт был усмирен. «Vous aviez tort, сказал я, de punir les gens sans jugement», Смирнов расхохотался: «Vous jugez comme un poète **, эдак в администрации нельзя, разве лучше было бы убить 20 человек?»—«Да! сказал я,—лучше предать их суду и если так будет по приговору суда, то приговор и исполнить, как бы он жесток ни был». — «Это все поэзия». — «De plus vous ne deviez pas vous même faire l'office de bourreau». — «Vous allez beau dire — и слушать не хочу — je considère cela

---

* «Расскажите-ка мне, что вы учинили в Ямбурге — я хочу совершенно точно знать обо всем этом деле».

** «Вы были не правы... наказывая людей без суда...» — «Вы рассуждаете, как поэт».

comme la plus belle action de ma vie» *. Окончание нашего разговора происходило уже в сенях; уходя он прибавил: «et vous approuvez la calomnie répandue par Chrouscheff». — «Non, отвечал я, je n'approuve aucune calomnie, mais aussi je n'approuve pas votre action telle, que vous la racontez» **. Он уехал.

23 января

Был у меня Лобанов, весь расстроенный; его госпожа Горяинкова требует его в деревню в должность старосты, выкупа его дочерей и пр.

24 января

[Н. П.] Игнатьев (наш посланник в Китае) рассказывал, что когда англо-французские войска оставляли Пекин, то китайское правительство велело открыть ужаснейшую пальбу из пушек — но на другой стороне города, чтобы не услышали союзные войска, и чтобы уверить, с другой стороны, народ, что варваров победили и выгнали из Пекина.

28 января

У бар. Раден—Рубинштейн, Штуббе и я. Наш разговор о вульгаризации искусства. Первое заседание Государственного совета по крестьянскому вопросу. Старик [К. В.] Нессельрод говорил: «c'est de ce jour que commence notre semaine de Passion». — «Semaine des passions» ***, прибавил гр. Соллогуб.

Мнимое видение Д. В. Путяты, о чем столько вздорных толков, состояло в следующем, как жена Путяты рассказывала моей жене: от сильного мороза в кабинете Ростовцева стали щелкать рамы, мебель, полы; рассказывая об этом, они сказали: точно как будто Яков Иванович там ходит.—Из этого вывели, что Яков Иванович действительно ходит, что даже Путята его видел, даже говорил с ним, что Ростовцев поручил ему сказать свое мнение по крестьянскому вопросу и проч., проч. Плантаторы прибавили, что и о том, что должно опасаться Константина Николаевича!!

1 февраля

Был у меня Панаев прочесть из своих записок, что касается до меня и просить, позволю ли я? Я согласился.

2 февраля

У бар. Корфа—над Уставом о крестьянском вопросе— у них заседания каждый день—он совершенно измучен.

Соллогуб с вечной своей неоглядчивостью завел между дамами: Веригиной и еще не знаю какою, речь об эманципации. «Tout est consommé aujourd'hui — on nous exproprié — l'exaspération est à son comble» **** «Барятинские, Орлов-Давыдов носы повесили и проч. т. п. «Il y avait exaspération plus grande, quand on a exigé des nobles un diplome universitaire» *****, сказал я. «Уж ты, пожалуйста, не говори» — вскричал Соллогуб. — (Обращаясь к Веригиной) «Figurez vous, madame, voici le gentilhomme de la plus ancienne race, un Ruriks, qui est un démo-

* «Во всяком случае вы не должны были исполнять сами обязанности палача. Что бы вы там ни говорили... я считаю это лучшим поступком в моей жизни».

** «А вы одобряете клевету, распространяемую Хрущевым. — Нет... я не одобряю никакой клеветы, но я не одобряю и того, что Вы мне рассказали о своих действиях».

*** «С этого дня начинается наша страстная неделя». — «Неделя страстей».

**** «Все теперь кончено — нас экспроприируют — негодование достигает предела».

***** «Негодование было гораздо больше, когда у дворянства потребовали университетский диплом».

crate rouge—mais c'est le monde á l'envers». — «Je ne suis ni rouge, ni démocrate, mais je comrends un seul souverain, et pas vingt mille»... «Vous voulez donc une monarchie démocratique?» * «Я не понимаю этих слов по-русски — переведи, сделай милость»... «Tu ne comprends pas ce que c'est l'aristocratie? ** «Переведи сделай милость, это слово по-русски» — «Дворянство», сказала Веригина... — «Дворяне были дружинники, жившие при дворе великих князей — не более»... — Но что ж можно в таком деле объяснить женщинам... Соллогуб нес чепуху, нес ее громко... ces dames m'ont pris en horreur ***. Вот и все тут.

3 февраля

1-е заседание Государственного совета по крестьянскому вопросу было 28-го января; 2-е в понедельник 30-го, 3-е—в середу. Никаких сведений верных получить не мог. Говорят только, что в первое заседание государь говорил (без тетради) прекрасную речь, где обозрел весь ход этого дела. Догадались ли записать ее?—Говорят, что голоса разделились на 17, с которыми согласен государь, на 20 и 8. Но мнение каждой стороны мне неизвестно—все толки противоречат и ничего определенного нельзя из них вывести.

[*5 февраля*]

Крестьянский вопрос уже произвел свое моральное действие: благородное русское дворянство подвизается, заговорило пока на французском диалектике sur les convictions la dignité politique, sur les droits, sur la nécessité d'une bonne presse... ****, т. е. точно Хлестаков — я, говорит, и почитать, и пописать, и проч. Панина честят на чем свет стоит за то, что он перешел на другую сторону, а на него то и была вся надежда; достается Ланскому, Блудову, Чевкину, а героями считаются: Анненков, Абрам Норов и Клейнмихель. Пророчат преставление света,—и маленький бунтик сделал бы их вполне счастливыми.

Противная комиссии партия, говорят, старается продлить срок переходного состояния с 2-х на 9 лет.

Не удалось; слава твердости царя; замышленное коварство продолжить барщину, чтобы потом — авось — не удержат ли ее совсем или не произойдет ли от того бунтика — было, говорят, отвергнуто государем, несмотря на 36 голосов.

Нашлись 7 человек, которые просили оставить хоть одну частичку вотчинного права: разрешать и запрещать браки.

Вот наши консерваторы. Говорят, что m-me Kalergi говорила ***** я слышу со всех сторон, что надо быть консерваторами, а в то же время говорят, что дороги у нас ужасны, правосудия не существует, администрация только и делает, что грабит — так неужели хотят сохранить (conserver) это все?». Она же говорила: «мне говорят со всех сторон, что надо быть умеренными, но я вижу, что все умеренные взбешены до крайности».

---

* Представьте себе, сударыня, вот дворянин древнейшего рода, рюрикович, и он — красный демократ. Ведь это же светопреставление. — Я ни красный, ни демократ, но я признаю лишь одного повелителя, а не двадцать тысяч... — Значит, вы хотите демократической монархии?

** Ты не понимаешь, что такое аристократия?

*** Я внушил ужас этим дамам.

**** Об убеждениях, политическом достоинстве, о правах, о необходимости хорошей прессы...

***** Далее до конца записи в подлиннике по-французски.

7 февраля

У Юсуповой (матери), у Устиновой — разговор о крестьянском вопросе — я просил ее вспомнить наш разговор лет через пять, — когда все землевладельцы разбогатеют больше нынешнего.

8 февраля

Сегодня я был молодцем. Поутру проверил весь отчет сумм Музеума, успел выспаться до обеда, обедать у вел. кн. Елены Павловны в 6½, сыграть с ее высочеством в шахматы, переодеться во дворце, поспеть на свадьбу к гр. Армфельдту (где жена была посаженною матерью) и дев. Бильдерлинг, и возвратиться домой к 9½ часам, условленному времени с Панаевым и Неверовым. Был и Полторацкий. Вспоминали разные подробности старины о Пушкине и Белинском, который до 1842—1843 был самым горячим приверженцем монархических начал.

10 февраля

Кн. Черкасский приезжал прощаться и найдя, что некоторые из 17-ти томов Редакционных комиссий у меня еще разрезаются, обещал всюду рассказывать, что они все у меня были неразрезанные.

11 февраля

Антиредакционисты патриархи полагали разрушить всю экономию работы Комиссии, введя правило о том, что если помещик отдает 6-ю часть земли крестьянам даром, то они не имеют уже более ничего требовать и дело решится между ними навсегда. К чрезвычайному их удивлению и удовольствию вел. кн. Константин Николаевич и гр. Блудов предложили им заменить 6-ую часть 4-ою; патриархи согласились, радуясь, что им удалось провести такую штучку, но великий князь прибавил в редакции: «если на то будет согласие крестьян». В таком виде правило прошло единогласно. Неизвестно: утвердит ли государь.

12 февраля

На обеде у Лубяновского гр. Орлова-Денисова рассказывала мне, что ее бабушка была при Екатерине II-й и не знала грамоте, но приносила ей бумаги по камешкам, которые на них лежали. Так, императрица ей говорила—принеси мне бумаги из-под красного камешка, зеленого, синего и проч.

13 февраля

Говорят, что в Варшаве стреляли против толпы бунтовщиков.

14 февраля

Полторацкий—с известием, что моя статья против кн. [П. В.] Долгорукова не может здесь быть напечатана.

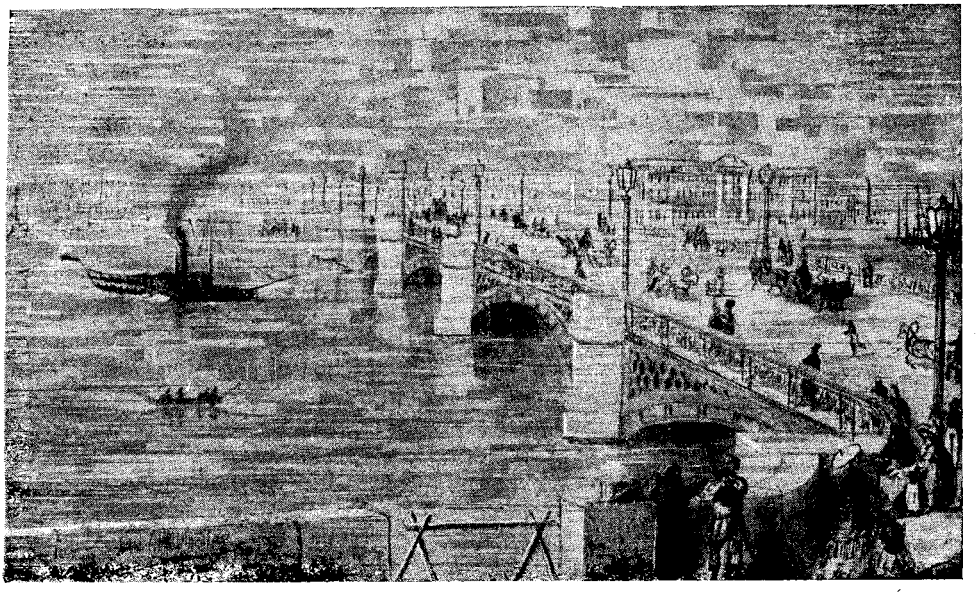
После обеда неожиданный Вольфсон из Дрездена—его проект основать журнал в пользу России.

17 февраля

Напечатано в газетах от СПБ. генерал-губернатора, что 19-го никаких правительственных распоряжений по крестьянскому делу обнародовано не будет. Народ спокоен.

18 февраля

В «Северной Пчеле» объяснительная статья о том, что обнародование, должно надеяться, будет в дни молитвы и поста.



ВИД НА НИКОЛАЕВСКИЙ МОСТ И АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ С АНГЛИЙСКОЙ НАБЕРЕЖНОЙ

Акварель И. Шарлеманя, 1853 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

19 февраля

Все спокойно. Никто и не думает шалить. Предосторожности всех удивляют—они беспричинны. В народе спрашивают: что это такое отмечают?— Цветы вокруг монумента Николая 1-го произвели вообще неблагоприятное впечатление. Народ говорит, что деньги попустому тратят — он только с этой точки зрения посмотрел на это дело. В среднем сословии насмешка, как всегда: на радости что ли, что умер — говорят в чиновническом кругу. В верхних слоях об этом молчат, но жалуются, что суета полиции, приказание дворникам не спать лишь наводят народ на мысль, что можно побунтовать, что все слухи происходят от глупых шпионов, которые несут всякий вздор, чтобы угодить начальству и удовлетворить его опасениям и проч. и проч.

20 февраля

Все спокойно: объявление «Северной Пчелы» (сегодня с поправкой: «в 7-й год царствования», вместо—«в 7-е царствование») успокоило, ибо многие поняли так, что освобождение вовсе отменяется.

Говорят, что графу Амурскому предлагали Варшаву и что он отвечал: лишь в таком случае, si le gouvernement renie celui qui a ordonné de tirer *. Одного дворника, который выпивши сказал: «ну, теперь выпьем за волю» — высекли. Один дворник [на вопрос], зачем их призывали в полицию, отвечал, что говорили 19-го не бунтовать, а отложить до поста.

Извозчик спрашивал,—что это, батюшка, значит — нам волю дают, так зачем же бунт заказан?

26 февраля

Приехал из Варшавы Камарницкий [Карницкий], говорит, что кн. [М. Д.] Горчаков показал много спокойствия и присутствия духа. В про-

* Если правительство отступится от того, кто приказал стрелять.

кламации он обещает отыскать виновных — следственно дело не об одних жителях, но и о тех, которые бросились с нагайками на случайно проходившую похоронную процессию (не Гроховскую, а какую-то частную) и избили духовных лиц. Так в газетах. Прибавляют, дело весьма понятное: когда народ стал бросать в казаков камнями и грязью, казаки отступили и в народе поднялся хохот; обиженные казаки принялись за пистолеты, сперва выстрелили на воздух, а при напоре народа в народ. 4 человека убито — много израненых. — Говорят, что для погребения этих убитых Паулуччи, прежний любимый народом обер-полициймейстер просил кн. Горчакова поручить ему одному (avec deux pompiers? *) быть в толпе, но запретить полиции вмешиваться. Все прошло спокойно. Говорят, что Паулуччи снова сделан обер-полициймейстером.

27 февраля

Гр. Матвей Юрьевич Виельгорский рассказывал **, что у одной дамы сын — негодяй (кто — не хотел назвать); несколько дней тому назад отправился ночью в комнату к горничной (крепостная), невеста одного из лакеев (тоже крепостной). На следующий день лакей пошел к молодому человеку сказать, что если он попробует пойти еще раз к его невесте, то ему не поздоровится; девушка отправилась к мамаше сказать ей то же самое. Мамаша пожаловалась в полицию, попросив отправить одного в одну деревню, другую — в другую (значит — разлучены) по пересылке,—предварительно наказав обоих... что и было исполнено в точности. Что всего любопытнее, не то, что эдакое у нас делается накануне освобождения от крепостного состояния,—но что единственный комментарий на это в салонах: «cela montre combien l'esprit des domestiques est monté!» *** — господи, спаси люди твоя! Впрочем, это не люди.

3 марта

Вольфсон рассказывал мне, что он было принялся увещевать Бакунина отстать от той нелепой партии, где он ораторствовал в Саксонии. Бакунин благодарил его, но напомнил ему сказку Пугачева в «Капитанской дочке», и прибавил, что в случае, когда у него будет власть — он его непременно повесит, ибо находит, что такие либеральные филантропы с добрым и благородным сердцем всего более портят их дело; что дело социальное принадлежит не одному поколению, но двум, из коих одно должно все существующее разрушить, а другое устроить; что первое и не знает и не хочет знать, чем должно заменить старое; что его дело есть лишь разрушить.

5 марта

Великий день манифеста. На радости я велел принести шампанского и с гостями пил здоровье государя, его сподвижников кн. Константина Николаевича и Елены Павловны.

Толкуют, что манифест по слогу не совсем понятен для народа. По моему тем лучше—пусть народ углубится в него.—Русский способен углубиться—со временем вполне выразумеется и лучше переварит.

Вечером у Серг. Степ. [Ланского]. Серг. Степ. не знал, что происходило в полном собрании Сената, когда прочтен был манифест. Лубяновский занимал кресло первоприсутствующего. Когда вошел Ал. Мих. Безобразов, то Лубяновский сказал ему: я уступаю принадлежащее вам место, но позвольте мне сказать то, что я хотел выговорить: я счел бы долгом для Сената вы-

* С двумя пожарными?
** Далее, до слов, «что всего любопытнее», в подлиннике по-французски.
*** «Это показывает, как обнаглела прислуга».

разить при сем торжественном деле благодарность государю императору. Это предложение было принято единодушно всеми, кроме Безобразова, который по окончании присутствия говорил окружающим: «вошли мы вельможами, выходим—мужиками». Он ошибся—надлежало сказать: вошли мы ослами, выходим идиотами. Nous sommes entrés imbéciles, nous sortons crétins.

По городу ходят эпиграмматические стихи: «Плачь дворянства» — но никто не знает целого стихотворения.

11 марта

В Английском клубе по случаю баллотировки. Предложил собрать по подписке что-либо для капитала в пользу немощных дворовых на основании ст. 33 Положения о дворовых. Уговорил подписать: кн. Оболенского, Штиглица, Фелейзена, сенатора Ремерса, гр. Зубова и еще двоих — всего нас 8 человек. Гр. Орлов-Давыдов и Веневитинов отказались, говоря, что у них есть свои дворовые, коим должны помогать—я им напомнил помещика, который во времена Общества посещения бедных говорил, что у него самого—3 000 бедных. Я подписал 10 р.—чтобы никого не стеснить, если каждый из 400 членов подпишет по стольку же, то будет 4.000 р.

12 марта

Работа прибавилась у меня и—бедность тоже! Как свести концы с концами? Продам мои сочинения за что дадут; особливо как по переводе Музеума в Москву останусь не при чем.

Государю народ подносил хлеб-соль. Считают, что было до 30 тысяч на площади. Кричали: «ура»—бросали шапки,—коляска государя едва могла подвигаться.

Вольфсон ждал в крепости два часа, чтобы только увидеть государя, которого он никогда не видал.

16 марта

Абаза рассказывал: некто г. фон-Брин, генерал-лейтенант, недовольный своим поваром, потребовал в полиции, чтобы он был наказан: он к обер-полициймейстеру—тот сослался на «Положение» 19 февраля 1861 года; «но ведь еще два года остались, в которые можно наказывать», отвечал почтенный генерал-лейтенант. К счастью, оказалось, что этот повар был не его крепостной, но какой-то его двоюродной сестры, следственно жил по паспорту и мог отойти от него; иначе он был бы наказан.

18 марта

На годовом обеде Английского собрания бар. Фридрикс [Фредерикс] (старшина) сказывал мне, что предложение мое пролежало 8 дней и потом было снято. И любопытно, и характерично.

28 марта

Говорят, Серова посадили под арест за то, что прервал концерт Лазарева.

В Синоде разногласие по поводу христианства и современности. Аскоченский с Загоскиным подействовали на архиепископа Григория и «Православное Обозрение» готовы были запретить. Архимандрита Феодора отставили. «Домашняя Беседа» произвела большой скандал во внутренних губерниях. В действии Синода задет и Филарет московский. Любопытно будет видеть, как этот тонкий человек в этом случае будет действовать.

События Польши тревожны. Тут явно рука Луи Наполеона. А у нас безлюдье. Мы опоздали. Теперь поляки будут требовать конституции полной; дадут, будут требовать отделения; дадут и это—потребуют отделения

до Смоленска. Одно спасение: — славянский союз под покровительством русского царя. Il faut isoler la Pologne *.

1 апреля

Любопытное и верное замечание вел. кн. о действии [нрзб] вопросов на духу на народ. Спрашивают: «не ешь ли скоромного?», а никогда: «помогаешь ли ближнему?»

4 апреля

Ужасная статья в «Северной Пчеле» против Соллогуба и Вяземского и всех, кого нынче о б в и н я ю т в аристократическом происхождении. Реакция понятная. Преувеличенно, но многое справедливо. Безусловного порицания в стихах Соллогуба на всю новейшую литературу оправдать нельзя. Новое поколение деятельнее прежнего — и талантливее. Я предупреждал Соллогуба, что его лишенные фактического основания стихи вместо умиротворения произведут общий взрыв негодования законного. Он меня не послушал.

5 апреля

У Серова на гауптвахте нового Адмиралтейства — застал его за партитурою—толковали мы об «Isolino [Tristan] und Isolda» Вагнера, которую ни я, ни он не понимаем.

6 апреля

Веймарн, приехавший из Витебска, сказывал, что латыши в числе 2 000 человек не хотели верить манифесту и когда в толпе начали раздаваться: он переодетый, сорвите с него эполеты, свяжем его по рукам и по ногам и представим государю, некоторые начали подбирать каменья. Тогда Веймарн сказал: первый, кто бросит камень, будет расстрелян. Тогда он выбрал, 35 человек, которых тут же высек,—и все успокоилось. Все это хорошо, но почему 35 человек? Почему не 34, и не 36? Почему именно эти 35 человек признаны более виновными? Почему к этому случаю не применены правила Полевого уложения, если бы даже решением с у д а кто был бы приговорен и к смертной казни?—Гр. Кейзерлинг твердил: qu'il faut être ferme **. Я заметил, qu'avant tout il faut être juste et légal, et puis ferme ***.

В Комитете общественного здравия настаивал на необходимости наконец что нибудь делать.

Лемсон рассказывал мне, что какое то происшествие в том же роде было на фабрике Ольхина; но ему нельзя во всем верить.

16 апреля

Слухи, что Константину Николаевичу дали 250 тысяч и даже 30 тысяч совершенный вздор. У него 60 тысяч дефицита.

22 апреля

Моей статьей: «Зефироты» воспользовался какой-то спекулянт, издал ее, перепечатав почти всю и прибавив сцену купцов, собирающихся послать в Америку за зефиротами и показывать их в Петербурге. И политипаж сделали. Назвал он по своему прибавлению: «Зефироты и Зевороты» (вместо «Ротозеи»?)—Панаев первый известил меня об этой спекуляции.

---

* Надо изолировать Польшу.

** Что надо быть твердым.

*** Что прежде всего надо быть справедливым и законным, а затем уже твердым.

Жена, возвратясь от обедни в министерстве внутренних дел, привезла мне известие, что Сергей Степанович [Ланской] более не министр, а на место его Валуев. Это должно сделать большую переборку во многих должностях. Сергей Степанович уже три раза просился в отставку—которая явилась только теперь. — У бар. Корфа, который ничего не знал. Щекотливую статью в биографии Сперанского он свез к государю, иначе нельзя было.

24 апреля

Журнал «Рассвет» (в пользу евреев) в Одессе напечатал статью о Шавельской истории младенцев. Гр. [А. Г.] Строганов призвал к себе издателя и сказал ему: «знаете ли, что если одну ночь спокойно не усну, то я и вас, и ваш листок уничтожу».—«Так как я не желаю лишать сна ваше сиятельство,—и отвечать за это—то я предпочитаю лучше теперь же прекратить мой журнал».—И «Рассвет» больше не выходит.

Бобринскому дали 3 миллиона для поправления дел. Демидовы просят лотерею, против которой восстает гр. Блудов и Чевкин.

Недавно здесь остановили 3 или 4 воза ружей, которые некоторые из здешних студентов поляков хотели отправить в Варшаву.

27 апреля

Говорят, что самые недовольные из офицеров Прусского и Австрийского полков, ибо принадлежат к мелкопоместным. Но ведь о них же подумали? чего ж им еще?

30 апреля

У Сергея Степановича последний министерский вечер. Собрание довольно любопытное: новый министр Валуев, оба гр. Шувалова, Иван Матвеевич Толстой, Ливен, Суворов (остзейский генерал-губернатор), Смирнов, [Н. А.] Милютин, Жданов, Варнаховский, кн. Вяземский, сенатор Гильфердинг, Баумгардт, Шидловский, бар. Фредерикс и мы с женою. Настоящая панихида, на которую пригласили и докторов покойного и гробокопателей.

На место Валуева — Корнилов (московский губернатор); про него уже сложили следующую фразу: une de ces médiocrités si recherchées à present *. Министром народного просвещения называют: Литке, Левшина, [П. А.] Муханова (варшавского), бар. Корфа; с другой стороны говорят, что гр. Блудов не останется более полугода главноуправляющим II отделения.

10 мая

Фрейлина Эйлер видела Дурасова, возвратившегося из внутренних губерний, который ей сказывал, что везде все спокойно, все довольны и даже оценили выкупную систему, — но что нелепые слухи именно о тех местах, где он был, увеличивались лишь по мере приближения к Петербургу.

Получил от бар. Корфа известие, что мне дан четырехмесячный отпуск и годовое жалованье—по крайней мере долги уплачу.

13 мая

Нелепейшие толки о бумагах Хрущева, куда вмешали и вел. кн. и гр. Эммануила Сиверса. Дело все в том, что как Хрущев сделал нелепые покупки в последнее время, то в доме не осталось ни гроша. Лидия Хрущева никогда домашними делами не занималась, а в эту минуту и не могла. Вел. кн., бывши у ней, присоветовала ей пригласить кого-нибудь pour debrouiller ses affaires **, и между прочим назвала гр. Эммануила Сиверса,

---

* Одна из тех посредственностей, которые теперь в такой цене.

** Чтобы привести в порядок ее дела.

как друга семейства. В это время была у Хрущевой Ольга Бибикова. По приглашению Хрущевой приехал через несколько дней гр. Сиверс и по просьбе отобрал думские и сенатские бумаги от писем, уже связанных в пакет. Это видела жена гр. Димитрия Толстого, врага Хрущева. Из всего этого выползла нелепейшая история, что будто у Хрущева найдена переписка с Герценом, что вел. кн., в этом участвовавшая, испугалась, послала Сиверса взять эту переписку и сама затем поехала и чорт знает что; что Тимашева об этом спрашивал сам государь, что Тимашев сказал, что он не мог в это дело вмешаться, ибо тут замешана особа императорского дома, и за это получил отставку, что государь с тех пор не ездит к вел. кн., а в светлое христово воскресенье даже не присел у нее (государь просто не застал вел. кн. — она была у императрицы), что она едет на два года в чужие края, чтобы дать время заглохнуть этому делу. Ай да господа реакционеры — честно работаете языком.

21 мая

Павел Муханов (варшавский) приехал в Петербург, был у меня с визитом, не застал и оставил карточку; я сделал то же (он жил у Демута). 21-го на Каменном острове встретив его, я тотчас узнал и сказал ему: «Муханов!»—он отвечал «Одоевский!»,—вспоминал прежнее время, т. е. тому лет 35. «Vous avez été chez moi, moi — chez vous. Il faut que nous nous voyons — et c a u s o n s» *. Этим наш разговор и кончился.

В церкви я сказал Николаю Муханову: «что вы такое творите с университетом? Не наделайте бед». — «Ничего не делаем», отвечал он. «Ну, слава богу,—а то я слышал, что вы там какие-то аристократии изобретаете».—«Только мундиров не будет».—«Тем лучше—да растворите настежь двери—как в Библиотеке; приходи всякий, читай или слушай».

30 мая

Вел. кн. заставила меня по-французски ей сокращать записку К[авелина] о крестьянском вопросе, что я исполнил прескверно, и от усталости и от того, что едва успел пробежать ее.

10 июня

Выехали в 9 часов утра в Ронгас. Со всеми остановками, двумя таможнями, русской и ф и н л я н д с к о й (!?) — на последней, прописывая подорожную, спрашивали у моего Фридриха: что значит гофмейстер? — Je voudrais voir la mine de Friderick à cette question **. Мы приехали в Выборг в 3½ ночи; следственно всей езды было 17½ часов—двумя часами более, нежели я предполагал. Ночевали у Мотти. Толстиус, Алексеев, Никонен. — Губернатора нет в Выборге — я ему оставил две мои карточки.

17 июня

Едва разобрался с моими книгами и бумагами. — Пора работать — сколько еще приготовительной работы! — Прочитывал собранные мною материалы, накопившиеся и записанные на скоро мысли.

18 июня

Получил телеграмм от бар. Корфа о приезде в Петербург к середе для конференции у гр. Адлерберга.—Отправил ответ, что буду с Жерве,—также к Зимницкому, что пойдет завтра. В телеграмме сказано: Решено четверг конференция у Адлерберга—Ваше присутствие необходимо.

---

* Вы были у меня, я у вас. Нам надо увидеться и п о г о в о р и т ь.
** Хотелось бы мне видеть физиономию Фридриха при этом вопросе.

СОЧИНЕНІЯ

КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

Multum magnorum virorum judicio credo, aliquid et meo vindico.

SENECÆ Ep. XLV. 3.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

РУССКІЯ НОЧИ.

Изданіе книгопродавца Иванова.

Почтенному и любезному Ларовому товарищу Алексѣю Григорьевичу Теплякову отъ В. Одоевскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. ПРАЦА.

1844.

ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОЙ ЧАСТИ СОЧИНЕНИЙ В. Ф. ОДОЕВСКОГО
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ А. Г. ТЕПЛЯКОВУ
Институт Русской Литературы, Ленинград

19 июня

Вследствие телеграмма я бросил мое леченье, работы и поехал в Выборг, где ночевал, чтобы завтра с утра ехать в Петербург. Такие вещи только со мною случаются; с 1846 года я истощаю тщетно мое красноречие изустное и письменное о мерах для сохранения Музеума. 16 лет меня водили. Теперь, когда в 3 года раз я выпросил 4 месяца для отдыха, для леченья, для устройства моих дел, тогда находят нужным заставить меня, больного старика, ехать т о т ч а с же, как будто дело идет о смерти и жизни!

21 июня

Отправился в Царское село, прождав Исакова до 3 ч. Бар. Корф принял меня à bras ouverts *, и все семейство с невыразимым радушием, устроили мне ночлег.

22 июня

В Царском селе — в 11 поехал с бар. Корф на конференцию о Музеуме к гр. Адлербергу, которая была в три этажа: 1-й — гр. Адлерберг, бар. Корф, [Н.] Муханов, я и Исаков о сдаче Музеума. 2-й — гр. Адлерберг, Корф и я — о чиновниках Музеума, о коих я просил, чтобы им сохранили содержание до приискания места и 3-й — гр. Адлерберг и бар. Корф — обо мне. С Исаковым мы приехали в вагоне в Петербург и обедали с ним в Английском клубе. Вечером я работал над записками о Враском и других чиновниках.

Бар. Корф принял во мне участие с истинно дружеским радушием. И гр. Адлерберг спрашивал его: «что мы сделаем с кн. Одоевским?» Довольно трудный вопрос, на который и я не знаю, как отвечать. Мое главное дело сделано: Музеум обезопасен от верной и неминуемой гибели. А со мною, что будет, то будет; авось не останется втуне моя 16-летняя должность верной собаки при Музеуме.—Хотелось бы мне в Москву—нет при нашей скудности никакой возможности жить долее в Петербурге. Nous viellissons et nous nous ruinons **.

30 июня

По некоторым обмолвкам (здесь подчеркнутым) этого сумасшедшего листка можно догадываться, что он написан под влиянием партии помещиков, недовольных решением крестьянского вопроса; род и н т и м и д а ц и и с целью заставить правительство обратиться вспять, хитроприкрытой будто бы общим согласием и соучастием всех «образованных классов»...—Ошибки против языка, галицизмы и неловкие обороты показывают, что листок сочинен плохим грамотеем и не привыкшим писать по-русски ***.

8 июля

Наслаждался чтением «Домашней Беседы» господина Аскоченского—прекурьезная вещь. Не знаешь, чему удивляться: наглости, бесстыдству, сознательному невежеству или тому, что вся эта торгашеская ложь прикрывается религиозными цитатами. Издатели: плут Аскоченский, вор Башуцкий и пара помешанных: Загоскин с Бурачком.

14 июля

Читаю Щапова «Русский раскол и старообрядство» — какое однако ж сходство с принципами «Домашней Беседы».

---

* С распростертыми объятиями.

** Мы стареем и разоряемся.

*** Написано на обороте прокламации «Великорусс» № 1 — см. воспроизведение ниже на стр. 177.

19 июля

Окончил книгу Щапова о расколах; интересно, но весьма неполно.

20 июля

Начал читать «Физиологию» Рудефорда. — Каких долгих отдельных трудов стоило проследить каждую минуту зародышного развития от ячейки до совершенного возраста — чтобы составить материал для этой чудной истории — еще есть люди, которые смеются над микрографом, сидящим за ячейкою! — Тому 30 лет такая книга была бы невозможна.

22 июля

Революция в доме — люди, узнавши, что здесь трудно доставать прислугу, просят прибавки жалованья или отпуска, особенно Петр, отличающийся прескверным аттестатом, несмотря на увещания его жены.

24 июля

Странное положение финляндской полиции, особенно в отношении к приехавшим с русскими паспортами. Они не имеют права предупреждений.

26 июля

Работал над Сперанским и кончил.

27 июля

Просмотрел Сперанского, еще наделал вариантов, и написал письмо к бар. Корфу; все это посылаю завтра с В. И. Алексеевым.

30 июля

Сегодня мне минуло 57 лет; не думал я прожить так долго. — Потрудился я на моем веку — а сколько еще недоделанного осталось. Благодарю бога, что память еще не слабеет, хотя сила на работу уже не та, а, главное, сердце не черствеет; сужу потому, что доброе меня трогает, гадкое гадит, умное интересует.

31 июля

Читал «Гришу» Печерского. Удивительно хорошо, — но как эти талантливые господа пишут наспех. Едва начал и кончил; а у других разглагольствие; Жорж Занд справедливо заметила, что русские писатели не понимают l'économie de l'ouvrage *.

7 августа

Читаю спор Чернышевского (в «Современнике») с «Русским Вестником» о Токвиле. Дело в том, что они оба не правы. У Токвиля действительно недостает ясности, сколько помню, но книга его интересна.

21 августа

Пробежал связку запоздавших газет. Американские происшествия превосходят всякое вероятие. Пенсильванские волонтеры оставили поле сражения при начале битвы при Болл-Роне [Булль-Руне] потому только, что истек срок их 3-месячного обязательства — и сражение было проиграно. Если это не выдумка Мак-Довело [Доуэля], чтобы прикрыть свою неудачу — то это просто псевдо-бентамиты. А еще на меня нападали за «Город без имени!»

---

* Не ощущают пропорций.

[12 октября]

Университетская история по городским толкам

1861 — сент. 25 — 26 — октябрь

Об этой истории столько разноречащих слухов, толков, апофегм, легенд, эпиграмм, — что не знаешь, чему и верить.

Наибольшее число обвиняют гр. Сергея Строганова, подавшего мысль не принимать студентов без платы (по бедности) более двух на губернию. — Здесь полагают начало всему происшествию. Это распоряжение оскорбило и публику, и студентов. К этому присоединилось распоряжение гр. Путятина о закрытии сходок, на коих между прочим студенты собирали между собой деньги для беднейших товарищей, занимались библиотекой и прочими своими делами. Эти сходки бывали публичные в зале университета, часто в присутствии ректора и в них ничего предосудительного не было. — Они закрылись по мысли гр. Путятина придать университету совершенно школьный характер, — потому что так в Оксфордском, основанном английскими лордами, где при каждом студенте тутор, у каждого студента три-четыре комнаты и где каждый вносит до 3 000.

Следствием этих идей было бы у нас усиление, или, лучше сказать, искусственное образование сильной аристократической партии, столь несвойственной ни духу, ни условиям России и, сверх того, самой опасной для монархического правления.

Говорят, что гр. Строганов настаивал, чтобы высшее образование давалось лишь богатым, и вспоминают, что подобная мысль, хотя в другом виде, была предложена императору Николаю: хотели, чтобы университет был открыт лишь дворянам. Император Николай отвечал: «не могу взять на свою совесть запретить кому либо учиться».

Не знаю еще, что было поводом закрыть университет, но известно, что он был закрыт без предварительного о том извещения студентов. Когда они пришли по обычаю на лекции, их встретил полициймейстер Злотницкий [Золотницкий] с объявлением, что впуск запрещен. «От чего»? спросили студенты. — Об этом спросите у попечителя». (Попечителя Филипсона не было в это время в университете). Студенты отправились чрез Невский проспект, как говорят, весьма чинно, с портфелями под мышками, по два в ряд, не позволяя себе даже громкого разговора; когда они подошли к Владимирской, их окружили солдаты и отвели в крепостные казематы.

Остальные товарищи (знак, что не 2 тысячи шли по улицам) собрались снова, говоря, что взятые не больше их виновны, и потому желают, чтобы и их подвергли той же участи.

Теперь — 12 — 14 октября, говорят, в крепости до 300 человек.

Озлобление в публике большое и против бездействия Путятина и Филипсона, и против излишней деятельности [П. Н.] Игнатьева и Паткуля.

Говорят, что им непременно захотелось отличиться и быть спасителями отечества; что они старались об этом при обнародовании манифеста о крепостном освобождении, что им не удалось; так они воспользовались отсутствием государя, чтобы обратить чисто домашнее университетское происшествие в государственное дело, произвести искусственную революцию и спасти отечество.

Говорят, что много студентов изранено прикладами; но это неправда; солдат ударил прикладом по голове лишь кандидата Лебедева (вышедшего из университета) и который, идучи в Академию Наук к Веселовскому, попался тут нечаянно, — остановившись или остановленный толпой. — Лебедев взят в крепость.

Между народом распускали слух, что это бунтуют молодые помещики, потому что государь освободил крестьян.

Говорят, Бистром кричал солдатам: вы этим б а р ч а т а м спуска-то не давайте.

Когда Плаутину стали говорить, что студенты бунтуют, он отвечал: я видал бунты и революции; бунтуют с криками и с оружием в руках, а эти ш л и п р о с и т ь.

Вообще до сих пор так еще мало у меня верных данных, que je ne vois pas trop clair dans toute cette affaire *,—может быть Игнатьев и Паткуль и не могли действовать иначе, — audiatur et altera pars ** — здесь в отношении к обеим сторонам; но одно верно: слава богу, что все это и в Петербурге и в Варшаве явилось п о с л е уничтожения крепостной зависимости. Тогда бы история была другая. Верно и то, что ни Филипсону, ни Путятину не следовало о т с у т с т в о в а т ь. Не уж-ли они побоялись комков грязи? Грязь, полученная на исполнении своего дела, не беспечит.

Озлобление в публике сильное. На юбилее полка, где Паткуль прежде был полковым командиром, офицеры при чем сделали складку в пользу студентов до тысячи, и настоящий полковой командир первый подал тому пример.

Говорят, что наследник сказал про действия Путятина: он, кажется, забывает разницу между управлением корабля и управлением университетом. Говорят, что [С. Г.] Строганов был в отчаянии от этого замечания.

Говорят, что в «Искру» были присланы стихи о каком то бродяге, где между прочим было, что следует:

И бить его, и гнать его (Игнатьева)..

Впрочем, это подражание старинной эпиграмме Соболевского на Григория Книжника [Геннади].

Так же был следующий стих:

Бьет по морде, под лопатку-ль (подлю Паткуль).

Цензор догадался и не пропустил; а легко он мог пропустить — нескоро заметишь. Так трудна и даже невозможна цензура.

13 октября

Говорят, что сегодня посадили в крепость еще более 200 студентов. Боже мой! что ж это будет? Не попечитель, а Паткуль распоряжался в н у т р и университета. Да что ж делает университетское начальство?

15 октября

Сегодня в газетах об отдаче под суд офицеров, принимавших участие в беспорядках студентов.

19 октября

После тоста государю, провозглашенного бар. Корфом и принятого с неподдельным энтузиазмом, Паткуль, приглашенный к завтраку учредителями, посмотрев на часы, сказал: пора мне ехать навстречу государю, и уехал. Из этого происшествия в городе вывели такой толк, что будто тост был принят холодно и что Паткуль сказал: я не могу дальше оставаться с такими людьми. Так в публике раздражено расположение все толковать в тревожном смысле. Прекрасный рескрипт государя лицею, который бы так хорошо теперь пришелся, был прочитан неожиданно для всех и, говорят,

* Что я не слишком ясно разбираюсь во всем этом деле.
** Выслушаем и другую сторону.

весьма невнятно принцем Ольденбургским, так что большая часть присутствующих его не слыхала (завтрак на беду был в разных комнатах). — Отсюда новые толки, что принц рассердился на будто бы холодный прием присутствующими этого рескрипта. За тем будто бы лицей дает бал в субботу, чтобы сделать благодарственную манифестацию. Уж эти манифестации! Дать бы умам успокоиться; депутации было бы достаточно. Как не знают, что в тревожное время всякая манифестация может, смотря по составу толпы, вызвать противоположную *.

21 октября

Сегодня был развод — государь говорил с офицерами — и говорят, между прочим, сказал: у меня много неприятностей, — но я их забываю, находясь посреди моей гвардии Я знаю, что хотели вас заставить нарушить верность, но я знал заранее, что этого не случится.

25 октября

Мнение бар. Корфа об университетах рассматривается, говорят, завтра в четверг в Совете министров (об уничтожении звания студентов и об открытии университета). Валуев так мне рассказал свою точку зрения: «Вопрос таков, что нельзя решить его, не подвергнув всех сторон обсуждению какого-либо комитета специалистов. Нет нужды распространить университетское образование, когда нужно расширить средние школы. Огромное число студентов делает невозможным действительные экзамены на выпуск с аттестатами. Оксфордский университет с туторами, избираемыми самими студентами, дело полезное. Классическое образование произвело всех великих государственных людей Англии. Из физиков не было ни одного действительного государственного человека. Если нет у нас средних деятелей,— то от того, что нет начальников, которые бы умели ими распорядиться».

Говорят, появилась третья прокламация «Великорусс», напечатанная ручным станком.

26 октября

Сегодня государь приехал на пароходе в Петербург, говорят, для присутствования в Совете министров по университетскому делу.

8 ноября

Получил при милейшей записке от бар. Корфа отношение гр. Адлерберга 8 ноября № 5044 — о назначении меня сенатором в Москву. Отвечал бар. Корфу и возвратил отношение.

9 ноября

Уморительно, как не понимают, что можно оставить Петербург и желать московского уединения, и все добиваются причины, от чего я просился в Москву. Я отвечаю, что там у меня две богатые тетки, одна на Арбате, другая на Поварской, за которыми надобно ухаживать.

15 ноября

Писал к Н. Ф. Павлову о том, что мое участие в его газете связано с допущением в нее статьи в пользу Соллогуба.

---

* Все это пустая городская болтовня. Принц Ольденбургский читал очень внятно и уехал лишь потому тотчас же по прочтении рескрипта, что спешил в Совет с самого приезда. [Прим. В. Ф. Одоевского].

А. Г. РУБИНШТЕЙН
Литография 60-х гг.
Публичная Библиотека, Ленинград

19 ноября

Существование Путятина, как министра просвещения, производит в публике самое неблагоприятное впечатление; чему помогает выход в отставку Делянова, Воронова, [нрзб] des professeurs. Говорят про Путятина, что он — пюзеист, и раз сказал: очень прискорбно, а нечего делать, надобно же кончить тем, что покориться папе.

Про Михайлова (распускавшего прокламации Герцена) в «Indépendance Belge» пишут, что он рассказал судьям: я был крепостным, и в детстве видел, как секли моего деда за то, что мешал барину изнасиловать его дочерей — с тех пор я поклялся в вечной ненависти дворянству. 19 февраля 1861 года умиротворило меня; но действия дворянства снова возбудили мою желчь и вот отчего я пред вами.

Говорят, Бакунин убежал из Сибири и через Амур и Японию едет в Лондон, о чем Герцен объявил в каком то журнале.

Говорят, в иностранных газетах напечатан какой то адрес весьма умеренный, но толкующий о конституции.

Я сказал бар. Раден *: «не отравляйте мне этих мгновений; я нахожусь сейчас в блаженном состоянии ревностной святоши, которая подсчитала количество постных супов, проглоченных ею, и надеется быть вознагражденной таким же количеством жирных колбас; колбасы она не получит — это

* Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

наверное — но это не разрушает ее блаженства. Я знаю, что Москва наскучит мне, как и все; но по крайней мере ничто не может нарушить блаженства, которое меня охватывает, когда я освобождаюсь от тысячи цепей, сковывающих меня в Петербурге».

24 ноября

На именинном завтраке у вел. кн. Екатерины Михайловны. — Возня с больным зубом помешала мне поспеть к обедне. Опять вопросы со всех сторон о причине моего переселения в Москву. Мой долгий разговор с Суворовым о Думе и Комитете общественного здравия *. — «Уверяю вас честью, — сказал я ему, — и скажите об этом государю, что нет ничего и не может быть ничего, кроме как добра от Думы». — «Вы знаете, что возражали против 750 человек членов Думы» — «Это иллюзия, это только на бумаге, собирается не больше двухсот человек и таким образом почти всегда недостает людей для различных комиссий, необходимых вследствие разнообразия дел, подлежащих рассмотрению; а вы знаете, что в таком роде службы, который не дает ни жалования, ни наград — единственное средство заставить людей работать, это иметь возможность р а з д е л и т ь работу между многими лицами. На мой взгляд Дума — единственное учреждение в Петербурге, которое работает добросовестно. На нее нападают за то, что она мешает хоть сколько-нибудь воровать». — «Ч[евкин] резко выступал против нее». — «Я этому охотно верю. Мы считаем копейки, а он вдруг наваливает на город издержки в 400 и 500 тысяч, коих употребление можно судить по тому, как ремонтируется самое здание Думы и вообще городских строений. Je sais que je me mettrai sur le dos tout le monde,— mais n'importe, — je ferais mon devoir» **.

У Рибопьера, чтобы узнать, когда я могу благодарить государя.

Я бы желал иметь возможность сказать государю следующее. Участь всех государей и великих мер, ими предпринимаемых, это то, что эти меры бывают не вполне понятыми. Может быть полезно, чтобы в толпе были люди, могущие ее вразумить; но такое дело может быть доступно такому человеку, которого нельзя обвинить в честолюбии, ибо он променял положение более блестящее на долю скромную и трудовую. Я смею думать, что вашему величеству я буду полезнее в Москве, нежели в Петербурге.

Вечером у вел. кн. «Enfant prodigue» ***, сказала она, повторяя сказанное поутру. Я сказал вел. кн. ****: «Если вам угодно уделить мне пять минут, я сумею объяснить вам, почему я покидаю Петербург».—«Ни пять минут, ни больше не смогут убедить меня — говорите!». — «Ваше высочество, пожалейте меня, но не порицайте. Я покидаю Петербург не без сожаления; но я чувствую, что слабею — и физически, и морально. Я чувствую на себе влияние петербургской атмосферы и как все петербуржцы, я утрачиваю понимание России. Мне надо почерпнуть силы на родной почве». — «Вы полагаете, что в Москве вам это удастся?» — «Отчасти; но меня будут посылать и в провинцию». — «С вашим здоровьем это очень тяжелый труд». — «Да! Но я сумею вынести это — и надеюсь быть полезным. Вы знаете, что Россия движется всегда скачками, — я не могу объяснить себе

---

* Далее, до слов «мы считаем копейки», в подлиннике по-французски.

** Я знаю, что восстановлю всех против себя — но все равно — я исполню свой долг.

*** Блудный сын.

**** Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

куда она скачет сейчас; из Петербурга этого не видно». «Да, это правда!— Вас назначили в уголовный департамент, вы будете там полезны». — «Я предпочел бы гражданское ведомство, — но все равно». «Вы не просили об этом». — «Я никогда не прошу что бы то ни было и исполняю то, что мне поручено — я постараюсь изучить уголовное право».

2 декабря

Встретил Панаева, расспрашивал о запрещении «Современника»; вредит ему какой-то Ведрин, которого «Современник» распушил.

5 декабря

Читал «День» — что за пустоголосица! ни одной живой мысли, а лишь славянофильское риторство и французская игра словами.

[14 — 16 декабря]

Говорят, что вел. кн. Константин Николаевич на просьбу Путятина рассказать ему все происшествия, отвечал, что по занятиям принять его не может и в то же время другого адмирала (при Путятине же) пригласил на завтра к себе. Опять заговорили о Головнине для министерства просвещения.

Про меня, после многих толков, рассказывают, que je fais preuve d'une grande finesse et de prévoyance, en allant à Moscou!! Je ne m'attendais pas à celui la! * Любопытно знать, в чем они тут видят тонкость и предвидение чего?

17 декабря

Все говорят о замещении Путятина Головниным, но все так рады этому и так боятся, чтобы разговоры об этом не помешали совершению этого изменения, что говорят шопотом, приговаривая: «только не рассказывайте об этом, чтобы не повредить».

26 декабря

Губернских врачей теперь назначают губернаторы. Прежде это было делом Медицинского совета и департамента; в результате — 200 ваканций по городам, ибо департамент не назначал ни единого без взятки, а взятка была высока. Департамент же жаловался на недостаток врачей в России. Теперь по городам нет ни одной ваканции. Вот еще пример, каким образом преступный частный интерес — домашняя кастрюлька — может отразиться в целом государстве в виде общественного бедствия.

Современный вопрос, поднятый в Комитете общественного здравия: что делается с хозяевами, которые отдают в наймы сырые квартиры?

30 декабря

В дворцовой зале на репетиции Русского музыкального общества. С репетиции я прошел к вел. кн. — читала она стихи Некрасова и рассказывала с удивлением, что Блудов не признает его поэтом. Вел. кн. напомнила, что было время, когда Пушкина и Вяземского считали за hommes dangereux **.

---

* Что я проявил большую тонкость и дальновидность своим отъездом в Москву!!. Этого я не ожидал!

** Опасных людей.

31 декабря

Вечером у меня: кн. Львова, Эйлеры брат и сестра, M-lle Staal, Рубинштейн, меньший Веймарн, Мальцев, Опочинин старший, Рейц, [нрзб.] Ермаков, Баумгардт, Булычев.

Во время ужина явились разные подарки из дверей. Рубинштейну — дыня, как символ того, что может ему бросить публика, и шитая подушка — de la part du Conservatoire à son père * — мне соль, для просоления московского Сената, лекция по теории невероятности и розга на Муму.

Вот и остался 1861 год; кажется, с 1862 для меня начнется новая жизнь, менее мятежная и больше мне останется времени для моей внутренней жизни.

1862 год

[1 — 5 января]

Хорошо еще, что эти ослы ошиблись в имени. Впрочем в старые годы, по поводу такой штучки можно бы попасть в крепость.

8 января

Кн. Черкасская, которую просил сказать Аксакову: примет ли он от меня возражение самому корню «Дня».

12 января

Бар. Корф (отмена телесных наказаний) — обнародование этой меры прежде самого закона, что пр. Б[лудов] предполагал держать в секрете. — Вечером бар. Раден с бала Ольденбургского. Она з а телесные (разумеется полицейские) наказания по приговору мира и в школах!!!

25 января

Поутру прислала за мной жена от Сергея Степановича [Ланского], который при последнем конце. Там были лишь кузины, жена и Зенеида. «Spes nulla? **», спросил я у Рауха, чтоб не испугать окружающих. «Spes nulla», отвечал он.

Свидание государя с Сергеем Степановичем Ланским было самое трогательное. Он благодарил Сергея Степановича за все, что он сделал, Сергей Степанович за то, что позволил ему быть участником в великом деле. Государь плакал навзрыд. — Странное дело, как у нас высасываются слухи из пальцев. Не успел я приехать в Музеум, как уже мне рассказывали, что Сергей Степанович говорил государю: «ступайте, ступайте теперь», как будто он им тяготился. Ничего подобного, даже близкого не было. А пожалуй эта нелепость перейдет и в «Колокол». Елена Павловна также была у Сергея Степановича и говорила со всеми родными.

26 января

Сергей Степанович скончался в 7½ час.

28 января

Про Панина говорят, что он один отстаивает телесные наказания, и в особенности д л я ж е н щ и н; ибо, говорит он, я вам скажу, как эксперт, женщина совсем не человек: это я вижу беспрестанно по делам: отравила мужа, отравила мужа, отравила мужа.

---

* От консерватории ее отцу.

** «Никакой надежды?».

1 февраля

Сегодня в первый раз мог быть в Дворянском собрании — следственно не слыхал ни речей Платонова, ни речей [Н. А.] Безобразова (крепостника, который однакож за себя 67 голосов против 140; а заведи у нас парламент, за него было бы 167 — это верно; да и в Дворянском собрании, если бы не сила царской воли, все бы потянулись за крепостником).

3 февраля

1-го февраля было уже последнее заседание Дворянского собрания. Решили: ходатайствовать—1. О поручении дела губернских учреждений комиссии из дворянства совместно с комиссией от правительства. 2. О введении ипотекарной системы по проекту сенатора Цеймерна. — Потом благодарности.

Прежде решили: рассмотрение предложения Платонова отложить до будущего съезда, теперь же просить о гласном и устном судопроизводстве.

4 февраля

У меня Гербель (с просьбою дать какие-либо сведения о брате Александре и о Кюхельбекере — мало могу что сообщить, ибо последнего знал лишь один год, а первого в разное время лишь несколько месяцев).

9 февраля

Зашел в магазин Серно-Соловьевича, где за bureau г-жа Энгельгардт — жена химика, потерявшего профессорское место при Путятине.

[*10 февраля*]

О бале у кн. Юсуповой-Шово — тысячи эпиграмм. Два лагеря — кн. Кочубей и кн. Шово. На бале мало, но за ужином, когда кавалеры уселись возле дам, после мазурки, их подняли, чтобы дать место другим дамам; мущин же хозяин пригласил к буфету, приговаривая, que sans les dames on est plus à son aise pour manger! Cette phrase de bourgeois endimanché * подняла всех на зубки. Австрийца не было ни одного у Шово, все другие дипломаты были, и также кн. [А. М.] Горчаков. — Ездить к Шово называют: chevaucher **. Тютчев сказал: «j'aime mieux les festins du fils que les pompes du père» (отца Шово обвиняют в том, что [нрзб] его было entrepreneur des pompes funèbres) ***. Все это занимает петербургские салоны, — больше, нежели все толки о думах, соборах и проч. т. п. Уж таков Петербург.

16 февраля

Говорят, история в Театральной школе. Сабуров повез с собой в карете двух воспитанниц и Прихуновой запустил в рот язык, от чего ее вырвало. Смотрительница Рулье жаловалась. Она, говорят, сама торговала воспитанницами, но Сабуров ей помешал и оттого будто бы она на него зла. А если не от того, а просто бедные девочки насилуются старыми прелюбодеями?

Что такое в Твери? Говорят, туда Анненков (контролер) послан.

17 февраля

История тверская: мировые посредники (говорят, 14) подали в отставку, требуя изменения «Положения» 19 февраля. Что за свиньи! Что за ослы!

---

* Что без дам удобнее кушать. Эта фраза разряженного буржуа...

** Гарцевать.

*** Я предпочитаю празднества сына отцовским торжествам... устроитель похоронных процессий [непереводимая игра слов].

Не слышат они, что говорит народ: «не нажить нам никогда такого царя, как нынешний!» — Что ж они хорохорятся и только пакостят! О дворянство — когда поумнеешь!

9 марта

Я нечаянно узнал, чего мне в голову не приходило, что император Николай Павлович считал меня самым рьяным демагогом, весьма опасным, и в каждой истории (напр. Петрашевского) полагал, что я должен быть тут замешан. Кто это мне так поусердствовал? И как меня не согнули в бараний рог?

11 марта

У государя и у наследника. Государь сказал мне: «А, наконец! когда намерен ехать?» — «Я не желал бы медлить, но завишу от Устава Максимилиановской лечебницы, который теперь рассматривается в Медицинском совете, — другие мои годовые отчеты я уже сдал» — «Ну с богом, продолжал государь, — я уверен, что и в Москве вы будете также полезны, как всегда были полезны» и милостиво пожал мне руку. Императрица не принимала сегодня. Я пошел было спросить у Рихтера: когда я могу откланяться государю наследнику, и встретил самого цесаревича: «вы верно шли ко мне?», сказал он. «Точно так, отвечал я — откланяться вашему высочеству».—«Да вы соскучитесь в Москве». — «Буду работать над сенатскими записками». — «Ну и другие дела будут». — «Нет, ваше высочество, никакой уже административной должности на себя не возьму, — здесь у меня их было пять, — это хорошо смолоду», — и проч. т. п.

Зашел проститься с гр. Барановой, где встретил гр. Тизенгаузен, которую проводил в ее комнату. «Pourquoi allez vous à Moscou»? — «Parce que pour vivre ici il faut avoir deux choses: de la santé et de l'argent— et je n'ai ni l'un, ni l'autre» — «Vous avez raison, отвечала умная графиня, je vous comprends *. У меня обедали: Свербеев, кн. Волконский, Голохвастова, бар. Раден, и остались до вечера. Свербеев дал мне характеристику москвичей — умора! Все разделено на кружки, которых нельзя спустить вместе — перегрызутся.

18 марта

Непонятная вещь! Кн. Ал. Фед. Голицын и теперь умел убедить, что он добрый, честный простачок и что его в публике гонят за его преданность и правдивость, оказанные им в делах расследования о революционных обществах.

При Николае Павловиче было секретно запрещено цензуре печатать что либо в похвалу Морского ведомства и Константина Николаевича.

27 марта

Нет ничего интересней второй жизни человека; внешняя жизнь выставлена на показ всем. Внутренняя же, вторая жизнь есть скрытая основа, которая управляет всем существованием человека. Иногда она прорывается наружу, оставаясь всегда скрытой, как некая тайна. Я не могу постигнуть, как могут люди чувствовать необходимость в признаниях, когда у них какие-либо недопустимые чувства или чувства, которых они не должны бы иметь.

---

* Отчего вы уезжаете в Москву? — Чтобы жить здесь, надо иметь две вещи: здоровье и деньги, а у меня нет ни того, ни другого. — Вы правы... я вас понимаю.

Удивительней всего то, что человек, чувства которого не разделяются, всегда с упорством распространяется о них. Потому, очевидно, что искренне чувствуя что-либо, не можешь себе представить, что тебе не верят *.

29 марта

У нас обедала m-lle Staal. — После обеда Ан. Вас. Путята и спиритические опыты. Я пробовал их над собою: усталость мускулов и нервное возбуждение — вот и все; оттого руки приходят в дрожание. Если в это время о чем-нибудь думать, то это напишется невольно, за тем слово станет цепляться за слово и составится фраза. У меня не выходило ничего, кроме черточек, ибо я старался воздержать себя от всякой определенной мысли. В Ан. Вас. и в. m-lle Staal нервное раздражение очень сильно.

9 апреля

Говорят: одни, что вчера какие-то печатные прокламации были насованы в карманы офицерских шинелей во дворце, другие, что рассыпаны были в церквах и даже наклеены на уличных столбах.

[*10 апреля*]

В «Journal du Nord», говорят, любопытная статья о преобразовании Государственного совета.

В «Indépendance Belge», говорят, статья обо мне (?!) — не могли найти, как ни старались Рошлер и Гульден.

21 апреля

В шахматном клубе, говорят, на меня напали — и Лесков заступился. Ведь это очень забавно: псевдолибералы называют меня царедворцем, монархистом и проч., а отсталые считают меня в числе к р а с н ы х!

22 апреля

Архимандрит Порфирий привез мне снимки с [нрзб] греческих музыкантов и рог, который носят женщины в Абиссинии.

В Константинополе один иеромонах отыскивал продажные мощи. Какой-то Костька уверил его, что у него есть чудо: д в и ж у щ и е с я м о щ и; но что это движение происходит лишь в полночь; иеромонах пришел к нему; Костька заставил его сделать 50 поклонов и потом вынес ящичек, обделанный в серебро; приблизив к нему ухо, иеромонах действительно заметил, что в мощах что-то шевелится. Торговец Костька просит 50 червонцев; сошлись на 15. — В течение двух-трех дней иеромонах подходил к ящику и слышал в нем движение; уверившись в истине этого сокровища, он отправился из Константинополя куда-то морем. Здесь Костька под пьяную руку начал хвастаться, что он куски от обрубка продает за древо креста, мощи сбирает с муссульманских кладбищ, да и иеромонаха обманул, посадив в ящик живого р а к а; это дошло до иеромонаха, который также был поражен тем, что от ящика пошла нестерпимая вонь (рак умер и начал гнить). С досады он бросил ящик в море.

Открыли, что будто существует тыква, которую Христос употреблял при установлении евхаристии. Она была куплена и поднесена императрице Александре Феодоровне; оказалось, что то было нечто в роде полоскательной чашки турецкого серебра, в подножии которой что-то, при движении, билось об стенки, — уверяли, что то кусочек этой тыквы.

---

* В подлиннике запись по-французски.

На шоссе один инженерный генерал подошел к работнику и заметив, что он не так работает, стал сам укладывать как следует. «Что ж он за энарал», — говорит работник, — работу понимает, словно простой солдат».

3 мая

Если преобразование судопроизводства совершится, то я скажу с Симеоном богоприимцем: благодарю тебя господи, яко видел очама моими спасение людей твоих. Совершится и ничто не страшно для России, ни ошибки, ни мятежи, ни глупые прокламации — и время от 19 февраля по день обнародования судопроизводства выше всей прежде прожитой тысячи, а нынешний государь величайший из государей русских.

5 мая

Шахматно-литературный клуб, говорят, совершенный кабак, но имел ту пользу, что столкновением произвелись партии враждующие: герценистов, ультра-либералов или народников, они же нигилисты.

6 мая

Как рассказывает публика

Бар. Корф всеми силами хочет остановить решение вопроса о судопроизводстве. Когда в общем собрании Совета принялись было за это дело окончательно, он вошел скрытно от членов Совета с особою запиской к государю о внесении в Совет записки Бунге, заключавшей самую оскорбительную критику на действия редакционной комиссии и на Блудова, взволновавшей всех членов, так что бар. Корф признался, что не читал записки Бунге, и просил прощения у членов, на что гр. Панин, одобрив такое с его стороны уничижение, заметил, что он должен просить прощения и у гр. Блудова. Все это имело следствием, что кассационный суд отменен.

Как было в самом деле

Проект гр. Блудова о судопроизводстве гражданском и уголовном был рассмотрен в Совете и окритикован. За тем эти обе работы были окритикованы Государственной канцелярией, представившей свой проект. Этот проект рассматривался не в общем собрании Совета, но в соединенных Департаментах законов и экономии. Перед одним из заседаний бар. Корф получил записку Бунге, содержавшую в себе критику на работу Государственной канцелярии, сильную, но нисколько не оскорбительную. Бар. Корф сообщил о записке Бунге кн. Гагарину, как председательствующему, и с его согласия испросил у государя позволения внести ее к совокупному с делом рассмотрению (ибо без разрешения государя ничто не может быть внесено в Государственный совет). Государственная канцелярия действительно нашла некоторые выражения в записке слишком сильными и оскорбительными. На что бар. Корф сказал, что если в записке Бунге есть что-либо оскорбительное, то виноватый не Бунге, а он, ибо Бунге сообщил ему свои замечания конфиденциально, а он счел столько дельными, что нисколько не усумнился обратить на них внимание департаментов, тем более, что дело не шуточное и требующее обсуждения с разных точек зрения. Извиняться пред гр. Блудовым он не находит нужным, ибо критика Бунге касалась единственно проекта Государственной канцелярии. — Обсуждение дела продолжается весьма спокойно и бесстрастно. Бар. Корф был изумлен, что такое простое с его стороны действие получило в публике такие нелепые размеры.—«Для меня уж нет,—говорит он,—никаких честолюбивых целей; и ничего бы так не желал, как выйти в отставку;

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ И ЕГО ЖЕНА, ОЛЬГА СТЕПАНОВНА
Карикатура М. Фредро
Институт Русской Литературы, Ленинград

лета мои отнимают у меня силы прежней деятельности. Я употребляю все силы, чтобы двинуть сперва закон о новом судопроизводстве, для сего я отказался от дворца в Екатеринентале (в Ревеле), от казенного парохода; но было бесчестно с моей стороны в деле столь многославном действовать без оглядки и отвергать все средства, могущие придать ему практическую пользу».

11 мая

Мельников. Корректуру он отдал Лескову, который мне ее не принес. Рассказ Мельникова о жестоких обычаях у раскольников, о обожании бюста Наполеона (иже приде из Египта), — о мальчике, у которого penis был перевязан волосами, а для мочи проделана фистула.

13 мая

У меня Лесков — толковали о глупых прокламациях и о нелепости нашего социализма. «Уж если будет резня», — сказал Лесков, — «то надобно резаться за Александра Николаевича». «Северная Пчела» начинает поход на социалистов.

16 мая

Выехали из Петербурга с 12-ти часовым поездом — в семейном двух-местном отделении, — но в Колпине нас пересадили в другой.

17 мая

В 8 часов утра мы в Москве — на станции ожидал нас Баев и человек Соболевского Николай с каретами. — Поутру явились к нам Перфильев, Свербеев и Лонгинов с огромным калачем, с него толщиною, и микроскопическою солонкою.

В 6 ч. у бар. Корф, которую насилу дождались — потом у Перфильевых, где встретил Армфельдта и Свербеева с дочерью Ольгою — моею приятельницею — рассказ о девице Аполи, притворившейся ограбленною.

19 мая

Был с визитами: у Тучкова, застал его с просителями, и моих товарищей сенаторов: Ховена, Мердера, Хотяинцева, Жеребцова, Казначеева. Принял лишь Тимирязев. Сказывал, что теперь идет студенческое дело, которое, на беду меня не минует.

[*20 мая*]

В Москве уверены, что Константин Николаевич искал места в Варшаве. Иван Семенович Тимирязев говорит: «Москва не иное что, как дура». Ховен рассказывал мне, как тому лет десять человека высекли розгами и сослали в каторгу за убийство жены, которая теперь, как оказалось, в живых между беглыми солдатами.

Жены раскольников были наказаны розгами и сосланы; их мужья были оправданы Сенатом; потребовали возвращения жен, им отвечали, что надобно просьбу от самих жен, — ибо по закону от родственников просьбы не принимаются в уголовном деле. Ховен указал, что в законе не сказано: от супругов. — Мужья просили их также отправить в ссылку для соединения с женами. От них просьбы не приняли, ибо была на 60-копеечной бумаге, а не на 90-копеечной. Ховен предлагал от себя 3 р., по рублю на просьбу.

24 мая

Лонгинов импровизировал за мое здоровье следующие стихи:

Для матушки Москвы наш друг оставил Север.
С ним возвратилась нам счастливая пора;
Так закричим: Одоевский for ever!
Одоевский vivat! Одоевский ура!

25 мая

В общем собрании Сената. Дело делается в молчанку. Начинается чтением протокола прошедшего заседания, коего никто не слушает и что в насмешку называют: часы. За тем подносят сенаторам лист, где они отмечают, с каким мнением кто согласен — une espèce de jeu du secrétaire *. Вообще забота одна: поскорее кончить заседание.

Спас мещанку Шелыгаеву, прижившую с купцом Развожжаевым двух детей, от наказания розгами (60 ударов) и ссылки в Восточную Сибирь.

Путята рассказывал мне об открытых им документах, что когда Екатерина II-я думала об отмене пытки, то ей со всех сторон говорили, что нельзя будет ночь поспать спокойно.

История сенатора Берга, хотевшего говорить в Общем собрании и остановленного криками большинства, что рассуждают лишь в департаменте и что в Общем собрании рассуждать не следует. На другой день он свез кн. Лобанову статью закона, и Лобанов объявил в следующем заседании, что сенатор Берг имел право рассуждать. Для многих сенаторов статья закона была новостью!

29 мая

Пожары в С.-Петербурге. «Спб. Ведомости» 27 мая № 113. Воскресенье.

---

* Нечто в роде игры в секретарь.

20 мая, 22 мая, 24 мая — пять пожаров! Все начались в сараях и подворных службах, т. е. попросту от папиросов, кои запрещаются курить на улицах и кои курятся в сеновалах, сараях и конюшнях.

Рассказ обер-прокурора Шахова о наказании плетьми; от 60 ударов одного палача (говорят, подкупленного осужденным) спина лишь покраснела; от 20 ударов другого нещастного скоробило. Следственно сила наказания зависит от такого человека, каков палач. Это ужас!

30 мая

В Обществе любителей российской словесности — толкование об ответе попечителя о дозволении печатать без цензуры. Я предложил и принято: обоюдный надзор со стороны председателя и со стороны Общества с veto для председателя. Аксаков был моего мнения. Я тут только с ним познакомился. Вообще все было весьма благопристойно и ничего лишнего.

31 мая

Пожары в Петербурге — Щукин двор, Апраксин, министерство внутренних дел! Если есть что утешительного в этом бедствии, — это что оно должно, с одной стороны, образумить сочинителей прокламаций, а с другой — сделать общество более осторожным и недоверчивым к этим господам. Этот урок не пропадет даром. Прокламации «Молодой России» — умора! Чисто начисто выписка из Blanqui и Алибера. — Опасно одно: увлечение в противную сторону. Вот до чего добились уже преобразователи, лженародники.

Говорят, что в 1826 г. император Николай хотел арестовать Ф., подозревая его в заговоре с декабристами.

5—7 июня

Я видел следующую сцену: на тротуаре близ Иверской человек стоял на коленях и молился в землю, поднимая почасту руки, потом встал, покачиваясь, дошел до уголка,... и, увидев идущего невдалеке попа, едва застегнулся и, шатаясь во все стороны, натолкнулся на попа, несшего кулечик и поднес руку под благословенье, принудив бедного попа положить на землю кулечик, снять шляпу и благословить нечистую руку, ему подставленную, и еще дать свою руку целовать многократно.

8 июня

В Общем собрании. По делу о требуемых Лебедевым копиях с делопроизводства говорили я и Берг; голос мой слышан лишь в тишине, но не в обыкновенном сенатском говоре, препятствующем всякому дельному обсуждению; однако ж, воспользовавшись минутою молчания, я выговорил свое мнение; но главный мой аргумент состоял в указании на одну статью полного собрания законов; начался шум, мой голос не был слышен и я попросил секретаря прочесть указанные мною ему строки; когда секретарь начал читать, первоприсутствующий (Толмачев) громко сказал ему: «А кто вам позволил читать без моего позволения» — я счел долгом сказать: «секретарь не виноват, я просил его прочесть за слабостью моего голоса— если я поступил против обычая, то прошу у вас извинения». За тем я подошел к Толмачеву, который мне сказал довольно странный обычай в Сенате. Правило о том, что сенатор должен говорить, а не читать, я знал хорошо; но, как видно, это правило распространяется даже на цитаты из закона. Не уж-ли должно говорить их на память, когда каждая буква в законе важна? Между тем таков обычай.

11 июня

Сыновья Ростовцева исключены из флигель-адъютантов (причина мне неизвестна). — Добрые люди пользуются этим случаем, чтобы набросить тень на самого отца Ростовцева.

Арестован один из секретарей 1-го отделения 6-го департамента Завадский — один раз он докладывал и очень хорошо.

Ященко и Сулинова [Сулина] (студенты), судящихся у нас, потребовали в 3-е отделение.

12 июня

В Сенате 1-му отделению 6-го департамента поручается единственно студенческое дело.

13 июня

В Сенате — (вопрос: как допустить студентов к слушанию их дела, когда они того потребуют, — что они желают лишь для стачки).

18 июня

У Свербеевых — Пальмер, Ребиндер, Россет.

От чего Пальмер получил репутацию мудреца? Он порядочно глуп; перешел в латинизм и затем езуиты его сбили с толка, в тонкость их он не вошел и громогласно повторяет их вероятно нелепые наущения. Напр. отпустил он следующую шутку *. В религиозных делах нужно действовать так, как Наполеон, и уважать национальные чувства. Наполеон возбуждает Англию против России, а затем устраняется; возбуждает Италию и устраняется, предоставляя Италии устраиваться так, как она хочет и т. д. Верно ему это езуиты натолковали, а он сдуру и ляпает. Любопытно, что против него сидит Ребиндер, недавно перешедший в православие. У Пальмера религиозный тип: можно пари держать, что он через несколько лет перейдет в еврейскую веру.

23 июня

В газетах выстрел в вел. кн. Константина Николаевича. Как бог спас? чья рука подымала пистолет прежде, нежели вел. кн. успел что либо сделать? Революционеры (красные), или езуиты?

[*24 — 30 июня*]

Говорят, [М. и Н. Я.] Ростовцевы сверьх флигель-адъютантства и графства получали: по 5 000 из шкатулки государя, долги были прощены, подарен дом, мать получала 12 тысяч. Эти подлецы крамольничали против того, кем жили.

Ярошинский — портной-подмастерье. Видимо — орудие. Но чье? Уж не иезуитов ли? ведь это им не в первой. Пожалуй, и пистолет святой водой окропили.

Говорят, Непир рассказывает в Петербурге следующий, может быть вымышленный, анекдот. В полицию прислано известие, что в таком то месте, в таком-то часу поедут в карете два главных зачинщика заговора. В назначенное время полицейские остановили карету; смотрят: в ней два генерала; вытянулись и отошли. На другой день будто бы прислано было в полицию насмешливое письмо, где подтверждалось, что эти лица были действительно заговорщики, но коих одели в генеральское платье в уверенности, что поли-

* Далее, до слов «Верно ему это», в подлиннике по-французски.

ция не осмелится прикоснуться к их мундиру, и что теперь они уже за границей. Si non è vero, è ben trovato *.

Для постройки моста в Киевской губернии нужно было 300 руб.; пишут в Петербург в Главное управление путей сообщения; там лежит два месяца; когда пришло разрешение — потребовалось по усилившейся неисправности моста 2 000 рублей; опять спрос, опять полгода лежит; таким образом в течение 2 лет суммы, нужные на поправку, образовались в сумму на возобновление, которое обошлось в 36 тысяч.

Ходят самые нелепые слухи: будто бы Ярошинский объявил, что он в заговоре с 35 человеками, имен коих не сказывает. Что они собирались вместе напасть на вел. кн. и его спасло то, что он вышел из театра ранее. Если есть здесь доля правды, то вопрос: что же делала варшавская полиция?

5 июля

В Сенате. — Первое (т. е. для меня) заседание по октябрьскому студенческому делу. Что за полоумные мальчишки!

6 июля

В Сенате. — (Замечательная личность Петра Заичневского — принадлежащего к так называемым исповедникам... социализма, слово, которого значение весьма для них смутно, — но за которое тем не менее они готовы пойти в мученики и чего именно добивается Заичневский, стараясь не уменьшить, но преувеличить свои действия).

У нас Свербеева, Варвара Дмитриевна и Пальмер, который мне и всем жестоко надоел. Мне кажется, что если он не агент езуитов, то просто агент или английского правительства, или какой-либо английской политической или торговой партии.

9 июля

В Сенате (приговор предварительный).

10 июля

В Сенате (принятие мер предосторожности по студенческому делу).

11 июля

Писал бар. М. А. Корфу — о деле студенческом, рассматриваемом в 1-м отделении 6-го департамента.

13 июля

В Сенате. — (Студенческое дело — смешение имени литографа Федорова с немцем.)

18 июля

В Сенате. — Предварительное чтение проекта приговора по студенческому делу — кара доведена кажется до последних границ снисхождения, допускаемого законом; остальное, по моему мнению, должно быть предоставлено милосердию государя, — которого в этом не следует стеснять; для суда одно поприще: закон, какой бы он ни был; dura lex, sed lex **.

* Если и не правда, то хорошо придумано.
** Суровый закон, но закон.

20 июля

Рассказ Ховена о том, как в 1823—24 его уговаривали на юге tous les beaux esprits * пристать к обществу, между прочим Басаргин, впоследствии сосланный, как декабрист; как его гнали за то, что занимался единственно съемкой. Жена Басаргина, — и ее дочь (чья?).

[*25 июля*]

Кн. Ник. Ив. Трубецкой мне сказывал, что Алексей Толстой (сын Ник. Матв.), секретарь при парижской миссии, привез с собою целую шайку поляков, согласившихся умертвить всех русских начальников — каждому был назначен свой убийца, — и что un garçon tailleur devait tirer sur le grand duc le jour de son arrivé **. Если это было известно, как же полиция допустила совершение преступления?

Кн. Ник. Ив. сказывал, что против дней, означенных в придворном календаре, здесь парадный мундир никогда не надевается, хотя бы и было в повестках, что быть в парадном — это относится лишь до военных.

26 июля

Выходя из Сената и проходя по Тверской, я видел возмутительную сцену; дикари наваливали воз, которого молодая лошадь не могла поднять в гору; принялись ее бить с двух сторон; лошадь перескочила через оглоблю, и дикари, разозлившись, продолжали бить, да к ним присоединился еще прохожий — так из аматерства, не замечая, что лошадь сидит верьхом на оглобле, и перестали ее тиранить лишь когда я стал на них кричать и вспоминать, что они лошадь потеряют. Когда же у нас будет закон о жестоком обращении к животным? Уничтожение телесного наказания не смягчит нравов, без такого закона. От чего не говорят проповедей на текст: блажен милуяй скоты?

Троицкая железная дорога весьма тревожит дворников, где останавливаются богомольцы, которых дворники обкрадывают немилосердно. Впрочем один из них на вопрос, что он думает о железной дороге, отвечал утвердительно: «ничего не будет» — «Как так?» — «Святой угодник не допустит; защитил он святую лавру от поляков и французов, — защитит и от железной дороги».

В газетах известия, что на Волжско-Донской дороге подкидывают камни на рейльсы.

31 июля

Не без цели Пальмер так хлопотал показать нам свой альбом; он состоит из десятков двух копий с разных изображений римских катакомб, подобранных на латинскую стать и с явными признаками позднейших приставок; круглые фуражки (в роде белорусских), средневековой pallium и проч. т. п. вещи; но все-таки любопытно, если предположить, что хотя часть этих изображений (безкрылые ангелы, отсутствие ореол) принадлежит III в. и некоторые из других IV-му. Из сих изображений видно, с каким трудом христианство отрешалось от язычества, сохраняя в своих аллегориях языческий материализм, — Христос беспрестанно в виде рыбы, Лазарь в виде египетской мумии, грифон вместо Ионова кита и проч. т. п. Пальмер читал род проповеди над этим альбомом, но как он порядочно глуп, то думал сделать на нас, русских, глубокое впечатление, показав нам в конце несколько картин своей выдумки, где все аллегории других картин прило-

* Умники.

** Портновский подмастерье должен был стрелять в великого князя в день его приезда.

жены к Никону, где Петр представлен в виде Ирода, Навуходоносора, а Никон с епископом Кантерберийским в виде отроков, вкинутых в печь; одна картина представляет несколько ступеней, на коих надписи патриаршеств Иерусалимского, Антиохийского и проч., а на самой верхней Римское, на верху пустой патриаршеский престол, возле которого Никон с ореолой. Под престолом надпись: Его и Петру не сломить. — На другой — Петр, у которого также ореола, но насмешливая, ибо состоит из надписей: Я вам патриарх, я — глава церкви (намек на Павла), и 3-я, какая не упомню. — Вообще, цель картин представить светский деспотизм, подавляющий церковь Никона патриарха-папы. — Внизу легенда по русски (писанная самим Пальмером), где выдержки из современных хроник с пояснениями в скобках. Так, напр. происшествие в младенчестве Никона, будто мачиха его посадила в печь, а бабка вытащила, пояснено так: мачиха — это царская власть, внешняя власть, а бабка — «некая церковь от иностранцев»... «On m'a demandé *—сказал он—(кажется, когда он показывал альбом вел. кн. Елене Павловне **,—почему я лучше не написал этих слов по английски, а не по русски, я ответил, — потому, что англичане неисправимы» — Я не выдержал и сказал: «я могу вас уверить, сударь, что в этом отношении мы еще более неисправимы». — Пальмер. «Нет. Вы более исправимы, так как вы признаете некий абсолютный авторитет, в то время как мы, англичане, демократы, у нас бедная королева, которая не может ничего сделать, а вы, вы можете признавать духовную власть». Я: «Все, что угодно, сударь, за исключением теократии». Пальмер: «Берегитесь, чтобы вы не признали совсем другую вещь — (ему верно хотелось сказать: демократию, — фраза, которой вероятно научили его езуиты»). Я: «Дело, сударь, в том, что всякого рода деспотизм может воздействовать на меня лишь с материальной стороны, в то время как теократический деспотизм затрагивает мою душу». Пальмер: «Но почему не подчинить свою душу?» — Я: «Можно было бы охотно это сделать, затруднение состоит лишь в том, что если мне покажут безупречное существо, я спрошу, является ли оно богом и тогда преклонимся перед ним, если же оно человек, — будем спорить». Пальмер: «Но ваш царь Алексей Михайлович пожалел, что послушался бояр, и раскаялся в том, что осудил Никона, а вы знаете, что значат слова умирающего». Я: «Это мысль, которую часто выдвигают, и совершенно напрасно, так как в сущности умирающий является просто больным человеком...» Пальмер: «Но часто болезненное состояние является источником просветления». Я: «Это противоречит всем физиологическим законам; между нашей духовной и материальной стороной существует связь; болезненное же состояние в большинстве случаев затемняет рассудок».

Уж было поздно — мы все встали.

Всего смешнее, что Пальмер думал произвести на нас решительный эффект в пользу своего болванчика — папы. Действовал же в точности по рецепту езуитов *** — он надеялся растрогать нас непонятными аллегориями катакомб, а затем, воспользовавшись этой минутой болезненной слабости, нанести решительный удар. Глупец... и задуренный своими учителями и владыками.

[1 августа]

И в Петербурге и в Москве в обществе лежит элемент взаимного недоброжелательства; в Петербурге почти всегда с какою-либо внешнею целию по службе, и по другим житейским обстоятельствам; в Москве недоброже-

* Меня спросили.
** Далее, до слов «Уж было поздно», в подлиннике по-французски.
*** Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

лательство — даром, из любви к искусству и от праздности. — Мне объявили, что на обеде открытия саратовской дороги Соболевский не захотел пить царского здоровья; так-таки и говорят. Что же было в самом деле? В начале обеда был Жеребцовым предложен тост за здравие государя императора — разумеется, все пили и Соболевский с другими; потом был еще десяток тостов разных: учредителей, строителей и проч. т. п. Все подпили, обед был к концу, многие встали — в шуме полупьяный Чижов предложил еще тост за государя и говорят в довольно неприличном виде: «господа, денег у нас нет, взять негде, выпьем же за здоровье того, кто может нам дать денег». Соболевский этого тоста не слыхал. Чижов же от хмеля или для демонстрации стал ему говорить, что он его обидел, потому что не хотел пить предложенный им тост за государя. Соболевский отвечал, что он за государя готов пить везде и всегда, но его тоста не слыхал и не ожидал в конце обеда — и в то же время выпил в доказательство бокал. Из этого состряпали добрые люди историю.

Чтением сенатских записок я убедился в горькой истине, а именно: что в большей части случаев мошенничество с обеих сторон — и у истца, и у ответчика, и настоящая трудность состоит в решении: кто б о л ь ш е мошенник? При настоящем судопроизводстве этот вопрос часто неразрешим. Жду с нетерпением нового судопроизводства — это будет великое дело государя; при настоящем развитии всех финансовых и торговых отношений общества, при большем знании законов и при увеличившемся от того знании прав, и естественно умножившимся притом мошенничестве — настоящее судопроизводство вполне недостаточно. — Наши сенаторы были бы прекрасными присяжными; а должны действовать как юристы, и весьма немногие из них юристы. От того шатание в их мнении и решения дел случайным большинством. Некоторые, как напр. Булгаков, решительно не в состоянии выразуметь дело; — да и для всякого огромный труд прочесть порядочно сенатскую записку, как эти записки пишутся.

3 августа

Погодин — его рассказ о дорогах в Сибири. От горы Благодать, центра нашего железного производства, нет никуда дорог, хотя на заводах есть остатки руды и шлак, — за спором между горным ведомством и государственными имуществами, кому из них сделать дорогу. Между тем действием положенного тарифа железо идет лишь наполовину; наполовину и рабочих; прочие без дела, между тем, при неурожае, по причине же дорог, дороговизь страшная. Хлеб доходит до 1 руб. Вот каким образом благодетельная мысль нового тарифа искажается обстановкою нашей администрации. От Балаклавы до Севастополя есть дорога — она сделана англичанами во время войны. Надобно бы ради амбиции и во имя народности срыть эту укорную дорогу; будто мы уже сами не сумели бы сделать — O rus!.. o Русь!

10 августа

Дела были довольно затруднительны, особенно Колрейфа с Беренсом. Толмачев первоприсутствующий беспрестанно говорил обер-секретарю «отбирайте мнения». — Я спросил у Берга: «к чему нас так торопят?» — «Нет, не торопят, а поддерживают принцип, что в Общем собрании не следует р а с с у ж д а т ь».

19 августа

В Андреевской зале зашел между военными, статскими и придворными спор, кому где стоять, пока не пришел гр. Адлерберг, который расставил так (не худо заметить для порядку).

У кн. Вас. А. Долгорукова я выпросил позволение представить записку для облегчения участи Заичневского.

Картина была восхитительная; дождик перестал; колокола, масса народу — и мысль о совершающихся у нас преобразованиях производили на душу сильное впечатление. Вот бы привести посмотреть на это Герцена и других л ж е н а р о д н и к о в!

22 августа

Заезжал к кн. [В. А.] Долгорукову, чтобы представить для государя записку о Заичневском и не застал дома.—До завтра.

24 августа

Был у кн. Долгорукова, опять не застал и решился оставить у него (отдал в руки чиновника Романченко) записку по делу Заичневского для представления государю.

31 августа

В Общем собрании; в 1-м отделении чтение предложения министра по делу Заичневского и друг. Окончательное подписание приговора.

4 сентября

В бытность государя в Москве Тучков снял внутренние караулы в Москве. В день праздника на Ходынке во вторник в Москве не было ни грабе-

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

жа, ни даже кражи, хотя вся полиция без остатка была на Ходынке. Факты знаменательные, показывающие силу настроения народного духа, подавившего на этот день все соблазны страстей.

8 сентября

В Москве недовольны, что начало тысячелетия не было ознаменовано никаким народным празднеством. Жаль, что не пришло мне в голову раньше сегодняшнего утра присоветовать Тучкову сделать крестный ход для знаменитейших икон богородицы (пользуясь сегодняшним днем рождества пресв. богородицы). Это было бы совершенно в московском духе и все были бы удовлетворены или по крайней мере не имели бы предлога роптать, что Москву забыли.

11 сентября

В Сенате. — Студенческое дело возвращено к нам в 1-е отделение 6-го департамента для присоединения к нему дела Ященки и Сулина. Завтра эти нещастные будут призваны к первому с нами свиданию для спроса, не было ли им учинено пристрастных допросов.

Можно ли поверить, что еще явилась прокламация — экземпляр был прислан Казначееву, который привез его в Сенат. Напечатано дурно, вероятно на ручном станке; содержание — глупость; ничего, кроме фраз; обращение к образованным людям; приглашение не помогать правительству в отыскании прокламаторов; отрицание их участия в пожарах; угроза о б р а з о в а н н ы м л ю д я м, если они не будут содействовать безумным прокламациям. Чего хотят эти господа—о том умолчано; в первых прокламациях по крайней мере обещали д и к т а т у р у, в виде прельщения.

Полк бар. Радена (кажется драгунский) пришел на смотр к половине августа. Полковой адъютант его Львов, которого Раден очень любил, вечером, проводя одну знакомую даму, возвращался к себе на квартиру близ Ходынки; в ста шагах от квартиры он встретил кого-то в совершенной темноте, который закричал: «кто идет?» «Солдат, — отвечал Львов. — А ты кто? Какого полка, какого эскадрона?» Пьяный солдат, наскучив вопросами, стал отвечать трубо; Львов дал ему пощечину; солдат отвечал также ударом; но при сем он рукою ощупал, что ударил офицера, и бросился бежать. Львов за ним, догнал, повалил, начал жестоко бить, до тех пор, пока солдат не схватил его за... так сильно, что на рубашке Львова найдено семя, а потом задушил его, схватив руками за горло, а за тем побежал к реке топиться; но на реке были люди на барках с фонарями; убийца воротился, и вдруг пришло ему в мысль, что Львов может очнуться, он пришел к телу и всыпал мертвому или полумертвому большое количество песка в горло (говорят, до фунта — следственно, нещастный еще мог глотать) и затем уже кстати вынул у Львова часы и деньги. Это все я слышал от Татищева, бывшего при следствии. Брат Львова, служащий в Твери, вообразил, что смерть его брата, столь таинственная в первую минуту, произошла от ревности Радена к своей жене. В этом смысле он послал письмо, говорят, государю; была назначена следственная комиссия, но она не успела открыть своих действий, как убийца во всем сознался. Леонид Львов, двоюродный брат обвинителя, как сам он рассказывал, строго выговаривал ему за его легкомысленный поступок, обесчестивший безвинную женщину. Обвинитель писал к бар. Радену два извинительных письма: одно оффициальное, другое частное. Жена бар. Радена — полька; очень может быть, что ее национальная вертлявость была принята православными дамами за кокетство. Бар. Раден любил Львова, как сына, и горько о нем плакал.

13 сентября

В Сенате — дело Ященки и Сулина.

В Сенате мы целый день провели с обер-прокурором Шаховым, чтобы найти самую верную и притом по необходимости точную редакцию, что у Ященко найдено, как я предложил сказать: собрание литографированных, частью полных, частью неполных экземпляров разных запрещенных сочинений, как напр. «Колокола» и друг.

18 сентября

Говорят, что поджог в Апраксином дворе был произведен некоторыми купцами, чтобы избавиться от подходящих к Макарьевской ярмарке ращетов. Свидетели видели, что три лавки были заперты, хозяев не было, пожар приближался, — сломали двери, — лавки оказались п у с т ы м и, следственно, хозяева их приготовились к пожару.

19 сентября

У Екат. Алекс. Челищевой на Б. Дмитровке в д. Голицына, чтоб извиниться от приглашения на обед... с В е р д и! Сегодня этому бездарному господину дают вечером у (Л. Ф.) Львова торжественное пиршество с тостами и транспарантами — удивляюсь, как Львов меня не пригласил.

24 сентября

В Сенате — (окончательное подписание приговора о Заичневском и Освальде — дал для матери последнего, находящейся в крайней бедности, 25 рублей через Синицкого).

29 сентября

Во «Дне» защищается учреждение какого-то училища на русских началах, придуманное некоторыми лицами из того купечества, которое ничем еще своего направления не заявляло. Дай бог! Любопытно будет посмотреть, каким образом математика, физика, химия, товароведение и другие подобные науки, необходимые для купечества, будут основаны на русских началах. Всего вероятнее такое действие этого н а ч а л а, что все останется при начале.

2 октября

Сегодня впервые увидел депешу, в которой напечатано: независимость и публичность суда и присяжные. — Великое из великих дел! Дай бог государю, чтоб современники оценили его делание, как оценит потомство.

3 октября

В Сенате.—Бар. Ховен поссорился с первоприсутствующим Тимирязевым, за то, что последний употребил, говоря про него, слово: он.

12 октября

Общее собрание, т. е. хаос в харчевне. Ни одно дело не было порядочно обсуждено, да и невозможно, ибо говорят все вместе, кто о деле, кто о чем другом.

Я сказал Ребиндеру *: «постараемся ввести порядок в наш спор, потому что все это уж очень печально видеть; мы с вами редко сходимся во мнениях — будем же спорить ясно и понятно». — «Как вы хотите поддерживать принципы, которые, никто не хочет признавать; мы будем только

* Далее, до слов «теперь не из чего», в подлиннике по-французски.

смешны». «Но невозможно же так рассуждать о делах». «В Петербурге, в 1-м Общем собрании еще хуже, во время заседания все разгуливают, но как только входит министр — все бегут к своим местам, как школьники».

Теперь не из чего уже подымать дела, — но если бы не последовала реформа, я бы настоял на учреждении порядка в сенатских заседаниях.

19 октября

В Общем собрании я и Самарин восстали против мнения всех остальных сенаторов, хотевших присудить дачу Комиссаровку Мерлиной, отняв ее у крестьян. — На возражения, кои мне были сделаны, я указывал на места капитальные в сенатской записке, хорошо мною изученной и едва известной большей части большинства; тогда один из сенаторов сказал мне: «да от чего вы такое зло имеете против Мерлина?» Признаюсь, что я не нашелся, что и отвечать на такой вопрос. Ни Мерлиной, ни Мерлина я не имею чести знать, их крестьян тоже. Не уж-ли эти господа не могут даже в д р у г о м понять, что нельзя же, в деле суда, руководствоваться единственно личными соображениями? Грустное зрелище!

20 октября

Мерлин просил Соболевского упросить меня отказаться от моего мнения по его делу!! Я просил Соболевского сказать г. Мерлину, что мое мнение — ничто пред большинством, ибо во всяком случае оно пойдет в Петербург, — уже потому, что с большинством не согласен министр государственных имуществ. Странные люди! Они думают, что изучить дело, дать мнение и потом от него отказаться, все равно, что обещать приехать обедать и потом отказаться от приглашения! впрочем, общее убеждение, что сенаторское мнение должно быть ни чем иным, как выражением расположения или нерасположения л и ч н о г о. Упросили, переменили расположение — вот главное, а разумное убеждение, совесть, закон — это ни по чем, это — педантство!

22 октября

Не могу добиться видеть снаряд, называемый плетью; никто его не видал, кроме Бобринского, который сказывал, что плеть состоит из трех концов; от удара тело вспухает и делается фиолетовым; следственно, боль страшная. — Не уж-ли нигде нет клейменого образца?

23 октября

В Сенате. — Мердер получил телеграмму об увольнении Панина и о назначении Замятнина управляющим министерством юстиции. Перед приходом еще Мердера, экзекутор, человек очень простодушный и робкий, приносил лист для подписки на молебен, обыкновенно совершаемый по случаю казанской богородицы. Пока он ходил с листом, кто-то заметил: графа Панина отставили, а мы поем молебен. — Простодушный экзекутор испугался и боязливо спрашивал, что не нужно ли отложить молебен по случаю увольнения его сиятельства.

24 октября

Обедал в клубе. Кн. Лобанов-Ростовский заговорил со мною о деле Мерлиной с крестьянами о пустоше * Коммисаровки, сказал: «Я говорил Мерлину, что хотя я согласился с большинством, н о е с л и п р и д е т п р е д л о ж е н и е от министра против, то я отступлюсь от своего мнения,

* *Пустоши или пустоше? Первое правильнее, второе яснее для смысла.* [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о].

нельзя иначе; ведь они хотят оттягать у крестьян Коммисаровку для того только, чтоб им же отдать на аренду».

11 ноября

Во дворце — на выходе. С государем приехали Адлерберг, [В. А.] Долгорукий, Шувалов. — Долгорукий сказывал мне, что записку мою о Заичневском государь читал и изволил заметить, «что все в ней справедливо, но что в практике не все возможно». Государь очень грустен мне показался — императрица напротив была или хотела казаться веселой.

17 ноября

Говорил я Борху о Кашперове, о Балакиреве, о Сариотти, вообще о необходимости поднять русскую оперу и вообще русскую сцену; он совершенно разделяет мое мнение и обещает обратить на это не такое внимание, как невежественные Сабуровы и Гедеоновы. Дай то бог!

20 ноября

В Сенате. — Спор мой с Шаховым о том, что делать, если подсудимые студенты позволят себе при выслушивании приговора какие-либо неприличные крики. — Я утверждал, что должно быть им сделано внушение и предостережение. — Шахов утверждал, что по закону Сенат на то не имеет права, а всякое происшествие должно быть записано в журнале.

26 ноября

В Сенате — в середу мы допрашиваем Шипова, в четверг — Кельсиева. Несчастные безумцы! Уже не говоря о наказании, их ожидающем, как проматывают они свои юные силы.

27 ноября

В Сенате — первое чтение дела Шипова и составление допросных пунктов.

Получили с женою приглашение к обеду у государя в 4½.

Между помещиками ходит молва, что государь приехал в Москву, чтоб мириться с дворянами, как бы чувствуя себя перед ними виноватым! Что за ослы! По настоящему им бы надлежало просить прощения и у бога и у царя, и у народа за прошедшие свои гадости и за настоящее их непонимание всей великости нашей эпохи, всего существенно благого для них самих и в освобождении крестьян и в судебной реформе.

Что за ослы! Нельзя этого не повторить. Глупую историю Ховена с Тимирязевым приписывают мне!

28 ноября

Свербеева — толки о русской народности. Я привел печальный пример из сегодня заслушанного в Сенате процесса—о мужике, который пошел молиться к Николе Утрешкову, помолился, напился и украл лошадь.

29 ноября

В Сенате. — Допрос Кельсиеву. Уверяет, что он не революционер, но предан социалистическим теориям — мы не могли добиться, какой именно; главная мысль: уничтожение права собственности. Кельсиеву мы сказали, что мы не спрашиваем, какие его внутренние убеждения — то дело между человеком и богом, но о его намерении осуществить свои убеждения, ибо это дело человека с другими людьми.

30 ноября

На бале во дворце (до 1000 чел.). Танцовали после ужина — мы возвратились в два часа. На дороге нас остановил пьяный мужик, говоря, что нельзя ехать; завтра крестный ход и наделаны мостки — без интервалов. Я велел позвать хожалого — j'ai du signifier mon nom *, и только благодаря этому нахрапу мог доехать до дому, а не ночевать на Арбате: что же делать с остальной публикой! Чисто московская штука, потому что крестный ход б у д е т, то заранее остановить все движение на улице.

1 декабря

Вечер Музыкального общества — их величества я принимал. На вопрос императрицы, когда она слышала Hota arragonèse, я отвечал, что это было в концерте Общества посещения бедных, для которого Глинкою была написана эта «Испанская ночь». За чайным столом; я очень рад, что мог выговорить на слова императрицы об моем участии в деле музыки **. «Ваше величество, если я, по мере сил, содействую прогрессу музыки в нашей стране, то это потому, что долгие наблюдения убедили меня, что помимо того что она является искусством, музыка — мощное нравственное и умиротворяющее средство, отвлекающее от стремлений к переменам».

Дирекция телеграфировала о вечере вел. кн. Ел. Павл. А между тем у меня украли шинель, которую я сбросил в угол, принимая императрицу.

2 декабря

Ездил с директорами Музыкального общества благодарить их величества за вчерашнее посещение. Были очень милостивы — и, что всего более меня порадовало, к [Н. Г.] Рубинштейну, который был под опалою за визит к Герцену.

6 декабря

На бале Дворянского собрания для государя — толпа так и двигалась за государем — в зале нельзя было дохнуть. Между тем билет для кавалеров по 3 рубля, для дам по 2, на хоры 5 руб. Что же толковали о недовольстве дворян? Все фантасмагория и дюжина крикунов, исчезающих в массе огромного большинства.

1863 год

2 января

В Сенате в 8-м департаменте в первый раз — не так, чтобы очень трудно — по крайней мере избавился от битвы против плетей и розог, которыми испещрен наш XV-й том. (В 1-м отделении 6-го департамента сегодня при открытых дверях был объявлен приговор Заичневскому и его товарищам, также Освальду и проч.).

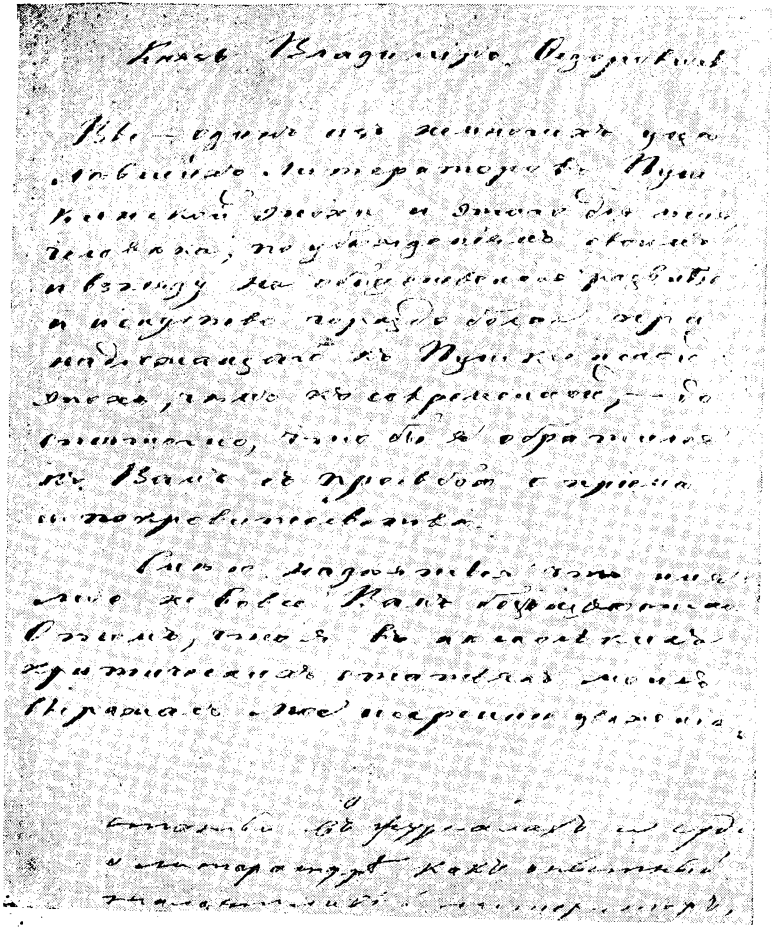
15 января

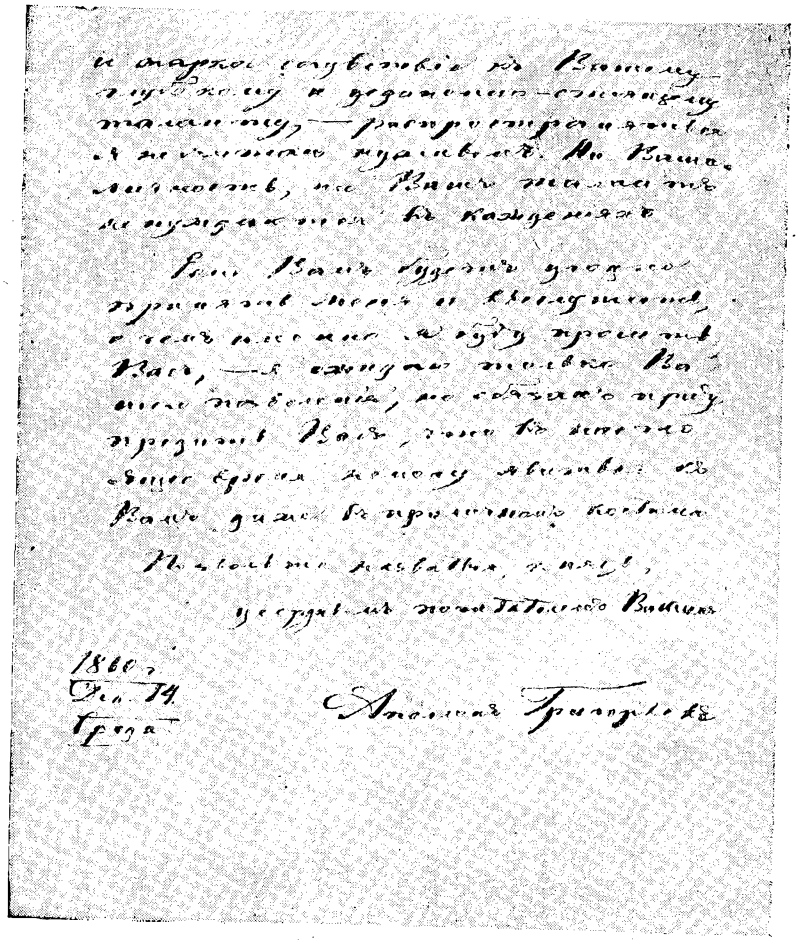
Сегодня телеграмм — в Варшаве род Варфоломеевской ночи; русских били на квартирах изменническим образом. Езуиты не дремлют.

---

* Я принужден был назвать себя.

** Далее, до слов «Дирекция телеграфировала», в подлиннике по-французски.





ПИСЬМО АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА В. Ф. ОДОЕВСКОМУ ОТ 14 ДЕКАБРЯ 1860 г. ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СТРАНИЦЫ

Публичная Библиотека, Ленинград

27 января

Рассказ Перцова о том, как миллионы перевозятся от оптовых купцов из Петербурга в Казань и обратно просто на возах, ибо, напр., в Казани нет трансферного банка.

29 января

Вечером у Кошелева Аксаков читал статью о Польше — его мысль: опереться на сейм, в коем дать место крестьянскому сословию, а если не удастся, то предоставить Польшу собственной анархии и самоубийству. Черкасский думает, что лучшее средство: освободить крестьян от повинностей к землевладельцам, вознаградив сих последних рентою. По моему мнению, вина всех бед — езуитизм — необходимо действовать на него диверсией, — и поелику революционное состояние дает простор действию, невозможному в последнее время, — то, во-первых, дозволить брак духовенству — и не препятствовать по крайней мере социнизму, некогда сильному в Польше, чему доказательством может служить знаменитая Радзивилловская библия.

6 февраля

Рассказывали мне действительно бывшее распоряжение графа Панина во время холеры: семейным людям выдавать на месяц по полуфунту чая; солидным и хорошего поведения — набрюшники; отличным заслуженным чиновникам — фуфайки. В этом распоряжении есть явный признак помешательства. Всего смешнее оффициальная сторона этого дела; стали п р е д с т а в л я т ь чиновников к полуфунту чая, к набрюшнику, к фуфайке, и это как н а г р а д а вносилось в формулярные списки.

19 февраля

У Кошелева — толки о сегодняшнем частном совещании Думы. Умора! Голова отказался от председательства, зане заседание частное; кн. [Л. Н.] Гагарин, приехавший поздно, открыл; не оказалось колокольчика; отыскали какой-то—оказался без язычка. Мещане против дворян и хотят Ширяева, который их поил всю масляницу; личные дворяне и цеховые больше к дворянам потомственным; купцы также. Ширяев ищет места главы — для поправления своих дел, он миткальный фабрикант и дела его плохи. Селиванов, которому также хочется быть главою, произнес речь, где доказывал, что на первое время не нужно главы энергического и умного, а такого, который бы слушался Думы; что голова должен представить п р о г р а м м у с в о и х д е й с т в и й (!??) для того, «чтобы он мог быть общественным мнением пригвожден к позорному столбу, если о н о т с т у п и т о т с в о е й п р о г р а м м ы». Эта нелепость прерывалась часто рукоплесканиями, и на нее никто не возражал; а после между собою говорили, что ведь эта речь сущий вздор. — Умора!

25 февраля

В Сенате. — Арцимович в первый раз — всего нас было он, Ховен и я. Был на лекции Юркевича — говорит складно, но он не философ и недостает ему многих положительных сведений. Он философ по старинному, но не по нынешнему.

На Арцимовича сыпятся горящие угли; некоторые сенаторы хвастаются, что не поедут ему отдать визит. О, герои добродетели! Я надел вицмундирный фрак с обеими звездами и поехал к нему на другой же день. Соболевский заметил справедливо, что у нас к отъявленному взяточнику все по-

едут, даже на бал; a political dignity * у нас является, когда человек не по нашему мыслит. В суждении, бывшем в нашем департаменте, Арцимович говорил хорошо и умно, в нем важное приобретение для 8-го департамента.

Говорят, мать Аксакова написала к одному священнику, которого считала виновником духовного концерта, письмо о том, что не подобало ему быть. Умора! Что за деспотизм в этой партии; — не езди сам — это дело, но им мало — надобно, чтобы все слушались их велений. — А между тем о звериной травле в Москве — ни полслова.

[28 февраля — 2 марта]

Однажды . . . . . **, идучи к Аракчееву, услышал престранные звуки: стон и как будто смех. Войдя, он увидел следующее: голый человек стоял посреди комнаты, двое его держали, третий бил палкой. Перед этим человеком (спиною к двери) стоял маленький человечик в фланелевой фуфайке и подштанниках на коленях и, сложив руки, умолял: «сделай милость, подержись еще; сделай милость, не умри!» — Истязаемый был писарь Аракчеева, которого он за что-то велел наказать, а тот вырвался, — так что Аракчеев в одной фуфайке бегал за ним по улицам, пока несчастного не поймали. Стоявший на коленях был сам Аракчеев. — Для этого человека мучение другого человека было не только отрадою, но необходимостью.

10 марта

Тревожные слухи о войне с Францией. Кажется, эти господа ошиблись часом. Трудно было нападать на Россию крепостную, — еще труднее победить Россию вольную, — и для кого же? В пользу польских панов, ненавидимых даже поляками-крестьянами. Поздно, господа! Le lion est recueilli ***.

13 марта

В Вагнеровском концерте! Приехав, не мог удержаться, чтобы не написать о нем статьи.

14 марта

Послал к Павлову статью о первом концерте Вагнера.

Обедали у меня: Вагнер, кн. Ольга Оболенская, Тимирязева с матерью, Варвара Дмитриевна, Потулов старший, Кошелева, Соболевский.

После обеда пришел Лонгинов, пел и Вагнер прослезился [нрзб].

15 марта

Концерт Вагнера!!!

Моя статья о первом его концерте появилась сегодня в «Нашем Времени».

16 марта

Обед артистов в честь Вагнера у Лабади. Познакомился с литератором Тарновским.

17 марта

Концерт Вагнера. — Дирекция выбрала то, что более сыгралось. Половина бель-этажа была пуста. Партер кричал wieder kommen ****.

---

* Политическое достоинство.

** Пропуск в подлиннике.

*** Лев собрался с силами.

**** Приезжайте опять.

18 марта

Вагнер — прощаться.

[*27 марта*]

Говорят, что Валуев теперь в с е м о г у щ. Не верю, это не в роде государя; разве польские дела отвлекают много времени?

5 апреля

Обедал Ладраг. Рассказывал, как в 1826 г. Ремесленная управа созвала иностранцев, чтоб обязать их заплатить долг ремесленного цеха — тысяч до 200 — купеческому обществу, внесшему за мещан в 1812 году — по тому основанию, говорила управа, что иностранцы виноваты в 1812 годе.

Толки об адресе государю. Были приглашены дворянством литераторы, в качестве экспертов: Катков и Аксаков. Был спор о повторении фразы манифеста (амнистии) о «расширении прав». — Кн. Щербатов был против этой фразы, но она прошла.

Говорят, готовится весьма замечательный адрес от р а с к о л ь н и к о в, чего кажется не ожидали.

6 апреля

После обеда я в клубе, чтобы помочь баллотировке Каткова. Против Каткова была оппозиция старых крепостников, он у них был человек «против дворянства», что теперь скрывали они под предлогом его статьи против лото, — и что еще смешнее, что литераторы в «Моск. Вед.» не хороши.

8 апреля

В Большом театре в ложе [Л. Ф.] Львова — «М а с т е р о в о й»—драма Прохорова; если произведение молодого человека, то есть талант и надежда; если старый — есть наблюдательность и знание сцены.

В пиесе есть сцена углов и беседы воров; есть Оська, вор, наводящий Ваню на преступление для своих выгод; характер очень хорошо задуман. Этот характер и сцена воров оскорбили деликатность некоторых господ. Странные люди! а на самом большом театре — разве Луи Наполеон не тот же Оська?

17 апреля

В Успенском соборе — я слышал, как кн. Оболенский сказал какому-то генералу, что н а р о д желает, чтоб был молебен и на Красной площади. Так и было — зрелище удивительное, когда при лучах солнца до 4 тысяч человек стали на колени — и когда раздались пушечные выстрелы. В соборе толковали какой-то вздор, что будто бы приехал Непир посмотреть, не принуждают ли народ писать адресы.

Надобно бы написать народную военную песню, сообразно с настоящим положением дел. Да кто напишет? Некрасов? Майков?

19 апреля

В Общем собрании. — Читали закон об отмене плетей, — я невольно перекрестился и сказал громко: слава богу и царю.

После прочтения кн. Юрий Долгорукий говорил мне — как Сенат не выразил ничем своей благодарности государю? — Вопрос трудный. Сенат не сословие, но присутственное место, — но все-таки первоприсутствующему следовало сказать несколько слов, он знал об этом прежде и мог обдумать, что сказать. Прочие из стариков не были приготовлены. Кн. Урусов утверждал что от того прибавится преступлений. «Проступков — может быть

да, но не преступлений, — отвечал я. Число преступлений и их характер всегда в соразмерности с жестокостию законов».

22 апреля

Говорят, что государю были представлены три проекта ответа на адресы: от Блудова, Валуева и еще не знаю от кого. Государь прочел, поблагодарил и сказал: никак не могу говорить заученного, — я могу говорить только то, что мне внушает сердце в ту минуту — и он сказал свою славную речь. — Говорят, что в ней было одно место не напечатано: «Может быть обстоятельства принудят пожертвовать Петербургом, как некогда мы пожертвовали Москвою; но я уверен, что ни один русский не усомнится принести эту жертву, если она будет нужна для спасения России».

29 апреля

Говорят, что вместо Назимова назначен Мих. Ник. Муравьев, который согласился на условии: вооружить крестьян. Действительно, здесь кажется единственное средство для окончания буйства польской шляхты.

Говорят, что инсургенты вторглись в Курляндию.

11 мая

Сегодня было заседание Общества Любителей Российской Словесности, куда я не поехал. Добрый и милый, но вовсе не практичный Погодин, не спросясь никого, объявил в газетах, что Общество Любителей Российской Словесности в соединении со Славянским комитетом будет праздновать день Кирилла и Мефодия, к чему приглашается публика. Из всех членов, каких я встретил: Лонгинов, Соболевский, Бессонов, Бартенев — никто не знает, что такое будет, когда по уставу Общества и для простых заседаний публичных должен быть комитет, просматривающий предварительно все, что предполагается читать в публичном заседании, а тут торжество публичное, — и в настоящую минуту была сотня вопросов, которые следовало обсудить. Еще, пожалуй, езуиты скажут, что это празднество — на основании *папской буллы*, данной западным славянам — где, говорят, утверждается, что эти православные святые учили латинской ереси. Говорят даже, что есть картина, где св. Кирилл причащает облаткой.

12 мая

Говорят, что в заседании Общества Любителей Российской Словесности была такая безтолковщина, что даже забыли о стульях для публики.

19 мая

В Смоленске все спокойно. Перфильев оттуда пишет к жене своей. Но везде общее недовольство, что административные должности заняты поляками. Хороший ответ «Journal de St-Pétersbourg» à la «Patrie». Но следовало бы писать покрепче. Говорят, замечательны сегодняшние статьи в «Моск. Вед.» и в «Дне».

Война, кажется, неизбежна. Какое счастье, что она пришлась не до эманципации. Что было бы, если бы тогда поляки стали распространять свои прокламации о свободе и о крестьянской земле. Между тем странно — русский рубль в Париже 385½ сантимов. Не мажет ли Луи Наполеон этой войной по губам французов, чтобы не болтали о Мексике? Не Рейнские ли провинции суть настоящая цель войны? Не уж-ли Пруссия даст проход французам в Россию? Или пропустит, чтобы потом сомкнуть проход и поставить французское войско между Россиею и Германиею? — Англия, вероятно, не вмешается в дело сначала,—а даст истомиться России и в осо-

бенности Франции, чтобы потом под предлогом заступничества за Францию напасть на Россию и выиграть что-либо на Востоке?

[24—25 мая]

В «Journal de St-Pétersbourg» 22 мая куриезная статья поляка Островского — где, между прочим, рассказывается, что наши солдаты были переодеты в р а с к о л ь н и к о в — как будто у раскольников особое платье, — а что же было делать с бородами? Фальшивые, что ли? Не уж-ли на такую чушь поддевают Европу? — Слухи о войне сильны, а между тем наш курс поднимается, — французский падает. В Москве нелепость на нелепости — и фосфор привезли для поджогов, — и в Туле оружейники взбунтовались.

Ужасное злодеяние поляков над капитаном Никифоровым. Никифоров, умирая после неслыханных терзаний, поднял еще грозящую руку.

28 мая

Неожиданно Юлия Дюгамель, из Сибири сюда, потом в Киев, где у нее сахарный завод, и потом опять в Сибирь. Рассказывала она про свое житье-бытье — муж получает 14 тыс. на издержки на репрезентацию (напр. 18 пудов свечей в праздники), что прибавляют свои и разоряются. Про Дюгамеля сибирские взяточники говорят: «собака на сене, сама не ест и другим не дает».

29 мая

Рассказывают, что польский революционный комитет издержал до 600 франков на статьи в журналах. Нелепая статья в журнале: «Время», исторически лживая, неблагоприличная по времени. Статья называется: «Роковой вопрос» — подписано «Русский», но очевидно написана поляком и довольно искусно; под видом выражения понятий польских, наша церковь названа схизмом. Суть всей статьи, что поляки цивилизованнее русских. Что тут под цивилизацией разумеется, праздность шляхты, конфедератки, кунтуши, роскошь богачей или ремесленность жидов — неизвестно. Если бы сказали, что прусский или веймарнский крестьянин знающее русского, это было бы так, — но чем польский крестьянин образованнее русского? Русский понимает по крайней мере, что читают в церкве, польский того не понимает. Впрочем, со стороны поляка это все понятно, но как русский журнал решился напечатать такую оскорбительную гиль? Говорят: этот нумер «Время» отбирают; жаль; надобно было предоставить его на разгром журнальный.

30 мая

В «Моск. Вед.» польский катехизис — любопытно бы его напечатать вместе с предположением ксендза езуита на сейме 17-го века в «Дне».

2 июня

Говорят: Цей отставлен за пропуск статьи «Роковой вопрос» в журнале «Время». Действительно, не следовало ее пропускать, но теперь не следует отбирать, ибо это только возбуждает любопытство и парализирует желавших распушить эту статью. Аксаков в «Дне» уже высказал это; защищая Киреевского, ложно выписанного сочинителем «Рокового вопроса», он говорит: «обстоятельство, о коем неудобно говорить, препятствует нам рассматривать эту статью вполне»... Так эта вредная нелепость и останется без ответа; а поляки будут утверждать, что-де потому и запретили, что нечего отвечать.

В. А. СОЛЛОГУБ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград

3 июня

Журнал «Время» прекращен — 24 мая. См. «Биржевые Ведомости» 1 июня вечером № 164, суббота стр. 4-я, изд. in 4o.

10 июня

В Сенате столько было дела (до 30 определений, независимо от журнала), что остался до 5, ломая глаза над невероятными почерками писцов с прибавкою всевозможных ошибок, не говоря уже о неправильно расставленных знаках препинания и соединении слов несоединимых; я поправляю только те ошибки, коими затмевается или вовсе искажается смысл, между тем нет страницы без тех поправок. Ответ обер-прокурора и секретарей один: никто грамотный нейдет служить в Сенат, здесь мало жалованье. Это великое зло.

Чудный город Москва. Как прежде, в ней всякий занят ч у ж и м делом. Я вижу мало народа, между тем я не могу чихнуть, чтоб об этом не было толков, — хорошо еще, если не прибавят, что я от чиханья пошел плясать в присядку. — Неизвестные мне даже по имени люди знают все, что я делаю, когда встаю, что у меня за обедом, где у меня что стоит в кабинете — умора да и только.

27 июня

Выехали в Тверь с 1½-дневным поездом. Наш поезд запоздал в дороге—приехали в Тверь в 8 час.,—остановились в почтовой гостинице Мил-

лера, немца, жестоко обрусевшего. Но по крайней мере есть кровати с бельем — и рукомойник не считается снарядом, коего употребление необъяснимо; но ватер-клозет скверный — продувной — у главного входа вместо пружины или даже тяжести — повешена бутылка.

29 июня

В 2 часа выехали из Твери, в 7 были в Козлове у Враских — 40 с чем-то верст в патриархальном экипаже-тарантасе — и по патриархальной дороге, которая создана для тарантаса, который анализирует вглубь каждую рытвину, а она на каждом шагу — лица крестьян смотрят веселее, даже солдаты смотрят свободнее, но степь остается степью; обработка полей скверная, — камни на пашне, навоз на дороге.

2 июля

Ходил пешком в деревню Враских. После 19 февраля мужики перестали жить слитными семьями, но разделяются; я спрашивал у одного из трех разделившихся братьев: от чего они не живут вместе? Ведь один горшок сварить легче и дешевле, нежели три. — «Бабы между собой бранятся», — отвечал мужик. Плохо еще вникают они в свое хозяйство; кустарника не вырубают, хотя мало сенокоса — никто не хочет трудиться для всех — навоз на улице валяется.

5 июля

К Бор. Алекс. [Враскому] приходили его бывшие мужики, которым он предлагал купить у него лес под деревней со всеми возможными рассрочками в платеже. Мужики не согласились, но завели тяжбу, надеясь оттягать лес даром. Тяжбу они проиграли, Враский продал лес чужим. Теперь мужики спохватились: «Не рассудили тогда», говорили они. — У одного из крестьян изба оштукатурена *, другие завидуют, говорят — тепло, чисто,—но сами того же не делают. Враский сказывал, что никак не может убедить крестьян строить бревна в накрытку, — соглашаются, что эдак строение крепче и не забирает сырости, а делают все-таки по прежнему. Велика еще в народе лень ума.

[9—11 июля]

Умственный провинциальный застой имеет главнейшею причиною просто недостаток сообщений. Козлов за 40 верст от Твери, — дорога подлейшая — даже большая Волоколамская 6 часов езды, а в дождь и больше. Послать нарочного в город — целая история и для бедного человека, даже помещика, недоступное дело. — Я ждал с нетерпением газет — они пришли 7 июля — от 27 и 28 июня; убедившись в невозможности иметь газету скорее, я уступил необходимости и сложил в карман свое нетерпение. Так здесь и во всем; физическими препятствиями уничтожается всякий умственный позыв; ум привыкает к лени; не о чем говорить, пищи нет, а потом делается и не с кем. Если бы прожить так год, то и я бы одеревенел.

13 июля

Все, кроме Анненьки и Александрины Кузлищевой, уехали в Введенское — другая деревня Враских за 20 верст от них. Я остался и для двух барышень выдумал музыкальную игру в карты: в интервалы. Туз—униссон, двойка — секунда и т. д.; карты сдаются; каждый может итти с какой угод-

* Глина с соломой и [нрзб.] набивается на зазубренную топором с зубьями стену. Враский дает эти топоры кому угодно. [Прим. В. Ф. Одоевского].

но карты, но взять ее голосом; остальные должны подложить к брошенной карте такие, кои бы вместе составили совершенное трезвучие и пропеть.

17 июля

Выехали мы из Козлова в 12¼, а в 7¼ в Твери — по дороге невообразимой; под Тверью за 9 верст — 5 верст топи; затем отсутствие дороги и перерытые канавы вплоть до станции железной дороги.

18 июля

Был с Забелиным Алекс. Ник. в библиотеке семинарии в соборе, где священник Григорий Петрович — старый соученик его; видел лишь один крюковый Ирмологий (с пометами до половины) и поручил мне списать Грамматику Дилецкого (полнее Библиотеки императорской). — Лестница ужасная — истоптанных 40 ступеней.

Перешел по дощечкам Тьмаку — посмотреть Троицкую церковь (в просторечии Белая Троица), — построена в 1564. Любопытный иконостас — род слюдовой крашеной мозаики, сверьху резьба из позолоченного свинца.

Все в провинциях валится на станового пристава, от следствия до рассылки повесток; в его руках лишь сотские и десятские, отделывающиеся от своей должности деньгами. Мысль учреждения объездчиков по два на волость — из отставных грамотных солдат — они бы присутствовали при открытии мертвого тела, кражах, уводе скотины, драках — с жалованием по 15 р. в месяц и фуражем, что обошлось бы крестьянам дешевле сотских и десятских.

[*19—20 июля*]

Чагин Алекс. Ив. рассказывал мне следующий анекдот 30-х годов. Был некто Граве и у него тетушка или бабушка Белавина, всеми уважавшаяся. Приехали они в Воронеж — Граве притворился, что у него недвижные ноги. Каждый день его носили в церковь и клали возле раки св. Митрофания. Через 3—4 дни совершилось чудо: Граве встал на ноги. Толки по всему городу. Граве каждый день в церкве, стоит всю обедню на коленях на умиление всему городу. Между тем Граве и Белавина распустили слух, что они купили имение (Граве делал все от имени Белавиной) и ждут не дождутся получения идущих к ним денег. Какая-то барыня тронулась тревогою столь благочестивых людей и дала Белавиной 100 тысяч ассигнациями; на другой день и Белавина и Граве исчезли из Воронежа, не оставив ни заемного письма, ни расписки. Граве пошел в жандармы и был принят, хотя и не надолго.

Другая история с Индейцом [?] в Петербурге, у которого Граве взял 20 тысяч под документы на имение, которое в то же самое время уже было в Пензе продано с аукциона.

«Кельнская Газета» рассказывает слова Луи-Наполеона: «c'est plus qu'infame, c'est ridicule» *. Надлежало бы отвечать наоборот: ce que vous faites est plus que ridicule, c'est l'infame **.

Когда на гуляньях поют «боже, царя храни», все снимают шляпы; кто не снимет сам, с того снимает публика.

В Твери, когда мы садились в вагон, говорили, что из двух арестантов (ксендзов) один убежал от жандарма, его караулившего.

21 июля

Запад начинает в ум входить, смотря по газетам. Ответ кн. [А. М.] Горчакова сбил их с толку. — Из газет вижу, что без меня из Английского

* Это более чем подло, это смешно.
** То, что вы делаете, более чем смешно, это подло.

клуба было послание благодарственное кн. Горчакову. Не уж-ли французы не напишут, что это послание было от англичан — по слову: club anglais * — от них станется.

[*21—25 июля*]

Кн. [А. М.] Горчаков пишет: «L'Autriche avec une fièvreuse anxiété s'est empressée de repousser la conférence à trois; elle a peur de tout et surtout de la France **.

Разнесся слух, что Муравьев ранен.

Направление в Москве вообще воинственное.

Княжна Трубецкая сбиралась выдти замуж за поляка .... ***; за 3 дни до свадьбы у него началась рвота, и он умер в течение 6 часов. Подозревают отравление.

Что за история семейства Станкевичевых, где, говорят, мать училась стрелять — и где собирались часто по ночам поляки? Они, говорят, все арестованы.

[*26—27*]

Говорят, у раскольников был собор — где положено:

Исус и Iисус — одно и то же.
Поминать государя и вынимать 5-ю просфору за него.
Не анафемствовать трехперстным сложением.
Учредили духовный совет и ценсурный комитет.
Белокриницкого епископа попросили возвратиться во-свояси.

К Белокриницкому раскольничьему епископу пришли агенты Герцена и стали читать прокламации, — когда дошло до отрицания бога, то епископ вскрикнул: «Если бога нет, то что же я такое?» — и вытолкал их (à la lettre ****) с обещанием известить о них полицию. Насилу они улепетнули.

Про Рудзевича при Тучкове распустили слухи, что он поляк; он из Смоленской губернии и православный.

30 июля

Сегодня мне хватило 59 лет, а сколько еще недоделанного, а только задуманного: и геометрия для крестьян, и стенография, и осьмогласие, и «Самарянин», и «Житейский быт» — ничто еще не доведено до конца. Может иное придется бросить, чтобы очистить хоть что-нибудь, — а сколько другого дела! Сегодня отправил 16 определений в 8-й департамент, 4 в 6-й департамент — да к тому все болен.

14 августа

Вышла предельная брошюра: «Reponse d'un russe à la brochure intitulée l'Empereur, la Pologne et l'Europe» *****.

Ребиндер мне сказывал, что он завел было в Новгородской губернии завод сухой перегонки, надеясь, что 100 кузниц в Новгороде будут брать у него уголь. Несмотря на то, что он мог делать уголь всякой, какой бы только ни потребовалось в кузницу, кузнецы не брали единственно потому, что привыкли покупать у мужиков за ту же цену.

---

* Английский клуб.

** Австрия с лихорадочной поспешностью поторопилась отказаться от тройственной конференции; она боится всего, особенно же Франции.

*** Пропуск в подлиннике.

**** Буквально.

***** «Ответ русского на брошюру, озаглавленную: «Император, Польша и Европа».

Сказывал также, что он завел паровую машину для пилки досок — и оказалось, что р у к а м и пилить дешевле.

Один француз, воспитывавшийся в виленском (?) корпусе, где был запрещен польский язык, был жестоко высечен по приказанию директора за то, [что], забывшись, вымолвил несколько слов по польски, к чему он привык дома. Это жестокое наказание так врезалось в его память, что он невольно сочувствует полякам и если бы начальник этого корпуса был жив, то он пошел бы к мятежникам для того только, чтобы иметь случай для мщения. — Сколько ненависти накопилось от подобных нелепых и тиранских мер прежних администраторов! А мы теперь за это платимся.

[29 августа]

Замечательно действие бедствий на Россию; они как бы толчки, чтобы пробудить ее умодеятельность. — Не будь польского мятежа, мы бы никогда не узнали, что творилось поляками в Белоруссии и других западных губерниях. Поляки ошиблись часом, ибо еще бы несколько десятков лет — и вся Белоруссия совершенно бы ополячилась. — Ужасная картина является теперь, когда растворились уста; статьи в «Дне» (напр. 24 августа) поразительны в этом отношении; сколько язв вскрывается; как ясна делается полная ошибочность прежних правительственных мер, когда, с одной стороны, в учебных заведениях секли жестоко за польское слово, произнесенное поляком, и тем посевали в его сердце семя ненависти к русским, а с другой оставляли целый край без русских школ, без русских книг, даже церковных, — и под управлением поляков, потому только, что они надели русские мундиры; впрочем, и то сказать, все-таки нахождение в русской службе было для поляка как бы гарантией в его добросовестности, но мы не позаботились подумать, что езуиты умеют разрешать от всякой присяги.

31 августа

В театре давали «Жизнь за царя». В Петербурге мазурку встретили свистками, так что опустили занавес и оркестр заиграл «боже царя храни». Боялись того же и в Москве, но вышло лучше. Ни одна рука не хлопнула во время исполнения польской сцены.

[9—14 сентября]

В «Journal de St.-Pétersbourg», 7 et 8 septembre — ноты Франции, Англии и Австрии и annexe *. Несмотря на их смиренные свойства, во всех оставлено слово — н а б р а н ь. В annexe толкуется о Польше dans les limites de 1772**, что однозначительно с отдачею 8 миллионов православных под извечную власть миллиона поляков. Если на этом пункте будут настаивать (что кажется и имеется в виду для произведения большего нам затруднения), то мы будем приведены в необходимость обратиться к чему-то вроде suffrage universel *** в западных губерниях.

Гр. Блудов сказывал мне, что император Николай, пораженный делом Баташевых, призвал его и сказал: не уж-ли невозможно улучшить нашего судопроизводства? В следствие этого Блудовым был написан тогда еще проект реформы. «Но, разумеется,—говорил он,—я не мог ввести адвокатов, коих ненавидел император, а тем менее присяжных. Но моя мысль была оставить за департаментами Сената высшую судебную власть, а Общему собранию предоставить лишь право кассации—и тем заключить все судопроизводство» ****.

---

* Приложение.
** В границах 1772 г.
*** Всеобщего голосования.
**** Кассационный разборный суд. [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о].

Должно заметить, что одна из причин равнодушия сенаторов та, что дело идет к министру—«а уж там в Петербурге рассмотрят», говорят они— я сам это слышал.

Говорят, сгорел Серпухов — в самый проезд государя — послали в Москву! за пожарной командой. Пожары в Орле. Обвиняют поляков. Велепольскому 10 тысяч пенсии. Он просил всего своего оклада.

Говорят, что через Москву провезли раскольничьего архиерея. Не ужли это так, после их собора, столь благоприятного православию?

Говорят, что адрес поморцев был написан ими самими удивительно, оригинально — и вследствие бывших у них соглашений, — но что в Петербурге какой то чиновник сбил их с толку, говоря, что не по форме, и написал им свой — что не понравилось поморцам.

17 сентября

Сегодня (от 16 сент.) в «Голосе» увещание епископа самогитского Матвея Казимира Волончевского — на силу то. Муравьев тотчас распорядился отправить всюду по Виленской губ. 5 000 экз.

[*20—21 сентября*]

В клубе зашел разговор (без меня), что ужасно скверно пишутся сенатские записки и что я над ними глаза порчу. Кн. П. И. Трубецкой сказал: «да зачем кн. Одоевский читает записки? я никогда не читал и не читаю».—«Да как же вы судите дела?»—спросили его.—«Так, по соображению. Вы увидите, и кн. Одоевский перестанет читать записки». — Следственно, этот господин не понимает даже, что есть позорного судить дела, не приготовясь к тому изучением записки! — Просто не читать — еще понятно, но торжественно заявлять об этом, как бы так и следует! Что за народ!

22 сентября

Говорят, что два полицейских солдата пришли в Зоологический сад и хотели поездить на носороге, и при сопротивлении сторожа кинулись носорога рубить тесаком.

24 сентября

Бар. Фитингоф показывал мне партитуру первого действия своей оперы «Демон». Я ему советовал хор монахинь написать дрейклангами, написав его на листке.

[*29—30 сентября*]

Говорят, что в Варшаве накрыли было 18 членов тайного комитета, — но их предупредил агент полицейский, бывший 8 месяцев на службе у варшавского обер-полициймейстера. Убежавши вместе с мятежниками, он написал письмо обер-полициймейстеру о том, что членов комитета тогда только поймают, когда русская полиция заведет таких же агентов, как он.

Некоторые польки присягнули в костеле, что не выйдут замуж за того, кто не был между мятежниками.

В «Revue de deux mondes» вырезана статья Мазада о Польше!! Как же отвечать на нее? А можно ли оставить статьи Мазада без ответа?

Милютин, Юрий Самарин, кн. Черкасский и некто Протопопов отправились в Варшаву. Благородно и смело; но как они будут действовать, не зная польского языка?

Арцимовича Москва назначает министром внутренних дел в Царстве Польском.

5 октября

Книготорговец Вольф: спросить у меня о продаже моих детских сказок. Я ответил, что хотя контракта еще и не заключено между мною и Стелловским, но что мое слово дано и переменить его не могу.

9 октября

В Сенате — оттуда свез секретаря Лукина, больного глазами, домой, ибо ветер ужасный — il a été etonné d'un acte si simple *.

Толки о приглашении американского посла из Петербурга на обед в Москву. Я советовал не решаться на это, не снесясь с [А. М.] Горчаковым.

11 октября

В Общем собрании. В деле вопиющем Веревкина со мной согласились лишь 4; остальные 15 были заговорены секретарями, у коих спрашивались, как решить!! Просто гадко; не читают эти господа дел, да и не находят нужным, едва ли приличным для сенатора, и даже объявляют об этом без зазрения совести. Оно, правда, — тяжеленько — да как же можно дойти до такого эгоистического презрения к взятому на себя делу!

20 октября

Le chef d'oeuvre jesuitique **. «Голос», четверг, 17 октября 1863, стр. 1079 (1-я), кол. 5-я. Римский корреспондент газеты «Czas» пишет: «поляки хотели произвести 3-х дневную молитву у мощей Станислава Костки, единственного патрона Польши, в костеле св. Андрея. Этот костел принадлежит езуитам. Бек, генерал ордена, отказал, говоря, что молитвы за Польшу не согласны с политикой ордена». Удивительно ловко, в ту минуту, когда езуиты ксендзы попались в убийствах и разных мерзостях, показать, что тут езуиты — сторона.

27 октября

Сегодня в «Journal de St.-Pétersbourg» (26 окт.) речь Наполеона. Предлагается им — конференция-ловушка для всех европейских вопросов; это согласно с нашим заявленным желанием, — но надобно нам ухо держать востро. Плут Наполеон не даром согласился на такой исход. Он надеется, что все будут против нас, разве кроме Пруссии. Для того, заявил Луи Наполеон велегласно, что мы оказали ему величайшее содействие и в итальянской войне, и в присоединении Савойи и Ниццы; хорошее средство разозлить на нас и австрийцев, и итальянцев. Вся речь Луи Наполеона написана для этой езуитской инсинуации.

30 октября

Сегодня рескрипт государя Константину Николаевичу — чудесный, с чувством, дельный и avec des coups de patte aux puissances occidentales ***. По всей вероятности большая часть написана самим государем; есть строки, вылившиеся из сердца. Какой контраст с езуитскою речью Луи Наполеона, — и какой ответ московским болтунам-плантаторам, которые были так рады, чтобы придраться к чему-нибудь и отомстить участнику в освобождении крестьян.

31 октября

Директор [Л. Ф.] Львов хотел меня уверить, что Верди большой талант — что «Юдифь» не будет дана потому, что Серов приглашал его приехать в Петербург с ним о представлении поговорить.

---

* Он был удивлен таким обыкновенным поступком.
** Образец иезуитского искусства.
*** С выпадами по адресу западных держав.

11 ноября

Поговаривают о смене Рейтерна — вследствие неудачной операции по размену. Говорят, что предлагали Чевкину, который сказал: «un ministre de finances chez nous doit être ou un génie, ou un imbécile; je ne suis ni l'un, ni l'autre» *. Москва назначает кн. Дим. Оболенского. А вернее, что все это вздор.

Статья Каткова о внутреннем займе делает эффект.

14 ноября

В театре с графиней Толь — на «Саламандре» — с оптическими привидениями.

16 ноября

В Музыкальном обществе с Ниной, где свиделся с Серовым и М. В. Шиловской.—Серов женился на девушке-музыкантше — стипендиатке Музыкального общества, которая знает все Баховы фуги наизусть.

17 ноября

Не поехал в заседание Общества Любителей Российской Словесности, ибо надобно же полечиться — конца не вижу кашлю. Читать будут записки Вигеля, разумеется с выпуском разных личностей — Соболевский цензировал.

20 ноября

Обедали у нас Шиловская, Соболевский и Серов Ал. Ник. с своею женой (Валентина Семеновна, урожд. Берхман — реформатка). Она ходила учиться к Серову и поразила его своею манерою играть фуги Баха. Серов проиграл мне 2 акта «Юдифи», рассказал содержание «Рогнеды» — я советовал ему вместо одного старика-християнина сделать целый скит, — и в видении употребить оптический аппарат.—Подарил Серову Skizzen-Buch ** с разными моими поисками по части русской мелодии.

29 ноября

Являлась ко мне в Общее собрание, в качестве просительницы по делу какая-то г-жа Миронова, бывшая будто бы женой губернатора, — а дело кончилось тем, что я должен был ей дать 5 руб. на бедность. — Довольно искусно.

26 декабря

Выехали в Петербург с 12-часовым поездом.

1864 год

1 января

Читал впервые «Что делать?» Чернышевского. Что за нелепое, на каждом шагу противоречащее себе направление! Но как la promiscuité des femmes *** должна соблазнять молодых людей. А когда состареются?

2 января

Дочитываю «Что делать?» — Господи! Что за болтовня, что за тавтология! Вчера я услышал, что Чернышевский в крепости — за что не знаю еще — жаль во всех отношениях, — особенно потому, что нельзя распушить «Что делать?», этого нелепого нигилистского молитвенника — который

---

* Министр финансов должен быть у нас или гением или дураком; я ни то и ни другое.

** Альбом эскизов.

*** Свободное общение с женщинами.

Великоруссъ

1

Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною перемѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать близкихъ смутъ. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно; оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобъ спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національныя дѣла разумнымъ образомъ, впадаетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть націи не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупаго и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отмѣны такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлять для себя само общество. Итакъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи:

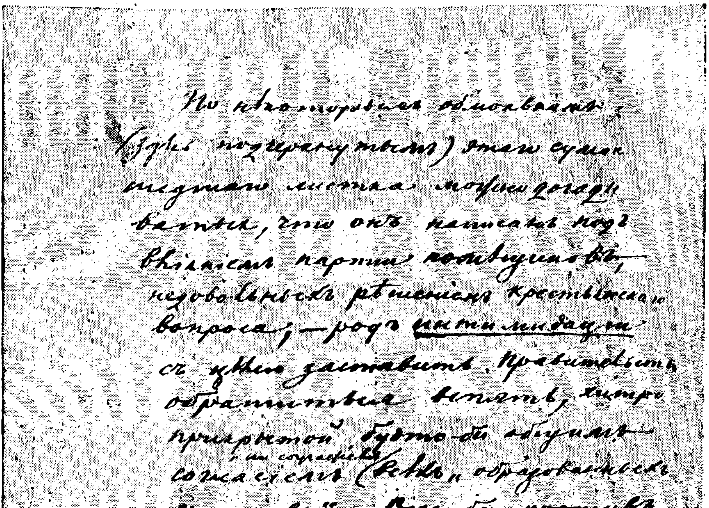
Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью, — и

Способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо;

Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія; а опредѣляя способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать.

ПРОКЛАМАЦИЯ «ВЕЛИКОРУСС» С ПОМЕТКАМИ В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публичная Библиотека, Ленинград



По некоторымъ обмолвкамъ (уже подчеркнутымъ) этого сумасшедшаго листка можно догадываться, что онъ написанъ подъ вліяніемъ партіи ~~конституціоналистовъ~~, недовольныхъ рѣшеніемъ крестьянскаго вопроса, — родъ интимидаціи съ цѣлью заставить Правительство ~~ограничительные~~ взять, хитро прикрытой будто-бы общимъ [illegible] согласіемъ („всѣхъ образованныхъ классовъ"). — Впрочемъ противъ языка, галлицизмы и неловкіе обороты показываютъ, что листокъ сочиненъ плохимъ грамотѣемъ, не привыкшимъ писать по Русски.

Новг. 30 Іюля 1861.

ЗАМЕТКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО НА ОБОРОТЕ ПРОКЛАМАЦИИ «ВЕЛИКОРУСС»

Публичная Библиотека, Ленинград

соблазнителен для молодежи — и между тем такой же яд, как езуитская теория, столь сходная с нигилистской.

3 января

В ложе Борха на «Фаусте» Гуно; calques de Meyerber, de Wagner, d'Offenbach au genre vaudeville — mais un faire excellent, des ficelles parfaites, instrumentation intéressante et experimenté — ce n'est que le véritable art qui manque *.

5 января

Рассказывают о деле Жилинского, будто бы старик отец (сын его в русской службе) был в Виленской губернии взят ошибочно вместо другого и с завязанными назад руками привезен в Вильну, где просидел в тюрьме 3 месяца и выпущен без допроса.

6 января

В опере. Серова «Юдифь» — это первая опера великого композитора. Зала полнехонька, не смотря на то, что 18-е представление и что в тот же день давали «Фауста» Гуно. Г-жа Бьянки — всегда между двумя нотами, ни одного звука определенного. Сарриоти очень хорош.

8 января

Иностранная пресса находит вполне естественным, что польский убийца хочет застать нас врасплох и всадить нам нож в горло, а когда мы выбиваем этот нож из рук убийцы, та же пресса кричит об угнетении.

Маццини говорил Л. Нэпиру: следует считаться с местом, временем, положением. Революционеры 1793 г. воздвигали эшафоты, мы же должны прибегнуть к кинжалу. Непир вышел очень взволнованный с этого собрания, куда он был привлечен то ли любопытством, то ли сочувствием **.

9 января

Краевский, Враский, Тургенев, у которого у нас же разболелась нога. Дочь его в Париже — жених есть — Тургенев только и думает что о своем гнезде в Бадене.

10 января

Обедал у Абазы: кн. Д. Оболенский, [нрзб] Тургенев, Ник. Милютин с женою, Чичерин — после обеда Серов играл и пел отрывки из своей «Рогнеды» — еще лучше «Юдифи». Языческая сторона обрисована мастерски. Пение скита триестествогласием.

11 января

Оканчивая письмо к Валентине Семеновне Серовой, не успел и соснуть до обеда, от чего очень устал. Но необходимо охранить это гениальное существо от нигилистского болота, в которое она готова попасть... У Серова, где он познакомил с своим учеником Сливинским—играли мне в 4 руки с женою пляску скоморохов из «Рогнеды».

12 января

Был в Зимнем дворце — говорил с Жомини, Потаповым, Стояновским, И. М. Толстым о необходимости [?].

Я сказал этим господам: необнародование процессов Заичневского, Чернышевского и проч. дает полный простор произвольным толкованиям.

---

* Подражание Мейерберу, Вагнеру, Оффенбаху в духе водевиля — но в общем прелестная вещь с удачными выдумками, с опытной и интересной оркестровкой — недостает только настоящего искусства.

** Запись в подлиннике по-французски.

Общественное мнение безоружно против партизанов этого учения, для которых все эти господа святые жертвы. Что они делали, что говорили на допросах — публике неизвестно. Некоторые их дела гнусны, слова нелепы и безтолковы, как я мог судить по допросам. Лучшее орудие против них — напечатать их ответы на допросные пункты и очные ставки в целости, как они ими подписаны, тогда публике будет понятно, что это за господа. Теперь же в кружках отдельных, не представляющих ничего зазорного, развивается нигилизм (?) сильно; карать их собственно не за что, да и тем лишь умножить число мучеников. Между тем рассказы об их святости и следственно о несвятости правительства переходят в журналы, печатаемые за границею, — и обращаются в материал для наших врагов в семействах и на парламентской трибуне, которые ссылаются на общее влияние. Печатать разумеется не в газетах отрывками, но при Журнале министерства юстиции особой книгой, которую и продавать особо.

8 февраля

В концерте Музыкального общества, где между прочим играли дрянную серенаду-симфонию, нечто в роде венских вальсов, присланную в дар Обществу от сочинителя Брамса, капельмейстера венской консерватории.

10 февраля

В Сенате. Ховен за 50 лет службы получил аренду в 3 000 р. — я рад за бедного старика; эта самая сумма у него была отнята изворотами Панина, осердившегося на него за то, что, будучи губернатором, он был против его интересов.

19 февраля

19 февраля! Какой день! Был в Успенском соборе у обедни.

2 марта

Ребиндер привез мне известие, что будто я рассказывал, что работают в Сенате лишь я, он, да Колюбакин,—que cela me fait des ennemis *,—и проч. т. п. Я ответил ему, что такая нелепица вне моего характера. Что мне действительно это мнение говорили, лести ради, но что мой постоянный ответ: 8-й департамент весь очень хорошо составлен, про чужие же департаменты никто из сенаторов и знать не может, что, наконец, известное дело: есть такие прекрасные люди, которые приходят к вам, несут всякий вздор, который вы отрицаете, а, вышедши от вас, они его повторяют прибавлением, что слышали от вас.

9 марта

Сенатские журналы делаются день ото дня хуже,—а секретари небрежнее: они совершенно убеждены, что сенаторам журналов читать не следует, но когда встретишь и в определении нелепость, то они ссылаются на журнал, с коим они согласовались.— Все это из рук вон, а другие сенаторы подписывают, действительно не читая,— а еще Ребиндер досадует, что меня считают чернорабочим.

10 марта

Про Колюбакина выдумали в Москве или в Петербурге, что он подрался с Катковым, которого он никогда и не видел еще, — и даже в Английском клубе, куда Колюбакин, как служащий в Москве, не может и ездить. Вот и верность пословицы: il n'y a pas de fumée sans feu **.

---

* Что это мне создает врагов.
** Нет дыма без огня.

20 марта

В Сенате—отвод Жеребцова и Ливена со стороны Якова Варпина не принят—пять разных мнений по процессу сему. Это предложение не понравилось—старые толковали, что всякий должен придти с готовым мнением. Патон: «ну как же тут говорить? у меня нет красноречия».— «Ну, так вы и не говорите»,— отвечал Лебедев.

«Вот видите,—говорил я Лебедеву, ехавши с ним в карете из Сената (мы с ним прежде уже толковали о необходимости дебатов и дисциплины в них) — видите, с каким сочувствием принято такое предложение?»— «От того, что они сами говорить боятся, чтобы не провраться»,—отвечал Лебедев.—Все это очень грустно.—К. утверждал, что при предстоящей реформе, так как у нас нобходимо всякого к чему-нибудь приурочить, то сенаторов, которые не попадут в кассационные департаменты, определят почетными членами Английского клуба.

23 марта

Ахлестышев хотел доказать мне и Победоносцеву любимый конек его партии, а именно, что в Общем собрании никаких рассуждений, ни диспутов не нужно. Странные люди.—«Зачем,—говорил Ахлестышев,—всякий прочел записку и должен придти с готовым мнением». Это невозможно,— отвечал я и Победоносцев—большая часть юридических вопросов такова, что они могут быть выяснены лишь обменом мыслей, да и притом рассуждение установлено и законом; и оно очевидно; от нерассуждения происходит то, что является по одному и тому же делу пять разных мнений; поговорили бы между собою—и может быть вышло бы одно, или много два».

25 марта

Говорят, что по мысли Валуева и кн. [В. А.] Долгорукова в Петербурге будет допущен пансион езуитов—для воспрепятствования нигилизму; но ведь нигилизм есть порождение езуитов.

29 марта

Со всех сторон слышно о грабежах в Москве. У Ник. Дим. Маслова до сих пор шишка на спине от полученного на Пречистенке удара кистенем. Если-бы удар был немножко выше и не был он в шубе, то не сдобровать бы ему; нападали на [него] двое.

Рассказывают историю про даму в пролетке, на которую напали пятеро, хожалого и кучера избили, ее раздели до нага и ускакали на пролетке.

3 апреля

Сегодня, не смотря на пятницу, гости оставили меня в покое—и я мог почитать для себя.

23 апреля

Драматическое общество хотело пригласить вел. кн. в дом Маркова и угостить «Горькой судьбиной» Писемского. Штука в том, что ищут покровительства против нападок театра—и хотят поддержать вступление Савицкой на сцену; я советую пригласить ее во дворец для декламации.

Я предложил вел. кн. вместо посещения дома Маркова, [что] для нее дело невозможное, пригласить к себе нескольких членов Драматического общества для исполнения нескольких сцен.

[13 мая]

Кошелев с 12 мая—член Учредительного комитета Царства Польского и министр финансов.

[*14 мая*]

Звук тела (камертона) на шнурке, введенном в уши, на секунду выше звука слушимого без шнурка, через воздух.

29 мая

В Общем собрании—дело Хлудовых с княгиней Тенишевой, возбудившее сильные споры, не приведшие к никакому выводу, ибо все по обыкновению говорили вместе, порядка никакого и только раздавался голос первоприсутствующего: отбирайте мнения.

В это время была гроза, и я заметил, что огнь небесный должен был бы поразить всех нас за такое беспорядочное отправление дела. Если бы не скорая реформа—я бы не оставил этого так как есть, необходимо было бы, чтобы первоприсутствующий или бы назначался государем, или был бы по выбору,— а не по старшинству чинов.

[*9 июня*]

Киттаре поручен от военного министерства прием сукон; он завел машину, которая рвет сукно, если оно не надлежащей плотности. За тем он сказал поставщикам: вы при приеме платили приемщикам столько-то; теперь вы этого магарыча больше платить не обязаны, обратите хоть половину его на понижение цен для казны. Поставщики довольны, а казна выигрывает сбавки до 25 тыс. р. с. в месяц. Но как не боится Киттара? ведь он посягнул на верный хлеб скопища мошенников, на то, что они считали вечным, заветным, святым, на что пилось шампанское, абонировалась ложа в итальянской опере, покупались стоаршинные кринолины. Не сдобровать Киттаре,— дойдут его не мытьем, так катаньем. И так уже, когда [Д. А.] Милютин хотел его представить к чину действительного статского советника, и ради формы спросил министерство просвещения: «нет ли препятствий?», то добились от университета такого ответа Милютину, что-де по университету есть одиннадцать человек старше Киттары, — как будто есть что общее между профессорством и честным приемом солдатских сукон! Дело для Киттары ограничилось перстнем.

11 июня

В Сенате.—Я показывал одно определение (по 1-му отделению 6-го департамента), где на каждой странице не менее двух ошибок, из них на половину изменяющих смысл—и сказал: когда я нахожу нелепость в записках—мне говорят: записки не важны; когда в журнале—журнал не важность; когда в определении—также не важность; вся суть, говорит канцелярия, в указе—на это-то обращено все внимание. Тогда я ставлю дилемму: если указ (как бы и следовало) есть дагеротип определению, то в указ переходит нелепость определения; если редакция после определения исправляется обер-секретарем,— то, следственно, это уже указ не Сената, а обер-секретаря. «Почему бы,—толковали мы с кн. Ю. Долгоруким—одному из сенаторов, по очереди, не подписывать указов—со скрепою обер-секретаря?»

19 июня

К. Н. Лебедев сказывал мне, что Ушакова (кн. Хилкова), у которой процесс с княжнами Одоевскими, жалуется, что я действую против нее своим влиянием, хотя я, чтобы не иметь поползновения ходатайствовать, нарочно не читал даже этого дела, и все мое участие ограничивалось тем, что я просил обер-прокурора Мертваго назначить день и час, когда он может принять и выслушать Энгельгардта, стряпчего княжен.—Просил я только по одному совсем другому делу: когда продавали за бесценок имение

княжен Одоевских, то просил торги остановить, ибо они вносили деньги на уплату кредиторам своей матери, недавно умершей.

5 июля

Начал перекладывать Бахов хорал для органа и фортепьян.

14 июля

Отправились к Троице с женою—с часовым поездом. Бессонов отказался за ревизиею типографии. В вагон к нам сел Влад. Петр. [Павл.?] Безобразов, едущий с Дона в свою деревню и потом в Нижний. Везет с собою для Географического общества две бутылки донской воды. Рассказывал про беспорядок на Донской железной дороге. Казаки внесли в железную дорогу свои обычаи, беззаботность и неаккуратность. На пароходах беспрестанные скандалы; напьется публика и бушует. История Леонтьева в пьяном виде—управляющего имением гр. Соллогуба — с каким-то Бабкиным, продолжавшаяся всю ночь.

Приехали в 3½—остановились в новой гостиннице—за комнату № 5, перегороженную на три отделения—по 3 р. в сутки. Стол плохой—к в а с а нет! кислые щи скверные, но есть минеральные воды.

16 июля

Троица. Работал в Лаврской библиотеке, свел одни и те же напевы разных веков. Каталог чудесный,— жалуются на Бодянского, что не издает его (по Обществу древностей). Дим. Вас. [Разумовский] работал с своей стороны; познакомился с библиотекарем, иеромонахом Арсением (археолог, но увы! не музыкант). Простился с Дим. Вас., уезжающим завтра в Москву.

17 июля

Сегодня с площади согнали нищих от гостиницы, кажется по словам гр. Алекс. Толстого.

В Лавре возле Успенского собора камень над Лопухиным, который, будучи осужден к отсечению головы, успел переменить имя и прожить до смерти монахом. Через 12 лет Петр I-й, увидав камень на его могиле и узнав всю историю, велел отрубить голову к а м н ю,— говоря, что царский указ должен быть всегда исполнен.

22 июля

В Нескучном завели полицию, ибо приходили люди пьяные, ломали цветы, ругались по матерну, один поднял у проходившей женщины юбку,— когда их остановили, то один закричал, что он знаком с тайным советником Муравьевым, другой назвал себя сыном Тимирязева, один пьяный схватил за грудь полицейского солдата, — сего молодца, не смотря на его крики связали и отвели в полицию, — давно пора; бесчинствам негодяев нет конца. Все расчитывают на безнаказанность. Благодетельные реформы не пристают к нашей публике. Невольно вспомнишь слова Воейкова Дашкову, когда вышел ценсурный устав 1828 года: «Помилуйте! как можно! такой устав для таких свиней, как я с Булгариным!».

[*27 июля*]

Не уж-ли «Мелетий Смотрицкий» езуита Мартынова будет запрещен,— так что на эту ловкую и хитрую пакость нельзя будет отвечать?

30 июля

В Сенате. В департаменте между двумя экспедициями мы завели антракт, для которого я привожу хлеб с икрою для всех; это необходимо; голод есть одна из причин, которая закрывает сенаторам совесть.

[*2 августа*]

В записке своей Мышлецов жалуется, что взыскание его с Богаевского утонуло в переписке между присутственными местами—всё вызывают г. Богаевского, а между тем становой пристав был с ним вместе на одной фабрике,—и не воспользовался для объявления ему вызова и даже для арестования. Эти проволочки судов убивают всякую предприимчивость, ибо всякий боится входить в какие-либо сделки, а тем менее в предприятия; здесь причина нашего безденежья: деньги не обращаются, ибо везде для них западня и ловушка, если иногда и не всегда, то на долгие годы.

СРАЖЕНИЕ В РАДОМСКОМ ЛЕСУ
Эпизод польского восстания 1863 г. Современная немецкая литография
Публичная Библиотека, Ленинград

[*16 августа*]

Морозов утверждает, что самоуправление плохо прививается у крестьян; выбранные тяготятся должностями и считают их повинностью. Община (как я предвидел, во время оно, в спорах с общинниками) сделалась тяжелым помещиком.

21 августа

П. Т. Морозов, Сушкова, Свербеев с сыном, Соболевский—спор о необходимости образования в нашем простом народе.

[*30 августа*]

М. жалуется, что сенатор Патон в заседаниях безобразничает; мешает докладчику шуточками, восклицаниями: что вы его слушаете?— что он несет! — складывает руки на стол и кладет на них свою премудрую голову —

словом, просто мешает слушанию дел,— а первоприсутствующий смотрит на это, как на дело вовсе незазорное.

31 августа

Писал записку для государя о польских делах.

3 сентября

Замятнин предложил мне содействовать ему в подписке по Сенату для симбирских чиновников судебного ведомства, погоревших.— Бедствие их ужасно!

В Симбирске действительно были взрывы—обвиняют губернатора Анисимова, который действительно виновен, но не он один; нет в губернских даже городах порядочной пожарной команды; обыватели жалеют денег на провод воды (что бы обошлось тысячи в три), полагаясь более, как в комедии Островского, «на милосердие божие». Странное дело, как мы умеем все портить—даже религия нам на столько же приносит вреда, на сколько пользы.—Наш простолюдин, наблюдая середы и пятницы, уверен, что он тем исполнил все свои обязанности перед богом и пред людьми. Здесь корень истинного зла. Далека еще та минута, когда духовенство наше решится проповедывать неверность этого убеждения, говорить, что на пожар надо выносить воду, а не образа и не богоявленские свечки; что за пост бог не помилует того, кто ходит неосторожно с лучиной, оставляет везде в доме спички, которые попадаются в руки детей или идиотов; не заботится о поправке печей, особливо осенью, когда они портятся от летней и осенней погоды, наполняются гнездами птиц и проч.

[*6 сентября*]

Народная черта: Павел буфетчик, молодой малый и женатый, глупый и нерасторопный, вел себя порядочно все это время; в пятницу выпросил себе вперед жалованье для необходимых будто бы семейных надобностей; дали ему чего он просил; и в благодарность он в субботу, в самый день переезда, когда ему надобно было свезти хрусталь и фарфор, напился пьян до того, что упал посреди двора.

Сегодня начал валяться в ногах и просить прощения, уверяя что он выпил всего с т а к а н в о д к и.

8 сентября

«Моск. Вед.», № 196—весьма сильная (вторая) статья Каткова по поводу книги Шедо-Ферроти.

Продал Бартеневу для Чертковской библиотеки на 150 руб. книг, из сего числа получил 50 руб. очень кстати, ибо за расплатою долгов—у меня оказался нуль.

[*15 сентября*]

Пожары хоть маленькие, но почти ежедневные; Крейц уверен в поджигательстве, весьма искусно производимом; захваченный на деле зажигатель успел вырваться из рук полиции, оставив в руках лишь пальто.

В окрестностях Симбирска был задержан посредником человек в чуйке, который выдавал себя за исправника и уверял крестьян, что их поджигают по приказанию барина. Этот человек до сих пор упорно молчит на все вопросы.

[*17 сентября*]

В «Инвалиде» 12 сентября 1864 г., № 202 — статья «Журнальные и библиографические заметки», — где по поводу невообразимых лекций пана Духинского в Париже, где между прочим говорится о великом герцогстве Суздалии и что русские—китайцы, выписано много из напечатанных Бартеневым в «Русском Архиве» моих бумаг. Очень доброжелательно, но только

боюсь, чтобы эта перепечатка не ввела меня в скучную, бесполезную и вместе неудобную еще полемику. Статья подписана: А. И-н (?). Редактор «Инвалида» (за) Подполковник Зыков.

[20 сентября]

В Москве существуют дамы, сами себя называющие филареточки и леонидочки. Одна из них через два месяца после причастия, данного ей Филаретом, еще чувствует его на языке.

21 сентября

Я написал статью: «Защитники польских панов».

25 сентября

Что за история о недозволении будто бы ничего печатать о раскольниках без дозволения Синода? Да как же Синод может дозволить что-либо о раскольниках, кроме опровержения их? Следственно, заглохнет опять вся разработка этого важного предмета, следствием чего было, что правительственные лица и самый Синод не имеют полного сведения обо всех сектах, и, следственно, лишены способа опровергать их учение, смешивая, как бывало, например, федосеевцевых с поморцами. Что это за возврат к воззрениям... времен Клейнмихеля и покоренья Крыма.

[29 сентября]

Рассказывают, что в Киевской губернии начали сечь крестьян за неповиновение помещикам. Что крестьяне собирают окровавленные розги и ставят их за образа. Правда-ли это?

30 сентября

Сегодня или вчера появилась еще статья Каткова против Шедо-Ферроти—и пресильная. Следственно, цензурное запрещение писать об этой книге есть выдумка.

3 октября

Говорят, что в Москве подметные письма о пожарах; в одном грозятся на Пречистенке сегодня обворовать, а потом сжечь. Но вероятнее всего, что эти означения делаются только для того, чтобы отвлечь присмотр от тех мест, где действительно намереваются поджечь.

Мои объяснения с Колюбакиным вчера (2 октября) относительно наших юридических бесед. Он сердится, от чего я не пригласил его к участию в них. Я ему отвечал, я никого не приглашал, не буду и не хочу, ибо если бы я стал приглашать, то сделался бы учредителем какого-то общества, а я имею сильнейшее отвращение от всех возможных обществ; я по моей натуре вольный казак, был им и буду, а всякое общество есть уже связа.—Шуточный устав беседы, пущенный мною по рукам, имел целию напомнить гг. сенаторам о необходимости обмениваться мыслями, особенно по затруднительным делам; кто с этим согласен — хорошо, кто не хочет — вольному воля, а приглашать я никого не буду, а предоставляю эту мысль ее натуральному ходу, — тем более, что уже мне говорили, что совсем не нужно никакого обмена мыслей, что это похоже на стачку (!!??), а я ни таких штук слышать не хочу, ни ставить кого-либо в случайность тоже услышать.

4 октября

«Московские Ведомости» 4-е октября 1864, № 216 — новая сильная статья против Шедо-Ферроти. — Катков сравнивает его предложение с предложением смешать мышьяк (раздробление России) с хлебом (единство России).

Говорят, барон Фиркс в Москве и будто бы никто не хотел его зачислить в клуб.— Что это за история?

Неправда. Соболевский объявил, что он первый запишет Фиркса, ибо не понимает остракизма за мнения.

Можно ли ожидать, говорил мне П. по поводу нашей сенатской неурядицы, чтобы на крапиве вырос виноград.

5 октября

Из Петербурга пишут: Головнин невозможен,—но невозможно допустить и того, чтобы профессора сменяли министра просвещения.

6 октября

В театре — 4-й акт «Жизнь за царя» с невообразимыми пропусками в партии Сусанина и «Запорожец»— будто бы опера Артемовского—нечто в роде итальянских арий на чухломский лад. Говорил с Неклюдовым об «Эсфири»— не ладится.

11 октября

На первом уроке по методе Шеве у [Н. Г.] Рубинштейна — пишу об нем статью.

12 октября

Графиню Блудову очень огорчает печатаемое теперь за границею об ее отце—которого называют членом верховного суда в 1825 году и рассказывают, что на голове Пестеля был рубец от железного кольца, которым стягивали его голову. Дело в том, что теперь надобно было бы напечатать все акты верховного суда, чтобы видели, какую белиберду затевали декабристы. Секретничанье нас губит; врати России несут всякую ложь на суд всему миру, а мы только запрещаем ввоз всего этого в Россию, а отпора с нашей стороны никакого. Не уж-ли не понимают, что уже одно запрещение—ныне мера недостаточная. Благодаря этому секретничанью нелепые и жалкие студенты-социалисты получили ореолу в толпе. Напечатание всего того вздора, который они несли [на] суде, положило бы их в лоск пред общественным мнением.

14 октября

Во вчерашнем № «Journal de St-Pétersbourg» перевод статьи «Инвалида», явно против Шедо-Ферроти и даже упоминается о его книге.

В народе толкуют, что государь нарочно уехал в чужие края для того, чтобы объявить набор лишь по 5 с тысячи,— потому что-де дворяне требовали, чтобы было по 10 с тысячи.

26 октября

Окончил диктовку статьи об «Юдифи»— а Соболевский подсмеивается: «как неблагоприлично сенатору писать о музыке»— действительно, у нас так.

30 октября

В редакции «Русских Ведомостей»—отдал мою статью о бесплатной школе Музыкального общества.

11 ноября

В книжных лавках объявляют, что последняя книга Шедо-Ферроти запрещена!!!?

14 ноября

Je n'aime pas à être persecuté ni dans le mauvais sens, ni dans le sens bienveillant *.

---

* Я не люблю, чтобы меня преследовали — ни с плохими, ни с хорошими намерениями.

16 ноября

Один слух страннее другого, по крайней мере неожиданнее—то Константина Николаевича генерал-губернатором в Москву, то министром финансов, то Кошелев—министр финансов.

[18 ноября]

«Что они п о ж е л а ю т»— анекдот, рассказанный Гедеоновым. В одной губернии жил дядя с племянником; племянник мотыга; дядя богач и ханжа. При посещении киевских пещер дядя при каждых мощах клал по серебряному рублю, а племянник, идучи за ним, клал эти рубли к себе в карман. Проделка открылась. Дядя взбесился и в завещании назначил 100 тыс. в монастырь с тем, чтобы святые отцы выдали его племяннику, что они пожелают. Дядя умер. Монахи дали племяннику 20 тыс., оставив себе 80 тыс. Племянник в отчаянии обратился к одному старому подъячему, который за тысячу рублей научил его ехать в Петербург и подать н а у л и ц е просьбу Николаю Павловичу, за что его посадят на гауптвахту и, следственно, каждый день будут об нем доносить государю. Племянник остановил государя на улице— где и произошел следующий разговор: Николай Павлович: «ты знаешь, что на улице мне просьбы не подают»?—«Знаю, государь». —«Тебя посадят на гауптвахту».—«Я только того и желаю». Государь пробежал бумагу и улыбнулся. В просьбе была следующая аргументация: завещатель приказал монахам выдать мне, ч т о о н и п о ж е л а ю т. Они мне выдали 20, а с е б е п о ж е л а л и 80 тыс. — по буквальному смыслу завещания они должны мне отдать, что о н и п о ж е л а л и, т. е. 80 тыс. Неизвестно, чем кончилось дело; но бумага пошла в ход; кажется он с монастырем помирился на половине — но это едва-ли так; монастырь, как владелец церковного имущества, не мог идти на мировую.

20 ноября

Соллогуб читал часть своей поэмы—прекрасные стихи—и направление ультра-консервативное.

23 ноября

Написал разом фугу для одной скрипки.

[24 ноября]

По городу ходит еще эпиграмма — все о Каткове и демонстрациях — в этой, говорят, задет и Филарет.

25 ноября

В Сенате—манифест государя о судебной реформе 20-го ноября—великое дело. Не уж-ли его не прочтут в Сенате?

К сожалению, это не манифест, а указ—следственно, есть предлог не читать его в Сенате.

28 ноября

Речь шла, чтобы поручить Серову кафедру истории музыки в Москве— но это, как они говорят, было бы совершенный разрыв между обоими обществами.

Я предложил мысль «временного наказа» от вел. кн.

[3 декабря]

Разбор займа по количеству народа сильный, но подписалось всего на 2 миллиона

[8 декабря]

Какая-то история с бенефисом Шумского на «Горе от ума».— Неклюдов, говорят, не позволил танцев в 3-м действии. Офросимов уведомил его, что он не ручается за следствия неудовольствия публики.

12 декабря

В концерте Музыкального общества—Suite de S. Bach. Точно ходишь в галлерее, наполненной Гольбейном и А. Дюрером. В первый раз услышал в оркестре Струензе. Возвратил Буслаеву (Федору Ивановичу) статью об Обществе древнего искусства с моими вставками о музыке.

[22 декабря]

Ходит прошение тульских предводителей в Главный комитет по крестьянским делам против секретного циркуляра министерства внутренних дел о замедлении обязательных наделов,— под предлогом, что черезполосность уже издавна существует. Предводители не хотели допустить толкование о сем на выборах, но прошение написано сильно, министерство обвиняется в самоуправстве, нарушении закона и в том, что его с е к р е т н ы й циркуляр, сделавшийся всем известным, поддерживает мнение крестьян о существовании указа относительно наделов, который местные власти не объявляют.

[27 декабря]

В общедоступном концерте.

В обоих концертах было 16 тыс. человек, не считая оркестра и певчих— в том числе 9 тыс. мест по четвертаку.

Хор из «Рогнеды» Серова произвел большое действие—славная вещь— набросана широкою кистью; кричали bis—но сегодня как вчера (по поводу Лядова) б и с а не было, ибо боялись, что стемнеет и музыканты не будут разбирать п и с а н н ы х нот.

Общество очень боялось, что вдруг придет телеграмма, запрещающая концерт.

Между тем оно выхлопотало себе право на концерт в манеже в присутствии принцессы Дагмар.

28 декабря

Замечательная статья Вас. Серг. Неклюдова: «Об отношениях России к Оттоманской империи» в «Русском Вестнике».

1865 год

5 января

В Дворянском собрании на выборах—застал предложение [Н. А.] Безобразова. Предложение Безобразова: назначить чрезвычайное собрание (по закону) для пересмотра положения о выборах (вчерашний спор о том, имеют ли избиратели, лишившиеся установленного ценза по причине крестьянских наделов, быть избирателями, или только уполномоченными, послужил предлогом); теперь же назначить комиссию для подготовки этой работы в 6-месячный срок, не испрашивая позволения, но по существующим законам; определили это предложение раздать в уезды для обсуждения. Перед тем он же, Безобразов, предлагал: решать дела не двумя третями голосов, но простым большинством. Самарин очень ловко возразил, что должен сему предшествовать вопрос: как баллотировать этот самый вопрос, простым большинством или двумя третями—важности этого вопроса дворянство не поняло. Вмешался Ник. Мих. Смирнов, который стал говорить о том, что будто Самарин спрашивает, «какая цель предложения Безобразова», на что Самарин несколько раз должен был повторить, что он о цели и не думал спрашивать.

КАРИКАТУРА НА «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»
«Искра» 1863 г.

Граф. П. Куренковъ.

— Это неслыханная цѣна за фуражку—очень дорого!
Купецъ. — Вздорожали-съ; а скоро нитдѣ не достанете: «Моск. вѣдомости» скупаютъ всѣ шапки.

А Смирнов свое. Тут почти тоже, что ответ пьяного матроса, который без вопроса, по чуя его, отвечал: «никак нет». Дело в том, что этот вопрос для крепостников жизненный, при простом большинстве они одержат верх. И Безобразов, и Самарин говорят хорошо и за словом в карман не ходят, но Самарин говорит просто и дельно; Безобразов с фразами, коими вызываются рукоплескания всего дворянства,—о «единстве в с е г о дворянства», о необходимости дружно стать вокруг столпа закона и проч. т. п. Один старичок говорил о умножении кабаков и о н е о б х о д и м о с т и Д в о р я н с к о г о б а н к а. Соболевский справедливо заметил, qu'ils seraient bien capots si on les drenaient au mot *. Уваров очень дельно говорил о необходимости согласить дворянские выборы с земскими учреждениями. Но я спросил: зачем дворянские выборы при земских учреждениях?

8 января

В вагоне с 12-часовым поездом.

13 января.

Речи гр. Орлова (Ослова)-Давыдова, Голохвастова и tutti quanti в заседании Дворянского московского собрания 9-го января, а равно всеподданнейшее прошение (по большинству 270 голосов противу 36) в заседании 11 января—в «Вести» 14 января 1865 г. № 4.

Нет сомнения, что крепостническое направление идет из Петербурга—не были бы эти господа так смелы, а были бы только глупы. Опасно только, что эта нелепость приведет в азарт и помещиков других губерний—и кончится тем, что крестьяне их поколотят.

* Они были бы смущены, если бы их поймали на слове.

15 января

Писал протест против московских речей—если когда-либо нужно было припомнить московской шляхте, что я потомок Рурика—так теперь. Умора! Теперь—как отправить этот протест к государю—ибо иначе и пустить в ход нельзя!

Посылал подписаться на «Весть»—из книжной лавки известие, что нумера отбирают и она запрещена. Говорят, цензор не пропустил адреса дворянства, но Скарятин под цензорским запрещением написал: печатать под моею ответственностью.

16 января

Говорят, что Скарятин идет под суд з а п о д л о г (?)—ибо на № 4 «Вести» напечатано: позволено цензурой—когда было запрещено. Депутаты адреса Орлов-Давыдов, Голохвастов и не знаю кто еще—дожидаются в Москве призыва в Петербург (!). Жена Орлова-Давыдова три раза была у вел. кн., желая представить ей речь своего мужа—которую принимает за chef d'oeuvre. Вел. кн. не приняла ее. Но для многих, и весьма многих, эта речь—верьх совершенства!

17 января

В Зимнем дворце представлялся государю. Государь пожал мне руку, спрашивал про жену, вспомнил, что несколько раз встретил меня эти дни на улице; спрашивал, долго ли останусь. Отвечал, что постараюсь не далее 10 дней.

Кн. Долгорукий: «что это у вас в Москве делается?».—«Очень обыкновенное дело,—отвечал я: полуграмотные сбили с толку безграмотных». Хотелось мне ему сказать, что не посмели бы пустить в ход нелепость, если бы не были наэлектризованы в Петербурге и эта электризация не передалась в Москву в образе оберцеремониймейстера. Цель моего протеста—положить конец мысли, что олигархические проделки одобряются в Петербурге.

У вел. кн., где повторил мою просьбу о передаче моего протеста государю, который сегодня у ней кушал. Сделано. Что будет—не знаю.

В половине 10-го у вел. кн. (мой протест у государя).

18 января

Дома нашел записку Валуева. Государь очень одобрил мой протест и передал его Валуеву. У вел. кн., которая спрашивала, что я буду делать теперь. Просто не знаю. Опасно, чтобы олигархи не отвели этой беды для них, или, что еще хуже, не испортили бы протеста.

У Юл. Фед. Абазы была переписка с Серовым [нрзб] [А. Г.] Рубинштейна — но все-таки она послала ему сто рублей. Буду хлопотать у Борха, чтобы выдали Серову что-нибудь вперед за «Рогнеду» — можно бы Серова признать придворным композитором, как был Паезиелло.

19 января

В 5 час. в Зимнем дворце.

Перед обедом государь самым милостивым образом выразил мне свою признательность за мой протест, спрашивая, виделся ли я с Валуевым. «Мы не застали друг друга». — «Жалко, — сказал он, — что в Москве не все так думают». — «Москва не так виновата, — сказал я, — здесь вся история в том, что полуграмотные сбили с толку безграмотных». — «К сожалению, так», — сказал государь.

Валуев сказывал мне, что сегодня (19-го) пошлет мой протест кн. Долгорукову, с которым увидится завтра в Комитете министров. На мое предложение, чтобы были многие подписи: — «Предложение собственно не состоялось — и надобно подождать, какие меры будут приняты». — «J'espè-

re qu'on ne fera pas sévir, car cela ne ferait que saints martyrs» * — «Сохрани бог» — отвечал Валуев. Тогда необходимо заявление — pour couper court aux espérances de ceux qui recoivent leurs inspirations de Pétersbourg **. Валуев приписывает это à l'effervescence produite par les circonstances actuelles, par un patriotisme exagerée ***. По моему просто действие партии, которая досадует, что дело освобождения крепостных идет не худо, и что с каждым днем удаляется надежда восстановить крепостное состояние — разумеется, под другим именем.

22 января

В городе уже знают об адресе о т м е н я, хотя я собственно никому, кроме государя, его не сообщал. Государь изволил меня благодарить.—Но этого мало, если м о я г а з е т н а я с т а т ь я не будет подписана, хотя 20-ю дворянами, и напечатана. По сему, встретив Валуева у Екатерины Михайловны, я счел долгом ему это выразить. Ответ его был неопределенный — почему считаю себя в праве обратиться прямо к государю. Вел. кн. Константин Николаевич расцаловал меня. «Что у вас в Москве?», спросил он. — «Ничего, — отвечал я — полуграмотные сбили с толку безграмотных, боюсь одного — кары, которая из дураков сделает мучеников». — «Этого удовольствия они не дождутся. За что они на меня бесятся?»—«Вы сами виноваты — вы принимали живое участие в 19 феврале, этого крепостники не забудут... как не забудет и история».

Говорил с Валуевым и [А. М.] Горчаковым о необходимости вовсе закрыть иностранную ценсуру, сохранив ее лишь для книг русских и польских, печатаемых за границей. «Vous prêchez un converti» ****, отвечал Горчаков. Я рассказал, каким образом лишь посредством запрещенных книг, сосредоточенных в Публичной библиотеке, я с Корфом дали возможность открыть, что «Testament du Pierre le Grand» был сочинен в 1811 году Lenoir'ом [Lesur], агентом полицейским Наполеона. Я указал на «Histoire de Pologne» Ходзько, постоянно у нас запрещавшейся и достигшей до издания à 10 centimes, где так переиначена вся русская история, что Минин и Пожарский представляются бунтовщиками против законного их царя Владислава, и Сигизмунда. Завтра это дело решится.

23 января

Ни от Валуева, ни от Долгорукова, ни слуха, ни духа. Есть попытки de ridiculiser l'adresse de ce b o n Odoewsky — l'idée est assez ingénieuse *****, только не с тем схватились, посмотрим!

26 января

Поутру у меня Серов. В крайности — жена родила — нечем заплатить и бабке, и акушеру — мать умерла, не на что похоронить. — Письмо его об этом я отдал Борху.

Завтра дают «Юдифь»; может быть выпадет ему рублей сто из сбора.— К сожалению, сегодня появилась неблагоприятная статья Кюи, подписывающегося *** в «Спб Ведомостях»; здесь и выражение мнения Стасова, хотя он и помирился с Серовым; по случаю смерти матери Серова, Серов пришел к нему на мир. Но прежние мои отношения к нему, говорил Стасов, никогда не возвратятся.

---

* Я надеюсь, что не будут применены строгости, так как это создало бы только ореол мученичества.

** Чтобы лишить надежды тех, кого вдохновляют из Петербурга.

*** Горячности, вызванной теперешними обстоятельствами и преувеличенным патриотизмом.

**** Вы проповедуете обращенному.

***** Представить смешным адрес этого простака Одоевского — довольно остроумная идея.

Стасов дает мне свои изыскания по части музыки в полное распоряжение Разумовского и мое. У него вся история переложения крюков на линейные ноты.

Стасов возвратил мне отрывок издания Orlando di Lasso, но с тем, чтобы после моей смерти это издание сделалось принадлежностью имп. Публичной Библиотеки.

У вел. кн. Константина Николаевича. Весьма жалеет о московских происшествиях. Это попытка не первая (б. Тульская, Тверская) и везде являются те же лица и то же намерение: к р е п о с т н и ч е с т в о.

29 января

При рассмотрении (до меня) устава Музыкального общества Антон Рубинштейн требовал, чтобы внесено было в устав: «ввести всю петербургскую дирекцию в главную дирекцию, а из Москвы прислать Николая Рубинштейна». Оболенский спросил: как? так и внести в у с т а в Николая Рубинштейна?.—«Так и внести», отвечал Антон. Каншин требовал также введения всей петербургской дирекции в главную, а от других отделений допускать делегатов лишь по делам того отделения. От петербургской дирекции было шесть предложений, и ни одно не мотивировано.

Оболенский, видя, что Каншин не мотивирует своего предложения, мотивировал его так: мы по праву или без права имеем власть в Обществе и хотим ее сохранить. Каншин согласился, что это точно так. Они измучили Оболенского — в 5 заседаний не могли ничем кончить, а было одно пустословие; словно, московское дворянское собрание и наш будущий парламент. Относительно последнего, кажется, правительство хочет выразиться решительнее. Я предлагаю передать в Сенат в виде законодательного вопроса.

30 января

Сегодня появился рескрипт государя к министру внутренних дел по поводу происшествий московских.

31 января

На музыкальном чудном вечере у Абазы, она никогда еще так дивно не пела; Рубинштейн, Венявский, Давыдов.

1 февраля

Надобно заставить московских дам собрать пеленки для сына Серова.

У Серова в 4 этаже; письмо от Бианки о постановке «Юдифи» в Москве; поговорить с Неклюдовым — Борх согласен.

У Валуева. Я сказал, что после рескрипта я не нахожу заявление со стороны дворян возможным, ибо всякое будет иметь вид поправки, протестации и проч. т. п.

Смирнов третьего дня говорил: «как мы в Москве нашалили»... — «Правда, — сказал я, — но щастливы вы, что меня не было в собрании».—«Я, впрочем, протестовал против адреса и не подписал его».—«И хорошо сделали». — «Я собираюсь ехать опять на выборы — как вы думаете?»—«Не советую».

5 февраля

Уверяют, что я ездил в Петербург за владимирской звездой и за первоприсутствием — хорошо, что случайно и то и другое прошло прежде моего отъезда.

8 февраля

Сегодня в 10 часов в Сенате — где впервые первоприсутствовал.

19 февраля

Вечером собрались у меня: Калачев, Победоносцев, Лебедев, Колюбакин, Дим. Самарин, Гончаров, Орел, кн. Дим. Долгорукий с женою, Тимирязев Федор, Соллогуб с женою и дочерью, Соболевский — я устроил род medianocche * и мы выпили за здоровье государя и в честь 19-го февраля. Спорам о поступке Орлова-Давыдова (которого, впрочем, все называли ослом) по требованию его в полицию на очную ставку — конца не было. Колюбакин между прочим сказал, что он сам слышал следующие, явственно произнесенные Орловым-Давыдовым слова: «Я имею причины... (оратор остановился и потом продолжал) — я имею сильные причины думать, что наше ходатайство будет иметь успех». Эти слова сильно подействовали на слушателей.—Келейные на ухо сообщения были еще положительнее... Соллогуб утверждал: нарушена святость договоров; мужики вместо 6 000 р. заплатили мне лишь 80 р., мировые посредники не делают ничего для принуждения. И употребил против меня следующий аргумент: у тебя нет земли, ты не помещик, следственно, не имеешь права говорить о постановлениях московского Дворянского собрания.— Я отвечал: «если бы в московском Дворянском собрании шла речь о неплатеже оброка, о бездействии посредников и о мерах против того, то я, как неимеющий земли в России, не счел бы себя в праве говорить,— но речь шла о конституции, о главенстве дворян, называли всех несоглашающихся с предоставлением помещикам вотчинной полиции, и з м е н н и к а м и сословию и о т е ч е с т в у — тогда я и счел себя в праве подать голос». Тимирязев заметил, что и прежде дворянские доходы шли не лучше, — и что жалобою на финансы прикрывается лишь настоящее негодование на отмену крепостного состояния. Что дворяне сделали в Редакционной комиссии? они не искали способов к улажению дела, и только настаивали на помещичьем праве.

23 февраля

Давыдов рассказывал разные сцены московского собрания. На предварительном совещании у Пушкина Давыдов говорил против проекта адреса— и половина полутораста присутствующих была с Давыдовым согласна; но на завтра Орлов-Давыдов увлек всех. Ращет был прежде такой: не будет принят проект — все равно; но приступ сделан, comme un mineur, qui detache par petites parcelles de la roche qu'il veut attaquer **. Но речь Орлова-Давыдова дала надежду на принятие. Словом, хотели пошутить. А между тем купцы сильно негодовали; на масляной мужики делали складчины, чтобы войти в балаган; недостало у них денег на места — «пойдем лучше выпить косушку», сказал один. Паяц, следивший за этой историей, закричал им: «Ге, ге, да вы точно д в о р я н е, думали думу, да остались вот с чем» (показывая руками нос) — и общий хохот.

25 февраля

В городе слухи, что мы не ладим с Францией, ибо стараемся о мире в Америке, что от того государь не поедет и в Ниццу и встретится с императрицей в Германии и проч. т. п. Что Михаил Николаевич из Кавказа переводится куда-то.

[*9 марта*]

В Коломне крестьяне послали адрес к государю, где посреди выражений признательности есть фраза, которую мне пересказывают разными

* Розговенье в самую полночь.

** Как рудокоп, откалывающий по маленьким кусочкам от скалы, которую он хочет одолеть.

образами, по которой мысль: «дворяне московские что то замышляют против государя, — нас много, очень много, — повели, государь, и мы их уймем». Говорил я ослам, что они дождутся такой демонстрации, которая будет позначительнее ихней. И какое затруднение для правительства! Не отвечать нельзя, а как отвечать? оттолкнуть это заявление—невозможно и неполитично; и одобрить нельзя. Экую кашу заварили верьховники. А между тем в гласные крестьяне выбрали 18 дворян.

14 марта

Н. Рубинштейн не мог быть у меня; он занемог после дирижовки «Реквиема» Шумана в пятницу — так эта музыка подействовала на его нервы, что вообразил себе, что этот «Реквием» по нем и что он должен умереть.

За обедом я предложил тост за нашего сородича и по музыке и по племени Лауба. Потом за свадьбу «Юдифи» с московским театром и новорожденной «Рогнеды» — здоровье Рубинштейна, занемогшего нервами от дирижовки Шуманова «Реквиема».

Народная черта. Спросили у мужика: что лучше — украсть или оскоромиться в середу или пятницу. Мужик задумался. Конечно, сказал он, украсть большой грех — но уж лучше украсть, чем душу опоганить!!! Какой предмет для проповеди!

17 марта

Варв. Дим. [Арнольди] сообщила мне нелепые слухи, которые ходят обо мне в Москве: о моем доносе и с именами государю. Это все моя статья, которой я не мог напечатать. Необходимо хоть литографировать ее. Позволят ли?

21 марта

Клевета на меня растет и множится — а между тем Щербинин мне сказал, что готов мою статью обеими руками подписать,—а позволить литографировать не может.

22 марта

В физической аудитории университета на чтении в пользу студентов— но ни одного билета даже стоять — зала была набита битком и потому в концерте кн. Юрия Голицына; его увертюра сшита из трех мелодий, несвязанных между собою контрапунктными сопряжениями. Переложения Ламакина русских песен почти без септаккордов хороши, но несколько сухи, по недостатку разнообразия в аккордах. Но все это благо, ибо вытеснит российские романсы и другую варламовщину. Серов сказал, на мое замечание, что русский романс то же, что итальянские щи, или французский квас. Голицын — прекрасный дирижер.

Говорил Давыдову о клевете на меня взводимой, и обещал ему экземпляр моей статьи.

25 марта

Сегодня ответ Каткова на страшную статью Жемчужникова в «Дне». Указание на какие-то неизвестные факты, на Варшаву и Калугу, ни сколько не относящиеся к Жемчужникову; затем о «Географии» Даниеля, рекомендуемой в журнале министерства народного просвещения, где Виленская, Подольская и другие губернии называются «Королевством Польским». Что за нелепость! Говорят, что книга переведена поляком.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

30 марта

У Эдгара Поэ много сходного с моими молодыми произведениями,— я фантастизм, и анализ.

Грустно.

[*7 апреля*]

Прочел я нечаянно у Андреева последний телеграмм из Ниццы, оканчивающийся страшными словами: опасность возрастает—подписали: Здекауер, Шестов и еще два медика.

У Островского и талант и фантазия; но он смешивает эпическое с драматическим. Прекрасна идея сна преступного воеводы Шалыгина возле колыбели невинного ребенка, — но на сцене оно ничего не выговаривает. — Фантастическое существо домового, являющегося р е а л ь н о, на сцене, мне кажется большой ошибкою; платье, походка актера убьет фантастизм и может быть смешным. Я советовал домового вывести посредством зеркального отражения или китайского фонаря, — но ему надобно реально сбить шлык с старухи. Он выходит с фонарем; я советовал по крайней мере сделать фонарь, разделенный на две половины: так, чтобы в стороне, обращенной к зрителям, было бы стекло обыкновенное, а в стороне к актеру — голубое, так, чтобы отсвет отбрасывался на его лице, которое от того должно сделаться бледным.

12 апреля

Телеграмма о кончине наследника — что за горе! каково должно быть бедному государю!

15 апреля

Телеграмма о смерти Линкольна — ай да плантаторы, чего доброго, наши плантаторы еще назовут южан молодцами.

[*18 апреля*]

Нигилисты на площади Кремлевской — на манер раскольнических прений. Проповедуют крестьянам о недостаточности данной свободы. Какой-то юноша (по рассказам) связал крестьянину руки и спросил: «волен ли ты?»— «Нет», отвечал крестьянин; он отпустил немного веревки: «а теперь волен ли?»—«Нет»; отпустил еще больше, но так что руки все оставались связанными. «Ну теперь?» — «Все нет». — «Ну, так вот, я сделаю, что будешь совсем волен», и с этими словами совсем развязал руки. «Вот теперь ты волен — можешь махать руками на обе стороны, и дать кому хочешь зуботычину». Этого мало; завели речь о вере — крестьянин стоял за веру. «Хорошо,—сказал нигилист,—с верою ты думаешь все возможно — сдвинь же Кремль в реку». — «Этого нельзя», — отвечал крестьянин. «А вот я так могу — положу бочку пороха под четыре конца — и повалится Кремль».

Любопытно здесь вот что: действительно ли так было, или это есть ловкое изобретение крепостников.—Им бы хотелось и испугать правительство и вместе подать повод к маленьким бунтикам для подкрепления своих проповедей.

30 апреля

В Общем собрании, где как всегда — испортил несколько унцов крови — все заседание шум, хождение и болтовня — срам и позор, что я выговаривал громко, — всякий отдельно соглашался, что ни на что не похоже, — и опять сам участвовал в шуме.

9 мая

Замечательная статья о злодее Кунцевиче (Иосафате), епископе Полоцком, убитом в 1623 г. в Витебске раздраженным народом — и ныне канонизированном в Риме 2 мая 1865—в «Journal de St.-Pétersbourg» 1865, vendredi 7/19 mai № 101.

17 мая

Соф. Фед. Тимирязева была свидетельницею следующей сцены: сосед их, ремесленник, постоянно пьяный, выбежал на улицу, махая дубиной; полиция его взяла, связала, ибо он сопротивлялся, и посадила на дрожки. Вдруг является хорошо одетый господин; дает две пощечины хожалому и приказывает развязать буяна, что и было исполнено, и господин ушел. Хожалый испуганный прибежал к Тимирязевой и просил ее, как свидетельницу, заступиться за него, если будет жалоба обер-полициймейстеру.

[25 мая]

Говорят, что император Николай был уверен, что в качестве помазаника божия то, что являлось его мысли на молитве, было вдохновением самого бога. Таким путем он отправил Меншикова в Константинополь и не хотел верить, что англичане и французы атакуют Крым. «Химера», говорил он тем, кто предвидел эту случайность. Неудачи в Крыму поколебали веру Николая во вдохновение божие и эта мысль отразилась жестоко на его железном организме.

28 мая

Дим. Ник. Свербеев рассказывал характеристическую черту времени про гр. Закревского. Нужно было по опекунству что-то заложить, чего нельзя было по закону. «А вы все таки заложите», говорил Закревский. «Но опека не позволяет». —«А вы все таки заложите».—«По решению Палаты...»—«А вы все таки заложите», и на том и стоял.

29 мая

Обедал в клубе, где бросились ко мне Ив. Серг. Тургенев, Анненков, Маслов, Арапетов.

4 июня

Сенатские чиновники выдумали следующую штучку: они уже не могут ручаться просителям, что проведут дело так или иначе, ибо надзор наш по 8-му департаменту очень силен и положителен. Но по ходу дела, по известному им вообще образу действий сенаторов влияющих, они могут до некоторой степени предвидеть существо резолюции. Это предвидение они и продают тяжущимся, уверяя их, что они так направят дело, и как исход оправдывает их предвидение, то они не теряют доверенности тяжущихся. Очень им неприятны и предварительные доклады, и чтение сенаторами записок, и их собственная справка с подлинными делами.

8 июня

Новая острота, приписываемая Меншикову. Кто-то сказал: «Кауфман— значит купец». «Да еще какой купец—прибавил Меншиков—из Милютиных лавок».

13 июня

Вертели стол — вследствие книги «Tables tournantes» * par Ag. Gasparin, но ничего не вышло.

---

* «Вертящиеся столы».

19 июня

Аласин — который просил уже никого, кроме его, не приглашать к делу устройства печатания крюков типографским путем.

Он мне сказывал, что употребив многие тысячи рублей на устройство изобретения его русской фотографии: фото*лито*графии, он получил от генерал-губернатора извещение, что министр внутренних дел запретил даже опыты по сей части — правда, впредь до нового закона о книгопечатании, между тем образцы фотолитографические Вадова находятся на выставке!!.

Что за история! Боятся ли подделки ассигнаций — но подделка Неожитова пятипроцентных билетов посредством прибавления нулей даже в водяных знаках показывает, что у мошенников под рукою не одна фотолитография, которою между прочим нельзя воспроизвести водяных знаков.

20 июня

Титов показывал мне письмо Шницлера, который готовит к печатанию книгу «La Russie après l'emancipation des paysans» *. В вечернем нумере «Journal de St.-Pétersbourg» любопытная речь Мурчисона о нелепости английского предположения видов России на Индию — чего первый шаг — завоевание пограничной линии Коканцев (на 400 миль от Кашемира!).

23 июня

Баумгардт — из Тамбовской губернии. Говорит, что несмотря на содействие земской полиции дороги невозможны; нет у Козлова ни въезда, ни выезда; город на горе, под горой с обеих сторон камни — остатки разрушенной мостовой и грязь по колено лошади. Город торговый — отпускается сало за границу, но у богатых купцов одна забота—лить колокола; о путях сообщения никто и не помышляет. Говорят, что мешало ведомство путей сообщения; оно вероятно, город отпускал деньги, путейские крали,—город привык к отсутствию путей сообщения.

24 июня

Сушкова, Catherine Тютчева, Сухотин, читавший «Довольно» Тургенева — спор их с Новиковой sur l'adoration des superiorités—«on ne se prosterne que devant Dieu», ** сказала К. Тютчева. Я прочел начало моего ответа «Недовольно».

5 июля

Любопытно, что полиция, заметив, что провал у Крымского моста мешает проезду, принялась засыпать его — из нужников! О, Москва! О, многообширное и безобразное ничего неделание. Моя записка имела следствием лишь ответ мне полициймейстера Дурново, что о провале сообщено Думе. Провал существует с 22-го июня.

11 августа

Милютин говорит: поляки в продолжение 40 и более лет смотрели на нас, как на медведя, правда — но с которым человек, одаренный умом (т. е. поляк) всегда может справиться посредством своей интеллигенции. Надобно их уверить, что и москаль не лишен интеллигенции. В течение одного *** в Варшаву прибыло до 320 русских, так что уже составилось русское общество.

Русские платили доныне Польше дань около 2 милл. вот как: в Польше издавна существовала пошлина на ввозную соль (в Польше нет соли, кроме

---

* «Россия после освобождения крестьян».

** О низкопоклонничестве перед высшими — преклоняются только перед богом.

*** Пропуск в подлиннике.

местечка Цехамка, где ванны и то дурные) — от которой в Польше соль была 1 р. за пуд, когда в России 40 к. Чтобы сложить эту тягость с народа, русское правительство понизило пошлину и приплачивало от себя миллион рублей, сверх того пониженная пошлина до миллиона же оставалась в пользу Царства. Лишь теперь государь отменил эту дань в пользу поляков.

Графиня Потоцкая (Александра), не хотевшая даже ехать к вел. кн. Алекс. Иосиф. — теперь виляет хвостом перед Милютиным, напоминает о родстве по пр. Киселеву — была несколько раз у Милютина, послала к нему своего глупого мужа, так что Милютин должен был отдать ей визит. «Je suis femme», говорила она, «j'ai été entraînée et j'ai payé des deux cotés.»— «Peut-être d'un coté plus que de l'autre», заметил ей Милютин. «Je ne sais pas, je n'entends rien aux affaires, — mais je sais que je suis ruinée» *.

При представлении многих поляков к Милютину, один выждал выхода всех, чтобы сказать: «Monsieur, sachez que c'est moi le premier, qui a denoncé ces messieurs **».

26 августа

Приехали Милютины — Николай Алексеевич обедал у меня с Соболевским и остался весь вечер вместе с Марьей Агеевной. Толковали о Польше и о предстоящем в ноябре для нас рекрутском наборе. Милютин полагает, что будут побеги и другие затруднения, но большой тревоги не будет. Царство должно поставить 16 тыс.

1 сентября

Милютин пригласил сегодня в Малый театр на «Мишуру» Потехина. Какая недоделанность у всех наших талантов — всякое действующее лицо у них является только б о к о м — сыграна была превосходно.

Милютин у нас — наш разговор с Марьей Агеевной о женщинах — я утверждал, что женщина может быть всем: медиком (и лучше мужчины), адвокатом, профессором, но никогда судьей.

2 сентября

Обедали у Милютиных—с ними и с Ани в Большом театре, в ложе Неклюдова, на «Аскольдовой могиле» Верстовского, которой я не слыхал лет 20. Как жидка и бесцветна эта музыка после «Жизни за царя»—вместо русского характера постоянно genre romance, не смотря на несколько счастливых мотивов.

3 сентября

В общем собрании — новое расположение стола в длину залы — боюсь только чтобы с нами не совершился квартет Крылова.

5 сентября

После обеда Милютин — Ник. Алекс., Колюбакин, Орел, Соболевский — и я проспорили до 3-х часов ночи. Дело шло о польской национальности. Милютин говорил, что все, что не шляхта — за нас или неутрально, но ни в коем случае за шляхту, которая выдает себя за Польшу. Крестьяне даже не называют себя поляками, но мазовяне, кракусы и т. д., все остальное называют панством, — и теперь просят только об одном, чтобы им не посылали чиновников поляков. Есть шляхетские деревни и возле — крестьянские. Между теми и другими есть некоторое различие в покрое платья, но во всем другом они стоят на одном уровне; между тем вот какие мысли всасываются

---

* Я женщина, я была увлечена и заплатила обеим сторонам. — Может быть, одной стороне больше, чем другой... — Я не знаю, я ничего не понимаю в делах,— но я знаю, что я разорена.

** Сударь, знайте, что я первый выдал этих господ.

шляхтичем с молоком. Чиновник, посланный Милютиным для какого-то дела, остановился в шляхетской деревне, и, говоря хорошо по-польски, шутил с шляхтичем лет 12-ти и советовал ему идти в военную службу, говоря, что он может быть офицером. — «Вот какая важность быть офицером — когда мой дедушка мог быть королем», — отвечал мальчик Такая фантазия никогда не придет в голову польского крестьянина, отсюда презрение шляхтича к хлопу, к быдлу. Католицизм лишь часть повстания: партии от Чарторыжского до Мерославского бесчисленны и ненавидят друг друга более, нежели русских. Следственно, мы боремся не с нациею, даже не с партиею, а с диким фантомом избрания в короли — здесь источник сочувствия шляхетства к восстанию, т. е. до 300 тыс. человек, когда 2 800 000 чел. нисколько ему не сочувствуют. Нелепость этого фантома уже чувствуется; Белеговский [Велегловский], издававший газету в Кракове, ни сколько не сочувственный России, доказывал ежедневно невозможность польского государства — его отравили в июне 1865 г.

В это же время в Варшаве одна русская дама получила от польской на наших раненых корпию (будто оставшуюся от повстанцев) и которая по исследованию оказалась отравленною.

8 сентября

Обедал в клубе и читал газеты. Отдал Тютчеву записку о книгах, кои желаю написать. Каткову сказал, что мы разошлись в направлениях, ибо он взял сторону феодализма—он отвечал мне, что настоящие феодалы теперь — мужики.

9 сентября

В Большом театре с Милютиным и Ани на «Воеводе» Островского. Что за талант и что за неумение распоряжаться своим талантом! Два акта сряду действующие лица дремлят и спят.

22 сентября

Письмо от Серова — он в отчаянии, что поставили «Юдифь» без него; в «Антракте» (Э.) и в «Современной Летописи» (Цертелев) глупейшие и невежественные статьи об «Юдифи». Буду отвечать им от лица Олоферна.

В «Московских Ведомостях» снова утверждение о получении «Голосом» субсидии — и снова без доказательств. Что это за безобразие!

25 сентября

Замечательная статья в сегодня полученном «Голосе» о бурсацкой нашей литературе по поводу книги Помяловского «Бурса».

4 октября

В Опере «Жидовка» — Радонежского бенефис. Он играл кардинала (назван в афишке каким-то президентом) — пел порядочно, но не решительно, ибо плохо знает такт, особливо в синкопах — и бьет такт ногою.

5 октября

Успел пробежать замечательную книгу Стебницкого: «С людьми древлего благочестия». Раскольники считают за грех помогать роженицам. Цель Стебницкого: раскольники никогда не будут фурьеристами, овенистами и проч. как надеялись бурсаки.

Сегодня Д. Н. Свербеев напомнил мне, что я говорил в середу в клубе о безвозмездности. Я утверждаю, что жалованье не имеет ничего унизительного, что оно лишь размен услуг, и в этом смысле мы все на жалованьи друг у друга, хозяин у наемщика, купец у продавца, помещики были на жалованьи у своих крестьян, как ныне у своих арендаторов — это последнее выражение было отмечено.

24 октября

Написал правила докладов по 8-му департаменту при гласности.

В театре. «Громобой» Верстовского, которого слушал в первый раз. Он только в этой опере начал созревать. Обстановка великолепная. Встретил Даргомыжского, позвал его в середу обедать.

27 октября

В Сенате. Первое изустное и гласное заседание 8-го департамента после молебна — все на мой счет.

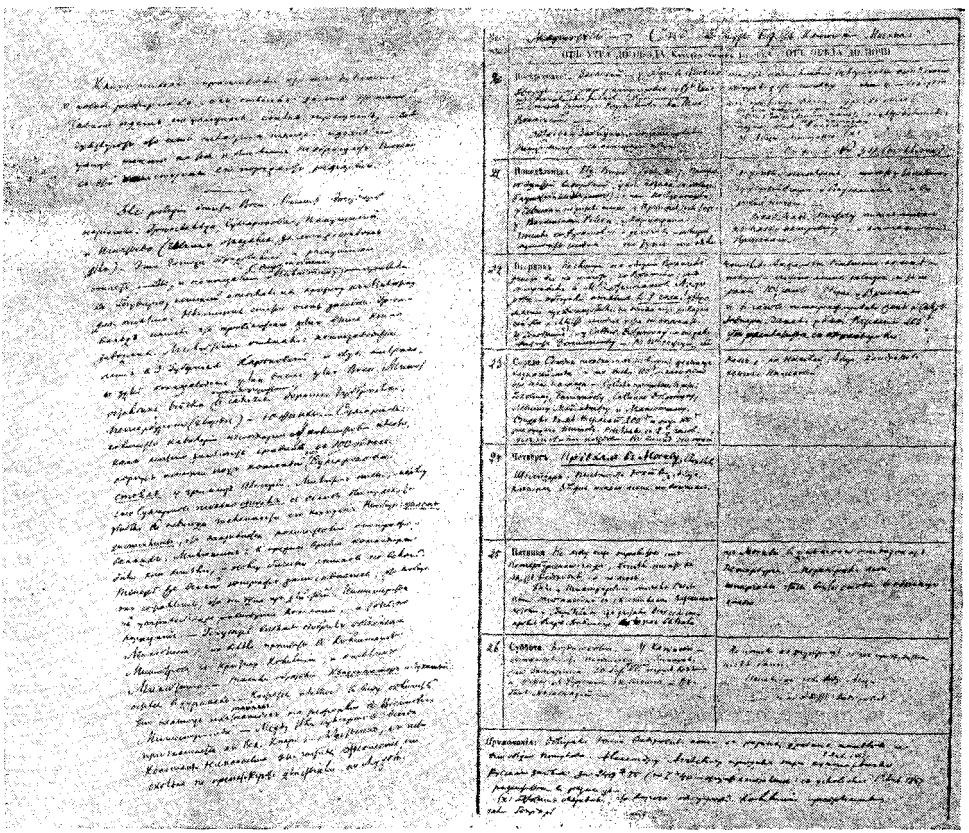
28 октября

У Лебедева для совокупного прочтения записок — он мне показал нежданную мною статью в «Моск. Вед.» — то-то будет мне беда — непременно станут уверять, что я написал ее сам. Хоть бы подарили мне эти господа время на написание.

Писал к министру юстиции по поводу этой статьи, предупредившей мое к нему письмо об открытии.

29 октября

В Сенате первое гласное заседание Общего собрания. Публики было человек 14, между коими две дамы: моя жена и княгиня Долгорукова (Dimitry). Был один тяжущийся по делу [нрзб]. Адвокат Смир-



СТРАНИЦЫ ИЗ ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО С ЗАПИСЯМИ ОТ МАРТА 1866 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

ницкий говорил отлично, хотя сначала и оробел. Чертов (первоприсутствующий) робел больше, по непривычке действовать при публике; забыл даже спросить, есть ли у поверенного доверенность и едва пробормотал что-то, когда следовало публику удалить. По уходе публики он все говорил — «кажется, хорошо обошлось». В первый еще раз в Общем собрании доклад дела слушали со вниманием, да впрочем и не бывало доклада, а просто предлагался вопрос — сенаторы записывали на докладном реестре: следует или не следует — и тем все дело кончалось. По крайней мере теперь сенаторы будут знать хоть приблизительно (даже не читая записок — по обычаю), в чем состоит дело, которое они решают. Жаль, что публику удаляют во время совещаний (когда они бывают в Общем собрании!) и по делам, поступающим по разногласию. Лишь вышла публика — и началась харчевня.

В № 230—октябрь 26 «Полицейских Моск. Вед.» напечатана статья о продаже ротонды, написанная так, что выделяются следующие слова: «корона с надписью закон продается на снос».

31 октября

Получил письмо от Крейца — статья о продаже закона была прислана от Архива инспекторского департамента военного министерства и Крейц не может даже назвать ее опечаткой.

9 ноября

Про кн. Петра Ив. Трубецкого рассказывают между прочим следующий анекдот. Когда он был губернатором, то правитель канцелярии клал ему на стол бумаги с листом, на котором последовательно были написаны резолюции по каждой бумаге. Раз дети Трубецкого перемешали приготовленную кипу, свалив ее на пол: гувернантка подобрала и аккуратно положила на стол, прикрыв их заветным листком. Кн. Петр Ив., любящий быстроту, разом переписал все заготовленные резолюции на бумаги, ему положенные. Кипа отправлена в канцелярию и роздана по столам. Что же оказалось? На бумаге земского суда красовалась резолюция: рапортовать об исполнении, на бумаге из Сената — послать строгое понуждение и так далее в таком же роде. Принуждены были отобрать все бумаги у столоначальников и отнести их к губернатору — на переправку.

8-го замечательная статья в «Голосе» — о поджогах и пиромании в ответ «Моск. Вед.» и «Сев. Пчеле» — также о немецком ремесленном обществе в Петербурге «Пальма».

11 ноября

Разнесся слух, что сенатор Жданов, посланный для следствия о симбирском пожаре и открывший зажигателя в поляке — полковом командире, уличенном солдатами, — умер отравленный.

16 ноября

У Победоносцева. Вот подробности. Меня обвиняют в речи, которой я не произносил, ибо моя р е ч ь была в общем смысле, т. е. разговор с знакомыми, а не речь в полном смысле ораторская, с сенатского места.

В том, что я поставил столик для тяжущихся — в этом грешен, ибо лучше им знать определенно, где остановиться, а не бродить по сенатской камере.

В том, что я переменил место стола — грешен, но вместе со всеми товарищами (кроме кн. Урусова), с которыми мы собственноручно передвигали столы несколько раз, по тому соображению, что первоприсутствующий должен в и д е т ь и тяжущихся и публику для наблюдения порядка, чего ни задница, ни бок видеть не могут.

В том наконец, что я принял слишком горячо закон 11-го октября, когда он только игрушка — грешен, и думаю, что если он и игрушка, то мы не должны думать, что он игрушка, а кольми паче давать чувствовать публике, что в законе, возбуждающем общее сочувствие, мы видим только игрушку.

Даже в том, что я употребил свои деньги на отделку камеры!

«На Москве стоит скотство великое, — писал я к Победоносцеву, — и если оно сочетается с петербургской флюгерологиею, — то дело плохо».

17 ноября

Раевский обещал мне прислать чрез Жомини сербские мелодии, собранные по моей мысли Станкевичем [Станковичем] и посвященные им государю. Дозволение посвятить пришло после смерти Станкевича.

19 ноября

В Сенате в Общем собрании до 3½, так что не успел выслушать предварительного доклада на понедельник. Публики человек 18, в том числе 3 дамы. — Патон, который и до сих пор уверен (после 11 октября), что в Общем собрании не должно быть обсуждения — я заметил ему, что если так, то не за чем удалять публику, а мы можем докладные листы подписывать молча. В отсутствие публики, как всегда, Содом и Гомор.

21 ноября

Здекауэр написал статью о мерах предотвращения холеры, которую сегодня мне прислал.

Сегодня Д. Н. Свербеев привез к жене записку, в которой извиняется, что позволил себе ссору у нас в доме, — мы просто тут ничего не поняли: вышло, что у них размолвка с Юр. Самариным, чего мне в голову не входило, — разговор шел шуточный, хотя и спорный, об аристократии, — в одну минуту они стали говорить между собою шопотом, — я отодвинул кресла свои par discretion *, тут то кажется между ними что-то и вышло.

Свербеев на повторения Самарина, что Свербеев участвовал в «Русской Беседе», сказал в сердцах: «c'est bête, cette plaisanterie prolongée, je suis trop vieux pour servir de plastron» **.

[*30 ноября*]

Утверждение Фогта о том, что барометрические лягушки выходят, когда есть солнце, и прячутся, когда дождь, словом, не предвещают погоды, противоречит многократным моим наблюдениям и, наконец, следующим:

29-го около 11-ти часов пополудни — был градус тепла, погода пасмурная и снежная, но лягушки выскочили на верьх.

30-го утром 14 градусов мороза и солнце. Ergo: предчувствуют.

4 декабря

Болен — никуда не еду — хотя Варварин день.

«Голосу» сделано предостережение и довольно крутое за несколько нумеров. — В петербургском земском собрании — речь о центральном земском собрании — и о расширении прав земких собраний — когда еще не знают, справятся ли с тем, что уже дано!

5 декабря

Наконец прочел пук газет. О польском деле столько же мнений, сколько голов. Одно мне кажется верно: для спокойствия России и Польши необходимо неутрализировать шляхту, как неутрализуют кислоту, прибавляя

* Из деликатности.

** Это глупо, шутка слишком затянулась, я слишком стар, чтобы служить шутом.

к ней щелочь; эта щелочь — перетасовка землевладельцев русских с польскими. Речь Кауфмана тем хороша, что определительна и показывает, что правительство решилось выдти из мира полумер.

[*18 декабря*]

Сильный разговор идет о циркуляре цензорам о Прибалтийском крае и о т в е т е на него в «Моск. Вед.» 17-го.

19 декабря

У Калачева (в Садовой, в Каретном ряду, против Пимена, д. Высоцкого) на Комитете изданий Общества Русской Словесности.

Читали заявление Новоструева [Невоструева], настаивающего на том, чтобы при издании народных песен очищать их от всего кощунственного, безнравственного и проч., чтобы представить народ наш лишь с похвальной стороны.

Познакомился с Поповым. Котляревский собирается ко мне.

Свез в Комитет объявление Орла о начавшемся печататься его Всеславянском словаре, и объявил, что за тем мое предложение об издании параллельных словарей русско-польско-чешско-сербских оставить без последствий, чтобы не помешать Орлу-Ошмянцеву, но помочь ему, если нужно будет.

Сводил мои домашние ращеты. Дело в том, что при возрастающей дороговизне на все, нам почти нельзя свести концов с концами, сколько мы ни обрезали себя в издержках. На людей, содержание дома и отопление, не считая ничего более, по счету жены нужно 280 р. в месяц, а я ей могу дать на это *лишь* 200.

20 декабря

В Сенате с 10 до 5 часов. Любопытная канцелярская черта. Подписывая 2-ю часть журнала 2-го декабря, я заметил в конце обыкновенную приписку: «вышли из присутствия в ч а с пополудни», когда мы остались до 4½. На вопрос мой старому нашему протоколисту Карамышеву о такой неверности, он отвечал: «да так уж заведено — нам был приказ не писать д а л ь ш е часа» (т. е. когда выходили и в 12 — молодец был тот секретарь, который отхватывал все дела от 11 до 12). «Да вы видите, Григорий Васильевич, что теперь уже не то». — «Извините, ваше сиятельство, отвечал он, — ведь так уж привыкли — 17 лет я в Сенате — и никогда позже часа присутствие не оканчивалось». Однако я принял меры для уничтожения этой патриархальной трафаретности.

26 декабря

Обед у меня для Куртина. Даль, Вельтман, Орел, Свербеев, Николай Елагин, Соболевский, Соф. Корнилова. За обедом я сказал почти следующее: «Позвольте вам, господа, предложить выпить рюмку вина в честь дружбы между Америкой и Россией. Нас сближают не одни материальные интересы, — есть связь внутреняяя: тоже необозримое пространство, тоже многоразличие климатов. Вы освободили негров, государь наш освободил крепостных. Вы уняли американскую шляхту, мы уняли польских плантаторов...»

30 декабря

Анекдот, рассказанный Матычининым о богатом мужике Леоне, у которого он, едучи по Лене, остановился ради бани — в доме из кедров, — которого он пригласил с собою чаю пить, а тот ушел — жена объяснила, что и с домашними он за стол не садится, ибо он н е щ а с т н ы й, получил удар кнута и ноздри вырваны: 16-ти лет он утопил девушку, ему изменившую.

Для женитьбы поселенцев Трескин в Сибири распорядился так: по Лене едет павозок с ссыльными женщинами (большею частью 17, 18 лет за детоубийство от стыда), останавливается у селения ссыльных, каждый может избрать себе любую, но тотчас не венчают, а оставляют у него на год и, если сошлись нравами, то через год и женят.

31 декабря

Последний день года, — сколько было работы, а как мало успел сделать такого, чтобы могло остаться после меня. Портфейли наполнены материалами и приготовлениями к работе — когда то может быть возможной, может быть — никогда.

1866 год

3 января

Не знаю, что делать! Неизбежные уплаты в начале января и за квартиру и за заборы, — а выдадут мне деньги (по причине реформы счетной части) лишь 20-го.

6 января

Пуф или нет во вчера полученном номере «Голоса», что парижские ученые утверждают, что земля стала медленнее вертеться. — Не пуф, — в вчерашнем № «Journal de St.-Pétersbourg» см. статью из «Patrie», где ссылаются на Адамса. Земля замедляется каждые сто лет на шесть секунд.

7 января

В Общем собрании. Первоприсутствовал в первый раз кн. Петр Ив. Трубецкой. Трубецкой первоприсутствовал лучше, нежели как можно было ожидать. Порядка доклада не установил, но когда сенаторы во время чтения мнений и предложений министра юстиции заговорили по обыкновению, то он воспользовался моим советом, который я часто предлагал первоприсутствующим; он сказал читавшему секретарю: «остановитесь, гг. сенаторы рассуждают». — И все утихло — правда не на долго.

9 января

Московские слухи. Бахметьев был здесь и неоднократно жаловался Филарету, что против него, Бахметьева, составлен заговор, что я (!) интригую против него и изобрел Комиссию (высочайше назначенную) — и потом уверял, что его Филарет совершенно понял и что он уезжает совершенно спокойный. На здоровье!

10 января

Куртин полагает, что идея основать Мексиканскую империю у Людовика Наполеона была основана на надежде, что Соединенные Штаты ослабеют и разрушатся.

13 января

Дома нашел указ о моем членстве и отношение Головнина о приезде моем в Петербург! А у меня ни гроша!!

Писал Замятнину о моем денежном затруднении — просил назначения мне, что следует по закону командируемому чиновнику.

24 января

В театре на «Мазепе» — Кочетова была удивительна в сцене сумасшествия. — Отзывы публики вообще к опере были неблагоприятны и я удивил сказавши, qu'elle était à la hauteur du «Faust» de Gounod *.

* Что она на высоте «Фауста» Гуно.

31 января

В заседании Общества Любителей Русской Словесности — выбор должностных лиц. Предлагали мне быть председателем — я отказался. Выбрали председателем Калачева; временным — Путяту. В приготовительное собрание Щебальского. О Котляревском целая история. О нем распространился слух, что он под надзором полиции. В прошедшее заседание Степ. Алекс. Маслов начал читать мнение о том, что он 35 лет членом, что всегда члены были люди благонамеренные, но что теперь... ему не дали докончить, Соболевский первый встал, сказав, что он выходит из Общества, если будут питаться подобными сплетнями, — встали и все... и Маслов должен был замолчать, хотя несколько раз принимался дочитывать. Котляревский тотчас отказался от звания секретаря — «по встретившимся обстоятельствам», как сказано в протоколе. В нынешнее заседание члены, не бывшие в прошедшем, хотели знать, какие это обстоятельства. Я заметил, что эти слова относятся к лицу Котляревского, что обществу нет нужды знать, от чего он отказывается, а предстоит одно: выбрать секретаря. Поднят вопрос: просить Котляревского остаться секретарем, — или баллотировать шарами, 12 против 11 решили просить,— но и многие из остальных 11 говорили, что они желают баллотировки лишь для сохранения принципа. — Во время разговора было замечательное слово Котляревского, что Маслов по крайней мере действует прямодушно.

Дело в том, что и легально, и конфиденциально общество, как и всякое отдельное лицо, никак не может знать, кто именно находится под надзором полиции.

10 февраля

В сегодняшнем номере «Моск. Вед.» назначение Поленова, Шахова и Ровинского в московскую судебную палату. Любопытно знать, был ли я на списке кандидатов, представленных государю? Полагаю, что не был. Жаль во всяком случае, ибо я желал бы, чтобы государь знал мою добрую готовность поработать в судебной палате. Может быть это именно позаботились от него скрыть.

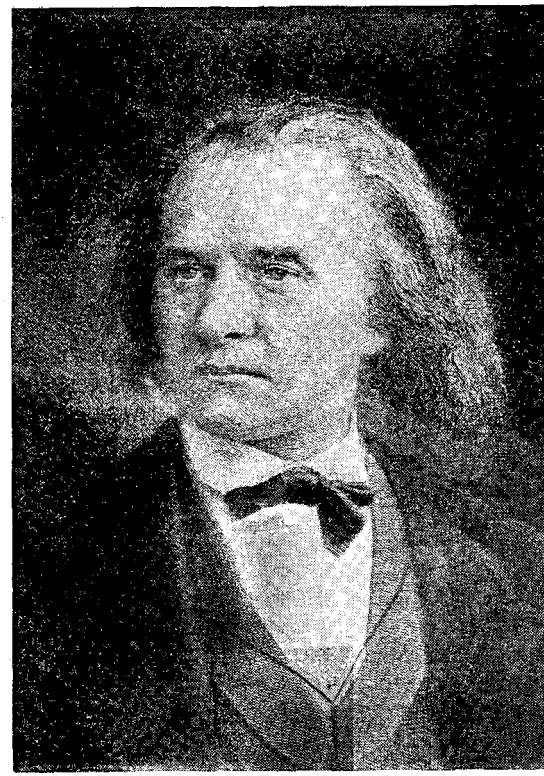
14 февраля

Выезжаю в Петербург с почтовым поездом. Со мной ехал Маркевич. Акцидента на дороге не было — чему удивляются; по длинному мосту едут тихо — он весь на подпорках. В вагоне большие толки, что в магазинах на станции в Москве до 180 тыс. четвертей пшеницы, законтрактованных для отправки за границу и которые не могут двинуться, ибо нет локомотивов; они заказаны числом 20 Вильсону, но в контракте (будто бы) забыли написать, к какому сроку.

23 февраля

Коттен рассказывал: Силичев, почетный директор Училища глухонемых (о коем была хвалебная статья, написанная Селезневым, бывшим письмоводителем в Лицее, ныне директором того же Училища), был человек безграмотный, но сочинял книги об обучении глухонемых следующим образом: Боас — один из библиотекарей императорской Публичной Библиотеки набирал компиляцию из разных книг по сей части, а Селезнев переводил, ни один из троих без всякого изучения сей части.

Суворову была от государя головомойка — от Сената, чтобы он впредь отнюдь не вмешивался в то, что до него не касается; Суворов разбранил свою канцелярию и строго запретил ей вмешиваться в неподлежащие ей дела.



А. Н. СЕРОВ
Гравюра В. Боброва, 1876 г.
Публичная Библиотека, Ленинград

3 марта

Дворянское собрание требует 4-х пунктов: чтобы его представления входили не в министерство, но в Государственный совет или в Комитет министров — при сем по окончании баллотировки многие члены объявили, что они шары положили вместо левой на правую сторону.

Графиня Борх сказывала, что Неклюдов хлопотал о введении итальянской оперы, — и что ее муж только отстоял русскую.

5 марта

Малевский — который спрашивал меня *, действительно-ли возбуждение против поляков так велико в Москве? «Как же вы хотите, чтобы это было иначе, — отвечал я — когда патриотически настроенные газеты только и делают, что поддерживают это возбуждение, и когда ни один поляк не сделал и шагу для сближения». — «Это Мерославский, — отвечал Малевский, — талантливый человек и краснобай, но мошенник, который выдумал отравителей и убийц из-за угла; это он портит отношения, увлекает молодежь и поддерживает в иностранной прессе противные России мнения».

12 марта

На музыкальном вечере у Константина Николаевича (Моцартов квинтет g-moll, «Othello» Мендельсона и Рубинштейн). Человек 40 — меня позвала королева к чайному столу с стариком Литке; в числе приглашенных Серов и, horrendum dicti **, Ленц (!), который все приклеивался к Новиковой. —

* Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.
** Страшно сказать.

Ленц спрашивал меня, читал ли я статью его о «Рогнеде»; я ему сказал на отрез *, что невозможно написать оперу в грегорианской тональности. Он: «т. е. в греческих гаммах». — Я: «не существует ни греческих, ни дорийских и фригийских гамм, но лады». Он: «да ведь это одно и то же». — Я: «нет! есть только три гаммы: диатоническая, хроматическая и энгармоническая — и потом le plain chant не есть cantus firmus и cantus firmus не есть le plain chant.

Я сказал Конст. Ник.: «честь вам и слава». Он: «за то, что у меня такая музыка?» Я: «нет, а что позвали Серова, — честь и слава за то, что славно председательствуете; вы знаете, у вас есть враги». Он: «как не знать!». Я: «они распускают слухи, что в Государственном совете вы не даете никому слова выговорить, что первые высказываете ваше мнение»; Он: «вы видели»; Я: «и очень счастлив, что был в этом Комитете — и de visu et auditu ** — могу сказать этим господам доброго дурака».

13 марта

Сегодня я сказал Замятнину: великая честь мне прилагается, — а в то же время в трактире нечем расплатиться.

15 марта

У вел. кн. (в самом заднем кабинете) обедал я с Тютчевым и Эдит. Федоров [Раден]. — Между Будбергом и Горчаковым contra; их мнения были различны, — но Будберг, исполняя предписания Горчакова, присвоил его мысли себе и в таком виде представил государю, который, не зная об этой контре, написал, что он согласен с мнением Будберга, — Горчаков счел нужным разъяснить, что Будберг был совсем иного. Речь шла о назначении (временном) Бруннова в Париж на конференцию. Присвоение княжеств Австриею и даже назначение туда австрийского принца будет от нас принято за casus belli ***. Луи Наполеон, если ему удастся склонить Англию, сделает из молдавского вопроса — восточный. Поговаривали об Обреновиче, но на это никто не согласится.

16 марта

Тому несколько недель государь ездил на охоту; на железной дороге что-то лопнуло; у кондуктора аппарат для телеграфирования оказался испорченным. Принуждены были послать мужика п е ш к о м на станцию. Так прошло 2 ч а с а! а если бы какое большое несчастие? — стыд и срам нашей администрации.

[*20 марта*]

Клейнмихеля спрашивали, что он думает о новых реформах; он ответил: да что это такое! Бывало идешь по улицам — стены трещат, все чувствуют, что есть сила, — а теперь идешь по улице, никто на тебя и внимания не обращает. Только с этой стороны его поражают реформы.

Для ревизии отчета военного министерства государь назначил: Грюнвальда, Сумарокова, Плаутина и Игнатьева (Чевкин отказался за множеством дел). Эти господа обрадовались и распушили отчет и не показавши [Д. А.] Милютину, вопреки обычаю, отправили к государю, который отослал их критику к Милютину для ответа. Некоторые статьи очень забавны. Грюнвальд нашел, что провиантские цены выше коннозаводских. Милютин отвечал: коннозаводство лишь в 3 губерниях, Харьковской и двух смежных, и здесь коннозаводские цены выше цен военного министерства. Остальные

---

* Далее, до слов: «Я сказал Конст. Ник.», в подлиннике по-французски.
** Увидев и услышав.
*** Повод к войне.

войска преимущественно в самых дорогих губерниях, Петербургской (гвардия) и южных. Сумароков: количество кавалерии несообразно с количеством пехоты, как можно заключить, сравнив с 100 тысяч. корпус, который под командой его, Сумарокова, с т о я л у границ Австрии. Милютин ответил, — потому что Сумароков только с т о я л, а если бы двинулся, то увидел бы невыгоды численности его корпуса. Вообще: у п а д о к д и с ц и п л и н ы, что доказывается количеством оштрафованных. Милютин: в прежнее время командиры били кого хотели и этому битью списков не велось. Теперь же всякий штраф записывается; что вообще он сожалеет, что ни одно из действий министерства не удостоилось даже равнодушия комиссии, а только порицания: государь вполне одобрил объяснения Милютина, но велел прочитать в Комитете министров и критику комиссии, и ответ Милютина. — Таким образом к в а д р и п а т е р истуканный остался в дураках. Кажется имелось в виду обличить всю нелепость их тайных нападок на реформы в военном министерстве. — Между тем Сумароков всегда приглашается к вел. князю, — следственно, к чести Константина Николаевича, эти частные отношения нисколько не препятствуют действиям по службе.

24 марта

Приехал в Москву.

25 марта

Не могу еще оправиться от петербургского чада.

28 марта

Тарновский (женатый на сестре Долгорукова) во время заутрени светлого воскресения в Кремле на берегу был схвачен сзади ворами за руки, а другие очистили его карманы; за колокольным звоном и пушками его голос никем не был услышан.

В Москве распускают слух, что государь был у Орлова-Давыдова.

3 апреля

Статья Каткова, в сегодняшнем нумере объявляющего, что не напечатает предостережения, а будет платить штраф по 25 р. за нумер, производит сильное впечатление.

5 апреля

Какой ужас! индо мозг перевернулся. Телеграмму принесли, когда я уже садился в карету ехать в Сенат. Большое апелляционное дело мы отложили до завтра — у меня по крайней мере нехватило бы спокойствия для здравого обсуждения. К счастью, остальные дела были все легки. Мы их кончили до молебна. Иные успели надеть парадную форму, — я успел захватить лишь ленту. Толпа огромная в Чудове. На площади народ потребовал молебствия— и все встали на колена. Колюбакин вне себя — il faut que j'aille à Pétersbourg et que j'y tue quelqu'un — même vorte mari *, — говорил он моей жене. Все обвиняют полицию — за недосмотр — и справедливо.

Новая телеграмма дает мало подробностей. В Москве уже рассказывают, что пистолет был отведен проходившим случайно мужиком. А если бы он тут н е с л у ч и л с я?? Что же делала полиция? не уж-ли ее агенты не следят за государем? Когда гулял Николай Павлович — до десятка переодетых полицейских не спускали его с глаз.

6 апреля

В Сенате — в 8-й департамент пришел кн. Петр Ив. Трубецкой (надоумленный Шаховым) и принес с собою проект адреса государю, который

* Мне надо поехать в Петербург, убить кого-нибудь, хотя бы вашего мужа.

«он набросал». Члены 8-го департамента поручили мне и Калачеву условиться о редакции — щадя самолюбие автора. После заседания пришел Колюбакин и пригласил меня и Калачева к себе, где я нашел Погодина. Состряпали редакцию в шуме разговоров, сохранив сколь возможно слова Трубецкого, — лишь конец написал я. К Трубецкому, — от него с писцом ко мне, — и около 6 часов работа была кончена. — Потом в Английском клубе, где была баллотировка, на которую я не поспел, но подписал предложение об избрании Комиссарова почетным членом клуба.

Погодин у Колюбакина читал свою статью; я заметил, что не должно сенаторам повторять слова: измена, предательство, — ибо бог знает, как поймет это народ. Впрочем и в адресе московского Сената есть в конце неловкая фраза от поспешности: «от вражеской руки, кем бы она ни была водима». Тут было влияние известия, что убийца — русский, — но если этот адрес напечатают, то бог знает, как публика будет толковать эту фразу *.

7 апреля

В Сенате — говорили, что имя убийцы Млодзиевский, — слава богу, если так. Мысль, что он мог быть русский, даже дворянин, помещик весьма всех тревожит. Возведение Комиссарова в дворянство толкуют, что это — честь, оказанная государем дворянству, т. е. признание важности сего сословия.

[*10 апреля*]

Слухи: вел. кн. Николай Николаевич входил к убийце усовещевать. «Чего вы от меня хотите? я знаю, что меня ждет виселица — я не скажу ни слова».

Муравьев, входя к нему, сказал: «знаешь ли ты, кто я? я — Муравьев». Преступник задрожал. «Даю тебе срока три дня, — спрашивать тебя не буду — я и без тебя узнаю кто ты, но в таком случае тебе будет плохо».

Шапошники давали обед своему прежнему товарищу Комиссарову и предложили выпить рюмку водки — он выпил; стали просить о другой — «нет — отвечал он, — я пить больше не буду; теперь мне нельзя; я должен как свеча гореть» — надоумит ли кто его учиться? **.

Рассказывают, что в Петербурге 4-го апреля кто-то подошел к трем дамам и сказал по русски (!?) «не удалось» — «что же, — сказала одна из дам — промах?» — и дамы исчезли. «Московские Ведомости» говорят о даме (графине Ридигер?!), которая за две недели слышала от польки *** о покушении.

Теперь говорят, что это графиня Ридигер и будто бы она после покушения сказала о том императрице. И Ридигерша могла молчать до того времени??

Преступник, уличаемый многими, все не сознает, что он Каракозов. Послали за его отцом и матерью. Казначеев сказывал, что отец ему сосед — и сумасшедший. С преступника сняли фотографию посредством хлороформизации, ибо он не давался под фотографию, делая гримасы.

15 апреля

Чему приписать отставку Головнина? Говорят, статьям «Московских Ведомостей».

---

* Публика, кажется, не заметила помянутой фразы. [Прим. В. Ф. Одоевского].

** Это поручено Тотлебену. [Прим. В. Ф. Одоевского].

*** 4 мая. Называют гр. Потоцкую (Швейковскую), у которой будто бы нашли в кармане 300 тыс. руб., и которая теперь притворяется сумасшедшей, кусается. [Прим. В. Ф. Одоевского].

19 апреля

Неужели правда, что государь получает анонимные письма с угрозами? Что за ужас? — Сегодняшняя статья «Московских Ведомостей» явно говорит об измене высших властей, но на каком основании? боюсь сатурналий в том или другом смысле.

Кн. Долгоруков обер-камергер и ген.-адъютант — это у нас новость. Кажется, бывало при Екатерине.

Говорят о замене Валуева Зеленым — следственно, о соединении двух министерств, что уже, кажется, имелось в виду.

Каракозов воспитанник не партии, а воспитанник домашних карточных столов, где горюют о невозможности поставить на карту Гаврилку с Дуняшкой; а тут привился и революционизм или нигилизм — слово необъясненное.

23 апреля

Открытие новых судов — речь Замятнина прекрасная и хорошо сказанная. — Грустно было думать, что когда совершается такое великое дело, всех трогающее (толпы народа были вокруг сенатского здания), — несколько негодяев волнуют и государя и народ. Народ сердит на студентов и при удобном случае колотит их! — Не на университетских скамьях следует искать людей, породивших чудовище, подобное Каракозову, но за карточными столами и за самоварами, где горько сетуют о том, что Дуняшку нельзя втащить в постель, а Гаврюшку поставить на карту.

27 апреля

В Москве начались аресты: взята какая-то Оболенская (но не княгиня), кажется, урожденная Викулина, и брат ее, Алексеев, Воейков — тот, говорят, богатый человек. Не уж-ли это все нигилисты?

Говорят, что Каракозов (если он Каракозов?) во всем признался и просит служить у него обедницы за спасение государя. С другой стороны утверждают, что он ксендз, издавна доставший себе паспорт умершего Дмитрия Васильевича Каракозова. Этим объясняется то, что его признал инспектор московских студентов и знание им (?) языков польского, французского и немецкого. — В Москве арестован доктор, имеющий большую знаменитость, г. Захарин, которого настоящее имя Захарий — он из евреев *.

28 апреля

У Свербеевых, где простился с кн. Ольгой Оболенской, уезжающей в Тверь, где ее муж вице-губернатором. Она мне сказывала, что арестованная Оболенская есть княжна, не употребляющая сего звания по принципу, и что одно из правил нигилистов не быть опрятным. Что за гадость, особливо если они живут с мущинами в плотском соединении; от них должно вонять нестерпимо.

4 мая

Стояновский мне сказывал, что арестован Маликов, бывший судебный следователь, который нас с Победоносцевым так разжалобил своими письмами. Что это? донос ли врагов его или в самом деле он соучастник? Кому теперь можно верить? Он, кажется, уже был определен по министерству юстиции.

Говорят, что у кого-то нашли фотографию или литографию Комиссарова и возле него о с л и н у ю голову. Стало быть следствие еще не напало на настоящий след. Говорят, что на одной карточке нашли подпись фотогра-

* 29-е. Это московская выдумка, Захарина не брали. [Прим. В. Ф. О д о е в с к о г о].

фии Лариновича. Кому могла придти в голову беспредметная глупость? для чего она? для того ли, чтобы сердить народ? чтобы заявить, что мы-де еще существуем? или это просто глупая злоба поляка? *

Не поэтому ли случаю полиция отобрала из магазинов все карточки так наз. волшебных фотографий, где фотографии воспроизводятся каплею воды?

[15 мая]

В «Голосе» и в «Journal de St.-Pétersbourg» знаменательный рескрипт 13-го мая. Весь вопрос в том, как он будет исполнен? Главные его пункты: вера, семейная жизнь, уважение к правительству, право собственности. Как проникнуть туда, где все это наиболее нарушается, — т. е. в домашней среде?

Не должно мучить ученье, тем люди отучаются от науки, — а наука нужна — и как нужна для России!

Рескрипт 13-го мая, говорят, был писан Паниным.

Орел-Ошмянцев арестован. Что бы это могло значит? человек, не только любящий государя, но и всегдашний порицатель всякой оппозиции! Тут что-то весьма странное и непонятное.

Арестуют весьма много и чрез несколько времени выпускают; но между студентами многие лишаются уроков, ибо никто не захочет взять заподозренного. Все это производит тревогу и волнение.

22 мая

Точно так же, как до 19 февраля 1861 г. крестьяне в каждом акте правительства искали намека на свое освобождение, так теперь помещики ищут в каждом правительственном акте восстановления крепостного состояния.

Любопытно было бы посмотреть в архивах III Отделения под 1861 годом, что и кем говорилось в то время. Многое настоящего времени нашло бы там разгадку.

Что за чушь несет московская публика, всего не упомнишь и к стене не прислонишь. Посреди самородной нелепости есть явные признаки слухов, распускаемых нарочно врагами Константина Николаевича. — Очень характерен, например, следующий ходячий вопрос: от чего принцесса 4-го апреля пошла в Государственный совет, а не в Зимний дворец?.. Николаю Милютину пророчат падение. Словом сатурналия полная и раздувается какими-то вожаками. Чего не придумывают! Напр., что Конст. Ник. ходит переодетый прислушиваться к народным об нем толкам и слышит про себя самые оскорбительные слова. Хороши наши крепостники—мстят изрядно. Но плохую шутку они шутят.

26 мая

Никогда не забуду схода по Красному крыльцу, — площадь покрытая головами, неумолкаемое «ура» по обоим сторонам подмосток, усеянных цветами, по которым мы шли. Солнце, звон, мысль об освобожденном народе, о новом судопроизводстве — и наконец мысль о злодеянии Каракозова — все это вместе производило чувство невыразимое. Мы шли с Вяземским, — он — слепой, я—слабоногий, «и ты, нещастлив, дай же руку», сказал Вяземский, и мы сходя с Красного крыльца поддерживали друг друга, — между тем невольно бродила у меня мысль, а что если в этой толпе, насевшей к перилам подмосток, да есть новый Каракозов, — кровь в жилах у меня застывала, и я, находясь недалеко от государя, [размышлял], что сделать, если в толпе замечу поднимающийся пистолет и расчитывал расстояние: успею ли я заслонить собой государя. Это был единственный способ — лишь когда государь вошел в Чудов, у меня отлегло сердце.

* Впоследствии эта история оказалась выдумкою; я видел эту фотографию; надо иметь весьма разгоряченное воображение, чтобы принять за уши весьма часто бывающий в фотографии случайный отлив теней. [Прим. В. Ф. Одоевского].

Кей-Блунт была с Свербеевой на площади,—и в совершенном восторге—никогда ничего подобного она себе не воображала—она собрала цветы, по которым шел государь, чтобы послать их в Америку.

27 мая

Говорят (я не слыхал), что государь сказал Левшину: «в университетах не учат тому, что нужно, а учат, чего не нужно» и Левшин отвечал: «Смею уверить ваше величество, что в течение последних 5 лет (т. е. со времени назначения Левшина) ни один профессор не позволил себе преподавать что-либо предосудительное».

Говорил с Шуваловым (шефом жандармов) об Орле-Ошмянцеве. Во-первых, о том, как мне добыть находящуюся у него весьма редкую, заплаченную Разумовским 50 р. нотную рукопись: стихирарь 12-го века, и во-вторых, что Орел был вхож ко мне в дом, что никогда я не мог предполагать в нем чего-либо, могущего возбудить подозрение; занятый, сколько мне могло быть известно, единственно филологией и этнографией, он не только выражал свою преданность и любовь к государю, но был всегда врагом всякой оппозиции. Шувалов отвечал мне, что это дело поручено непосредственно М. Н. Муравьеву. Обер-полициймейстер Арапов, к которому я обратился с тем же, сказал мне, что тут не могут быть приняты в соображение отзывы лиц, что исследователи судят по фактам, открывающимся при исследовании; что впрочем я должен обратиться к тен.-губернатору, что я и сделал и он предложил мне, по отъезде государя, или приехать ко мне, или мне приехать к нему между 1 и 2 часами. Кажется, Орла считают поляком, а он православный.

Н. А. РИМСКИЙ-КОРСАКОВ

Рисунок И. Репина
Собрание О. А. Розенбаума, Ленинград

[28 мая]

В «Отеч. Записках» в статье: «Три недели после 4 апреля», указывается между прочим, что о злодейском покушении прежде уже толковали в иностранных газетах, и выводится подозрение, что оно в связи с приготовляющейся войною, — что был интерес именно в эту минуту ослабить Россию тем волнением, которое бы произошло, если бы злодеяние совершилось!! истинно, бог нас спас всех, не одного царя!

3 июня

Мельников рассказывал, как один купец (православный) нанял у раскольника землю, будто для посадки капусты и вместо того насадив табаку — достиг до того, что раскольник заплатил ему вшестеро отступного.

В учреждении раскольничьей Бело-Криницкой эпархии участвовали поляки: Адам Чарторийский, Чайковский (впоследствии Сады-Паша), езуиты, которые дожили до сближения раскольников Афони и Онуфрия с эрцгерцогом Людвигом. Онуфрий появлялся в салонах герц. Меттерних и гр. Стадион, где сморкался в руку. И sempre bene * — лишь бы насолить России. Австрийская плутоватая глупость возлагала большие надежды на образование Бело-Криницы для произведения смут в России. Лже-архиерею отдавали солдаты честь.

Мельников советовал мне познакомиться с Пафнутием, прежде раскольничьим архиереем, ныне иноком, живущим в Чудовом монастыре. Любопытно узнать, понимает ли он что-нибудь в «гласах» и есть ли у них какая для того теория — или поют эмпирически.

[5 июня]

Говорят, что «Современник» и «Русское Слово» запрещены.

Если верить печатным отчетам — мировые суды идут на порядках. Важное училище для народа — понятнее ему будет самая наука и пользу ее лучше поймет.

8 июня

Статья в газетах (7 июня «Journal de St.-Pétersbourg») объявление ультиматума о несуществовании более Германского союза, — c'est tout à fait à la Napoléon **,—но только сим подданные германских владетелей восстанавливаются против своих законных государей — следственно: министр короля Прусского поднимает революционное знамя... Пруссия соединилась с Италиею, но дело может разыграться иначе, если Австрия предложит Италии Венецию, а себе взамен что-либо из прусских владений.

17 июня

«Весть» без дальних околичностей толкует о возможности возврата земли от крестьян помещикам окончательно, изъясняя в этом смысле ст. ***.

От такого рода заявлений действительно могут быть волнения.

[20 июня]

Говорят, что в день отъезда Катков был призван к государю и пробыл у его величества одни говорят — 3 минуты, другие — полчаса.

Говорят, что Катков примет участие в «Моск. Вед.», не ожидая окончания двух штрафных месяцев.

---

* Все подходит.
** Это совсем по-наполеоновски.
*** Пропуск в подлиннике.

23 июня

Моя статья о M-me Blunt в «Моск. Вед.». Перевода «my little Boat» *, «Моск. Вед.» не напечатали — почему не знаю.

Крижановский, бывший все последние дни с Герцентвейгом и Ламбертом (наместником) в Варшаве, сказывал Колюбакину, что рассказ о их какой-то странной дуели — совершенный вздор. Герцентвейг просто сошел с ума, как его отец и его дед в том же возрасте. Происшествия той минуты сильно на него подействовали. Захваченных во время бунта — как говорят, главных заговорщиков и вожаков, — он под разными предлогами (женатых, слишком молодых) приказал выпустить, — т. е. что не [нрзб] как он узнал уже после. Во время усмирения толпы казаками посредством нагаек — без всякого другого оружия (после 3-х соммаций) — досталось одному англичанину Митчелю, который оскорбился, — и могла выйти дипломатическая схватка. Герцентвейг был поражен этой мыслью и все повторял накануне самоубийства: «Королева Виктория, королева Виктория!» А кого теперь разуверишь, что не было дуели?

24 июня

M-me Blunt с сыном. Она была у Левшина и не может им нахвалиться. Сын ее, очень впрочем умный малый — решительный плантатор, мы с Колюбакиным не можем его усовестить. Молодой Блунт между прочим проводил следующую мысль: «человек всегда лучше работает для другого, чем для самого себя». Он рассказывал следующую штуку про англичан и coolies, нанимаемых негров, на следующем условии: прослужить 20 лет и после того получить денежное вознаграждение. Англичанин так мучит работою своих coolies, что ни один почти не доживает 20 лет, — а мертвому платить уже не нужно.

26 июня

Известие о согласии Австрии уступить Венецию. Таким образом, итальянцы получают провинцию за то, что их побили.

Гагарин отпустил себе усы и бороду. Н. М. говорит, что он точно бурмистр, который на мужиков доносит барину, а барина бранит перед мужиками.

10 июля

Людовик Наполеон устроил перемирие на 5 дней; не для того ли, чтобы обе стороны могли собраться с силами и поудобнее и посильнее подраться? Он придет действительно мирить, когда обе стороны совсем ослабеют.

20 июля

Возвратившись, нашел 28 № «Домашней Беседы». — Аскоченский, несмотря на мое письмо от 14 и телеграмму от 19, все таки напечатал мою записку. Пишу к нему une lettre à cheval **.

22 июля

Ответ от Аскоченского на телеграмму, утешает меня, что меня прочат в директоры Капеллы! Вот одолжил! Ведь стало быть он просто глуп!

NB. Сегодня 22 в «Моск. Вед.», что уже 9 человек умерло в Москве от холеры. Полиция забраковала сырой хлеб. Нашла близ Тверской две лавки с фальшивыми весами — по 12 золотников на фунт.

---

* «Моя маленькая лодка».

** Дерзкое письмо.

24 июля

Начал читать Вундта «Душа» в русском переводе.

Кашкаров возвратился из Перми с герц. Лейхтенбергским. Герцог Лейхтенбергский прилежно занимался металлургией и рудным делом; в особенности бессемированием, т. е. мгновенным обращением в сталь; он своими руками отлил бюст Крылова, медали государю, свой герб.

В Перми (в городе) господствует характеристическое дикое рукавоспустие. Пермь живет фальшивым часом. Астроном — какой-то невежа часовщик, которого часы служат мерилом для всех часов в городе. Пермь опоздала целым часом; когда в ней уже час, — часы ее говорят: полночь. Любопытно, что на заводах часы настоящие, но на это пермяки не обращают внимания.

28 июля

У ген.-губернатора спросить, могут ли быть доставлены чрез него Орлу деньги, ему должные? — Да.—Кн. Долгоруков расспрашивал о Кеу Blunt, он понял ее слова так, что я удержал ее в Москве... Надежды на выдачу ей вспомоществования нет. По своим невероятным понятиям она просила кн. Долгорукова позволения объявить, что он будет на ее вечере. Насилу он от нее отмахался.

30 июля

Сегодня мне клюнуло 62 года. Никогда не ожидал выжить столько, и если бы не ноги — всем бы я был молодец.

4 августа

В «Journal de St.-Pétersbourg» (от 3) и в сегодняшних «Московских Ведомостях» статья, извлеченная из «Северной Почты»—о данных, добытых следственной комиссией. Как ни кратка эта статья, — но ужасна. Выражение: Россия отравлена поляками — не гипербола. Они с адским искусством старались заразить все самобытно живое у нас: и воскресные школы (см. ст. об них в «Виленском Вестнике»), и рукодельни, и артели — всюду пустили своего яда и матерьяльного (стрихнина!) и еще хуже — нравственного! — Бедная, но глупая наша молодежь, — приняла даже польский катехизис, — русские руки спасли негодяя Домбровского! Грустно во всех смыслах. Вот куда повернулась наша деятельность.

8 августа

Протасьев (сын богатого откупщика), мировой судья в Петербурге, и приказ его навести для него Литейный мост. Если много будет таких господ, то они, если не скомпрометируют все новое судопроизводство, — то подадут предлог к требованию изменений со стороны недовольных им, и находящих, что этот суд слишком для всех равен.

11 августа

В Окружном суде — председатель Федоренко, докладчик Вицын, адвокат Энгельгардт. Позавидовал. Как бы такой же порядок у нас в Сенате! — публики пропасть — и много крестьян и слушают с большим вниманием, — заседания длятся иногда до 7 часов. Настоящая юридическая обедня.

Соболевский сказывал мне удивление многих сенаторов: как я могу так усердно заниматься делами сенатскими!!

12 августа

В Общем собрании. — Большие толки о том, что председатель Окружного суда Арсеньев (по делу «Русских Ведомостей») сказал Альфонскому: «Г. Альфонский, извольте встать». Кн. Петр Ник. Трубецкой и другие нахо-

дят, что это глупо, потому что Альфонский тайный советник и в двух звездах. Никогда эти господа не могут вразумиться, что в суде нет ни тайных, ни других советников, а есть истцы, ответчики, свидетели, подсудимые—и их с у д ь и. Все дело в том, что г. тайный советник, идучи в суд, не прочел закона, — и что суд говорит высочайшим именем.

Я уже в 6½ у генерал-губернатора. Американцев ждали до 7 часов. Спичей пропасть, терявших много от того, что английские переводились на русский и vice versa *. Долгорукий хотел, чтобы я говорил, — но дело обошлось без меня, ибо я сидел дальше с Куртином. Когда американцы выходили на балкон — народ кричал «ура».

13 августа

Явился Орел Ошмянцев. Похудел, кашляет, весьма молчалив о допросе, ему сделанном, и только жалуется на потерянное лето в страшной скуке; бранит нигилистов, по милости которых попался в подозрение, обидное уже потому, что его сочли в связи с такими скотами. Муму в ту же минуту узнала его.

Обедали еще Шнейдер и Пятковский. Пятковский читал нам отрывки из записок Вл. Ив. Панаева — о падении Магницкого и всех интригах того времени.

19 августа

В 9 часов повестка о выходе печатная — к 10½ часам; в 10 час. другая писанная (вчерашняя) о выходе в 11 часов; когда я уже уехал, принесли третью — какая непорядочная роскошь на письмо и какая нераспорядительность!

Народу по счету нашему с Колюбакиным, который помогал мне сходить с Красного крыльца (предшествования не было) — было до 6 000, не смотря на крестный ход, которым народ отвлекся к Донскому монастырю. Государь похудел, но цвет лица здоровее. После краткого молебствия в Успенском (совершал Леонид) и приложения к мощам, государь прошел в Чудов, откуда в коляске на Ходынское поле. — Во дворце я толковал Урусову (который вчера не застал меня) о том, как хорошо привилось новое судопроизводство, как опасно чем-либо стеснять его или что-либо изменять, по крайней мере подождать, как оно разовьется в течение трехлетия. — Наши петербуржские тузы подобны московским и не заглядывали в новые суды! Они судят так... п о с о о б р а ж е н и ю.

Есть люди, у которых если отнять чины, то ровно ничего не останется. Вот почему они так и отстаивают чинологию.

20 августа

Ходил было к мировому судье послушать — к сожалению заседания не было. Разговоры народа весьма интересны. «Государь запретил ныньче брать», говорит народ.

21 августа

В 5 часов обед у государя в Кремлевском дворце внизу, в собственных комнатах, во фраках.

За обедом я сидел между гр. Шуваловым (шефом жандармов) и Левшиным — попечителем. Шувалову говорил о великом нравственном влиянии на народ нового судопроизводства. — Возле государя сидели с правой стороны Меньшиков, с другой кн. Влад. Долгорукий; против: Ахлестышев, Толмачев, кн. Вас. Долгорукий и сбоку я.

* Наоборот.

После обеда государь подошел к группе, где стоял я между Офросимовым и Левшиным, вблизи Ахлестышев и кн. Юр. Долгорукий — против гр. Шувалов. Государь милостиво протянул мне руку и по обыкновению стал шутить над моими немощами; я воспользовался этим случаем, чтоб сказать следующее: «Я забыл мои немощи, государь, ибо не нарадуюсь на новое судопроизводство — оно идет превосходно». — «Слава богу», сказал государь. — «Действие на народ самое благодетельное». — «Да, говорят, они довольны, что идет скоро». — «Бывают сцены истинно умилительные, народ молится за вас, иногда в самом суде; надобно прислушаться к говору народному...»

Я очень был рад, что мог это сказать государю во всеуслышание, что некоторым не понравилось — индо их покоробило, да мне все равно.

Тонкие придворные тотчас сосчитали, что за обедом всего было 55 человек — я думаю 55 с половиной, ибо много было получеловек и даже четвертей человеков; круглого числа не выйдет.

23 августа

После обеда герцог Мекленбургский. Ходили с ним в саду; на кургане, где я показал густую траву — résultat de l'expérimentation *. Рассказывал мои наблюдения над новым судопроизводством. О нигилизме — le chef des nihilistes est Bismark. — сказал я. — «Ne craignez rien, сказал герцог, je ne suis pas prussien **.

24 августа

Мой разговор с Зеленым. На мои похвалы новому судопроизводству Зеленый отвечал: «Да! хорошо, если мы хотим идти к конституционализму». — «Да что ж тут общего с конституционализмом? напротив — ничем так не укрепилась сила государя». — «Да, но на восторг народа нечего полагаться — появились теперь адвокаты — увидите, что они будут толковать. — Гагарин истребил всю силу администрации...» — «Да разве вы можете сделать администрацию гласною?» — «Разумеется, нельзя». — «А гласность охранит судебную власть от ложных направлений». — «Вы поэт!» — «Нет, я математик и говорю по опыту и анализу того, что вижу и слышу — я прежде по теории сомневался в успехе нового судопроизводства». — «А я и теперь сомневаюсь». — Подошедшие лица сделали дальнейший наш разговор невозможным. Жаль! Так вот как смотрят в Петербурге на новое судопроизводство.

27 августа

Обедали: Титов, Погодин и Колюбакин. Титов был в уголовном Окружном суде, где заседание не состоялось, потому что за разными отказами не было законного числа присяжных. В числе их был один законный, но курьезный. Справиться и достать письмо этого господина — он чиновник в комиссии рядчиков, следственно судебного ведомства, — но он в письме напирает на другую причину, а именно, что он как дворянин, и притом родовитый, имеет право служить и не служить, и это право ставит выше чести быть присяжным заседателем.

[28 августа]

Довольно любопытно, до какой степени у нас простирается понятие о праве ничегонеделания. — Жене, с видом сожаления, говорят про меня: «pourquoi est-ce qu'il s'occupe tant des affaires du senat?» ***, и проч.

---

* Результат экспериментирования.

** Вождь нигилистов Бисмарк... Не бойтесь... я не пруссак.

*** Почему он так много занимается сенатскими делами?

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Карикатура Н. Степанова
«Музыкальный альбом с карикатурами»
Публичная Библиотека, Ленинград

т. п. — Т. е. полагают, que je fais un mauvais calcul *, считают меня простаком, который ошибается, думая этим путем чего-нибудь добиться, чего-нибудь достичь!!! Иного повода для деятельности в голову этим господам не входит. — Это истинно возмутительно, — и вместе грустно, ибо все-таки это люди, довольно высоко стоящие, и которые при случае могут попасть на важные места.

2 сентября

В Общем собрании; дело княжен Одоевских, при слушании которого я вышел из присутствия, чтобы не мешать свободному суждению сенаторов — немногие поняли такое деликатство.

4 сентября

Все тревожнее и тревожнее слухи — о подкопах под новое судопроизводство.

Говорят, что Валуев начинает процесс против Каткова за раннее появление «Моск. Вед.», чтобы скомпрометировать новые суды, приведя их в необходимость слушать толки об изустном разрешении государя Каткову. Довольно тонко, если правда.

7 сентября

Мора рассказал мне свою поучительную историю. У него был спор с поставщиком фазанов, который взял с него 200 руб. за ящики, один свежих, другой — прошлогодних. Он адресовался к полиции, которая запросила 100 р.; он не дал. Частный пристав обещался отмстить и для сего воспользовался осмотром лавок. В кладовой Мора он нашел обрезки сыра, в которые складываются неблаговидные части сыра (les accidents). Доктор уве-

* Что мой расчет неверен.

рял, что этот сыр вовсе не вредный; не смотря на то, частный пристав велел его нести для исследования. Мора просил нести покрытым, ибо публика, не зная что это за сыр, пустится в толки, и кредит лавки будет потерян; упрашивая частного пристава он, как итальянец, по обыкновению размахивал руками—частный пристав воспользовался этими жестами, чтобы обвинить Мора в поднесении рук к его лицу. Потребовали Мора к судебному следователю Иохтессу (приятелю частного пристава Реброва), который требовал, чтобы Мора подписал тут же написанный для него отзыв, — не позволяя ему посоветоваться ни с кем, ни перевести на французский его содержания. Между тем требования взятки от полиции продолжаются. Мора просил меня совета, как сделать, чтобы назначили какого-либо другого следователя.

Всякое новое постановление рассматривается негодяями, как средство для наживы.

№ 198 «Journal de St.-Pétersbourg» из моей речи, хотя с похвалами, сделали ужасную галиматью.

Земство не поправляет дорог, губернаторы не могут добиться утверждения смет на поправку дорог из министерства внутренних дел; эти сметы посылаются с тем, чтобы весною можно было начать поправки — министерство держит до осени.

17 сентября

Приехал Алек. Б. Враской — и с ним и с женою обедали и пили шампанское, ибо сегодня 40 лет нашей свадьбы.

23 сентября

Сильная статья «Моск. Вед.» против неопределенности правил о печати, которая подвергается то бедственным предостережениям административно,— то суду, где освобождается от наказания. «Моск. Вед.» говорят: направление есть дело администрации, а отдельная статья дело суда; тогда как направление может быть делом лишь присяжных.

[*25 сентября*]

В 201 № «Моск. Вед.» (25 сент.) статья некоего Л (уж не [нрзб]) по поводу процесса «Современника» Жуковского и Пыпина, требующая надзора за судами! — кому поручить, уже не полиции ли? А за полицией кто будет надсматривать? Суд? Прекрасно, только та беда, что суд есть дело открытое, гласное, а полиция не есть и не может быть гласною.

30 сентября

Сегодня в Общем собрании по делу овации тобольских властей государственному преступнику Михайлову. Ховен был за облегчение и приводил в пример, что в Сибирь ссылали и Бирона, и Меньшикова — Колюбакин ему отвечал (вне присутствия), что этими примерами он, напротив, понуждает его к большой строгости, ибо Бирон наделал много зла России, а если бы Меньшиков не народил детей, то некому было бы проиграть Инкерманское сражение. — Я был бы строже; овации осужденному есть насмешка над святыней суда. Жалко, что болезнь помешала мне быть в этом заседании.

Сегодня в Окружном суде уморительное дело генерала Загорецкого, обвиняющего жену свою в покраже у него 700 р. и требовавшего от судебного следователя, чтобы он не писал ее его женою, а лишь урожденною такою-то.

Полиция жалуется, что новые суды ее с т е с н я ю т, не позволяют ни драться, ни даже браниться, а всего пуще брать деньги с встречного и поперечного.

4 октября

Писал к Ушакову, книгопродавцу и сочинителю драмы «Страшен сон да милостив бог» — пошлю завтра. Я писал к Ушакову, что его пиеса — доброе дело, но что она невозможна на сцене — ее развязка 4 апреля. Мысль верная, ибо действительно злодейское покушение, не только преступное, но и нелепое во всех смыслах образумило так называемых нигилистов, которых настоящее имя: польская шляхта, — но такая развязка также невозможна, как невозможно напр. вывести священника в облачении, причащающего или читающего отходную, — хотя разумеется такою сценою можно бы произвести драматический эффект.

5 октября

Обедала Ольга Ив. Тимирязева. После обеда играли с нею или лучше разбирали «Тристана и Изольду» Вагнера. Как ни уважаю его, но злоупотребление диссонансов ведет его к монотонии.

8 октября

В «Московских Ведомостях» сильная статья против «Вести», — которая, испугавшись возможности поземельного налога, вопит, что России никак не должно ни во что вмешиваться, ни в дела греков, ни в дела поляков. Как же иначе — «Весть» охраняет панскую собственность — и что пред нею все государственные вопросы!

10 октября

Сегодня пробежали по Сенату слухи, что в Окружном суде производится дело об оскорблении Дагмары! — Какой-то пьяный мужик выругал ее, а какой-то чиновник донес. Вот в таком случае гласность и не годится.

14 октября

Говорил Сухотину о том, как бы необходимо было в Кремлевских воротах сделать проходы для пешеходов, особливо в Никольских, где всегда сердце не на месте — того и смотри, что задавишь кого-нибудь; и нигде ни одного полицейского, кроме Спасских ворот по поводу снимания шапок, что впрочем не имеет ни религиозного, ни исторического, ни политического значения; православный молится п е р е д воротами, разумеется без шапки, но проходить в в о р о т а без шапки лишь обычай, для которого не нужно полицейского надзора, а между тем с бешеными лошадьми снимание шапки кучером представляет явную опасность, не считая безпрестанных случаев не только с иностранцами, но и с иногородними.

15 октября

У княгини Урусовой — говорил ей, чтобы написала мужу о необходимости протеста со стороны нашего духовенства против отпадения константинопольского патриарха.

20 октября

В номере 19 октября «Моск. Вед.» любопытная выписка из «Вятских Губернских Ведомостей» против нового судопроизводства, будто бы противного охранительным началам рескрипта 13-го мая.

Носятся пренелепые слухи о двух циркулярах министра народного просвещения, из коих один: студентам запрещается будто бы давать уроки, — т. е. иметь честный хлеб, другим, à la Магницкий и Шишков, запрещается учителям разъяснять преподаваемый ими предмет, а держаться просто учебников. — И этими средствами думают удержать нигилизм? Подвергнуть молодых людей соблазну от людей с деньгами (а у поляков денег довольно) и обессилить их ум, чтобы он легче поддавался софизмам ловких езуитов?

Не уж-ли тут есть что-нибудь похожее на правду? Этих циркуляров в газетах нет, — может быть они секретные — тем хуже. Не проболтается ли кто, как «Астраханские Епархиальные Ведомости», напечатавшие секретный циркуляр министерства внутренних дел о том, что начальник губернии имеет право призывать к себе для в н у ш е н и й и судей, и духовных и военных начальников?

22 октября

Явился ко мне Вознесенский, которому я прежде давал книги переплетать и который попался в каракозовской тайне. На вопрос мой: как он попался в такой омут — он отвечал, что был взят по смешению его имени с В о с к р е с е н с к и м. Теперь не знает, что делать. Уроков теперь ему вероятно никто не даст, переплетное заведение разрушилось.

27 октября

На мою голову сыплятся горячие уголья за чтение у меня Ушаковым его драмы: «Страшен сон да милостив бог». Moscou a toute la mechanceté d'une petite ville *. В ней можно восхищаться лишь тем, что кажется, напр., видом с Кремлевской набережной на Москворечье, но не тем, что есть в ней внутри, ибо внутри грязь и сор и духовные и материальные. Точно я совершил какое преступление — и чего не придумали; manque de tact, manque de tout interêt,— c'etait une bonne intention, mais il ne fallait victimer ses amis и даже qu'il y avait des choses inconvenantes pour les demoiselles ** и все это мне говорят в глаза—что же за глазами? И все это вздор и неправда; Ушаков скверно читал, проглатывал слова, так что многое не дошло до слушателей и они едва схватили остов пиесы, — когда ее главное достоинство в подробностях; между тем талант есть; есть характеры, есть наблюдательность; очень характерна безхарактерность старого графа, барышня-нигилистка прелесть; старый купец с маленьким лоском цивилизации также весьма недурен. Толкуют даже, что Ушаков написал эту пиесу, чтобы поправить свою репутацию, ибо заподозрен в нигилизме. La loi des suspects ***. Единственное место un peu scabreux **** было тщательно удалено при чтении. Главное для меня то, что ее слышал Левшин, попечитель университета, — и уверился, что пиеса не только не вредна, но даже может быть полезна по своей цели. Я ответил дамам: Ушакову едва 25 лет, — это первый опыт. Что из него выйдет неизвестно, на нашем безлюдьи не следует отвергать и тени таланта. Показалось из земли растение; садовник не знает, что такое выйдет: роза или репейник или крапива, но не уж-ли тотчас и следует топтать этот молодой росток? Да еще как горячатся! Словно на защиту добра. Il est si facile de dire le mal, si difficile de dire le bien *****. К сожалению и Варв. Дим. туда же; cette femme a une secheresse de coeur, qui m'étonne et m'afflige ******. Ольга Ивановна отмалчивалась. Но в этом женском круге не нашлось никого, кто бы вступился из жалости за молодого человека.

28 октября

Разумовский показывал мне письмо к нему от Ал. Фед. Львова, который, посылая ему свой сухой послужной список, приводит следующее зага-

* Москве свойственно недоброжелательство маленького городка.

** Отсутствие такта, отсутствие всякого интереса,—это было доброе намерение, но не следовало жертвовать друзьями... в пьесе попадались места, неприличные для девиц.

*** Обыкновение заподозренных.

**** Немного неприличное.

***** Так легко говорить плохое, так трудно говорить хорошее.

****** У этой женщины какая-то черствость, которая меня удивляет и огорчает.

дочное присловие: «чем больше дашь, тем больше и получишь». Денег он хочет или печатных похвал? Что за гадость.

1 ноября

В Сенате — начал 28-й том моего дневника заслушанных мною дел; и каждый день все более радуюсь, что начал его с моего первого сенатского дня и выдержал по крайней мере доселе. Он мне приносит величайшую пользу и как зоркий глаз следит за вольными и невольными ошибками секретарей и за моими собственными. Плохо то, что за делами Сената не возвращаюсь никогда ранее 5 часов. Нет времени на собственное дело; а много ворошится в голове, и многое чтение еще в pia desideria *.

В № 303 «Голоса» напечатано высочайше утвержденное положение Комитета министров (28 октября) по журналу 22 июля 1866 о пространстве и пределах власти губернаторов, где 8-й пункт подает повод к важным недоразумениям, в особенности по судебному ведомству.

[*6 ноября*]

Хорошо наши господа выразумели правила для губернаторов 28 октября/22 июля 1866 г. Огарев, нижегородский генерал-губернатор в отношении от 18 октября 1866 за № 140, напечатанном в «Нижегородских Губернских Ведомостях» к начальнику губернии, приказывает известить жителей, что «дамы и девицы, носящие особого рода костюм, усвоенный так называемыми нигилистками и всегда почти имеющие следующие отличия: круглые шляпы, скрывающие коротко обстриженные волосы, синие очки, башлыки и отсутствие кринолины (все это скрывается шляпами — о грамотеи!), — должны быть призываемы в полицию и обязаны подпискою изменить свой костюм, иначе объявлять им, что они будут подлежать высылке из губернии», и что за ними будет строгое наблюдение. Это отношение перепечатывают теперь все журналы. См. «Моск. Вед.» 8 ноября (№ 235) на 2-й стр.

11 ноября

Рассказывают, что Потапов в апреле, уезжая от Мих. Ник. Муравьева, получил от него бумагу — высочайшее повеление об прощении до тысячи (?) человек польских мятежников, подписанное в декабре государем по случаю кончины Николая Александровича. Муравьев нарочно продержал бумагу у себя, чтобы некоторых казнить, других сослать в ссылку и так далее.

Островский читал у меня драму «Димитрий Самозванец». Народу человек 40.

20 ноября

Рассказывают, что во время арестов в Петербурге один чиновник ходил к родственникам арестованных и обещал им выпустить арестованного, но прибавлял, что для этого на подарки нужно 75 р. «Вы люди бедные, оканчивал он — мне жаль вас, — я дам от себя 25 р., а уж 50 р. вы приложите». У одной глупой барыни он выманил до 600 р.

27 ноября

В «Полицейских Ведомостях» циркуляр обер-полициймейстера Арапова о том, чтобы в церквах хоры не пели без его разрешения. Вот уж куда проникает действие полиции. Что такое действия Обухова, Нарышкина? Распространение власти губернаторов приносит горькие плоды.

[Н. М.] Смирнов рассказывал, как он усмирял, давши пощечину зачинщику бунта в 12 верстах от Петербурга.

---

* Благие пожелания.

1 декабря

В Сенате — начали ранее, чтобы дать возможность Калачеву попасть на юбилей Карамзина. Я не мог ехать, ибо должен был окончить заседание, а еще были тяжущиеся. Мне ставят в укор, что я не был на юбилее Карамзина, и уже Москва болтает, что от того, что я в ссоре с Карамзиным!! Кому растолкуешь, что я не мог ни отложить заседания Сената (да еще когда в заседании тяжущиеся), ни оставить его? В сенаторах большой недочет; в середу нас в 8-м департаменте было всего 2 сенатора, во всех остальных департаментах по три, следственно, занять негде, и если бы на этот раз не приехал Урусов, то у нас бы заседание не состоялось.

4 декабря

Петров-Батурин — любопытная личность в остроге; лейб-гусарский офицер. Нанял на Тверской великолепную квартиру с напудренными лакеями и кабинетом с картинами; сахарный завод, винокуренный завод, стальных изделий и т. д. Заготовил бланки, — получал при гостях фактуры; даже приехал к нему мужик, будто бы привезший на огромном количестве возов сталь, и требовал грубо рассчета с извозчиками, — что дало Батурину возможность занять 5000 р. Заказал огромное количество машин — и занял у машиниста под них деньги. Продал по фактуре сахару на 20 тыс., получил часть денег. На суде уверял, что эта фактура была проба фактур завода, который он намеревался устроить, —и кем у него украдена неизвестно. Этот господин во Франции был бы Миресом.

До меня доходят слухи, что мои товарищи по 8-му департаменту [жалуются], что я задерживаю заседания. Что за народ! Я задерживаю лишь себя до 5 часов в Сенате, чтобы на другой день представить им дела, как облупленное яичко, и когда нет тяжущихся, что уже не от меня зависит, я оканчиваю заседание редко позже часа или часа с четвертью, а между тем в каждое заседание слушается до 20 дел по одной первой части; следственно, от 11 до 1 часу = 180 минутам, а 180/20 = 9 минутам на каждое дело; не уж-ли и этого не могут вынести эти господа? Спросили бы, каково мне работать от 11 до 5 часов, или лучше сказать от 9, ибо я работаю еще часа 2 перед заседанием.

Что за история с Корсаком (переводчиком «Географии» Даниеля)? Одни говорят, что два Бакстова письма с приглашением участвовать в газете Аксакова по адресу не дошли, но попались к министерству финансов, которое за то отставило Корсака. Другие, что этому предшествовал донос на Корсака, как на второго Огрызку, что из этого у Рейтерна вышла сцена с Гротом, которому Рейтерн сказал, что он его компрометирует, и что вследствие ареста Корсака и письма к нему пошли в полицию.

6 декабря

«Голосу» 3-е предостережение и запрещение на 2 месяца. Толкуют, что это есть приготовление, чтобы добраться до «Моск. Вед.». Я прочитал № 318 «Голоса» и или я разучился читать, или есть тут что-то такое, чего я не понимаю, — но в этом номере il n'y a pas de quoi fouetter un chat *.

Говорят также, что запрещение «Голоса» последовало не за № 318, а за бывший № о Карамзине, где было сказано, что Карамзин не вилял пред правительством, и что inde irae **.

Земство очень жалуется на министерство внутренних дел за отнятие права податн с фабрик под предлогом жалобы гр. Бобринского и других

---

* Не к чему придраться.

** Отсюда — гнев.

богатых фабрикантов, с патентов и проч. Открыто говорят, что здесь езуитская тонкость: отнять у земских собраний средство действовать, а потом указать на их бездействие.

Вмешательство Филарета в дело Мазуриной производит общее негодование. Говорят — это симония; потворство богатому; продажа гражданского и христианского долга за приношения в пользу монастырей; насмешка над правосудием; предлог унизить достоинство новых судов и проч., т. п. Всего не упомнишь.

18 декабря

В Земском собрании Смирнов, Ник. Мих., прочел записку о безнравственности мужиков и о необходимости принять меры, т. е. учредить над ними род дворянской опеки посредством крупных землевладельцев. Юрий Фед. Самарин отвечал весьма сильно и резко. Он сказал, что всякое и дворянское сословие можно представить в карикатуре, что если бы он хотел нарисовать такую карикатуру, то он рассказал бы, как развратничают, пьют и проживаются дворяне и проч.

Речью Самарина известная партия весьма недовольна, и я боюсь, чтобы она не повредила Самарину в выборе его в городские головы. Он, как говорят, сказал: я считаю предложение г. Смирнова неуместным. Общая политика внешняя и внутренняя может иметь влияние и на сельское хозяйство, но из этого не следует, чтобы по поводу сельского хозяйства поднимать политические вопросы; точно так же нет повода рассматривать здесь вопрос о безнравственности крестьянского сословия. Но если предложение г. Смирнова будет принято к рассмотрению, то точно так же можно было бы заговорить о безнравственности дворянства; можно будет опираться на действительно существующие факты, но все-таки в общем смысле в таком

КАРИКАТУРА ИЗ «ИСКРЫ» 1865 г.

Гласность цѣлитъ изъ пистолета во взятку.
Взятка. Ладно, я не боюсь: я знаю, что пистолетъ-то заряженъ холостымъ зарядомъ

рассуждении была бы фальшь — и оно было бы лишь карикатурою на дворянство. В публике выразилось большое неудовольствие. Тогда Голохвастов сказал: я приехал сюда с тем же убеждением как и Самарин, т. е. с намерением сказать о неуместности предложения Смирнова и выразить мое неодобрение ему; но после речи г. Самарина я должен и о ней выразить неодобрение. Самарин отвечал: я подчиняюсь суждению собрания, но замечу только, что Смирнов выставил свои рассуждения как действительную картину крестьянства, — я же говорил только о возможности карикатуры *.

На Москве весьма боятся перемены системы в Польше; говорят, на словах она не переменится, но переменится на практике; до сих пор все что делалось, выводило из себя шляхту, напротив крестьянам оказывали всякие льготы, и крестьяне просили одного: не присылайте нам поляков в начальники; и надавали крестьянам обещаний неисполнимых; теперь развяжут руки шляхте; она наляжет на крестьян; по своей системе в притеснениях обвинит русское правительство; крестьяне потеряют доверие к русским и будет новый мятеж уже не шляхетский, а крестьянский.

[*25 декабря*]

Как прислушиваешься ко всему, что болтается в Москве, то выходит, что идут у нас три подземные интриги: политическая, польская и немецкая.

Что за явление Юркевич-Литвинов, объявивший об издании «Народного Голоса» — о котором рассказывают такие странные вещи?

Говорят, что Самарин был великолепен в заседании Земского собрания, где было предложение [Н. М.] Смирнова. В Собрании некоторые уговорились не дать Самарину сказать ни слова. С третьего его слова раздались крики: довольно! не нужно! Самарин замолкал на время и опять начинал, и довел свою речь до конца, не смотря на частые шиканья.

Рассказы о Петербурге печальны. Все заняты интригами один против другого, — а затем великое ничегонеделание.

По письмам из Петербурга бедный Ник. Алекс. Милютин потерял значение слов: он употребляет одно слово вместо другого — его угадывают по сопряжению идеи. Какая потеря! Какое бедствие! Единственный у нас государственный человек!

1867 год

1 января

У Авдотьи Петр. Елагиной, которая просила меня прочесть ей мое «Недовольно».

Возвратившись, нашел два письма от Замятнина, одно о трехмесячном отпуске, следственно по 1-е апреля, другое о пожаловании мне арендного производства — что это такое? и сколько? не знаю.

Что такое механик Зарубин, на которого обратила внимание Парижская Академия? Он, говорят, изобрел водоподъемную машину, приведенную в движение нагнетенным воздухом. Хороши мы, право!!

Говорят, что Юркевич-Литвинов был то лицо, которое писало к государю письмо, предупреждая о злодеянии 4-го апреля — и которого будто бы не прочел Долгорукий. Этим объясняют, от чего Юркевич был выслушан. Говорят, что он просил у государя позволения писать к нему раз в месяц,— но что государь присоветовал ему лучше писать гласно, следствием чего

* Smirnoff est un homme tres courageux — il a le courage de dire les plus grosses bêtises sans sourciller. [Прим. В. Ф. Одоевского]. [Смирнов очень храбрый человек — он имеет храбрость говорить глупейшие вещи, не моргнув глазом].

и было издание «Народного Голоса». — Верно то, что на бланках Юркевича действительно было напечатано: б е с п о с р е д с т в е н н ы й корреспондент его императорского величества. Лонгинов сказывал, что Катков это видел. Толстой, министр народного просвещения, получил от государя записку того же Юркевича по Синоду — и на ней № 6-й.

3 января

Писал к Серову со вложением афиши о том, что в непродолжительном времени даны будут отрывки из 4-го акта его «Рогнеды»; не уж-ли он это позволит?

4 января

Обед наш Погодину (по случаю его книги о Карамзине) — человек 30 — по 10 р. с человека. Очень радушно и без громких фраз. Меня, как наиболее старого, посадили возле юбиляра.

До сих пор не получил «Народного Голоса», на который подписался.

Говорят, что переименование Стояновского в сенаторы и назначение Палена произошло неожиданно для всех, как для них двоих, так и для Замятнина. Приписывают эту перемену, разумеется, Шувалову, которого сила растет — по крайней мере в московских толках.

5 января

Дал Ошмянцеву прочесть мое «Недовольно» — и он сделал мне много полезных заметок. Удивительно, как трудно самому заметить те места в особенности, которые кажутся вполне ясными, а между тем в ушах публики отзываются совершенно иначе. Как трудно быть ясным!

16 января

Слух об ударе Валуева оказывается московскою сплетнею. Она же назначает Левашова министром юстиции. Она же утверждает, что государь сказал кому-то: Шувалову хочется в Аракчеевы, — но он ошибется(??).

17 января

Получены две телеграммы о закрытии петербургского земского собрания — и приостановлении действий земск. учреждений по всей Петербургской губернии, об отрешении Крузе, председателя земской управы, от должности. Повод — н е у в а ж е н и е к п р а в и т е л ь с т в у. — Впрочем, последней телеграммы я еще не читал.

Говорят, Крузе ссылается административным путем в Вологду на 4 года (у него 6 детей), гр. Андрей Шувалов — на произвол: или в Астраханскую губернию, или в чужие края. Все это хорошо, может быть они и заслужили это своими какими-то школьничествами, коих, как говорят, нет в газетах, — но дело министров было предупредить такие штуки, чтобы потом не прибегать к такой сильной мере, по крайней мере разъяснить причины ее, ибо она видимо всех раздражает.

21 января

Курьезная история с «Москвой» Аксакова. Вчера она в № 16 напечатала себе п е р в о е предостережение за № 8. Сегодня она напечатала: «Письмо из Парижа», где рассказывается, что в Париже предостережения отменены, ибо признаны вредными. Что сделает министерство внутренних дел? Будет ли сохранять предостережения, осужденные самим их творцом,— или же отменит, ce qui serait aller à la remorque de Louis-Napoléon *. Вот последствия мер, принятых наудачу, взятых напрокат — не из действительных потребностей государства.

* Что означало бы итти на буксире за Людовиком-Наполеоном.

22 января

Колюбакин говорит: «хорошо русское земство: полуангличанин — Орлов-Давыдов; полуфранцуз — Шувалов; полунемец — Крузе. Как дикие — нужно сорвать яблоко на верьху дерева; вместо того чтобы влезать по сучьям, что тяжело, — давай рубить дерево».

В сегодняшнем номере «Москвы» протест против предостережений вообще. Аксаков спрашивает: усмотрение — не камертон; дайте нам камертон, чтобы знать чего держаться, объясните, что вы нашли резким: самую мысль, или слово, в которое она облечена; если последнее, то дайте нам литературную форму. — Перевод из «Journal des Débats», который спрашивает: удержит ли Россия и — Турция (!) систему предостережений?

24 января

У Кошелева на чтении Юрием Самариным предисловия ко 2-й (богословской) части сочинений Хомякова. Это предисловие превосходно, выражает характер учения и точку зрения Хомякова, которой я никогда, впрочем, не разделял и теперь разделять не могу.

1 февраля

«Народный Голос» получил предостережение за статью о Финляндии будто бы, — говорят, что это отместка за прежнюю статью, где было сказано об одном государственном человеке, кажется об Якове Долгорукове, что он н е в и л я л, что будто бы Валуев принял на свой счет, потому что ныне дали прозвище Виляев. Я этому не совсем верю.

9 февраля

После решения министерства просвещения по делу о выборе Лешкова, профессора, признавшие сей выбор незаконным: Чичерин, Дмитриев, Соловьев, Бабст, Капустин и Рачинский — подали в отставку. Кем заменят их?

Есть люди, которые находят д е м о к р а т и ч е с к и м то, что кн. Щербатов зажигал газовый фонарь.

10 февраля

Кашперов, которому хочется написать оперу «Димитрий Самозванец»; я советовал ему обратить внимание на характер Марфы в «Димитрие Самозванце» Хомякова, не удачно схваченном во всех других трагедиях этого имени.

13 февраля

Я дома проиграл всю оперу Рубинштейна «Die Kinder der Heide» и посылаю завтра Ольге Ивановне; взял ложу в театр, ибо, говорят, против Рубинштейна партия, которая за неделю уже объявила, что будет шикать.

14 февраля

Давали «Дети степей» Рубинштейна — билет взяли втроем: Ольга Свербеева, Ольга Тимирязева и я. Полишинельный голос Сетова и постоянно беззвучный, но крикливый голос Фабиян-Биянки убили все мелодии. — Кочетова (Мария) была превосходна — она одна. Театр не был полон.

20 февраля

Рассказывают следующее: обер-полициймейстер Арапов, приехав в острог, узнал, что от одного из арестантов губернский прокурор принял просьбу, и послал за прокурором, который, не желая ссориться, приехал. Обер-полициймейстер сделал ему вопрос: по какому праву он принимает просьбу от арестантов, и не хотел верить, что по закону в том и состоит обязанность прокурора.

[21 февраля]

Рассказывают, что на другой же день по закрытии земского петербургского собрания получена была телеграмма из Берлина о том, что тамошние капиталисты отказываются от своей сделки с воронежским земством для устройства Воронежской жел. дороги. Говорят, что воронежское земство вошло с представлением по сему случаю к министру внутренних дел.

Довольно характерно, что в Москве у специялистов (Брукса, Терпе) я не мог достать унцевой мензурки, а 2-фунтовую нашли лишь одну. Довольно любопытно, что в Москве квас и ветчину должно искать в сундучном ряду, шахматы в лапотном, перья в косметическом магазине, рукописи в кожевенном ряду. Дорога невыносимая. На крышах глыбы снега, которые висят над головами прохожих. С тротуаров счищают снег и открывают гололедицу, которую ломами не разбивают, а посыпают песком на завтра по гололедице, что разумеется раздувается малейшим ветром.

Говорят, что Шувалов настоял на смене 3-х судебных следователей, несмотря на все заступничество министра юстиции, утверждавшего, что они люди отличные и что донесение жандармского на них офицера не что иное, как клевета.

24 февраля.

Статья в «Москве» — ответ на второе предостережение, да такая неловкая, что верно последует и третья.

«Journal des Débats» говорил: «Nous avons inventé les avertissements—en fait d'états, qui nous ont imité il n'y a que la Russie et la Turquie. Maintenant que nous les avons abolis que feront ces pays? *.

В самом деле, от предостережений, кроме каверз, — никакой пользы нет.

28 февраля

Лауб с [Н. Г.] Рубинштейном сыграли первые две сонаты Себастиана Баха. Лауб сказывал мне, что Глюк был сын Лобковича и одной славянки.

7 марта

Набросал план комедии: «Суды и пересуды».

8 марта

Денис прибил свою жену — и я прочел ему статьи 15-го тома о жестоком обращении с женою и насилу мог его уверить, что она его не крепостная. «Я, — говорит, — только ткнул ее, разве этого нельзя?»

9 марта

Я не принимал по болезни, а приезжал Тургенев — звал его обедать сегодня — он приехал, хотя и пообедавши — и принужден был от подагры держать ногу на стуле. — Прочел ему статью мою — он остался ею очень доволен, хотя и не вполне согласен со мною.

13 марта

Кашперов привозил мне партитуру своей «Грозы» — и мы с ним ее разыграли — талант, знание оркестровки, идеализация русских песен не как они в народе, но как перешли в гостиные.

18 марта

Кошелев — он написал к Валуеву, что статья, за которую «Петербургские Ведомости» получили предостережение, написана им.

---

* Мы изобрели предостережения, и только Россия и Турция последовали нашему примеру. Теперь, когда мы их уничтожили, как поступят эти страны?

19 марта

Страшная полемика между «Вестью» с одной стороны и «Моск. Вед.» и «Москвой» с другой — в последней весьма замечательная и сильная статья Юрия Самарина об остзейских баронах.

24 марта

В «Москве» замечательный ответ на циркуляр министерства императорского двора против статей о театральных представлениях, и попытках предупреждать зависящими мерами (?) появление таких статей.

[*3 апреля*]

В Боровицких воротах не чистят гололедицы; лошади падают; городовые не смотрят за накоплением возов. Я и многие, спешившие в судебные места, вышли из экипажей, но и пешком пройти было нельзя, — упавшая лошадь с переломленными оглоблями легла поперек ворот, а на встречу ей два ряда возов. Все это — от пререканий между придворным ведомством и Думой о том — кому здесь улицу чистить?

Мне рассказывали, как в мое отсутствие первоприсутствовал кн. Урусов. Его затрудняла самая легкая резолюция, напр.: «предписать Палате принять к своему рассмотрению прошение Васильева». — «Что ж мне писать?» спрашивает Урусов у секретаря; секретарь проговорит резолюцию; Урусов пишет: предписать, и спрашивает: «а потом что?» — Секретарь диктует: «Палате». Урусов пишет, и опять вопрос: «что ж затем»? — и так до последнего слова. И этот господин управлял губернией, сенатор и почетный опекун. — Сам он чувствует свою неспособность и боится провраться, да и сенатское дело его нисколько не интересует — сам даже говорит это, прибавляя, что он — военный. Между тем ходит проведывать, кто первоприсутствующий в 7-м департаменте и до смерти ему хочется быть первоприсутствующим. — Как объяснить это психологическое явление?

14 апреля

Кончил и отправил к Погодину корректуру о русской музыке; Погодин очень доволен и пишет, что мои наблюдения над так называемою [польскою?] музыкой имеют для него великую важность.

23 апреля

Московская болтовня. — Закон о запрещенных сходбищах — предмет самых различных толков. Одни просто удивляются, зачем эта игра; другие спрашивают, что такое случилось, чем был вызван этот закон. Третьи, что действительно стало быть что-нибудь такое есть, если такой закон выдан; четвертые, от чего прежний закон найден недостаточным и чем от него существенно отличается новый. Вообще волнение, беспокойство, даже тревога. Приписывают этот закон Врангелю, который, предчувствуя падение Замятнина, хотел чем-нибудь выслужиться, — к этому припутывают разные предположения. Вообще впечатление не хорошее; боятся поводов к доносам, к самоуправству полиции, к привязкам всякого рода, напр. рассказывают, что по поводу циркуляра о дворниках один дворник, недовольный жильцом или подученный кем-либо, пришел к жильцу когда у него были гости; спрашивают, зачем он пришел? Дворник отвечал: так пришел, по моей должности, посмотреть, нет ли у вас чего подозрительного.

3 мая

Не могу постигнуть, что за охота людям заниматься моею персоною; кажется, можно ли дальше меня держаться от всяких интриг и сплетен; да

И. С. АКСАКОВ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград

еще если бы не перевирали. На придворном бале 30-го апреля один из церемониймейстеров, кажется, кн. Ливен, подошел ко мне и, глядя на какой-то список, сказал: «Mon prince, tenez vous plus près de la porte vers la fin de la masourka, parce que vous devez prendre place à la table impériale». — «C'est à dire, ma femme», — отвечал я. — «Non, c'est vous!» *. «Невозможно, я только 3-го класса, а жена моя кавалерственная дама и всегда ее сажают за императорский стол». — «Нет, — возразил церемониймейстер,—именно вы, а не княгиня». — Я понимал, что тут просто ошибка, и чтобы разъяснить ее, отправился в столовую и осмотрел надписи на стульях императорского стола — и, разумеется, нашел имя моей жены, но не мое. Так и вышло. — Этот случай я рассказал некоторым лицам, заметив, в какое бы неприятное положение я был поставлен, если бы не справившись, пошел бы за императорский стол и оттуда принужден был бы удалиться, прибавив, что такие случаи нередки при дворе, — и что они, между прочим, были поводом, почему я не взлюбил Петербурга. Эти слова мои переиначили так, что меня сажали за императорский стол, что я не пошел, говоря, что именно для этого постарался вырваться из Петербурга... Ну, поди ты с этим злостно глупым людом!

---

* «Князь, будьте поближе к дверям к концу мазурки, т. к. вы должны будете занять место за императорским столом». — «Т. е. моя жена»... — «Нет, имен-

14 мая

Если славяне выдержут все наши обеды, то значит прочна славянская натура; если Австрия не объявит нам войны за все наши речи, — то хила Австрия. Меттерних, вероятно, в гробу переворачивается.

[16 мая]

Славян мы угостили хорошо, они должны были 16-го утром быть в Москве, но на дороге повалился товарный поезд — и гости должны будут до вечера дожидаться на [нрзб] станции. О, наша администрация, на чугунно-хрупких колесах.

26 мая

В Общем собрании, где никто не знал о страшном парижском известии. Я отправился в Кокореву гостинницу отдать визит бывшим у меня славянам — туда также слух еще не доходил. Я узнал, лишь заехав к Тимирязеву в 3¾. Боже мой! Будет ли конец этим гнусным попыткам?

6 июля

В Сенате до 4-х. Я настоял, чтобы сегодня был доклад по двум экспедициям, чтобы наверстать пропущенное за табельным днем на прошедшей неделе заседание. Вышло 30 дел по первой части, т. е. по существу, не считая сумасшедших. Да выслушал я доклады по 7-му департаменту (от Еропкина) — до 15-ти; завтра должен ехать пораньше, чтоб дослушать доклад другой экспедиции. — Ma fonction telle que je la comprends n'est pas une sinécure *, вот все, что я могу сказать себе в утешение.

На обеде у кн. Долгорукова для принца Гумберта, сидел возле Делонне, посланника в России, теперь в Австрии; спрашивал у меня, какие есть книги о России, кроме Шницлера, которого он знает; я записал ему Moller «La Pologne au 1 janvier 1866» и «Faux Demétrius» par Prosper Merimée, прибавив, что все остальное не стоит и называть, что ему сказал и какой-то ученый книгопродавец в Германии. После обеда Гумберт захотел со мной познакомиться — и завтра зовет обедать к себе в 6 часов.

Итальянцы, особливо Делонне, весьма не глупый народ; посмотрел я на толпу наших и отыскивал, кого можно пустить без соблазна говорить с ними? Какой белиберды им, я чаю, не наговорили — а пустошь то, пустошь! Менде разговаривал с одним из итальянцев о настоящем положении Италии, разговор был для обоих интересен. Вдруг подходит к ним русский генерал (не хотели мне назвать его, но, кажется, то был кн. Петр Ив. Трубецкой) и начинает расспрашивать у итальянца, что у него за орден, значек, от чего не те, а другие погончики на мундире — итальянец, видимо, в душе хохотал.

10 июля

Вчера около 7 час. вечера, когда еще было светло, на Остоженке против дворца трое людей хотели прибить женщину (акушерку). Наш вахтер Андреев с помощью наших рабочих освободил, двое воров убежали, третьего поймали, — городовых не могли докликаться, ни отыскать в течение 20 минут; наконец явился один городовой и свистал понапрасну, вор его прибил — городовые или в харчевне, или вытягиваются на площади на случай проезда частного пристава или полициймейстера. Я поручил смотрителю Петрову написать о сем от моего имени к частному приставу.

11 июля

Сегодня замечательная передовая статья в «Московских Ведомостях» о «предостережениях», обвиняющая Валуева в превышении власти относи-

* Моя должность, как я ее понимаю, не синекура.

тельно нового предостережения «Москве». Чрезвычайно ловко, сдержанно и зло — и привязаться не к чему. Всего лучше то, что «Московские Ведомости» предполагают, за недостатком данных, что министр внутренних дел заметил в «Москве» направление одинакое с «Вестью» и «St.-Petersburgische Zeitung»!! c'est du haut comique *.

Что за история о подметном письме Харитову? все говорят и как будто не договаривают. Газеты молчат. Между тем завод его сожжен, по крайней мере сгорел.

Во Владимире также подметные письма о том, что 12-го июля зажгут его с двух концов. Не уж-ли начнется история прошлых годов? Да что же делает наконец полиция?

18 июля

В Сенате — предварительный доклад по 8-му департаменту. Курьезный крестьянин Ефимов; принадлежал Нарышкину; был зажиточен; искал свободы, доказывая свое происхождение из духовного звания, за что Нарышкин сослал его на поселение в Сибирь, где он прожил 40 лет; он доказал свою правоту; возвращен; требует забранного у него имущества при переселении его; всего на 1000 с чем-то рублей; Урусова внесла часть денег; деньги лежат в палате; но она хочет доказать, что не она одна наследница. Вопрос: кто должен отыскивать наследников, крестьянин или кн. Урусова.— Между тем 70-летний старик умирает с голода. — Я дал ему 5 р., он заплакал с радости от такой суммы — и увы! повалился мне в ноги.

20 июля

Государь мало с кем говорил; но между прочим пожал руку мне и сказал, что был рад увидевши мою жену хоть на минуту. «А мы как рады были увидеть вас, государь», отвечал я.

После обеда собрался кружок: Пален, Шахов, Люминарский, Шахматов — речь шла о новых судах; Пален заметил, что есть лица, мало заботящиеся только о правосудии. «Есть увлечения в молодых людях», — сказал Шахов. — «Позвольте мне, старому судье, заявить, — сказал я, — что как бы ни были худы новые судьи, но все они лучше старых». — «О, без сомнения», сказали все, — «за исключением вас», заметил Шахов. — «Нет, — я отвечал, — всех нас, без исключения, пора по шеям». — «Не все из ваших товарищей, — заметил Шахов, — разделяют ваше сочувствие к новым судам».

[*24 июля*]

Палена поразило и оскорбило одно в московских судах: несамостоятельность и слабость председателей и прокуроров — в сравнении с адвокатами. Он присутствовал при деле Морозкина, где председателем был Щепкин, прокурором... **, а защитником Урусов.

[*31 июля*]

При месячном свете здесь зажигали фонари, а зайдет месяц и фонари погасят!! О, Москва! О, московская и вообще администрация!

Вышла презамечательная книга Ратча «Польский мятеж в 1863» — добрый совет «Биржевым Ведомостям», которые осмелились напечатать, что указ 10 декабря 1865, назначивший двухмесячный срок для польских землевладельцев, основан «на коммунистических началах».

---

* Это верх комического.
** Пропуск в подлиннике.

13 августа.

Идя по Кузнецкому мосту, я слышал следующий разговор двух людей, шедших за мною. Один ломаным русским языком говорил: «Ваш займа не пашоль». — «Еще бы, позакрывали земские собрания» — отвечал русский. — Вот как отражается в публике неудача займа. Любопытно, что ту же самую мысль проводил «Times», но, кажется, в русских газетах об этого рода причине не говорилось; это выдумала публика сама.

4 сентября

В «Revue des deux mondes» презлобная и прехитрая статья Клачки об этнографической московской выставке. Между прочим, куриозен по своей наглости следующий вопрос: как русские могут говорить, что поляки отняли у ней [России] Малороссию, когда в то время [Малороссия] еще и не существовала? — а ведь чего доброго в петербургских салонах найдут этот вопрос весьма основательным.

8 сентября

Наконец добился в клубе до книги Тотлебена (вышла лишь 1-я часть) «Оборона Севастополя». Страшно читать, независимо от военных происшествий, что не только не было никаких укреплений с земли, но что в военном интендантстве не нашлось ничего даже для земляных укреплений — ни мешков, ни даже фашинников; ничего для раненых; пушки старые без лафетов; всего по 24 штуцера нарезных на полк; некоторые полки с кремневыми ружьями; взводимые насыпи рассыпались от неприятельских выстрелов. У неприятеля было до 1 200 пушек; у нас всего 400; — штуцерным огнем выбивалась вся прислуга прежде, нежели наши пушки могли доставать неприятеля. Бездействие Меншикова с 2-го по 7-е сентября, когда неприятель высадился в Евпатории — великолепно; не менее великолепен и... *, который повел полк в штыки против штуцеров. И на военную часть было обращено все внимание правительства в течение многих лет! Знали или не знали в Петербурге о положении военной администрации в Севастополе? — Вот плоды безгласности.

[*10 сентября*]

Если провести от Бреста Литовского до Нижегорода линию, говорит [А. А.] Киреев, то по северной стороне все беднеет, — на южной все в пропорции богатеет **.

[*24 сентября*]

Вот как рассказывают историю обвинения Ильи Арсеньева и Звенигородского: Арсеньев проиграл гражданский процесс против Зарудного и был обвинен к уплате. Партия «Вести» с некоторыми членами Английского клуба сделала складчину и заплатила следовавшее с Арсеньева с условием, чтобы он отделал новые суды в своем «Повседневном Листке». Арсеньев обратился к Звенигородскому, который считал себя оскорбленным со стороны судебного следователя Лисовского и написал статью, где прокуроров, следователей назвал ворами и разбойниками. Петербургская судебная палата приговорила их обоих к 4-месячной тюрьме, а «Листок» запретила.

История Звенигородского (по рассказу Сиверса).

Звенигородский приехал в Харьков; в то же время к Сиверсу пришла телеграмма от судебного следователя Лисовского: что Звенигородский бежал, и чтобы его арестовать и выслать его в Петербург. Звенигородский

* Пропуск в подлиннике.

** Польза 19 февраля. [Прим. В. Ф. Одоевского].

объяснил свое дело Сиверсу (что-то, где замешаны женщины); Сиверс телеграфировал к судебному следователю: как выслать? под караулом, или обязать подпискою? Следователь отвечал: под караулом. — Сиверс телеграфировал к прокурору, который отвечал: «предоставить Звенигородскому приехать в Петербург». Этот процесс еще не начался.

3 октября

Беспокойство от слухов о неурожае. Сетуют на дозволение вывозить хлеб за границу, на пустоту хлебных магазинов и на непринятие мер для продовольствия.

20 октября

Умер Николай Безобразов. «Весть», объявляя о его смерти, говорит, что он был ее о с н о в а т е л е м. Что же мудреного, что «Весть» достигла до настоящего своего безобразия. Ник. Безобразов был помешан на противудействии 19-му февраля, и на политическом значении дворянства. Одну статью он подписал: дворянин божиею милостию.

24 октября

Синод сообщил министру внутренних дел о чем-то, необратившем внимания Управления книгопечатанием. В ответ Валуев указал Синоду, что он пропускает места республиканские (!) в выписках из Тихона Задонского в «Крестном календаре», в особенности на место: «Я не твой брат! если не мой, то чий?» и проч. А между тем «Биржевые Ведомости» безнаказанно печатают, что указ 10-го декабря основан на демократических и социальных началах!! Можно предпочесть логику Димитрия Петр. Бутурлина, который в Комитете по цензурному делу на возражение о том, что такие-то места и выражения взяты из евангелия, отвечал, что жаль, что евангелие слишком распространено, а то бы эту книгу следовало бы запретить прежде всех других. Это факт.

В сегодня полученном номере «Голоса» предостережение за № 287, где резкие выражения... о Л у и - Н а п о л е о н е!

[*29 октября*]

Предостережение «Голосу» за статью против Людовика-Наполеона волнует во всех кружках. Рассказывают, что дело было так. Талейран отнесся к Горчакову, который отвечал указанием на закон, предвидевший этот случай, т. е. начатие иска перед судом. Талейран обратился к Валуеву, который, приехав в совет Главного управления печати, требовал предостережения «Голосу» и, несмотря на то, что совет не находил поводов к предостережению, настоял на своем. — Объясняют эту угодливость французскому послу желанием Валуева заступить место Горчакова.

1 ноября

В «Московских Ведомостях» ноября 1-го № 239 статья, опровергающая (?) этот слух и указывающая, что наше министерство не могло действовать против закона, и что предостережение сделано по поводам, коих в такого рода делах угадать нельзя. — О статье разные толки.

3 ноября

В т о р о е предостережение «Голосу» (в самое время подписки!) за статью о необходимости обрусения прибрежных жителей Балтийского края. Валуев есть нечто вполне непонятное. Общее негодование. — Говорят, что он не только у Луи-Наполеона на посылках, но и у Бисмарка, что он на то и министр внутренних дел, чтобы поддерживать онемечение латышей и

эстов и много тому подобного, показывающего сильное раздражение в публике, между прочим и то, что будучи главою Управления печати, он судья в собственном деле, слышатся в разговорах слова: измена и подкуп.

6 ноября

Людовик-Наполеон сказал своему другу и, кажется, воспитателю Taché de la Pagerie (который сам об этом рассказывал) *: «в Нанте происходят выборы, поезжайте туда и устройте так, чтобы вас избрали». — «Государь, ведь я никогда там не был, я никого не знаю, и кроме того я же ничего не понимаю во французских делах». — «Все равно — я дам вам записку к префекту». La Pagerie поехал, отдал письмо префекту; тот сделал обед, где познакомил его с некоторыми жителями, потом сказал **: «поезжайте, посмотрите фабрики и рудники». — «Да я ничего в этом не понимаю». — «Все равно». Пажери поехал по департаменту, везде его встречали и провожали: «вот наш дорогой депутат», кричала толпа. Он, разумеется, был избран. Возвратясь в Париж, он сказал Людовику-Наполеону: «Государь! Мы, немцы, называем это «фокус-покус». — «Так оно и есть», ответил Луи-Наполеон.

9 ноября

В «Северной Почте» сообщение административное о вреде полемики между русскими журналами и остзейскими с угрозой и указанием на закон 6 апреля 1865 года. Толкуют в Москве так: тонкая штука; статья будто бы направлена против остзейцев, но запрещением и угрозой они обезопасены от разъяснения их действий для онемечения края, т. е. леттов и эстов — в русских журналах. Они будут посылать свои враждебные России статьи в заграничные журналы (как уже и делают), а русские журналы принуждены будут молчать, ибо отвечая на заграничные статьи, они невольно коснутся того, что «Северная Почта» называет возбуждением одной части государства против другой. Напоминание о том, что латышские журналы подвергаются строгой цензуре, когда не выражают сочувствия немцам, а выражают сочувствие России, подойдет ли к категории статей, раздражающих одну часть народонаселения против другой?

[*13 ноября*]

По Москве ходит острота: папа канонизировал Шаспо *и* — Валуева. Где изобрели это — в Москве или в Петербурге? Полагаю, что идет из Петербурга, ибо ходит на французском языке, что обычнее Петербургу, нежели Москве.

[*19 ноября*]

Толки о Филарете.

Он умер неожиданно; входя в комнату, он упал и ушибся; его подняли с пола. — Толпа у тела ужасная; нет хода не только в церковь, но даже во двор. Обер-полициймейстер не мог войти и произнес неосторожное слово полицейским — дави, на что послышалось несколько голосов, что давить нельзя. — Воры пользуются этим случаем; у Свербеевой вытащили все из кармана и карман выворотили.

23 ноября

Печали в народе не было видно; толпа огромная, но больше было заметно любопытство, г л а з е н ь е. Когда гроб митрополита внесли в Чудов монастырь, и народ стал расходиться, то в толпах был слышен обыкновенный голос и смешки.

* Далее, до слов «поехал, отдал», в подлиннике по-французски.
** Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

По Москве уж ходит эпиграмматическая эпитафия, довольно длинная,— мне на лету удалось схватить лишь следующие, кажется окончательные, стихи (предшествующие не помню).

Послушать толки городские
Покойник был шпион, чиновник, генерал, —
На службе и теперь (не помню как) он мало потерял.
По старшинству произведен в святые.

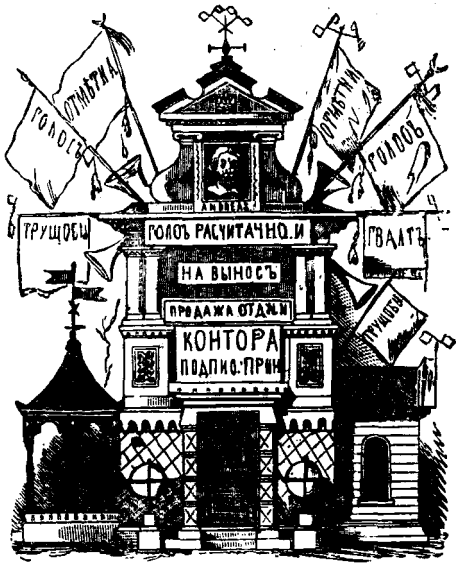
Первый стих кажется так:

Вы слышали про толки городские.

Бывшие у тела говорят, что запах сильный. Купцы хотели нести на себе до Троицы — но расчитали, что это шествие продлится по крайней

МОСКОВСКОМУ ПУБЛИЦИСТУ.

Въ древне-эллинскомъ стилѣ, на англо-готическомъ пьедесталѣ; кромѣ бюста самого публициста предполагается помѣстить медальоны г.г. Аксакова и Тургенева. Поставленъ будетъ въ Москвѣ—на Разгуляѣ.



Грез. Фрейдс

ПЕТЕРБУРГСКОМУ ПУБЛИЦИСТУ.

Стиля опредѣленнаго нѣтъ; но за то внутри памятника весьма удобно устроена контора „Голоса“ и „Отечественныхъ Записокъ“. Тутъ же будутъ объявленія, подписка и продажа „Голоса“ отдѣльными нумерами. Поставленъ предполагается—на каждомъ перекресткѣ.

«ПРОЕКТЫ ПАМЯТНИКОВ ЗНАМЕНИТЕЙШИМ ЖУРНАЛЬНЫМ ДЕЯТЕЛЯМ»
Карикатура И. Богданова на Каткова и Краевского, «Искра», 1867 г.

мере двое суток; решено, говорят, везти на железной дороге в открытом вагоне с хоругвями. Когда я из Сената проходил мимо Чудова монастыря, около 5 часов, народу было пропасть и слышались крики в дверях.

28 ноября

Сегодня сильная статья в «Москве» в ответ на 5-е предостережение.

Ходячая эпиграмма, которую говорят только урывками по стиху, кажется сложилась окончательно так:

Вы слышали про слухи городские?
Покойник был шпион, чиновник, генерал,—
Теперь по старшинству произведен в святые,
Хотя немножко провонял, —
Но сам Сушков об этом хлопотал.

[4 декабря]

Рассказывают, что последние слова Филарета пред смертию были: «бедная Москва, — третьего дурака прислали».

11 декабря

Получил от Соболевского и прочел двух-экземплярную книгу: «На память 9 июня 1867 года» — по юбилею бар. Мод. Андр. Корфа. Собольщиков отзывается обо мне весьма сочувственно и весьма неполно. Деятельность моя в Библиотеке была и шире, и положительнее: всякая в ней работа, не исключая и отчетов годовых, проходила через мою переделку. А в казначейской части я завел порядок и точность, каких не было, хотя залог, внесенный Собольщиковым и находившийся постоянно под моею печатью, обеспечивал сохранение суммы вполне. Mon histoire est encore à faire *.

17 декабря

Большие толки о № 15 «Современных Известий», где разобрана проповедь Терновского на юбилее кн. Ник. Ив. Трубецкого. Мне ошибкой принесли № 13 вместо 15, так что не читал его.

Эпиграмма на юбилей гораздо длиннее, нежели я предполагал. Вот несколько стихов, которые мне удалось схватить:

Затем, куража не теряя,
Москва решилася прославить Николая.
На юбилей он сам призывный подал знак,
Вскричавши: «кто пришел? — Дурак! —
Ему ответствовали миром
И залили его стерляжьим теплым жиром.

Да кстати проповедь Терновский им сказал
И не без умысла бумагу написал:
С подтиркой вперились, и из г... а такого
Склеили памятник на славу Трубецкого.

Двух или более стихов недостает.

25 декабря

У Егория на Вспольe, где у Разумовского опять сошлись с Юр. Голицыным и на сей раз с Потуловым. — Я Голицыну сказал, что он видит перед собою Фауста [Фуста], Гутенберга и Шефера, изобревших православную музыку.

27 декабря

На общедоступном концерте Музыкального общества. В концерте (в манеже) было более десяти тысяч человек. Порядок был удивительный, все вошли почти в одно время и все поместились на свои места (были 3 руб., 2, 1 и 20-копеечные). Без всяких недоразумений, благодаря благоразумным распоряжениям директоров общества. Издержек 5 тыс., сбора 7 500 р.

Сидели после концерта с Берлиозом, которого не видал уже 20 лет; постарел жестоко и едва узнал меня. Я сказал ему **: «Вам готовят званый обед, хотят, чтобы я говорил там. Я не люблю говорить публично, но на этот раз я сделаю исключение. Чтобы избежать ошибок, я хотел бы рас-

---

* Моя история еще не написана.

** Далее, до слов «Берлиоз в шуме», в подлиннике по-французски.

сказать вам, на чем я главным образом хочу остановиться». Берлиоз в шуме, вокруг нас происходившем, не вслушался и понял меня так, как бы я просил у него совета *, на что мне следует упирать и отвечал, что он не может мне указывать. Я ответил ему, что имею в виду фактическую сторону, напр. я знаю, что это он признал музыку Глинки и исполнял ее в Париже, но я не знаю, не сделал ли он того же для Львова, обстоятельство, которое я не смогу обойти молчанием, если я буду говорить о Глинке. Берлиоз ответил мне, что он ничего для музыки Львова не сделал и мы условились встретиться в течение недели, чтобы поговорить более обстоятельно на досуге.

30 декабря

На вечере Музыкального общества дирижировал Берлиоз — энтузиазм огромный после каждой части «Чайльд Гарольда». Завтра обед для Берлиоза в консерватории. Но вот Москва! В одной из задних зал Берлиоз сидел и отдыхал; какая-то дама из публики пробралась туда из общей залы, подошла на два шага к Берлиозу и стала его рассматривать в лорнет, как какую-нибудь вещь. Рубинштейн принужден был ей сказать, что это в высшей степени неприлично.

31 декабря

В «Москвиче» сильная и едкая статья против предостережений, — в ответ на весьма неловкую статью «Северной Почты», которую называют сердцеведцем, ибо она у г а д ы в а е т то, чего никто не думал и не совершал.

Сочинял мой спич для сегодняшнего обеда в консерватории для Берлиоза, который и произнес большею частью импровизируя, хоть и по французски. Обед начался в 4 часа, я привез с собою Муромцеву — посадили меня возле Берлиоза, который как будто ожил: спич мой довольно удачен и был принят сочувственно (хотя французский язык не все понимали), Берлиозом в особенности; отвечая, он между прочим сказал, что он приехал в Россию, потому что на своей родине он не слышит больше музыки. Чайковский предложил поставить портрет Берлиоза в консерватории. Берлиоз между прочим сказал, что он никогда еще не слыхал Николая Рубинштейна, — но он все таки не сыграл, говорят, что все эти дни он был занят дирижевкою, от того вовсе не экзерцировался и не хочет уронить себя — после обеда сперва мущины окружили Берлиоза, потом дамы.

У Кошелевых встречали новый год, — была Яковлева с большими музыкальными способностями, но плохо разбирает ноты — мы с ней немного помузицировали, — она к сожалению учится у Венявского, который кормит ее Шопеном и другими подобными пухлыми вещами. Я присоветовал ей Себастиана Баха, в котором она найдет именно то, чего напрасно ищет в Шопене. Она не знает даже симфоний Бетховена и мало Моцарта.

1868 год

5 января

Мельников привез ко мне Кельсиева, весьма интересного и по жизни и по своей организации, склонной к галлюцинациям. Рассказ Кельсиева о его магическом опыте с евреем Хозе в Константинополе. Призрак отца. Душа мира. И проект романа — существа (в виде лягушек), достигшие высшего совершенства, открывшие элексир жизни, филосовский камень и проч. т. п.

---

* Далее, до конца записи, в подлиннике по-французски.

9 января

Кельсиев рассказал мне предметы трех фантастических романов, из коих более мне понравился «Гном», который я и советовал ему реализовать. Должно между тем опасаться, что Кельсиев совсем помешается, к тому ведет его нервная его натура.

16 января

Большие толки идут о каком-то секретном (?) предписании министерства внутренних дел, по соглашению, как сказано в нем (?) с главноуправляющим 3-м Отделением о том, чтобы открывать лавки прежде 7 часов утра могли лишь те торговцы, кои по своей благонадежности получат на то разрешение полиции. Комментарии следующие:

1-е. До ста тысяч верного дохода для полиции.

2-е. Не получившие разрешения шельмуются, ибо признаются неблагонадежными.

3-е. Полицейский чиновник, не дозволяя открыть лавку, может ли сослаться на секретное предписание, ибо не может сослаться на закон, и пред судом может быть обвинен в превышении власти.

Большое смятение между торговцами — до 60 человек, говорят, подали прошение к голове.

На французском диалекте слышатся такие фразы: on veut faire une revolution artificielle *.

Читал корректуру и дочел «Война и мир». — Главный интерес книги, как романа, начинается с 3-го тома. Любопытна развязка.

22 января

В «Русском» письмо Дмитриева весьма дельное к Погодину о причинах выхода в отставку профессоров.

[*24 января*]

Голод! голод даже в Рыбинске, в Орловской губ., когда в Курской не знают, куда девать хлеб. Общее негодование на отсутствие распоряжений министерства внутренних дел. В Орловской губ. четверть 9 р., в Курской 4 р. 50 к.

Статья в «Голосе» 23-го января о голоде — все слухи подтверждаются. Что же такое творят наши администраторы, так восхваляющие администрацию? Видно фразы и дело — разница.

25 января

В Малом театре. «Иоанн Грозный» Толстого — играно превосходно, пиеса, особливо с 3-го акта, психологически верна и драматична. Но как допускают наши аристократы и олигархи, что на сцену выводятся проделки прежнего боярства, о котором они мечтают?

29 января

В Большом театре — «Руслан и Людмила»—все догадались, что статья за подписью «Современник Глинки» — моя, но она не пошла впрок. Шрамек есть бездарнейший капельмейстер в мире — «Руслана» репетировали, а не играли.

[*15 февраля*]

«Москвич» запрещен журналом Комитета министров, как замаскированная «Москва».

---

* Хотят искусственным образом вызвать революцию.

Тимирязев, проходя в губернское правление, слышал на улице следующий разговор: «Я не тороплюсь моим делом, — Одоевский в отпуску». — Это, в некотором смысле, так сказать... утешение.

16 февраля

Раевского тормошит польская партия; что ни случится — все на него; люди с ним знакомые возбуждают подозрение. Отыскивают все русских агентов; двое оказались немцами; третий Желудков — (он же и Кельсиев, чего Раевский не знал) — оказалось что он с турецким паспортом.

19 февраля

Вечером собрались ко мне гости — человек 20. Когда пробила полночь и, следственно, началось 19-е февраля, я поднял бокал (с русской крепкой шипучкой) и сказал: за здравие и долгоденствие государя императора и во славу великих дней: 19 февраля 1861, 1-го января и 20-го ноября 1864 года; на что гости ответствовали: ура. Я не хотел никаких речей, ибо ужин был запросто, даже в сертуках, вполне семейный. Лишь Погодин сказал несколько слов; он напомнил слова Карамзина о том, что Россия шла всегда между Харибдой и Сциллой — но что теперь, при существовании тех великих преобразований, которые совершились 19-го февраля и 20-го ноября, можно быть уверенным, что наш высокий путеводитель доведет нас благополучно в пристань, минуя подводные скалы.

На обеде у кн. Долгорукова кто-то обратил мое внимание на медальон на пирожном; это было — Освобождение крестьян 19-го февраля. Я нашел, что это делает честь князю, особенно в Москве, где крепостники кишат, и не мог не выразить этого князю, который мне сказал, что многие и не обратили внимания на этот медальон. Путята напомнил мне по сему случаю, что в 47/48 году, когда на одном из наших приятельских ужинов (у Жоржа) Андрей Ник. Карамзин провозгласил тост: «за здоровье нещастнейшего из людей: русского мужика», то мы все весьма струхнули и последовало молчание, — председатель ужина, rex coenae *, на этот раз Д. П. Хрущев, заметил, что такого рода тосты, как имеющие политическое значение, в нашем кругу предлагаться не должны — и, расходясь, мы взяли друг с друга слово никому об этом тосте не рассказывать. А теперь то же и еще сильнее у генерал-губернатора на официальном (в парадных мундирах) обеде!!

Большие толки о двух предметах: о запрещении «Москвича» и о 300 тыс. кулей хлеба, которые гниют без покрышки на московской станции Николаевской дороги, и об свезении по Курской дороге вагонов, которые везли было хлеб. Неудовольствие нескрываемое.

Толкуют, что Николаевская дорога опаздывает с намерением для сбережения топлива, что штрафуются нагоняющие время, что получено от того 100 тыс. в изъян публике.

26 февраля

Обедали Потуловы все трое, Скайлер, которого было рождение и Серов. После обеда Серов познакомил нас с некоторыми частями своей новой оперы: «Не так живи как хочется», которая будет носить название: «Загул». Смелая, но весьма удавшаяся мысль: ввести русскую комическую (частию) музыку в область новейшего искусства. Удивительно удачно лицо старого раскольника.

6 марта

Моя статья о Лаубе напечатана сегодня в «Московских Ведомостях».

---

* Король пира.

9 марта

Моя статья о «Рогнеде» Серова напечатана в «Современных Известиях» — под псевдонимом Тихоныча (в честь Тихона Макарьевского).

10 марта

Ездил за Екат. Алекс. Хомяковой и привез ее в нашу ложу Большого театра на концерт Серова, весь составленный из его сочинений. Московская аристократия по обыкновению отличилась: ⅔ лож и половина кресел были пустыми.

13 марта

Обедал Серов и по его просьбе Ник. Мих. Потулов, Соллогуб, Кочетова — поговорить о том, что ему делать? Не уж-ли возвратиться в Петербург ни с чем, кроме лавров? Он получил от дирекции с концерта лишь 100 руб. Решили дать некоторые части «Рогнеды» на святой неделе, но уж в виде концерта, а [не] в виде представления. — Соллогуб читал записку о ссылочных, — поразительные факты.

14 марта

Типографический курьез: Орел непременно хотел, чтобы «Музыкальная грамота» была без опечаток — при младенческом состоянии наших типографий я считаю это невозможным. Привез он мне третьего дни первые два листа на веленевой и перламутровой бумаге с уверенностью, что опечаток нет — и что же? на заглавном листе в эпиграфе из Александра Мезенца, где сказано «Рукопись ок. 1667» — так было во всех корректурах, — но перед спуском в стан чья-то рука поправила: 1867!

[*31 марта*]

Университетская история, о которой теперь идет полемика, весьма поучительна. Она вся произошла от колебания духовного или нетвердости совести. Головнин был болен, когда к нему явилась жалоба ректора Баршева; от болезни-ли, от того-ли, что ему представили законный протест Димитриева, Чичерина и других, как нечто мятежное и что он считал нужным, que la force reste à l'autorité *, только он подкрепил незаконное действие большинства университетского совета. Толстой не захотел изменить решенного его [предшественником], и незаконность утвердилась,— а как всякая нелепость плодуща, то и явились ее плоды в множестве. — Хорошо университетскому совету, что он не подчинен Сенату, который бы не мог не оштрафовать коллегиальное место, дозволившее себе возвратить с надписью (!) особое мнение одного из своих сочленов.

3 апреля

В Большом театре в ложе Свербеевых на представлении итальянцами «Фауста» Гуно — гадость непомерная, одна Арто порядочная и годилась бы для водевиля; прочие все каркают или мяукают.

7 апреля

Обедали Ольга Федоровна Кошелева, гр. Лев Никол. Толстой («Война и мир»), Серг. Андр. Юрьев (математик).

В 9½ часов небольшой припадок. Написал для гр. Толстого (для умерщвления Элен) описание припадков моей Angina pectoris..

10 апреля

Мысль Сероза о 9-й симфонии весьма оригинальна и основательна. Юрьев предполагал дать ему обед; я предложил лучше подписаться всем вкупе на его журнал.

---

* Чтобы сила осталась на стороне властей.

[*28 апреля*]

Я рассказывал Дмитриеву легенду: в день рождения Баршева Лешков явился к нему с двумя свертками: в одном две веревки с петлею и с гвоздями, в другом бумага с надписью: «Жертва профессора Дмитриева».

1 мая

«Москва» получила второе предостережение за № 18, где статья о смертной казни,—правду сказать, не совсем ловкая в выражениях, хотя и правдивая в основе — то же бы слово, да не так бы молвить. — В Москве городе толкуют, что только к этому придрались, а что наказание последовало за статью о паразитах.

[*5 мая*]

Рассказывают, что два высоко стоящие лица предлагали немцу издавать газету, которой целию было бы доказать что р у с с к о й народности не существует, что Россия состоит из разнородных племен, имеющих каждое особую народность; в одном лишь расходились эти государственные люди: один находил, что сплотить эти разнородные элементы в е д и н с т в о может лишь представительное правление, другой — лишь самодержавное. Немец отказался, говоря, что невозможно отрицать русской народности.

[*19 мая*]

Обыкновенная речь гр. Панина к являвшимся к нему губернским прокурорам была: «Вы в отпуску? На сколько времени? Пожалуйста, не про-

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы, Ленинград

срочьте». И только! Никогда он об ином не разговаривал с губернскими прокурорами, т. е. прямыми своими помощниками.

Минье до Крымской войны предлагал свои ружья. Нашли что изобретение прекрасно, но что ружья в о р о н е н ы е, следственно, не будет в них блеска, и притом не будет игры шомполом.—Говорят, что император Николай написал на донесении комитета, предлагавшего принятие этих ружей: «Этим нарушится вид строя».—Говорят, что ныне царствующий государь, увидев это решение, был грустно поражен исходом этого дела, столько имевшего влияния на Крымскую войну.

Казначеев пишет свои записки, в 1812 он был при главной квартире. Его любопытный анекдот о плане войны (потерявшемся) и о письме Шишкова (с Аракчеевым и Толстым) к государю Александру 1-му о вреде пребывания его в армии.

24 июня

Столыпин, брат кн. Марии Арк. Вяземской (урожд. Бек), сказывал мне, что у всех многоземельных владельцев или увеличились доходы, или остались те же; потеряли лишь те, которые получали доход не от земли, а от личной работы крепостных. Я советовал ему читать «Весть» и отвечать на ее крики,—но он говорит, что в губернии никто «Вести» не читает.

1 июля

Погодин, которого ученики Калачев, Буслаев, Кавелин, предлагал—изустно—д а р о м—заниматься с молодыми студентами, готовящимися в учителя,—но министр просвещения до сих пор не сделал ни шага.

5 июля

У Тургенева, который все еще страдает от подагры.

7 июля

Иван Сергеевич Тургенев приезжал прощаться, уезжает в Баден, где он свой дом должен был продать, по милости своего дядюшки.

10 июля

Замечательная статья о контрактах лифляндских рыцарей с крестьянами в сегодняшнем номере «Московских Ведомостей» и с копиями контрактов; рыцари, вследствие законов 14-го мая 1865 и 18-го марта 1868 (в крае, где 9/10 не немцев) и удвоили плату за аренду и завели барщину потяжелее прежнего, да охранили зайцев и зерноядных птиц. Поучительный пример для наших крепостников. Не этого ли рода успех пророчила себе «Весть» вместе с приглашением панов на обед начальника губернии с отстранением чиновников, чтобы не о с к о р б и т ь п о л ь с к о е н а р о д н о е с а м о л ю б и е?

22 июля

Сделал первый опыт над звучащим цилиндром, от которого нити шли к одному уху; вся гамма проделывается посредством ударов по цилиндру.

26 июля

Заезжал к инструментальному университетскому мастеру, которому заказал металлическую жердь для акустического микроскопа.

Замечательная московская черта: во всей Москве один только рещик умеет делать на металле правильные деления — но он в больнице и некому делать. Во всей Москве нельзя найти стеклянной жерди длиннее аршина, ни даже трубки стеклянной, которая бы с одного [конца] не была тоньше другого. Вот тут и делай опыты!

[28 июля]

Некоторые из единоверцев по наитию из Петербурга (!) желали бы иметь отдельную иерархию. Сорокин весьма против этой мысли, и он прав,— как возможно посредством разделения и притом о ф ф и ц и а л ь н о г о, законодательного, достигнуть соединения? просто бессмыслица! Главное тут дело — гласность для обеих сторон,—тогда раскольничья галиматья выплывет на свежую воду; затем более независимое положение православных священников. Пусть выбираются п р и х о д о м сперва в причетники, потом в диаконы и в священники, но не зависят от каждого прихожанина в каждой житейской нужде,—т. е. пусть будут на жаловании.

6 августа

Делал опыт с моими акустическими очками в саду; на расстоянии 60 сажен звук струны в ½ милим. в диаметре был явственно слышан, словно удары колокола или далекой пушки. Как назвать? Телефон, или звукособиратель? — Далекозвук? — Не хорошо. Бартенев и Шрейдер испытывали вместе со мной.

26 августа

Работаю над звукособирателем. Удивительные вещи открываются.

Обед в Английском клубе, откуда хотел приехать к Ф. И. Тютчеву, но он сам приехал в клуб. Мы с ним должны были отстаивать дело религии (какой бы то ни было), как государственной силы против разных господ, которые остановились еще на Вольтере.

30 августа

Даль советует назвать звукособиратель з в у ч н и к — не лучше ли созвучник?

5 сентября

Повторил опыты Блейна над цилиндрическими звучащими телами — он слышал звуки лишь поверхности их — звукособиратель дает звук вибрации всего цилиндра, с силой неимоверною.

[8 сентября]

[Ни] «Московские Ведомости», ни «Современная Летопись» до сих пор не печатают моей статьи: «Гласность и полугласность — разница» (по поводу напраслины на меня). Посмотрим, что будет далее.

Вас. Андр. Дашков говорил мне, что он отнюдь не хочет присланные из Вильны вещи называть польским отделом,—а просто: в е щ и, п р и с л а н н ы е и з В и л е н с к о г о м у з е я д л я х р а н е н и я в М о с к о в с к о м, ибо лишь нумизматическая коллекция имеет достоверность, а все прочее суть предметы такого рода: камень от могилы Тышкевича, зрительная трубка Костюшки, шинель Мицкевича и проч. и т. п. В надписях над вещами он намерен употребить выражение: п о к а т а л о г у В и л е н с к о г о м у з е я — шинель Мицкевича и т. д. Я вполне одобрил эту мысль. Ясно, что этот странный музей был лишь одним из политических средств мятежного ржонда.

22 сентября

На музыкальном вечере и т а л ь я н с к о м у Мар. Вас. Бегичевой.— Болтал с Арто и с Кочетовой. Воля ваша, господа итальянцы — то что вы называете музыкой — не музыка. Я давно уже не слыхал порядочных итальянцев и мне любопытно было проследить самого себя — какое впечатление они произведут на меня? Для сего я уничтожил в себе всякое предубеждение и приготовил себя вполне девственно. Стенио — чудесный голос,

напоминающий Тамберлика; Рота — славный баритон; старшая примадонна после Арто (забыл как звать) также с голоском и умением; хорошенькая Беннати покуда дрянцо с [нрзб]. Пели они — Rossi — [нрзб] на сцене это еще сносно, — на эту музыку смотришь как на арлекинаду, — в комнате это — клохотанье, пляска Пиерро у вас под носом, он обсыпает вас мукою. Какое-то пение из Ambroise Thomas ниже всякой критики, — претензии ужасные, — в существе пошлость. Ария, петая Рота из «Maria di Rohan» Доницетти, которая длинна, скучна и пуще всего пошла. Все это выпевается с болезненным усилием голоса, сходящим на едва слышимое piano — все это о ч е н н о у д и в и т е л ь н о, — но музыкальное чувство не удовлетворено. Клоун, ломающийся для потехи, клоун важный — все клоун, а на клоуна нельзя смотреть без негодования на унижение им человеческого достоинства; здесь нет художества, а только акробатство; условная красота, условное искусство. Утешила меня лишь Арто, хотя в сильном насморке, небольшой песенкой негров и испанским простонародным дуэтом; тут — хоть тень музыки.—Вредны итальянцы тем, что приучают слух и чувство народа к своей условной красоте и ложной выразительности. Клингворт играл фантазии на манерный квартет из «Риголетто» — манерного Верди; октавы обеими руками без конца,—также о ч е н н о у д и в и т е л ь н о, но музыки я ожидал тщетно.

Искусство тем велико, что мирит с жизнью — но итальянская музыка проходит мимо жизни.

[*29 сентября*]

Рассказ Аристова о том, как по милости Панина все судебные места пришлось отдавать под суд,—и гнев имп. Николая — на Панина.

1 октября

Аббат Безо возвратился из Франции.—Там еще уверены, что мы едим сальные свечки и что мировые судьи и присяжные у нас только на показ, чтобы было о чем напечатать в газетах. У одного епископа Безо встретил одного господина, который возбуждал всеобщее участие своими рассказами о варварстве русских и о своих подвигах во время ржонда. Безо узнал в нем Ковиеля, который в 1863 году был еще в училище, где Безо учил; когда Безо стал его стыдить за ложь, он отвечал что Россия такой враг, что все средства против нее дозволены.—«Даже и ложь?» спросил Безо.

3 октября

Сегодня в департамент прибыл кн. Петр Ив. Трубецкой в полном бешенстве на решение Окружного суда, присудившего отставного полковника Колзакова к лишению особых прав и тюрьме, за з а м а з а н и е с к л е п а н н ы х к о п ы т у проданных лошадей. Трубецкого аргументы удивительные: «Как можно! полковник он, ведь это не какой-нибудь цыган».—«Да зачем же полковник поступает по-цыгански?»—спросил я.—«Да ведь иначе нельзя торговать лошадьми» — т. е. без мошенничества.—«Это все к р а с н ы е» (напр. Дейер!!)—«Кто же красные?—отвечал я.—Красные одни мы, сенаторы, потому что носим красные мундиры. Высший класс должен подавать примеры нравственной чистоты». В Английском клубе промышлявшие конским мошенничеством в полном отчаянии. Эдак, говорят, от нашего промысла надобно отказаться — ведь покупатель должен видеть, что он покупает!

13 октября

От 10 октября распоряжение министерства юстиции о том, чтобы в московском Сенате уже не ведались бы дела, поступившие с 1-го октября сего года. Они распределены по петербургским департаментам.

20 октября

Гр. Шувалов — командир Семеновского полка, прежде стрелкового батальона — его статьи, писанные другим, что открылось тем, что этот работник, в досаде, подсунул Шувалову копию статьи из «Военного Сборника», которую Шувалов и отправил к Сухозанету, в виде записки собственного сочинения.

24 октября

В «Моск. Вед.» № 229 объявление Аксакова, что «Москве» 3-е предостережение и запрещение на 6 месяцев—за то, что «продолжает обнаруживать прежнее резкое (?) направление, которое неизбежно ведет к возбуждению вражды между населением и раздражения против действий правительственных властей» — и указаны передовые статьи в №№ 128, 136, 141, 154, 155 и статьи областного отдела в №№ 114 и 134.

Любопытная редакция! В конце цитуется закон так: «на основании п. II высоч. указа 6 апреля 1865 г. и ст. 29 отд. II высоч. утвержденного мнения Госуд. совета и проч.» — малограмотный подумает, что «Москва» запрещается с е п а р а т н ы м указом. — Не понимают эти легкомысленные господа России, а от того и Россия их не понимает.

Нет у государя добрых помощников,—а лишь честолюбцы или лентяи, но и Петру I-му приходилось бороться с тою же бедою: «сам знаешь», писал он, кажется, к Апраксину, «не за кого взяться». Но бог помог Петру I-му, как поможет и Александру II-му.

26 октября

После обеда заехал в Английский клуб положить мои баллотировочные шары; народу пропасть — 136 человек, когда как в иную пору бывает не более 60 человек. Юрий Самарин прошел блистательно, лишь 11 черных. За Самарина очень боялись, говорили, что против него соединилась немецкая партия с крепостниками,—но однако же вышло иначе. Я, по обыкновению, не вступал в разговоры, но проходя чрез разные группы слышал: этот тот, который в прошлом году т а к о т д е л а л д в о р я н с т в о и проч. т. п.

1 ноября

Гатцук—с корректурою моей статьи о пожарах. Курьез. Цензор (Бессомыкин) не хотел пропускать в о б ъ я в л е н и и о «Крестном календаре» н а з в а н и е моей статьи «Известные и малоизвестные причины пожаров». Почему знать — говорил он — может быть говорится о поляках поджигателях?»?! Комитет пошел дальше: он потребовал, чтобы ему представлены были в с е с т а т ь и календаря, прежде напечатания и х н а з в а н и й.

2 ноября

Окончил статью для «Крестного календаря». — «Печное мастерство» и «Два слова для пьющих водку».

[3 ноября]

Дим. Ник. Свербеев член мирового съезда и, кажется, пристратился к своему делу; он находит, что мировые судьи такое благо для народа, какого нельзя было представить.

13 ноября

Когда я говорил Иннокентию о необходимости ввести серьезное преподавание церковного пения в семинарии, дабы предохранить его с одной стороны от раскольников, с другой от итальянщины,—он вздохнул и сказал: какое пение?—у нас читать не умеют.

22 ноября

В концерте Музыкального общества (на хорах). Увертюра Балакирева, состоящая из чудесных элементов — но не округленная. Арто удивительно пела I verdi prati [1] Генделя. Чайковский что-то очень ухаживает за Арто

24 ноября

Смирнов Ник. Мих. у Свербеева давал мне читать свое предложение земству об учреждении по приходам (как последняя общественная единица) попечительств гражданских, по образцу духовных попечительств, из всех сословий с возложением на них школы, санитарной части и проч.— словом все, чего земская управа исполнить по пространству расстояния не может. Мысль недурная, но исполнение трудно; а может эти ближайшие интересы и расшевелят провинциальную лень.

Дим. Ник. Свербеев дал мне прочесть свою 2-ю статью о Ростопчине,— где он все-таки называет его убийцею Верещагина, но объясняет, что это убийство произведено было не из трусости, но по психическому настроению Ростопчина в дни 1812 года. — В конце Дим. Ник. прибавил четыре строки, где выражается опасение, что при более у нас развивающейся свободе такие явления будут чаще. Я утверждал напротив, что настоящий порядок вещей в России удалит возможность подобного самоуправства и беззаконности. Свербеев остался непреклонен. «Весть» наверное взмылит эти несчастные 4 строки.

У одного из моих тритонов растет грива, следственно, он самец и я могу ожидать маленьких тритонов.

26 ноября

Преловкая статья в 132 № «Вести» 25 ноября в фельетоне: «Этюды западнорусского вопроса» — где доказывается не производство революции, но что русские затеяли контр-революцию и дошли этим путем до социализма. Ловко! Славных учеников образовали езуиты.

[*8 декабря*]

Чаев устанавливал в течение 6 часов народ в своем «Самозванце» из солдат; на другую репетицию он заметил, что прислали других, разумеется, ничего не знавших. Он обратился к офицеру, который объявил, что вчера были люди из одной роты, а сегодня наряди ли других; на толкование Чаева о невозможности такого распорядка, офицер отвечал: «извините, я не получил блестящего (sic) образования и не могу понять, чего вы требуете; вам нужен народ — вот вам тридцать человек — чего же вам более?»

14 декабря

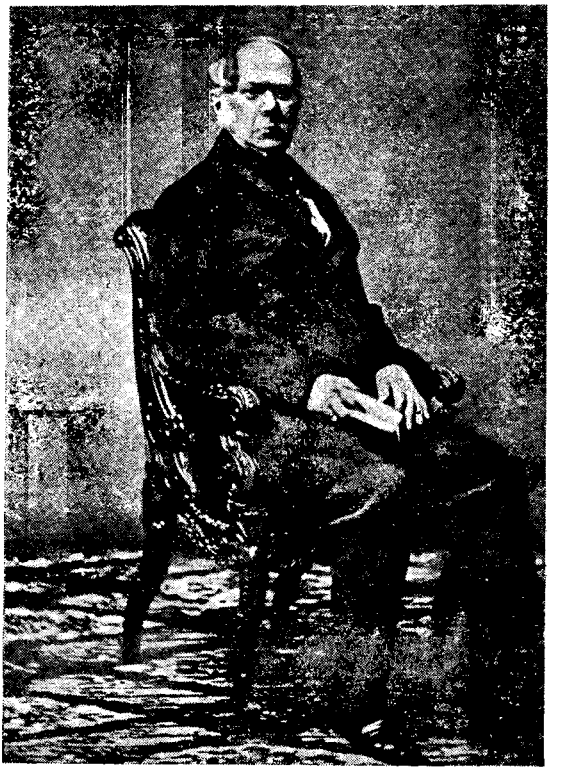
У Юрьева (математик Сергей Андреевич), где Серов играл первые три акта своей оперы: «Не так живи как хочется» — 3-й акт чудесен — здесь действительно русская песня доведена до трагедии. Лажечников [Писемский] сказывал мне, что он окончил свой роман в 5-ти частях: «Люди сороковых годов» — мысль довольно близкая к моему «Самарянину».

15 декабря

Обед у Дим. Свербеева для членов Серпуховского земства. Познакомился с Жуковым, мировым судьею Серпуховского уезда и Мошниным — стеариновым заводчиком. Эти господа весьма довольны состоянием Серпухов-

---

* Зеленые луга.



П. А. ВЯЗЕМСКИЙ
Фотография 60-х гг.
Институт Русской Литературы,
Ленинград

ского уезда; народ меньше пьет и почти перестал ругаться матерщиной; к судам полное доверие; жалуются крестьяне на свои волостные суды и называют их л а п о т н ы м и, говоря, что они хуже сапожных. Адвокатов почти нет.

Ходившая эпиграмма на юбилей кн. Сергея Михайл. Голицына.

Нынче праздник, юбилей,
От того, что барин некий
Был известный дуралей
Целых пять десятилетий.

Рассказывают, каким образом один кн. Шаховской попал неожиданно для него самого в обер-прокуроры. Кто-то из сильных лиц просил гр. Панина определить обер-прокурором Капустина (впоследствии известного юриста).— Гр. Панин призвал Топильского. «Что это за неприличная фамилия»? — «Точно так ваше сиятельство,—неприличная,—срамота».—«За него просит N..., как бы отделаться. Подайте мне список». Просматривая список чиновников министерства юстиции, он остановился на имени Шаховского. «А вот прекрасное имя — сказал Панин. — Его и определить обер-прокурором, задним числом, а N... уведомить, что уже эта «ваканция замещена».

17 декабря

Заезжал в Консерваторию—где слышал целый оркестр учеников (до 25 человек), разыгрывавших очень порядочно симфонию Гайдена. Муромцеву свез домой, она у нас обедала и с нею в «Рогнеду». С Мансуровыми в ложе. Театр был полон—идет лучше, но Демидов фальшивит, Радонежский

(Владимир) не играет. Всего более произвел на публику впечатление в этот раз 3-й акт с хором странников; следственно, публика способна слушать серьезную музыку и нечего ее прикармливать макаронами на розовом масле.

[*29 декабря*]

Говорят, что Иннокентий, побывав на лекциях богословия в университете и гимназиях, был поражен их огромностию и сказал: «самый лучший способ наделать атеистов». — И оно действительно так, ибо лучшие мысли правительства получают у нас безобразное исполнение.—При распространяющемся нигилизме правительство желало подкрепить религиозное направление. Исполнители поняли это так: они расширили в университетах и гимназиях преподавание богословия (забыли, что Чернышевский, Добролюбов, Благосветлов, Помяловский, Антонович и друг. были воспитанниками семинарий и духовных академий); а в закрытых заведениях по субботам не отпускают детей домой для того, чтобы воспитанники не пропустили всенощной. Понятно, какое религиозное направление получит школьник, в продолжение недели ожидающий благословенной субботы, и как он должен чествить всенощную, для которой его задерживают. Не уж-ли еще не вывелись люди, которые полагали, что механикой можно сделать человека и религиозным и нравственным. Вот каким путем у нас попадают в цель, вполне противоположную желаемой!

1869 год

2 января

В Сенате в первый раз присутствовал Панин и, кажется, остался весьма доволен моим председательствованием.

4 января

На концерте Музыкального общества «Садко» Корсакова—чудная вещь, полная фантазии, оригинально оркестрованная.—Ежели Корсаков не остановится на пути, то будет огромный талант... — Клингворт играл концерт Шопена,—разумеется, меня окружили со всех сторон с вопросами о моем мнении. Я употребил хитрость—отвечал: Klingwort est fait pour la musique de Chopin *, и на этом останавливал мою речь, — но для немногих прибавлял: il a dans son jeu tout le faux et le manière qui se trouvent dans la musique de Chopin et au bredouillage du compositeur il ajoute le sien avec une grâce toute particulière **. Ольга Ивановна и Муромцева в отчаянии от такого моего отзыва.

7 января

Обедали Дим. Ник. Свербеев и Рахманинов, с которым я вчера познакомился у Бартенева, он привез мне свои композиции — очень недурно, есть изобретение и вкус, недостает знания.

У Кошелева — толки о выборе председателя Общества Любителей Российской Словесности — я решительно отказался, но подписал приглашение к Соболевскому на вступление вновь в члены.

[*12 января*]

Юр. Самарин избран в Общество Любителей Российской Словесности председателем, большинством 1 (Щебальского?) — но, говорят, что он отка-

---

* Клингворт создан для шопеновской музыки.

** В его игре есть вся фальшь и манерность шопеновской музыки, а к бормотанью композитора он с исключительной грацией прибавляет свое.

зывается, представляя, что ему не следует принимать на себя должность председателя, ибо царь на него в неудовольствии, что он в о п а л е. Так рассказывают — я не был в этом заседании 8 января.

19 января

Кошелев, Путята, Лонгинов (и Соболевский) уговаривали и упрашивали меня принять звание председателя Общества Любителей Российской Словесности; я отказался решительно—пока я сенатор; а с сенатскими делами нет возможности заниматься другим, разумеется, д е л ь н о; это было бы н е ч е с т н о; и напрасно друзья на меня сердятся за отказ. Я им указываю на Черкасского.

Соллогуб написал дюжину куплетов с припевом: «благодарю, не ожидал».

Между прочим следующие:

Пришлец с славянского поморья,
Галынский с нежностью сказал:
Я вижу горы Черногорья,
Благодарю — не ожидал.

21 января

Сегодня в «Моск. Вед.» декларация конференции! Бедная Греция! Жертва австро-англо-французской политической безнравственности. Австрия и Франция — куда бы ни шло,—но Англия! О мудрые люди, занимающиеся делами!

26 января

На бенефисе Кочетовой с Свербеевыми и Муромцевой — «Жизнь за царя». — Не все места были заняты, но однако рассчитывают, что ей очистилось до 1 500 рублей — цены были возвышены (ложа 15 рублей). Дебютировала сестра Кочетовой, Соколова в роли Вани—хороши высшие и низшие звуки — medium'a нет. Была очень хорошо принята и рукоплескания усиливались от некоторых шиканий.

«Весть» № 15 напечатала ужасную статью об славянофилах, над которою, как видно, трудились сообща,—ибо пропасть выписок—даже из «Европейца» Киреевского, который и забыт и ненаходим—все это подогнано к «Москве» с целью напугать сенаторов, которые будут судить Аксакова. Благородно и делает честь «Г о р с т к е», о которой говорит доклад комиссии здешнего Дворянского собрания.

Редакция «Моск. Ведомостей» отказала Юрьеву в напечатании его статьи о «Рогнеде» Серова. Вот то-то и есть! Как скоро нам попадет хоть маленькая власть в руки,—мы и начнем деспотничать.

Верить ли журналам, что вел. кн. Владимир Александрович будет докладчиком по делу Аксакова? Едва-ли. Зачем ему быть участником в этом coup monté *, как видно в приготовительной статье «Вести».

Говорят, что п о д г о т о в и т е л ь н у ю с т а т ь ю против «Москвы» в № 15 «Вести» сочинил какой-то Владимир Ржевский (?). Говорят, что сенатор Крушин [Клушин] привозил ее в Сенат и читал сенаторам.

29 января

На репетиции «Воеводы» Чайковского.—Русская тональность господствует,—но даровитый Чайковский также не устоял против желания угодить публике разными итальянизмами. Эта опера — задаток огромной будущности для Чайковского.

Писал к Чайковскому, звал его к нам в ложу № 14, которая приходится прямо против сцены.

---

* Подстроенном деле.

30 января

Чайковский отвечал мне, что намерен спрятаться в ложу на сцене, чтобы никто его не видал. Заехал за Муромцевой и поехали на «Воеводу»— в ложе были Киреева и Ольга Ивановна. Приходил [Н. Г.] Рубинштейн, раздосадованный критикой Ник. Ив. Трубецкого и какого-то Похвиснева.

Представление удалось—Чайковского несколько раз вызывали и Меньшикову также,—хотя она фальшивила по обыкновению несколько раз; а голос удивительный—чисто взяла верхние Re бемоль, но что проку! Если бы она, Демидов и Орлов—учились!

В сегодняшних «Современных Известиях»—страшное дело скопца Плотицина, у которого (в Моршанске) был скопческий Иерусалим,—и под полами до д е с я т к а м и л л и о н о в (!?) — старою монетою; следственно, сокровище собиралось издавна. Этим богатством объясняется, от чего все скопческие дела оканчивались ничем. Поднял дело губернатор Гартинг — слава ему, — но какую борьбу он должен был выдержать против взяточников!

Я сказал Гатцуку — у меня душа изныла, когда я читал вашу записку о вашем брате; если она справедлива, если половина ее справедлива — это дело вопиющее; но в том и вопрос: до какой степени она справедлива? На этот вопрос я мог бы отвечать лишь п о р а с с м о т р е н и и в с е г о д е л а, е с л и б ы б ы л п р и з в а н с у д и т ь е г о; но я связан самим моим званием,—я не могу идти в чужой департамент и разбирать, справедливо ли там решили. Что же касается до так называемого н р а в с т в е н н о г о в л и я н и я, то я всегда отвергал его, когда ко мне с ним подъезжали; могу ли я приняться именно за то, против чего я всегда протестовал. Кажется, Гатцук это понял.

[5 февраля]

Государь может, на беду, повторить слова в письме Петра I-го к Апраксину: «сам ты знаешь, на кого я могу положиться!»

6 февраля

В «Моск. Вед.» любопытные протесты предводителей дворянства, которым редакция «Вести» послала свою газету бесплатно. Цифровое доказательство, что быт русский улучшился со времени 19-го февраля 1861 года!

В «Голосе» статья против Александровой-Кочетовой, написанная с остервенением.

8 февраля

Замечательная статья в «Русском Вестнике» о югозападном крае и ответ Ренненкампфа Герцену.

11 февраля

В январской книжке «Отечественных Записок» меня упрекают в самоунижении, потому что на вечере Музыкального общества в честь Берлиоза я сказал несколько слов о том, что от Берлиоза был дружеский прием (accueil amical), что эти господа перевели: «б л а г о с к л о н н о е в н и м а н и е». Нечего делать — надобно возражать, иначе молчание будет знак согласия.

23 февраля

На второй лекции Бессонова в д. Кошелева. После познакомился с Смирновым, издателем «Православного Обозрения».

Воротился домой с ознобом и болью в бедрах, так что с трудом мог раздеться.

24 февраля

Совсем болен, сильный озноб, икота, боль в бедрах. Шнейдер электризовал меня и присоветовал улечься в постелю; что я и сделал и предаюсь сну—лучшее мое лекарство.

Отправка пакета определений в Сенат.

25 февраля

Боль в бедрах менее, но икота—непрерывная. Какая? Симптоматическая, обещающая острую болезнь,—или временная?

Приходил ко мне испуганный Дим. Вас. [Разумовский], который узнал о моей болезни в консерватории.

Кошелев — Соболевский. — Клистир не подействовал. — Икота мешает сну.

ПРИМЕЧАНИЯ

1859 год

[*Январь*]

Об этом деле сохранилось упоминание в отчетах III Отделения: «В Санкт-Петербурге жена инженер-штабс-капитана Баранова, имея в услужении крепостных людей своего отца, помещика Новгородской губернии Азарьева, подозревала девку Андрееву в краже и, вынуждая ее в том сознание, посадила ее на горячую плиту. За это Баранова предана суду, а люди отправлены в имение владельца» («Крестьянское движение 1821—1869». М. 1931. Вып. I, стр. 126). См. также «Колокол», 1859, л. 57—58: «Елизавета Андреева показала, что Баранова, чтобы заставить ее возвратить взятый ею носовой платок, посадила ее 15-го января 1859 г. в кухне на плиту, при чем была горничная Татьяна Аполлонова; что, почувствовав сильную боль, она соскочила с плиты и, отыскав платок, получила еще от госпожи три удара по лицу... Баранова предана уголовному суду. Сверх того из собранных сведений оказалось, что и мать ее, помещица Валдайского уезда Азарьева, вполне достойна дочери, что крестьяне совершенно разорены, а жестокие наказания заставили некоторых из них лишить себя жизни: трое удавились, один утопился. Такое управление продолжается более двадцати лет и только, по случаю происшествия с Елизаветой Андреевой, Азарьевы удалены от имения и назначено формальное следствие».

Февраль

И. Огрызко, издатель польской газеты «Slowo», был арестован (а газета закрыта) за помещение письма И. Лелевеля с редакционным примечанием. Письмо это не имело никакого политического значения; оно действительно было напечатано в журнале «Teka wilenska» (1858, № 3). Огрызке инкриминировалось лишь самое упоминание имени Лелевеля. В связи с этим министерством народного просвещения был разослан соответствующий циркуляр о запрещении упоминания в печати имени Лелевеля (см. подр. А. И. Герцен, Полное собрание сочинений под ред. М. Лемке. П. 1917—1925, т. IX, стр. 545—550, прим. М. Лемке). Впрочем, по словам В. Д. Спасовича, товарища Огрызко по редакции, «для властей Царства польского была крайне неудобна газета, издаваемая в Петербурге и толкующая о том, что происходит в Царстве польском... Настоящие мотивы, вызвавшие закрытие, неизвестны. Повидимому, «Слово» пострадало за то, что приняло участие в возникшей между варшавскими газетами и обострившейся полемике по еврейскому вопросу» («Воспоминания о Кавелине» — Собр. соч. К. Д. Кавелина. Т. II, стр. XV). Это же подтверждается и замечаниями О. Пржецлавского («Рус. Арх.», 1872, I, стр. 1031—1042).

Огрызко был вскоре освобожден. «Заключение его в крепость и закрытие журнала вызвали в публике самое тяжелое впечатление» (Никитенко, т. I, стр. 554). Известно, что об Огрызке писал Александру II И. С. Тургенев (копия письма Тургенева была сохранена Одоевским. Бумаги Одоевского в Гос. Публ. Б-ке, пер. 85, л. 64—66); письмо Тургенева напечатано в «Сборнике Рос. Публ. Б-ки, т. I, в. I, стр. 197—198); соредакторы по «Слову» подали всеподданнейшее прошение; в записи 15/III Одоевский упоминает также о ходатайстве Жемчужникова.

В 1865 г. Огрызко был сослан на каторгу за поддержку польского восстания 1863 г. См. также записи 13—15/III и 22/XI.

Март

14

Журнал «Сельское Благоустройство» выходил под редакцией А. И. Кошелева в 1858—1859 гг. как приложение к славянофильскому ежемесячнику «Русской Беседе». «Сельское Благоустройство» высказывалось за отмену крепостного права; Добролюбов назвал даже «Сельское Благоустройство» гуманнейшим и дельнейшим журналом по крестьянскому вопросу («Совр.», 1859, № 4, стр. 234). Журнал закрылся не вследствие недостатка подписчиков, а из-за цензурных затруднений (см. письма Кошелева в книге О. Трубецкой «Материалы для биографии князя В. А. Черкасского», т. I, кн. 2, М., 1904, стр. 10).

«Журнал Землевладельцев» издавался в 1858—1859 гг. А. Д. Желтухиным. Это был орган крепостнического дворянства; он высказывался за освобождение крестьян без земли.

17

Московский генерал-губернатор гр. Закревский, один из характернейших николаевских администраторов, крайний реакционер и самодур, явно не соответствовал «либеральному» курсу первых лет александровского царствования. Причиной увольнения Закревского, ярого сторонника крепостного права, было, повидимому, противодействие с его стороны обсуждению вопроса об освобождении крестьян. Поводом же к отставке послужило разрешение Закревского его дочери Лидии Арсеньевне Нессельроде выйти при живом муже замуж за кн. Друцкого-Соколинского. См. об этом эпизоде у А. В. Никитенко («Моя повесть о самом себе», изд. 2-е. СПБ. 1904, т. I, стр. 563—565). Необходимо отметить, что при издании дневника Никитенки была выпущена характеристика Л. А. Нессельроде: «...не хуже Мессалины известная своими похождениями» (рукопись дневника Никитенко — ИРЛИ). См. также запись 26/IV.

18

Прозвище кн. М. Д. Горчакова — намек на его безуспешные попытки успокоить Польшу путем небольших уступок.

Книга И. Беллюстина «Описание сельского духовенства», рисовавшая это духовенство в очень мрачных красках, была издана анонимно за границей (в «Русском Заграничном Сборнике») М. П. Погодиным. В. «Духовной Беседе» статьи против этой книги не было, не было такой статьи и в «Домашней Беседе». Очевидно речь идет об анонимной брошюре, принадлежавшей А. Н. Муравьеву «Мысли светского человека о книге «Описание сельского духовенства». СПБ. 1859; об этой брошюре Одоевский в другом месте иронически отозвался, говоря, что она похожа на «Остров любви, про который Третьяковский говорил: книжка не велика да мудра» (Бумаги Одоевского, пер. 21, л. 6). Критикам книги Беллюстина посвящены две статьи Н. Добролюбова («Совр.» 1859, № 6, совр. обозр., стр. 340—344 и 1860, № 3, совр. обозр., стр. 1—18).

Повидимому, данная запись Одоевского основана на непроверенных слухах. Это подтверждается и тем, что ни в одной из духовных академий не было упоминаемого им преподавателя Медведева. См. также запись 29/V.

Н. Гиляров-Платонов был профессором Московской духовной академии и ушел в отставку под давлением митрополита Филарета, недовольного общим духом преподавания и бытовыми иллюстрациями, которыми сопровождал свои лекции Гиляров-Платонов. По свидетельству С. Модестова, ничем впрочем не подтверждаемому, причиной отставки была записка Гилярова-Платонова о расколе (Сб. «У Троицы в Академии» М. 1914, стр. 125). В 1862 г. Гиляров-Платонов был уволен и из цензурного комитета.

Об отношении Одоевского к московскому митрополиту Филарету см. ниже записи и прим. 19—23/XI 1867 г.

26

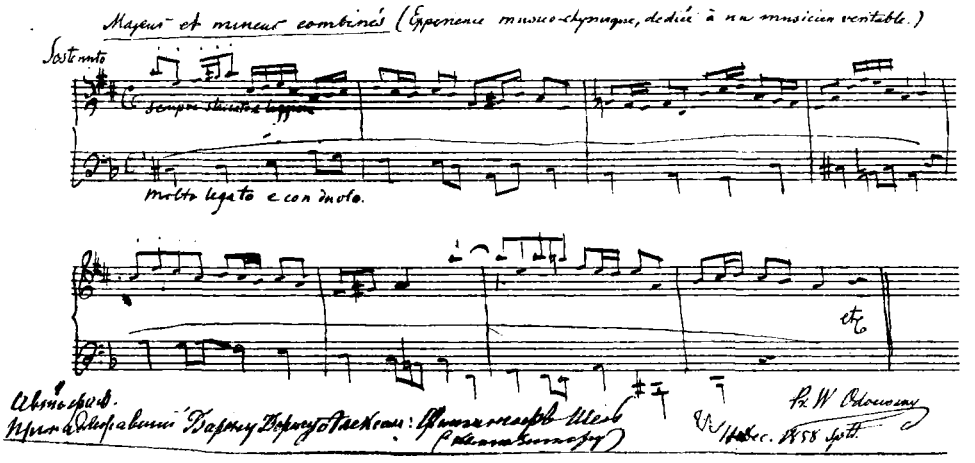
Общества или, точнее, братства трезвости стали возникать в России стихийно в 1858—1859 гг. среди крестьян западных и приволжских губерний, как ответ на злоупотребления откупщиков. Припрятывая дешевые сорта водки, так называемое полугарное вино, продававшееся по твердым ценам, откупщики взвинтили цены на вино улучшенного качества. Общества трезвости явились, по существу, бойкотом откупщиков; отчеты III Отделения характеризуют их следующим образом: «крестьяне на мирских сходках добровольно отрекались от вина с назначением денежных штрафов и телесных наказаний тем, которые изменят этому соглашению, и торжественно, с молебствиями, приступали к исполнению условий». Сломить крестьянский бойкот ни откупщикам, ни правительству долгое время не удавалось. Министерство внутренних дел противодействовало движению,

во-первых, запрещая облагать штрафами за употребление спиртных напитков и организовывать братства на основе письменных соглашений и, во-вторых, убеждая откупщиков выпустить полугарное вино в продажу. Однако и после правительственного вмешательства дешевое вино в продажу появлялось далеко не всюду. Тогда крестьяне, основываясь на циркуляре министра внутренних дел и требуя полугара, в разных местах стали громить кабаки. Волнения были подавлены только при помощи военной силы. См. «Крест. движ.». Вып. I, стр. 134—136; ср. также ряд статей и корреспонденций в «Колоколе» 1859—1860 гг. См. также запись 26/IV.

Апрель

4

Никаких серьезных студенческих волнений в апреле 1859 г. не было. Речь идет о незначительной стычке между студентами и полицией (ср. Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М.-Л. 1934, стр. 250).



МУЗЫКАЛЬНАЯ ШУТКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Автограф В. Ф. Одоевского из альбома Б. А. Фитингоф-Шель
Публичная Библиотека, Ленинград

В Городовом положении 1775 г. размещение гласных в зале Думы было строго регламентировано: «В Городской Думе сидит Городской Глава на стуле по средине; против Городского Главы сидят на лавке на право голос цеховых, на лево голос посадских; возле Городского Главы в правом завороте на лавке голос настоящих городовых обывателей и голос иногородных и иностранных гостей; возле Городского Главы в левом завороте на лавке же голос именитых граждан и голос гильдейский» (Городовое положение, изд. 1785 г., § 166).

5

Одоевский был помощником директора Публичной Библиотеки с 1846 по 1861 г. и одновременно директором Румянцевского Музеума до перевода его в Москву в 1861 г.

26

О борьбе с обществами трезвости см. запись 26/III и прим.

О Лидии Нессельроде см. прим. к записи 17/III.

28

Виндишгрец в 1859 г. в Россию действительно не приезжал; см. также запись 4/V. О русско-австрийских отношениях в это время см. также запись 21/V.

Май

«Верблюд лег поперек дороги» — намек на управление Чевкиным путями сообщения. Через 2 года «государственным верблюдом» назвал Чевкина в «Колоколе» Герцен (т. XI, стр. 368).

Разногласия Одоевского с славянофилами не повредили его дружеским отношениям с А. И. Кошелевым, близким ему еще по кружку любомудров.

В своих «Записках» Кошелев посвятил Одоевскому следующие строки: «Он всем интересовался и мог вполне верно сказать: ничего человеческого не считаю для себя чуждым. Кн. Одоевского любили все, кто только его знал; ибо трудно было встретить человека добрее, ко всему доброму более сочувственного и вместе с тем весьма умного и даровитого. Если он мало произвел самобытного, то причиною тому увлечение его всякою встречавшейся ему умною мыслью, всяким проявившимся высоким чувством или благим намерением. Все его литературные произведения проникнуты сердечною добротою и отменною благонамеренностью и замечательны по их изящной форме. В нем я лишился последнего из трех моих сердечных и с юности друзей». (А. И. Кошелев. Записки. Берлин, 1884, стр. 195).

Подлинную причину того, почему Кошелев не был привлечен в Редакционные комиссии (несмотря на старания игравшего в комиссиях видную роль кн. Черкасского), установить трудно. Сам Кошелев был «уверен, что не Ростовцев тому виною, ибо он оставался ко мне весьма благорасположенным, и очевидно было его желание, чтобы я участвовал».

По словам Кошелева, его «забраковали главнейше потому, что я был журналистом-издателем-редактором «Русской Беседы» и «Сельского Благоустройства». Пуще всех, говорят, настаивал на моем исключении гр. В. Н. Панин, который говорил, что уже главу славянофилов не прилично и не возможно приглашать в правительственную комиссию» («Записки», стр. 105). Об уступке общему озлоблению и отсутствии поддержки Ростовцева в этом вопросе «со стороны придворных эманципаторов» писал Хомяков. По свидетельству же Н. Семенова, действительно, Ростовцев, бывший «ярым противником откупной системы, не желал и опасался допустить откупщика [Кошелева] к участию в трудах по крестьянскому вопросу» (Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XVII, стр. 81).

Редакционные комиссии были организованы в 1859 г. для составления проекта положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. В комиссиях принимали участие эксперты, главным образом представители меньшинства губернских комитетов (см. ниже прим. к записи 22/II 1860 г.), защищавшие интересы передовых групп дворянства, заинтересованных в отмене крепостного права. Апологетическое освещение деятельности Редакционных комиссий дал Д. Хрущев в изданных им анонимно в Берлине «Материалах для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России 1855—1861». 1—3. 1860—1862. Протоколы заседаний Редакционных комиссий см. Н. Семенов. Освобождение крестьян в царствование имп. Александра II. СПБ. 1889—1893.

10

Общники Академии Художеств или, точнее, почетные вольные общники — звание, дававшееся Академией Художеств по своему выбору видным общественным деятелям.

21

Деятельность кн. А. М. Горчакова была направлена на сближение с Пруссией, а порою и с Францией в противовес Австрии, которая во время Восточной войны не только не оказала поддержки своей союзнице — России, но грозила вмешательством в войну, если Россия не уведет своих войск из дунайских княжеств. С 1862 г., когда в Пруссии стал канцлером Бисмарк, русская внешняя политика в значительной степени определялась им.

Вел. кн. Мария Николаевна была назначена президентом Академии Художеств после смерти своего мужа, герцога Максимилиана Лейхтенбергского, бывшего президентом Академии с 1842—1852 г. О Марии Николаевне, как «хозяйке» Академии Художеств, иронически писал Герцен (см. т. X, стр. 196). Кн. Гагарин был назначен вице-президентом Академии. «Колокол» так отозвался на это назначение: «Грозный вождь, на художников он тотчас же опрокинулся как на врагов. К довершению всего православная академия художеств займется исключительно византийской школой живописи и постарается довести до божественной лепоты суздальскую школу» (1860, л. 60).

28

Бар. М. А. Корф действительно уклонился от участия в разрешении крестьянского вопроса и очень недолго был членом Главного комитета, высшего органа по крестьянскому делу, рассматривавшего проект реформы перед внесением в Государственный совет. Большинство комитета состояло из противников освобождения или из защитников планов, наиболее отвечавших интересам крупного землевладения.

Упоминаемая в тексте книга Корфа — «Восшествие на престол императора Николая I». О ней справедливо отозвался декабрист С. Волконский: «История его — панегирик живым, в силе при дворе состоящим... хула несправедливая о тех, которые были в немилости» («Записки». 1902, стр. 170). Н. П. Огаревым был написан «Разбор книги бар. Корфа о 14/XII 1825 г.».

Намекая на басню И. А. Крылова «Белка», Одоевский имел в виду долгое и с трудом дававшееся Корфу продвижение по бюрократической лестнице.

О Бутурлине и «Бутурлинском комитете» см. подр. М. Лемке «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия». СПБ. 1904, стр. 185—308.

29

Слух о запрещении Т. Шевченко писать и читать был не точен. Как известно, Николай собственноручной надписью на приговоре запретил Шевченко «писать и рисовать».

О деле И. Беллюстина см. прим. к записи 18/III.

Кн. А. С. Меньшиков, впоследствии главнокомандующий в Крыму, с 1828 г. был начальником главного морского штаба. Адмирал М. П. Лазарев командовал Черноморским флотом в 1834—1845 гг. Часть переписки М. П. Лазарева и А. С. Меньшикова опубликована в «Рус. Арх.», 1881, II, стр. 361—379.

Составление свода морских постановлений началось в 30-х годах и велось сначала Комитетом образования флота, а с 1848 г.—канцелярией по своду морских постановлений. К моменту ликвидации этой канцелярии (в 1853 г.) ею действительно было сделано очень немного. К. А. Фишер управлял этой канцелярией; А. А. Жандр был директором канцелярии главного морского штаба.

Дело портного Егора Филипповича Малкова, гласного Распорядительной Думы, обвинявшегося в противозаконных действиях при раздаче извозчичьих билетов, возбудило массу толков в обществе. Этому делу посвящен почти целиком первый номер приложения к «Колоколу» «Под суд» (1/X 1859 г.), где напечатан ряд документов и примечание издателей, под названием «Дело о преступном сообщничестве полицейского майора Попова, генерал-губернатора Игнатьева и министра Панина против свободы и чести купца Малкова». Для Одоевского, как видно из ряда записей, дело Малкова представлялось типичным, характеризующим административный произвол. Неоднократно упоминаемый Одоевским Д. Хрущев, сообщивший, повидимому, материал и в «Колокол», подал Александру II всеподданнейшее письмо по этому делу, которое не имело и не могло иметь успеха, так как отношение Александра II к делу Малкова определилось еще ранее; на одном из докладов по этому делу он наложил резолюцию: «Оставить жалобу Малкова без уважения, объявив ему, что, если он осмелится ее возобновить, то будет выслан из столицы». Таким образом Игнатьев действовал в этом деле в полном согласии с указаниями царя. Письмо Хрущева, вместо рассмотрения по существу, подверглось осуждению Комитета министров за то, что Хрущев решился утруждать царя «ходатайством своим по такому делу, которое до него вовсе не относилось». Комитет постановил, «внушить ему, чрез министра внутренних дел, всю неосмотрительность и неуместность его письма». На журнале Комитета Александр II написал: «дельно» («Особый журнал Комитета министров 25 ноября 1859 года» — Лен. отд. Центрархива).

Сентябрь

Одоевский в 1838—1861 гг. был членом Ученого комитета министерства государственных имуществ.

[22] *ноября*

О деле Огрызко см. прим. к февральским записям.

29

Сведения С. Р. Жданова, тогда директора департамента полиции исполнительной министерства внутренних дел, опровергаются данными из отчетов III Отделения. Жестокое обращение помещиков с крестьянами в годы, предшествовавшие реформе, в действительности усиливалось, а не ослаблялось. Так, за 1859 год читаем: «Вообще в дурном обращении с крестьянами замечено помещиков 56, управителей и сельских старшин 23; случаев смертного наказания владельцами и управляющими открыто 55, в том числе женщин 7 и вследствие таких наказаний рождено мертвых младенцев 17. В сравнении с предшествовавшими двумя годами случаи притеснений крестьян увеличились, но также и жалобы крестьян на их положение усилились: в 1859 г. жалобы были принесены на жестокость помещиков из 49 имений и, по произведенным следствиям, опровергнуты только в 14 случаях» («Крест. движ.». Вып. I, стр. 129). Ср. ряд корреспонденций в «Колоколе» 1859—1860 гг., а также в письме «Русского человека» (Чернышевского?). «...Кре-

стьяне, которых помещики тиранят теперь с каким-то особенным ожесточением» («Колокол», 1860, л. 64).

В записи о гр. Н. П. Игнатьеве речь идет о его пребывании в Китае, где он заключил (в 1860 г.) выгодный для России пекинский договор. Китайцы действительно вначале всевозможными способами препятствовали деятельности Игнатьева; однако до ареста дело не доходило. См., напр., А. Буксгевден. «Русский Китай. Очерк дипломатических сношений России с Китаем». Порт-Артур, 1902; И. Барсуков. «Гр. Н. Н. Муравьев-Амурский», М., 1891, т. I.

Русское музыкальное общество и музыкальные классы при нем были основаны в 1859 г. Общество выросло из музыкального кружка при дворе вел. кн. Елены Павловны; предшественником его было симфоническое общество (1840—1851). Одоевский был активным членом Русского музыкального общества до самой смерти.

Декабрь

6.

Ген. П. Я. Левицкий был президом военного полевого суда в Варшаве. Однако он умер в 1871 г., что не согласуется с записью Одоевского.

11

В бумагах Одоевского (пер. 15) сохранились отрывочные записи, датированные концом ноября, о переговорах с бар. Корфом и переписке с Александром II по цензурным делам. Повидимому, бар. Корф предлагал Одоевскому войти в совет предполагавшегося самостоятельного Главного управления цензуры, куда он, по свидетельству Никитенко (т. I, стр. 578), как раз в это время набирал членов. О «несостоявшемся министерстве цензуры» см. М. Лемке, «Эпоха цензурных реформ 1859—1865 гг.». СПБ, 1903, стр. 14—27.

17

Поводом для разговора с И. М. Толстым послужили административные меры, вызванные появлением статьи Владимира Безобразова. См. ниже, прим. к записи 20/XII.

«Диспут в воскресенье»—диспут между противниками и защитниками Русского общества пароходства и торговли, своего рода публичный арбитраж, вызванный появлением ряда статей об обществе (см. «Б-ка для Чтения», 1858, № 7, 1859, № 11, «Одесский вестник», 1859, № 103, «Указатель экономический», 1859, вып. 50 и 51). Супер-арбитром был избран Е. И. Ламанский. Диспут «...не дошел до конца вследствие шумливого вмешательства публики, состоявшей главным образом из акционеров, и Е. И. нашел нужным закрыть его, произнеся при этом: «мы еще не созрели до публичных прений». Эти слова наделали в свое время много шума и вызвали бесчисленные протестации» (Л. Ф. Пантелеев. Из воспоминаний прошлого. М.-Л. 1934, стр. 167). Противоположное мнение о публике высказал Погодин на своем диспуте с Костомаровым в марте следующего года — об этом диспуте см. запись 19/III 1860 г.

20

«История с бар. Корфом»—речь идет о том же несостоявшемся министерстве цензуры (см. выше прим. к записи 11/XII).

Смысл записи о Безобразовых в следующем: в октябре 1859 г. М. А. Безобразов подал Александр II записку, выражавшую олигархические стремления части крепостников, и содержавшую, кроме того, донос на либеральных членов редакционных комиссий. Записка эта крайне возмутила Александра. Апологет Редакционных комиссий Хрущев утверждал, что при нормальном судебном разборе Безобразова за эту записку должен был быть присужден к смертной казни («Материалы», т. II, стр. 254); Безобразов отделался высылкой из Петербурга и отдачей под надзор полиции. В конце того же 1859 г. экономист В. П. Безобразов поместил в «Рус. Вести.» четыре статьи под заглавием «Аристократия и интересы дворянства. Мысли и замечания по поводу крестьянского вопроса». Последняя статья (ноябрь, кн. I), темой которой было самоуправление, вызвала неудовольствие Александра II, распорядившегося «статей, касающихся прав дворянства на совещания по общественным и государственным делам в дворянских собраниях,—впредь не допускать к печати» (Сборник постановлений и распоряжений по цензуре 1720—1861. СПБ, 1862, стр. 449—450). Одновременно цензора Д. А. Наумова постигло указанное Одоевским наказание.

Нет оснований думать, что меры, последовавшие за появлением статьи В. Безобразова, действительно объясняются переданной Одоевским версией.

Об инциденте с Малковым см. запись 29/V.

«Министр иностранных дел о необходимости сколь возможно притягивать капиталов» — см. запись 21/V.

Об отставке А. Унковского см. запись 28/II 1860 г.

1860 год

Январь

10

В стихотворении «Филантроп» Некрасов несомненно издевался над Одоевским и, повидимому, над «Обществом для посещения бедных в Петербурге», что особенно ясно из первой редакции стихотворения. Письмо Одоевского к Некрасову сохранилось и опубликовано в «Архиве села Карабихи» (М., 1916, стр. 132—135). В ответном письме Некрасов утверждал, что не Одоевский послужил прототипом «Филантропа», указывал на Даля и писал: «По моему я и Даля тоже в нем не чисто изобразил, я вывел черту современного общества и совесть моя была и остается спокойной». (Собр. соч., 1930. т. V, стр 347—349). Тем не менее, действительно, вместо «Филантропа» на вечере Литературного фонда, о котором говорит Одоевский, Некрасов прочитал другие стихи — это подтверждает и Штакеншнейдер (стр. 247).

Одоевский был одним из организаторов «Общества для посещения бедных» и его бессменным председателем с 1846 г. до закрытия общества в 1855 г. В филантропической деятельности Одоевского это были самые значительные годы. «Этому делу в течение девяти лет я принес в жертву все, что мог я принести: труд и любовь. Эти девять лет поглотили мою литературную деятельность», писал Одоевский («Рус. Арх.», 1874, I, стр. 311—320). См. В. Боцяновский. Кн. В. Ф. Одоевский и Общество посещения бедных в Петербурге («Трудовая Помощь», 1899, № 4—5, стр. 317—351) и воспоминания В. Инсарского («Рус. Арх.», 1869, стр. 1005—1046) и Путяты («Рус. Арх.», 1874, II, стр. 964—979).

Запись эта опубликована С. А. Рейсером в примечаниях к указ. выше книге Л. Пантелеева (стр. 690).

Февраль

13

Назначение ярого крепостника гр. Панина председателем Редакционных комиссий было воспринято сторонниками реформы очень болезненно. Некоторые члены комиссий собирались даже подавать в отставку; известие о назначении Панина было помещено в «Колоколе» в траурной рамке. Однако, основное направление работ не изменилось, так как Панин вынужден был проводить реформу, хотя подчас и старался задержать деятельность комиссий. «Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками,—писал Ленин,—была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступок» («Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» — Соч. изд. 3-е, т. XV, стр. 143). Основное разногласие сводилось к вопросу, что выгоднее для помещиков: оставить за собою всю землю, а крестьян от земли «освободить», или же заставить крестьян эту землю выкупить на основаниях, выгодных для помещиков.

22

Речь Панина на приеме депутатов губернских дворянских комитетов так называемого второго приглашения напечатана у Н. Семенова, т. II, стр. 698—699 и в «Колоколе» 1860, л. 68—69.

В губернских дворянских комитетах, образованных в силу рескриптов 1857—1858 гг., разыгралась борьба между различными группировками дворянства. Депутаты комитетов так называемого первого приглашения были настроены либерально; депутаты же второго приглашения представляли оппозицию Редакционным комиссиям справа.

28

История отставки и ссылки А. М. Унковского изложена Одоевским не вполне точно. После разъезда дворянских депутатов первого приглашения министр внутренних дел, на основании распоряжения Александра II, особым циркуляром воспретил обсуждение в дворянских собраниях вопросов, связанных с крестьянской реформой. Тверское дворянство по предложению Европеуса постановило просить Александра II об отмене циркуляра. Унковский был смещен с должности тверского губернского предводителя за то, что допустил обсуждение просьбы в собрании и первым подписался. Ссылка же Унковского в Вятку, а Европеуса (а не «двух Алопеусов», как у Одоевского) в Пермь, была вызвана их активной общественной деятельностью в Твери (поводом послужил донос о намерении Унковского и Европеуса освободить своих крестьян, не дожидаясь правительственных распоря-

жений). Ссылка, продолжавшаяся, впрочем, весьма недолго, вызвала всеобщее осуждение. При разборе этого дела в Главном комитете суровее всех был настроен против Унковского Ланской, как автор указанного выше циркуляра. Повидимому, его точку зрения и отразил в своей записи Одоевский.

Замечание Одоевского о роли в этом деле «австрийской партии» не выдерживает, конечно, никакой критики.

Унковский был виднейшим представителем так называемой либеральной оппозиции, отражавшей интересы дворянства промышленных нечерноземных губерний. Дворянство это стояло за обязательную покупку крестьянами по дорогой цене части помещичьей земли, имевшей в этих губерниях весьма небольшую ценность. Любопытно, что именно либеральному тверскому дворянству принадлежала идея прогрессивной оценки наделов, значительно увеличившей размеры выкупа.

Ревизия постройки гимназии, упоминаемая Одоевским, была произведена противной Унковскому партией. По словам самого Унковского, ревизия была «плодом крайнего невежества. Так, например, наши противники не понимали десятичных дробей... Они принимали 2,07 за 207 и спрашивали, куда употребили 207 целых мер, когда требуется не более трех». (Г. Джаншиев. А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894, стр. 141).

Слухи об упоминаемой Одоевским студенческой переписке имеют в основе возможно, деятельность обнаруженного в 1860 г. тайного студенческого общества, существовавшего в Харькове в 1856—1858 гг. и открытие студентами Киевского университета воскресных школ (см. М. Лемке, Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПБ. 1908, стр. 280—283. Б. Козьмин. Харьковские заговорщики 1856—1858 гг. Харьков, 1930 г. и «Дело особенной канцелярии министерства народного просвещения», 1863, № 45. Лен. отд. Центрархива.

Март

10

Обед, о котором пишет Одоевский, состоялся в Москве 5/II в Благородном собрании. Организован он был в честь проезжавшего через Москву кавказского наместника кн. Барятинского. Погодин приготовил речь, но к обеду не был приглашен. Письмо Погодина к его дочери Александре Михайловне напечатано Барсуковым (XVII, стр. 149—156).

19

Речь идет об известном диспуте М. П. Погодина с Н. И. Костомаровым о происхождении Руси от норманнов (теория Погодина), или жмуди (теория Костомарова). Диспут происходил в университете, вызвал в обществе оживленные толки, при чем победителем считали Костомарова. Подробную сводку отзывов о диспуте см. Барсуков (XVII, стр. 272—323). Шутливый намек на личную заинтересованность Одоевского в результатах диспута объясняется тем, что князья Одоевские считались прямыми рюриковичами. Незаконченная статья Одоевского об этом диспуте сохранилась в Бумагах Одоевского, пер. I, л. 119—122.

Неясно, какую именно свою работу по старинному песнопению имеет в виду Одоевский в данной записи, во всяком случае не «К вопросу о древне-русском песнопении», М. 1864 (оттиск из «Дня» 1864, № 17), так как из содержания этой брошюры видно, что она писалась в том же 1864 г.

Говоря о приказе военного министра, Одоевский имел в виду утвержденное Александром II решение Комитета министров, в котором читаем: «1) Тех из находящихся в губерниях в бессрочном и временном отпусках нижних чинов, которые окажутся виновными в праздношатательстве, дурном поведении, вредном влиянии на общества, среди которых они находятся, и в особенности неповиновении местным властям, тотчас передавать местным начальникам инвалидных команд, которые обязаны означенных порочных нижних чинов отправлять в губернские города к командирам гарнизонных батальонов для обращения на действительную службу с лишением нашивок и права на отставку по общему положению; 2) дозволить обращать вышеупомянутых провинившихся... на службу... без производства предварительного исследования, ежели местное начальство признает это нужным; 3) предоставить обращение на службу... а) в городах — полициймейстерам и городничим, б) в уездах по имениям помещичьим—земским исправникам, в) по ведомству государственных имуществ—окружным начальникам и г) по удельному ведомству—удельным конторам, вследствие представлений сельских приказов» («Сев. Пчела», 1860, № 64). Закон был направлен против бессрочно и временно отпускных солдат, которые, используя авторитет «служивого» в деревне, подстрекали крестьян противодействовать помещикам, сообщали крестьянам ложные сведения о реформе и т. д. Целый ряд таких случаев см. «Крест. движ.» Вып. I, годы

1859—1861. Характерно, что не суровость самого закона, а отсутствие следствия при его применении подчеркивает Одоевский в своей записи.

20

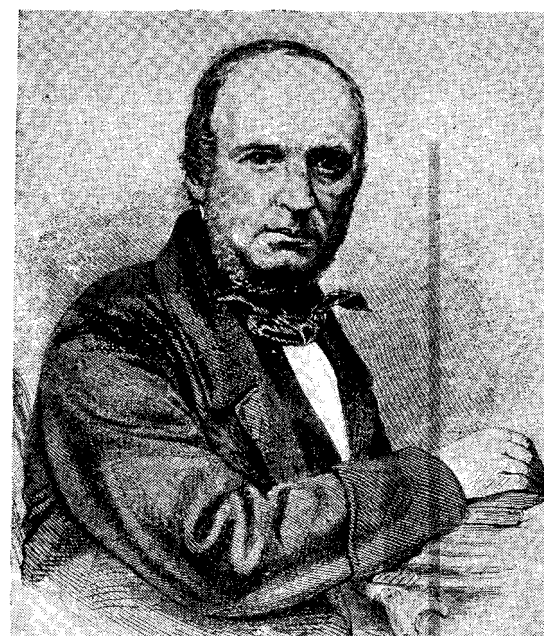
Об усилении цензурных стеснений в 1860 г., связанном с деятельностью реорганизованного в этом году Главного управления цензуры, см. подр. М. Лемке. Эпоха цензурных реформ, стр. 28—35.

Отзыв Одоевского об «Искре» не случаен. Характер искровской сатиры в 1859—1860 гг. еще далеко не определился; умеренно-либеральные круги могли в эти первые два года существования «Искры» видеть в ней своего союзника. Одоевский даже напечатал в «Искре» две статьи: «Голос невинности, оскорбленной неблаговидною и лжеименною гласностию» (1859, № 23, подп. «Иван Оглашаемый») и «Из Тешкина переулка в Лойолову улицу» (Письмо к Силе Дорофеевичу Адамантову) (1860, № 33, подп. «Емелька Аввакумов»); см. также прим. к записи 8/VII 1861 г.); подлинники см. в Бумагах Одоевского, пер. 2 и 19. Факт сотрудничества Одоевского в «Искре» был до сих пор неизвестен.

«Истязания в Старой Руссе» — Одоевский имеет в виду, очевидно, жестокое подавление восстания военных поселян в Старой Руссе в 1831 г., когда из 3 тысяч приговоренных к телесным наказаниям и арестантским ротам было забито насмерть 129 человек.

Х. Х. Ховен был при Николае I губернатором воронежским, новгородским и гродненским. Описываемый Одоевским случай, повидимому, действительно имел место (ср., напр., Н. Любимов, Катков и его заслуга. СПБ, 1889, стр. 183). Любопытно, что Ховен впоследствии был сенатором в одном департаменте с Одоевским и во время суда над П. Заичневским оказался лучшим юристом, чем прочие сенаторы, заявив, что «закон не допускает обосновывать обвинение исключительно на показаниях подсудимого... Подсудимый мог давать такого рода показания из фанатизма. «Александр II сделал пометку на докладе об особом мнении Ховена: «за что и сделать ему выговор» («Политические процессы» (Центрархив), П. 1923, стр. 244—250), См. также записи 6 и 18/V 1862 г. и 30/IX 1866 г.

Случайные записи Одоевского о николаевских администраторах можно дополнить из его записной книги «Памятки алфавитные»:



В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Гравюра Л. Серякова,
«Всемирная иллюстрация» 1869, № 12

«В Херсоне в 50-х годах был губернатором знаменитый Оленин-Яненко, который без дальних околичностей не принимал никакой просьбы без приложения рубля — так и обосновывалось чиновниками; этот доход был сверх других более значительных взяток. Сенатор Брадке, посланный ревизовать действия этого молодца, умер чрез два часа по приезде в Херсон — полагают, что он был отравлен сонником».

«Император Николай говаривал: у нас все что до столоначальника только переписывают, все что выше столоначальника только подписывают» (Бумаги Одоевского. пер. 22, л. 109 и 214).

31

«Nessun maggior...» — Одоевский перефразирует строки из Данте («Ад», песнь V) «Nessun maggior dolore, che ricordarsi del tempo felice nella miseria».

Апрель

30

П. Лакруа написал по заказу русского правительства «Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, empereur de Russie». V. 1—8. P. 1864—1875.

В Петербурге П. Лакруа получил некоторые материалы и соответствующие наставления о необходимом направлении книги, в частности, от Одоевского (об этом — в конфиденциальной записке Одоевского Адлербергу — см. ниже прим. к записи 26/V). Одоевский же обучал Лакруа русскому языку. См. также след. запись.

Май

5

А. Ф. Львов был директором придворной капеллы. Об отношениях Одоевского к придворной капелле см. записи 9/I и 20—22/VII 1866 г. и прим.

8

В. А. Соллогуб действительно в списках членов Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (впоследствии Литературный фонд) отсутствует. Значение его в эти годы, как писателя, было ничтожно. См. также запись 4/IV 1861 г. и прим.

10

Речь идет о конституции княжества Монако 1848 г., которая, после подавления революции, так и не была проведена в жизнь.

В 1860—1861 гг. Франции были уступлены лишь принадлежавшие Монако Ментона и Роккебрун, занятые, впрочем, Пьемонтом еще в 1815 г.

20

Гр. Н. Н. Муравьеву-Амурскому принадлежали неудачные попытки правительственной колонизации по Амуру.

В 1859 г. А. Гильфердинг вернулся из годового путешествия по Боснии, Герцеговине и Сербии. Очевидно, записка Гильфердинга, о которой говорит Одоевский, была связана с неосуществившимся переселением славян на Амур.

21

На обеде, данном депутатами дворянских комитетов членам Редакционных комиссий, был предложен тост за здоровье всех трудившихся по крестьянскому вопросу, в том числе за Унковского и Кавелина. Тогда член Редакционных комиссий П. Булгаков прибавил: «Уж если пить — то лучше бы начать сначала, с первого, который трудился за крестьян — Пугачева». (См. подр. «Материалы», т. II, стр. 453.

26

В 1856 г. особой комиссией под руководством бар. Корфа было начато собирание материалов о царствовании Николая I. В частности, в распоряжении комиссии имелись «Записки» самого бар. Корфа, которые, вместе с копиями различных документов, были представлены Александру II, сделавшему на них ряд пометок. Одоевскому поручено было сделать выписки из этих материалов для Лакруа (см. записи 30/IV и 2/V). Об этой-то работе и идет речь в данной записи, что подтверждается и конфиденциальным письмом Одоевского к министру двора Адлербергу (копия в бумагах Корфа в Публ. Б-ке, № 10). В 1883 г. эти материалы были переданы Русскому историческому обществу. Записки Корфа напечатаны в «Рус. Стар.» 1899, т. 98—100; 1900. т. 101—103.

Одоевский жил в это время в доме Румянцевского Музея, на Английской набережной, близ Николаевского моста.

29

Одоевский имеет в виду «Опыт русской грамматики» К. С. Аксакова (М., 1860, ч. I).

Июнь

2

Главное общество российских железных дорог было основано в 1857 г., главным образом на французские капиталы, для постройки сети железных дорог с протяжением в 4 000 верст. Общество с этой задачей не справилось, в 1861 г. было коренным образом реорганизовано и обязалось достроить лишь Варшавскую и Нижегородскую дороги. Засилье иностранцев в управлении Обществом вызывало возмущение. Одоевский был акционером общества. В июне 1859 г. он подал обширную записку, где заявил, что «таким путем ни в какой компании дело идти не может» и изложил свои предложения, основанные «на довольно долгой практике в компанейском деле» (Бумаги Одоевского, пер. 2, л. 21—32, черновик записки «О внутреннем порядке заседаний Главного общества железных дорог»). Ход общего собрания акционеров 2/VI 1860 г. изложен в «СПБ Вед.» 1860, № 129 (был отдельный оттиск под названием «Главное общество железных дорог»). О деятельности общества см. у А. Головачева. История железнодорожного дела в России. СПБ, 1861, стр. 19—45.

5—12

Отступление за Дунай после снятия осады с Силистрии было одним из самых позорных эпизодов Восточной войны. Менее подробно и смягчая детали описывает переправу болгар М. Богданович («Восточная война», т. II, СПБ, 1878, стр. 103—104) и П. Меньков («Записки», СПБ, 1898, т. I, «Дунай и немцы»; напеч. впервые под заглавием «Немцы на Дунае» в «Русском Заграничном Сборнике», 1858).

«Для ревнителей юго-восточно-европейского союза всех славян со столицей в Константинополе нельзя было придумать более злой иронии», характеризует эту переправу М. Н. Покровский, Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М., 1923, стр. 146).

Указание гр. Анрепа-Эльмпта, будто бы все собравшиеся на берегу Дуная болгары были тут же им переправлены, повидимому, не соответствует действительности.

Ген. Коцебу при осаде Силистрии был начальником штаба кн. М. Д. Горчакова. Гр. Лидерс в начале Восточной войны командовал отрядом на нижнем Дунае. Гр. Анреп-Эльмпт командовал арьергардом при отступлении за Дунай. В своих записках П. Меньков (сост. официальные отчеты о действиях русской армии) дал ряд иронических характеристик Анрепу-Эльмпту.

8

Очевидно, «Энциклопедический словарь, сост. русскими учеными и литераторами» 1861—1863. Вышло 5 томов. Статьи Одоевского и Серова были в I—III томах.

13

Николаевская дорога впоследствии была все же передана в аренду Главному обществу железных дорог.

Август

7

«Сирийские происшествия» — кровавая резня маронитов (ливанских христиан, католиков), организованная турецким правительством в ряду христианских погромов 1860 г. и вызвавшая военное вмешательство Франции. Россия, издавна считавшая себя призванной защищать интересы христиан на Востоке, сделала попытку вмешаться, но была остановлена Англией, напомнившей ей о Парижском трактате — следствии Восточной войны. Повидимому, именно это обстоятельство имеет Одоевский в виду в данной записи.

Сентябрь

5

«Итальянские происшествия» — война за объединение Италии. Запись Одоевского не точна. В начале сентября 1860 г. наступление на папские войска, которыми командовал ген. Ламорисьер, вел не Гарибальди, а пьемонтский генерал Чиальдини. Впрочем, наступление пьемонтских войск было вызвано победами Гарибальди, занявшим в это время Неаполитанское королевство.

16

Действительно, в конце 50-х годов город должен был обратиться к накопившемуся запасному капиталу, значительная часть которого была в эти годы и в на-

чале 60-х затрачена. На это повлияли, по выражению думского отчета за 1864 г., «внутренние перемены и политические обстоятельства» («Столетие СПБ городского общества». СПБ, 1885, стр. 252).

Октябрь

7

«Кант... в честь Глинки». Очевидно, имеется в виду «Канон в честь Глинки» («Пой в восторге, русский хор»), написанный гр. Вьельгорским, Вяземским, Жуковским и Пушкиным в декабре 1836 г. Музыка канона была сочинена Одоевским.

16

Варшавское свидание трех императоров: Александра II, Вильгельма (тогда прусского принца-регента) и австрийского императора Франца-Иосифа состоялось в середине октября 1860 г. и было направлено против Франции, покровительствовавшей через Пьемонт национально-освободительному движению Гарибальди. «Варшавский съезд действительно один из самых замечательных, — иронически писал о нем Герцен в «Колоколе», — он сделает эпоху в международном праве. Люди явились без ясной мысли, без плана, заявили перед всем светом свое поползновение преступного вмешательства в чужие дела и разъехались, ничего не сделавши, но каждый головою ниже» (Герцен, т. X, стр. 425).

22

Постройка Московско-Сергиевской железной дороги вызвала большую полемику в «Моск. Вед.» и «Русской Газете» в 1859—1860 гг. В связи с этой полемикой вышли брошюры «Московско-Сергиевская железная дорога. От учредителей». М. 1859 и А. Смирнов. М.-С. жел. дор. М. 1859.

23

Запись о встрече вел. кн. Михаила Павловича с Дантесом была опубликована в книге П. Е. Щеголева, «Дуэль и смерть Пушкина». Л., 1928, стр. 450.

24

Статья де Галлета была ответом на передовую «Сев. Пчелы» 6/X, направленную против Дж. Росселя. Статья, пропитанная идеями английского конституционализма, должна была привлечь внимание Одоевского, напр. следующими строками: «Для чего народы избирают своих вожатых, избранных м н е н и е м — как не для упрочения мира и обеспечения т р у д а? Ужели вельможи-тунеядцы и солдаты должны оставаться на первом плане? Почему честный гражданин или трудолюбивый работник ниже тех??. Пора не с мечем в руках, а с факелом разума указывать свет... Настанет время, в которое люди мудрые нравственною силою станут одолевать силу грубую, где звук литавры и пушки заглушится звуком речи мудреца, когда Армстронг будет реветь лишь там, где еще не понимают силы разума!» («Сев. Пчела», 1860, № 236).

25

Запись Одоевского лишь в малой степени отражает предосвободительные страхи правительственных кругов. Опасались «пугачевщины» даже при нормальном ходе реформы, без всяких «несчастий». Обсуждался проект создания генерал-губернаторств на время проведения в жизнь реформ. Правительство имело *все основания беспокоится. Ленин писал о России начала* 60-х *годов*: «...возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови з а с т а в л я т ь принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян-мировых посредников применять т а к о е «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной» («Гонители земства и аннибалы либерализма» — Соч., изд. 3-е, т. IV, стр. 126). Александр II сам понимал, почему и кого следует бояться — ср. замечание, сделанное им еще в 1858 г.: «Когда новое положение будет приводиться в исполнение и народ увидит, что ожидания его, т. е. свобода по его разумению, не сбылись, не настанет ли для него минута разочарования?» (Т а т и щ е в. Император Александр II. СПБ. 1911. т. I, стр. 304).

30

Напечатанный по распоряжению Панина доклад — изданные в 60 экземплярах отзывы депутатов второго приглашения на Труды Редакционных комиссий. О любопытных ответах Панину кн. Голицына и Галагана по поводу требования возвратить эти отзывы см. «Материалы», т. III, стр. 99—100.

Ноябрь

13

В «СПБ. Вед». 1860, № 242, в анонимном фельетоне «Петербургская летопись» несколько абзацев были посвящены описанию совращения девушки, служившей в модном магазине. Из дел Главного управления цензуры (Дело № 433, 1860 г. — Лен. отд. Центрархива) видно, что Д. Н. Замятнин (товарищ министра юстиции, впоследствии министр) добился через III Отделение и министра народного просвещения фамилии автора фельетона. В фельетоне был намек на какую-то семейную историю — «модный магазин» служил только для отвода глаз. Характеристика мужа хозяйки магазина действительно близка к характеристике Д. Н. Замятнина, данной В. Мещерским («Мои воспоминания», т. I. 1897, стр. 132—133). Ср. также заметку Герцена в «Колоколе»: «Это совсем не содержательницы магазина, а государственные сановники женского пола: одна из них Дараган, сдавшая магазин, а другая — Замятнина, принявшая его» (Герцен. т. XI, стр. 289). См. также запись 22/XI.

См. также запись 22/XI.

20

См. прим. к записи 24/XI.

22

См. прим. к записи 13/XI.

24

«Будущность» издавалась П. Долгоруковым в 1860—1861 гг. В № 1 при заметке «Министр С. С. Ланской» Долгоруков поместил приведенное в тексте «Дневника» примечание об Одоевском. О кн. П. В. Долгорукове, одном из ближайших виновников дуэли Пушкина, см. П. Щеголев, Дуэль и смерть Пушкина. Л., 1928, стр. 472—514; М. Лемке, Николаевские жандармы и литература. 1826—1855. СПБ, 1909, стр. 527—552, его же «Кн. П. В. Долгоруков — эмигрант» («Былое» 1907, кн. III) и ст. Б. Л. Модзалевского в сб. «Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина», П., 1924.

В бумагах Одоевского (пер. 85, л. 36—42) сохранились черновик и исправленная копия его ответа Долгорукову, воспроизведенные П. Щеголевым вместе с данной записью «Дневника» в указанной выше книге (стр. 505—508). Ответ Одоевского в печати не появился. Ср. запись 14/II 1861 г.

Обвинение Одоевским кн. П. В. Долгорукова в «переносе подметных писем», следствием которого была «потеря, которую Россия доныне оплакивает» — одно из доказательств несомненной виновности Долгорукова в смерти Пушкина. По словам П. Щеголева «свидетельство Одоевского определенно и авторитетно и значение его невозможно снизить даже ссылкой на личную обиду, причиненную Долгоруковым Одоевскому». (Ук. кн., стр. 509).

29

СПБ комитет общественного здравия был учрежден при генерал-губернаторе в 1860 г. Депутатами от города были выбраны архитектор А. Пель и Одоевский. Распорядительная Дума так мотивировала выбор Одоевского: «... князь Одоевский постоянно занимался науками и предметами, состоящими в тесной связи с целью учреждения комитета, как-то: физикою, химиею, медициною, а также предметами общественной благотворительности...» (Дело СПБ. общей думы 1860 г., № 22, — Лен. обл. архив).

Как свидетельствовала одна из петербургских думских комиссий несколько позже (в середине 60-х годов), «санитарная сторона городской жизни оказалась в полном запущении» («Столетие СПБ городского общества», СПБ, 1885, стр. 299—302). Санитарное состояние Петербурга вызывало значительный рост смертности низших классов. За пятилетие 1854—1858 гг. петербургское население уменьшилось «вследствие одной только смертности на 25078 человек» (Е. Карнович. Санкт-Петербург в статистическом отношении. СПБ, 1860, стр. 27).

Дом кн. Вяземского, расположенный не у Чернышева моста (как указано в «Дневнике»), а у Обуховского, описан в романе Всев. Крестовского «Петербургские трущобы». Красочные портреты обитателей дома в более поздние годы дает Н. И. Свешников в фельетонах «Вяземские трущобы» («Новое Время» 1892, №№ 5849, 56, 64, 70, 82, 92). Часть этих фельетонов, далеко не самая яркая, вошла в его «Воспоминания пропащего человека» («Academia». М.-Л. 1930. Первоначально напечат. в «Историческом Вестнике», 1896. №№ 1—8). Дому Вяземского посвящены страницы 18—21 в статье К. Веселовского «Статистические исследования о недвижимых имуществах Петербурга» («Отеч. Зап.» 1848, т. 57, ч. 2). Ср.

там же: «... в доме, о котором я позволил себе так распространиться, потому что он действительно стоит внимания, работники помещены еще хорошо и удобно в сравнении с тем, как они живут в других домах». О Вяземском доме в конце XIX в. см. также С. Елпатьевский, Рассказы, т. II, СПБ, 1904, стр. 174—189.

О каком доме Игнатьева говорит Одоевский, — выяснить не удалось.

Указание Одоевского на стратегическое значение перестройки Парижа, в частности, проведения широких улиц, верно. Основной целью расширения улиц было предупреждение возможности постройки баррикад.

Декабрь

11—13

Несколько ниже данной записи в «Дневник» вклеено следующее письмо:

«Нарва. 1 декабря 1860 года.

Теперь перехожу к повествованию о том, как благодетельные реформы правительства проводятся в среду крестьянских общин в Петербургской губернии, и вместе с тем о Шемякином суде, произведенном с 13 по 15 минувшего ноября над крестьянами Ямбургского уезда Итовской волости его превосходительством г-ном СПетербургским гражданским губернатором Смирновым, под личным его руководством и распоряжением. Надо вам сказать, что Итовская вотчина, принадлежавшая до сего графу Нессельроде, была продана им купцу Байкову, вследствие чего крестьяне отошли в ведение министерства государственных имуществ, а Байков с своей стороны великодушно наделил их землею, но при этом наделе так умно распорядился, что крестьяне, проходя на свои земли, должны были итти землею Байкова, и тем мять его посевы. Вследствие сего г. Байков заключил с крестьянами договор, в силе которого они за измятый посев обязывались работать на него 3 дни в неделю, в противном случае он предоставлял крестьянам право летать на их пашни по воздуху. Согласившись на договор, крестьяне делались уже барщинными, а г. Байков помещиком de facto. Вскоре по заключении этого великодушного договора вышло какое-то новое положение для этих крестьян, в силу которого они обязаны были избрать из среды себя пятидесятников, сотников и голову. Положение это и было торжественно прочитано, кем следовало, на российском диалекте, но при этом было выпущено из виду одно ничтожное обстоятельство, но повлекшее за собою великое кровавое последствие, а именно—Итовская вотчина населена чухнами, из коих $^5/_6$ только смотрело глубокомысленно на процесс чтения, не понимая ни слова по-русски, а остальные $^1/_6$, хоть и объяснялись с горем пополам по русски, но как не проникнутые глубоко духом нашей словесности, а канцелярской в особенности, остались в том же положении, как и их товарищи — тоже не поняли ни бельмеса. Что бывает и с нашими православными, не только с чухнами. Но какой-то благодетель отставной писарь объяснил им это положение тем, что они опять делаются барщинными крестьянами, почему они, почесав чердак человеческой мудрости, — затылок, разбрелись по избам, приняв это известие к сведению. Но правосудие хотя и с завязанными глазами — не дремало. Гдовский исправник отставной майор Адеркас узнав, что распоряжение начальства не приводится в должное исполнение, поскакал вразумить непокорных розгами. Крестьяне же, видя беду неминучую со стороны Адеркаса, а со стороны Байкова неплатеж им заработанных денег, уверовали вполне, что они снова делаются крепостными, а потому, боясь попасть на глаза неумолимому исправнику со свитою, бросились искать себе спасения в лес. Этот поступок был принят за решительное восстание, об чем и дано знать в Петербург по телеграфу, откуда воспоследовало обратное предписание, состоящее в следующем: послать на усмирение мятежников три роты Австрийского и три роты Прусского полков со взводом казаков и всей этой армии руководствоваться существующими на подобный казус узаконениями. А чтобы не сделано было послабления и для мер более энергических, поскакал на судилище и сам начальник губернии г. Смирнов.

Солдаты окружили все деревни, так что ни одна собака не могла выскочить, в деревню же впускали великодушно всякого крестьянина, не только с другой волости, но даже и другой губернии — это было решительно все равно, никого не выпускали, ничего не принимали во внимание, лишь бы только был крестьянин. 14 ноября при довольно холодной погоде приехал на четверке почтовых сам Великий Инквизитор г. Смирнов, смиренно одетый в черный фрак с двумя звездами на груди, дышащий усердием к службе, за ним следовали полковые командиры: Австрийского и Прусского полков, а сей последний с жезлом, вероятно, для вящего страха на смерть запуганным крестьянам и для придания действительности своим словам. Поздоровавшись с солдатами, в средину коих были согнаны все наличные крестьяне, как-то: слепые, хромые, разные калеки, старики и мальчики, г. Смирнов приказал одному из чиновников читать бумагу выше изложенного содержания, но чиновник, будучи от природы заика, возбудил гнев его превосходительства, за

что и был обруган публично приличным образом, т. е. почти... затем господин звездоносец, вырвав у косноязычного и уничтоженного чиновника бумагу, соизволил сам прочесть бунтовщикам ту же бумагу и опять-таки на русском языке. Крестьяне остались в блаженном неведении, нового или старого содержания прочитали им бумагу. Звездоносец, видя их недоумение или, лучше сказать, тупоумие, велел вместо переводчика принести розог, и когда это было исполнено, изволил вопросить непокорных: как они смели ослушаться воли начальства. Крестьяне вылупили глаза и молчали, один какой-то смельчак, старик лет 70-ти, лишь только разинул рот для объяснения, как Смирнов, по старой привычке, схватил его за бороду и давай валять, во что ни попало, крича с пеною у рта: «Ты то есть первый

КАРИКАТУРА НА СБОРНИК «УТРО». «Искра» 1866 г.

бунтовщик» и повалив его на землю стал бить и топтать ногами, а в заключение велел пороть розгами нещадно. Сигнал был дан и тут началось чудовищное побоище — всякой бил кого и как хотел. Кто жезлом (Прусского полка командир), кто кулаком и чем ни попало, и потом началась порка розгами, так что несчастные жертвы тупоумия и безмозглых слуг Фемиды не могли встать. Пороли, не разбирали ни лет, ни пола, ни возраста. Управляющий конторою или имениями государственных имуществ Гине или Гейне вздумал было сделать замечания г—ам палачам, что без суда едва ли можно так поступать, на что и получил ответ, что он еще молод, чтобы давать наставления и что Закон я есмь сам Смирнов, и за все отвечаю. Главным действующим лицом и сотрудником Смирнова в этой кровавой драме был Ямбургский предводитель дворянства барон Врангель, который показал усердие в службе страшным неистовством и побоями. Кончилось все это тем, что у всех драчунов-чиновных распухли руки, крестьян же заковали и отправили: иных в смирительный дом, иных в уездные тюрьмы.

Вот вам обращик гуманного образа действий наших старших, с которых мы должны брать пример. Эти гг. запрещают нам тронуть пальцем солдата, а сами

без суда и следствия производят истязания такие, что волосы становятся дыбом, ибо без ужаса нельзя вспомнить об этой кровавой картине, где видны на первом плане губернатор Смирнов, генерал Прусского полка с жезлом, Аделкас и Врангель, да становые, а перед этими господами окровавленные задницы. И это делается в расстоянии 142 верст от Петербурга, от Зимнего дворца, а что же делается там подальше. Боже сохрани и помилуй нас грешных, Русь святую православную!»

Это письмо с незначительными изменениями (выпущен, главным образом, ряд иронических эпитетов и деталей) было напечатано в «Колоколе», 1861, л. 91, под названием «Нарвская революция и рукопашный Каваньяк Смирнов». Последний абзац письма заменен в «Колоколе» тремя очень резкими строками от редакции.

Сохранился отчет III Отделения об этом деле: «В Ямбургском уезде СПБ губернии, при введении нового порядка сельского управления в казенных имениях (имеется в виду указ 28/IX 1859 г. об управлении государственных крестьян выборными волостными правлениями) крестьяне Итовской волости, выкупившиеся на волю из владений гр. Нессельроде, отказались от выбора старост и десятских, желая сохранить у себя независимое от волости управление, и не повиновались убеждениям местных чиновников. Для обращения их к порядку был послан туда батальон войск, при содействии которого начальник СПБ губернии наказал из числа неповиновавшихся 34 человека розгами, а шестерых, наиболее виновных, назначил к заключению в СПБ исправительное заведение и тем привел всех к покорности. При этом обнаружен виновным в подстрекательстве крестьян отставной рядовой Батраков, действия которого подвергнуты следствию для поступления с ним по закону» («Крест. движ.», вып. I, стр. 144).

«Гино или Гейне» — А. Ф. Гюне. Аделкас — повидимому, К. В. Адеркас, чиновник министерства государственных имуществ, а не исправник, так как в эти годы Гдовским исправником был полковник Г. Ф. Гернет. Кстати, следует отметить неточность Одоевского, связанную с этим именем: по Хрущеву («Материалы», т. III, стр. 121—122) не Адеркас, а Врангель «дал солдатам пять рублей серебром, дабы они крепче секли мужиков».

«Драма в Старой Руссе» — см. выше прим. к записи 20/III.

См. также записи 16, 21, 28/XII и 22/I 1861 г.

14

Здесь в «Дневник» вклеено следующее письмо А. А. Григорьева:

«Князь Владимир Федорович!

Вы — один из немногих уцелевших литераторов Пушкинской эпохи и этого для меня, человека, по убеждениям своим и взгляду на общественное развитие и искусство гораздо более принадлежащего к Пушкинской эпохе, чем к современной — достаточно, чтобы я обратился к вам с просьбою о приеме и покровительстве.

Смею надеяться, что имя мое не вовсе вам безызвестно. О том, что я в нескольких критических статьях моих выражал мое искреннее уважение и жаркое сочувствие к вашему глубокому и уединенно-стоящему таланту, — распространяться я не считаю нужным. Ни ваша личность, ни ваш талант не нуждается в каждениях.

Если вам будет угодно принять меня и выслушать, о чем именно я буду просить вас, — я ожидаю только вашего позволения, но обязан предупредить вас, что в настоящее время не могу явиться к вам даже в приличном костюме.

Позвольте назваться, князь, усердным почитателем вашим

Аполлон Григорьев.

1860 г. Дек. 14 среда»

На письме приписано Одоевским: «Аполлон Александрович Григорьев приходил меня просить походатайствовать у Путяты, чтобы ему выдали жалованье и прогоны для проезда в Оренбург, где он получил место учителя в кадетском корпусе. Он в крайней бедности, почти без сапогов.

Он принес мне статью: «Вопрос о народности и его естественные границы», написанную ужаснейшим почерком; но что я мог прочесть, то показалось мне весьма замечательным».

Далее в «Дневник» вклеено следующее письмо П. Плетнева:

«Милостивый государь,
Князь Владимир Федорович!

Генерал Путята известил меня, что в Кадетском Оренбургском корпусе есть вакансия учителя русской словесности, и что он желает, чтобы я рекомендовал ему благонадежное лицо из кончивших курс студентов. В это время приехал ко

мне г-н Григорьев (Аполлон Александрович) и объявил, что не имея теперь места, он желает отправиться в Оренбург.

Зная, что он несколько лет печатал хорошие критические статьи в журналах и судит о литературе, как опытный и талантливый литератор, я немедленно написал к генералу Путяте о предпочтении моем самому лучшему студенту человека, долго на практике изучавшего дело писателя и критика. Таким я по убеждению нахожу г. Григорьева.

Не быв с ним, как и ваше сиятельство, в сношениях прямых, конечно могу предполагать, что какие-нибудь ошибки ранней молодости и несколько преждевременная женитьба привели его к обстоятельствам затруднительным, но это не более, как предположение, гадание и тому подобное, гадание, вытекающее из того, что в нынешнюю пору мы видим молодых людей, менее талантливых, нежели г. Григорьев, а все-таки пользующихся щедротами литературных антрепренеров.

Итак, мне кажется, ни вы, ни я, не поступим против совести, если, зная о литературных успехах его, скажем, что в учители корпуса он не только принят быть может, но и достойнее многих и очень многих из сверстников своих.

Примите, ваше сиятельство, уверения в отличном моем почтении и преданности

П. Плетнев.

15 дек. 1860»

Поездка Ап. Григорьева в Оренбург в качестве «учителя третьего рода по предмету русского языка» Неплюевского кадетского корпуса имела более глубокие причины, чем Григорьев это объяснял в официальных прошениях. Хотя, действительно, вернувшись в конце 1860 г. из Москвы (где он порвал отношения с Катковым), Григорьев запил, запутался в долгах и даже в начале января 1861 г. попал в долговое отделение, подлинными причинами его бегства из столиц надо считать связь с «устюжской барышней Марией Федоровной, и, по собственным словам Григорьева, «сознание своей ненужности». Подробно об обстоятельствах как этой поездки, так и вообще жизни Григорьева в 1860—1861 гг. см. в «Воспоминаниях» Н. В. Страхова и письмах к нему Ап. Григорьева (последнее, комментированное издание — в книге «Аполлон Григорьев. Воспоминания». М.-Л. 1930).

Примечательно, что Одоевский в 1860 г. не знает, что писал Григорьев. Статья «Вопрос о народности и его естественные границы» — вероятно статья Григорьева «Народность и литература» («Время», 1861, февраль стр. 83—112). По словам Григорьева его вынужденный уход из «Русского Слова» был вызван тем, что он «не позволил г. Хмельницкому вымарать в моих статьях дорогие мне имена Хомякова, Киреевского, Аксаковых, Погодина, Шевырева» («Краткий послужной список»). Об отношениях Григорьева и Хмельницкого см. «Звенья» I, публикацию Г. Прохорова и его вступ. ст. См. также записи от 15, 16, 18, 27 и 28/XII.

15

Вероятно, Одоевский имеет в виду брошюру «La Pologne devant l'Europe catholique», хотя брошюра эта и помечена 1863 годом.

21

П. А. Валуев 7/I 1861 г. был назначен управляющим делами Комитета министров. До этого Валуев был товарищем министра государственных имуществ и председателем ученого комитета министерства. М. Н. Муравьев, которому Валуев много помог в борьбе с Редакционными комиссиями, не хотел его отпускать и предложил ему остаться председателем ученого комитета. Однако, это ставило бы Валуева в зависимое от Муравьева положение, почему он и отказался. См. также запись 14/I 1861 г.

26

Из бумаг Одоевского, относящихся к Румянцевскому Музеуму (пер. 108) видно, что сдача в наем квартир являлась важной приходной статьей в бюджете Музеума. Последний находился в очень бедственном материальном положении, что было одной из причин перевода его в Москву в следующем году.

27

Комитет общественного здравия при СПБ генерал-губернаторе, судя по сохранившейся копии записки Одоевского от 4/I 1861 г., не мог даже «определить» предметы, входящие в состав занятий комитета» (Бумаги Одоевского, пер. 11).

29

«Китайские происшествия» — взятие англо-французскими войсками Пекина, один из заключительных моментов «опиумных войн» европейцев против Китая. «Непорочное зачатие в Неаполе» — повидимому, намек на поддержку неаполитан-

ского королевства папою Пием IX, провозгласившим в 1854 г. известный догмат о непорочном зачатии. Во время своего бегства из Рима в 1848 г. Пий IX нашел приют также у неаполитанского короля, Фердинанда II.

Неаполь и Церковная область были последними препятствиями на пути к объединению Италии (не считая Венеции, принадлежавшей Австрии). О «короле неаполитанском [Франциске II], который надеялся увеличить в войске дух единства и нравственности посредством священников, утренних и вечерних молитв, исповедей и проповедей», Одоевский писал иронически в своих заметках («Рус. Арх.», 1874, кн. 1, стр. 345—347).

Книга Н. Б. Юсупова «Histoire de la musique en Russie. Première partie. Musique sacrée. Suivie d'un choix de morceaux de chants d'église anciens et modernes» вышла в 1862 г. в Париже. Научное значение ее ничтожно.

1861 год

Январь

3

Речь идет о книге бар. М. Корфа «Жизнь гр. Сперанского», вышедшей в 1861 г. двумя изданиями. Сохранились отрывочные заметки Одоевского по поводу этой книги (Бумаги Одоевского, пер. 83, л. 42—54). Часть заметок Одоевского была использована Корфом слово в слово (напр., на стр. 142 второго издания). Одоевскому же принадлежала анонимная статья «Еще о книге «Жизнь гр. Сперанского» («СПБ, Вед.», 1861, № 244). См. также записи 14/I, 22/IV, 26 и 27/VII.

14

См. прим. к записи 21/XII 1860 г.

18

Посланник в Вене В. П. Балабин разделял «глубокую ненависть А. М. Горчакова к Австрии» (Татищев, т. I, стр. 211). Этим объясняется отмеченное Одоевским недовольство переводом Балабина. Слухи не оправдались—Балабин переведен не был.

Цитата из А. Кантемира не точна. Следует:

«Задумчив, как тот, что чин патриарший достати
Ища, конный свой завод раздарил не кстати».

(Сатиры. III)

19

Председателем Ученого комитета Одоевский назначен не был.

22

А. В. Никитенко записал в своем дневнике об этой встрече: «Утро у кн. В. Ф. Одоевского. Я давно с ним не видался. Княгиня была чрезвычайно любезна. У них по средам вечером собирается общество и я дал слово бывать у них» (т. II, стр. 3). «Народная Газета», проектировавшаяся Никитенкой, так и не осуществилась. С 1862 г. начала выходить официальная газета министерства внутренних дел «Сев. Почта», первым редактором которой был Никитенко. Одоевский, повидимому, разделял его мнение о необходимости создания такого органа—ср. проект Одоевского о борьбе с заграничными изданиями («Рус. Арх.», 1874, т. II, стр. 30—39, частично приведено у Лемке, Эпоха цензурных реформ, стр. 171).

О происшествии в Итовской волости, см. запись 11—13/XII 1860 г.

В разговоре с Н. М. Смирновым следует отметить характерность позиции Одоевского. Утверждение его — «лучше предать их суду и если так будет по приговору суда, то приговор и исполнить, как бы он жесток ни был» — подчеркивает формально-юридическое существо его либеральной платформы. Ср., напр., запись 19/III 1860 г. и особенно запись 6/IV 1861 г. Образец применения этих убеждений на практике см. в записи 30/IX 1866 г. по поводу суда над тобольскими чиновниками.

24

См. прим. к записи 29/XII—1860 г.

28

Ген. Путята занимал квартиру покойного Я. И. Ростовцева. По одному из ходивших по Петербургу вариантов этого рассказа тень Ростовцева подошла к Путяте и «заставила его написать следующие слова: «Государь: берегись хитрого», и другие говорят «коварного Константина» («Материалы», т. III, стр. 166). Запись об этом же Никитенки (т. II, стр. 5) неверно расшифрована М. Лемке («гр. Е. В. Путятин»).

Февраль

1

И. И. Панаев. Литературные воспоминания, ч. I, гл. V.

3

Описание этого заседания Государственного совета было помещено в «Колоколе», 1861, л. 93, стр. 787—788. Речь Александра II напечатана у Татищева, т. I, стр. 345—348.

5

Как образец прений в Государственном совете, можно привести утверждение А. Норова, что наделы погубят нравственность крестьян, приучив их к беспечности и лени.

8

В своей записи о Белинском Одоевский имеет в виду период гегелианства Белинского, так называемый период «примирения с действительностью», в частности его статьи «Бородинская годовщина» и «Очерки Бородинского сражения». Одоевскому принадлежит заметка о Белинском, напечатанная в «Рус. Арх.», 1874, I, стр. 339—341 (ср. прим. к записи 4/IV).

11

Предложение о дарственных наделах было утверждено и вошло в «Положение» 19 февраля. Ср. в связи с этим у М. Покровского замечание о том, что «дарственники вели более денежное хозяйство, чем щедрее наделенные землею «собственники»... «Сделаться таким «собственником» во всяком случае было менее выгодно, нежели просто стать пролетарием» («Русская история с древнейших времен», т. IV, стр. 107—108). Здесь уместно вспомнить слова Чернышевского, являющиеся превосходным комментарием ко всей этой части дневника Одоевского: «—Из-за чего идет борьба между прогрессистами и помещичьею партиею?»—«Из-за того, с землею или без земли освободить крестьян. Это колоссальная разница». «Нет, не колоссальная, а ничтожная, находил Волгин. Была бы колоссальная, если бы крестьяне получили землю без выкупа. Взять у человека вещь, или оставить ее у человека, — но взять с него плату за нее — это все равно. План помещичьей партии разнится от плана прогрессистов только тем, что проще, короче. Поэтому он даже лучше. Меньше проволочек, вероятно, меньше и обременения крестьян. У кого из крестьян есть деньги — те купят себе землю. У кого нет — тех нечего и обязывать покупать ее. Это будет только разорять их. Выкуп та же покупка». («Пролог», ч. I, гл 7).

13

См. прим. к записи 26/II.

14

О статье против кн. Долгорукова см. в прим. к записи 24/XI 1860 г.

В. Вольфсон издавал «Russiche Revue». Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland. Leipzig — St. Pétersburg 1863—1864. (На обл. 1-й тетр.—1862), а затем «Nordische Revue». Internationale Zeitschrift für Literatur, Kunst und öffentlicher Lebens. 1864—1864. В объявлении об издании говорилось: «Любовь к русской земле, на которой он [издатель] родился и которой превосходные зародыши несокрушимой силы он знает по всем своим наблюдениям, давно уже внушила ему мысль представить Германии свои наблюдения и уничтожить предрассудки своих соотечественников противу такой страны и такого народа, который одарен величайшими качествами и которого недостатки падают на ответственность тех, от которых он наиболее страдал» («Прибавления к «Рус. Инв.», 1862 № 25. Привед. также в книге Б. М. Эйхенбаума «Л. Толстой». т. II, Л. 1931).

17

«Ведомости СПБ Полиции», 1861, № 39.

18

«Сев. Пчела», 1861, № 40. Статья была написана, по слухам, самим Ланским и во всяком случае по его заказу. В № 48 была напечатана также статья Погодина о скором обнародовании манифеста. Статьи должны были смягчить впечатление от генерал-губернаторского объявления (см. запись 17/II).

О страхах правительства, ряде нелепых подготовительных мер и настроениях как сановников, так и населения см., хотя бы, крайне любопытные «Записки современника о 1861 г.» (Э. Р. Перцова) в «Красном Архиве», т. XVI, стр. 118—164. См. также запись 20/II.

19

Памятник Николаю I 18/II (в годовщину смерти Николая) обложили искусственными цветами. «Памятник и без того поразителен пестротою материалов, из которых он слеплен. Темнеющая от времени бронза стала было уменьшать эту пестроту, как вдруг среди зимы, снегов и вьюги налепили на него аршинной высоты бордюр из голубых, малиновых и белых роз» (Перцов, стр. 134).

20

М. И. Венюков так передает ответ Н. Н. Муравьева: «Пусть мне скажут сначала, — ответил он, — чего хочет правительство в Варшаве, искреннего мира или полицейского спокойствия и порядка? уступок полякам или усмирения их? — тогда я пойду. А вилять не в моем характере» («Рус. Стар.» 1882, т. I, стр. 525).

26

13(25)/II 1861 г. в Варшаве состоялась демонстрация в память Гроховского сражения 1831 г. 15 (27)/II демонстрация, направлявшаяся в монастырь бернардинцев, имела стычку с казаками. Затем демонстрация направилась к дому наместника, у которого, по приказу ген. Заболоцкого, войсками был открыт огонь. Было убито 5 человек и ранено 15.

Март

3

Разговор Вольфсона с Бакуниным известен по передаче Никитенки (т. II, стр. 93), где он, однако, лишен всей политической остроты.

5

Неуклюжесть, непонятность и растянутость манифеста отмечает ряд современников. Автором манифеста был московский митрополит Филарет.

11

Статья 33 «Положения об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости», касалась ежегодного сбора с дворовых «до истечения льготного от платежей, податей и сборов срока... для призрения престарелых, дряхлых, страждущих душевными и телесными недугами и круглых малолетних сирот из уволенных дворовых людей».

12

Второе издание сочинений Одоевского не осуществилось, хотя и было им подготовлено. Исправленный экземпляр издания 1844 г. хранится в Публ. Б-ке (Бумаги Одоевского, пер. 67—69). Этим экземпляром пользовались при издании повестей Одоевского С. Цветков («Русские ночи», М, 1913) и О. Цехновицер («Романтические повести», Л, 1929). В 1861 г. Одоевским было написано несколько проектов предисловия ко 2-му изданию. Один из вариантов напечатан в «Рус. Арх.». 1874, т. I, стр. 311—320 и в издании С. Цветкова).

Сведения о нескольких тысячах крестьян и дворовых, о выходе к ним Александра II и его большой речи в ответ на адрес имеются также в «Материалах», т. III, стр. 247—249. Э. Перцов, сам бывший на площади перед дворцом, рисует совершенно другую картину этой манифестации, организованной заводчиками Полетикой и Семенниковым. Приводим несколько выдержек из его интереснейшего описания. Подписывавшие адрес мужики, «ставя кресты [под адресом], говорили Полетике: «Батюшка, не подведи ты нас подо что-нибудь худое, не погуби»; на вопрос, читали ли они манифест, отвечали—нет; на вопрос, зачем приходили во дворец благодарить — «велят хозяева, так как же не итти,— сказал мне один депутат. — Полиция повестки рассылала, — прибавил другой, видимо желая придать важность своей командировке в депутаты»; «под надзором своих управляющих и приказчиков брели, как бараны, в дырявых и старых кафтанах и нагольных тулупах рабочие, всего от шести хозяев не более трехсот человек»; у дворца ждали 3 часа; уезжая на развод, «государь из коляски кивнул головою на обе стороны и по мере того, как экипаж его мчался вперед, крики «ура» раздавались по обеим сторонам деревянной мостовой, но без малейшего восторга и не дружно, а единственно потому, что каждому казалось неловко не разинуть рта, когда кричит сосед»; вместе с любопытными «число всех столпившихся простиралось до полуторы тысяч»; депутатам, ждавшим его на лестнице, Александр не дал договорить и сказав: «Благодарю вас, что вы меня вспомнили. Хорошо ли, худо ли вас освободили, это сделал не я, а дворяне, ваши помещики. Молитесь богу, чтобы все кончилось благополучно», тотчас уехал». («Красный Архив», т. XVI, стр. 153—58).

18

См. запись 11/III.

КАРИКАТУРА НА «ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЛИСТОК»

«Искра 1864 г.

Гр. Фройнд.

А? каково увеличивается, а?!
— Да вы потише-бы — а то лопнетъ! Не надувайте-же такъ добромъ совѣстью!! право лопнетъ!

28

О горе-композиторе А. В. Лазареве, авторе «классических» (по его собственному определению) ораторий, см. подр. у Ю. Арнольди. Воспоминания. Вып. III, М, 1893, стр. 40—55. А. Н. Серов прервал концерт Лазарева в зале Дворянского собрания и дело окончилось скандалом, в результате которого все принявшие в нем участие были забраны полицией. Об этом инциденте см. Воспоминания Серовой, СПБ. 1914, стр. 45, уж. выше кн. Арнольди, стр. 48—50; Фитингоф-Шель. Мировые знаменитости. СПБ. 1889, стр. 166—171; «Сев. Пчела» 1861, № 75; «СПБ. Вед.» № 75, «Русский Мир» № 24 и «Искра» № 17. Серов еще в 1860 г. печатно высказал желание, «чтобы петербургские концертные залы навсегда перестали быть поприщем для музыкальных подвигов подобного господина» («Музыкальный и театральный вестник», 1860, № 10; перепеч. в «Критических статьях» А. Серова, т. III, 1895, стр. 1255—1257). Сохранилось начало письма Одоевского к издателю какого-то журнала с разоблачениями музыкальной безграмотности А. В. Лазарева (Бумаги Одоевского, пер. 13, л. 28). См. также запись 5/IV.

Книга архим. Феодора (А. М. Бухарева) «О православии в отношении к современности, в разных статьях», СПБ, 1860, вызвала жесточайшую критику «Домашней Беседы», цензором которой был сам автор книги. В защиту Феодора выступили «Сын Отечества» и «Православное Обозрение». Феодор был уволен в монастырь, а после запрета его рукописи об Апокалипсисе снял монашеский сан. Историю этого эпизода см. П. В. Знаменский, Православие и современная жизнь. М. 1906. Полемику о книге см. «Домашняя Беседа» 1860, в. 51; 1861 ,в. I, 4, 7, 11, 14; «Православное Обозрение», 1860, октябрь; 1861, январь; «Сын Отечества» 1860, № 48, 50; 1861, № 2; «Странник» 1861, январь; Н. Загоскин. О недостатке сочинения: О православии... 1860.

Апрель

4

Все литературные выступления В. А. Соллогуба в 60-е годы отличались аристократическим чванством и нескрываемой враждой к левому лагерю (см. также запись 20/XI 1864 г.). Отпразднованное Академией Наук 2 марта 1861 г. пятидесятилетие литературной деятельности кн. П. А. Вяземского, бывшего, наравне с Соллогубом, излюбленной мишенью для насмешек демократических литераторов, послужило поводом для ожесточенной полемики.

В «Спб. Вед.» № 58 была помещена апологетическая статья Соллогуба; в № 55 «Сев. Пчелы» — статья Н. Греча, где приведены были и куплеты, пропетые Соллогубом на юбилее; в том же номере Ф. Толстой поместил «Письмо к издателю «Сев. Пчелы» — большую статью о Вяземском, где высказывал желание «сословного примирения между литераторами»; П. Плетнев выпустил описание юбилея, одним из распорядителей которого был, между прочим, Одоевский («Юбилей 50-ней литературной деятельности академика кн. Вяземского», СПБ, 1861). В № 75 той же «Сев. Пчелы» был напечатан резкий фельетон против Вяземского и Соллогуба и против великосветской литературы вообще. Об этом фельетоне и упоминает Одоевский в своей записи. Там же был помещен и стихотворный ответ Соллогубу А. Амосова. Фельетон этот вызвал обширную отповедь М. Погодина («Сев. Пчела» № 83) и М. Лонгинова («Рус. Вестн.», 1861, апрель, совр. обзор., стр. 106). Впрочем, «Рус. Вести.» занял сдержанную и серединную позицию, осуждая и «гиперболические возгласы гр. Соллогуба» и «выходки против лица юбиляра «Искры» и «Сев. Пчелы». «Искра» откликнулась на юбилей Вяземского, выступление Соллогуба и статьи Погодина и Лонгинова в №№ 10, 13, 14, 15, 20 и 40.

На этот юбилей отозвался Ф. И. Тютчев двумя своими известными стихотворениями: «У Музы есть различные пристрастья» и «Теперь не то, что за полгода».

Следует отметить, что Одоевский с группой Вяземского и Соллогуба не солидаризировался. Кроме данной записи см., напр., заметку Одоевского о Белинском в «Рус. Арх», 1874, I, стр. 339—341, направленную, как это видно из полного текста заметки (Бумаги Одоевского, пер. 32), против кн. Вяземского. Тем не менее, Одоевский хотел выступить в защиту Соллогуба, см. запись 15/XI.

5

Непонимание «Тристана и Изольды» Вагнера, приписываемое Одоевским Серову, убежденному вагнерианцу, едва ли могло иметь место — ср. хотя бы Воспоминания В. Серовой, стр. 16—17.

6

Как известно, для проведения в жизнь «Положения» 19 февраля во все губернии были посланы генерал-адъютанты и флигель-адъютанты «в помощь» местной администрации. Записанный Одоевским случай — образец этой «помощи».

16

См. прим. к записи 28/XII 1860 г.

22

Первоапрельская заметка-шутка о «новой, более нас совершенной породе разумных животных» (первоначальное название «Замечательная игра природы») была напечатана в «Сев. Пчеле» 1861, № 73 под назв. «Зефироты». В бумагах Одоевского текст примечания к этой шутке (помещенного в № 74 «Сев. Пчелы») несколько иной, чем в газете (Отчет Публ. Б-ки за 1884 г., Бумаги кн. Одоевского, стр. 4).

В книге «Зефироты и зевороты» СПБ 1861, за текстом стоит подпись «А. Полоротов». Надо отметить, что Одоевский часто бывал жертвой подобных литературных спекуляций—об этом писал он сам в предисловии к новому изданию сочинений (см. прим. к записи 12/III).

24

В журнале «Рассвет. Орган русских евреев», издав. в Одессе, в № 44 за 1861 г. была напечатана корреспонденция из Шавель (Литва) о пропаже четырехлетней дочери крестьянина и обвинении местных евреев в ее убийстве с ритуальными целями. Незадолго перед этим «Рассвету» был объявлен выговор за перепечатку с замечаниями от редакции опровержений на помещенную в «Рассвете» корреспонденцию «Дело Ципки Мендак» (1860, № 28; 1861, №№ 38 и 44)—см. дело № 118 Гл. упр. ценз. за 1860 г.—Лен. отд. Центрархива. Возбудили неудовольствие правительства и статьи в защиту равноправия евреев. Последний номер «Рассвета» вышел 19/V 1861 г. Взамен «Рассвета» некоторое время выходил журнал «Сион»

27

Действительно, фактические результаты реформы 19 февраля были значительно выгоднее для крупных землевладельцев, чем для мелких, которым, за отсутствие капитала, трудно было наладить свое хозяйство на основах наемного труда.

Май

7—9

Сообщение Одоевского о всеобщем спокойствии в деревне ни в какой мере не соответствует действительности. Первые месяцы после крестьянской реформы были отмечены бурным крестьянским движением, распространившимся по территории почти всей Европейской России.

13

Хрущев несомненно был одним из корреспондентов Герцена. Ср. хотя бы опубликование Герценом ряда сенатских документов о деле Малкова. Ход доказательств и самый язык примечания к этой публикации, особенно в определении наказания, следумого по закону Игнатьеву и др., совершенно аналогичны такому же определению о М. Безобразове и др. в «Материалах» Хрущева (см. выше прим. к записям 29/V, 20/XII 1859 г.); Хрущевым же, очевидно, было переслано в «Колокол» и письмо о ямбургском деле (см. запись 11—13/XII 1860 г.). Однако, Герцен не знал, напр., кто автор «Материалов», изданных Хрущевым в Берлине (см. Герцен т. X, стр. 443 и 473).

В 1861 г. Хрущев сошел с ума. В марте и апреле Одоевский уже отмечает в своих подневных записях явные симптомы сумасшествия Хрущева.

О сумасшествии Д. Хрущева ом. Никитенко: «Последние два-три года его преследовали постоянные неудачи по службе. За некоторые смелые мнения его, особенно против Игнатьева и Муравьева, кое-кто стал прославлять его крайним либералом, даже красным» (т. II, стр. 14). Валуев в своем дневнике записал: «Хрущев, очевидно, томится своим неучастием в администрации и прицепляется к каждому случаю» («Рус. Стар.» 1891, кн. 10, стр. 142). — См. также о Хрущеве в записках В. Инсарского («Рус. Стар.», 1859, т. 83).

Жена Толстого — С. Д. Бибикова. Указаний об Ольге Бибиковой найти не удалось — сестру С. Д. Бибиковой звали Зоей. Лидия Хрущева — жена Д. П. Хрущева. Ср. с этим запись Никитенко: «вслед за ним сошла с ума и жена его» (т. II, стр. 14).

21

Говоря с Н. Мухановым, Одоевский имел в виду отклоненный советом министров проект университетской реформы гр. С. Г. Строганова, основной тенденцией которого было превратить университеты в нечто подобное закрытым аристократическим заведениям. Были и противоположные предложения—см. запись 25/X.

Июнь

18—22

Записи Одоевского 1861 г. опровергают утверждение А. Ф. Кони, будто «беспечный во всем, что касалось его лично, он [Одоевский] едва ли не последний и то случайно узнал о переводе Румянцевского Музея в Москву и об увольнении себя от должности его директора» (А. Ф. Кони, Князь В. Ф. Одоевский. СПБ, 1904). См. также эпиграмму С. А. Соболевского «На оставление кн. Одоевским должности директора Румянцевского Музея» («Эпиграммы и экспромпты»). М., 1912, стр. 78). Наоборот, по свидетельству В. В. Стасова, отстаивавшего оставление Музея в Петербурге, «первый поднял голос» — сам Одоевский, после того, как «выбившись из сил», он не знал «за что приняться, когда все его самые настоятельные представления [о капитальном ремонте Музея] оставались без внимания и без удовлетворения»... («Румянцевский Музей». История его перевода из Петербурга в Москву в 1860—61 гг., рассказанная В. В. Стасовым. «Рус. Стар.» т. 37, 1883 г., январь, стр. 101).

30

«Великорусс» — первые нелегальные листки, изданные в Петербурге. Требования их сводились к установлению конституции и к возвращению крестьянам тех отрезков их земли, которые по положению 1861 г. отошли к помещикам. «Великорусс» обращался «к просвещенной части нации» с призывом «взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства». В третьем листке был даже помещен проект адреса царю «в самом умеренном духе», чтобы все либеральные люди могли принять его». Всего вышло три лиотка. Четвертый листок под тем же названием был издан какой-то другой группой (см. М. Лемке. Очерки освободительного движения, стр. 398). Все три прокламации полностью перепечатаны в сб. «Прокламации 60-х годов», М., 1924, стр. 27—38 и в ук. выше кн. Лемке.

Наивное мнение о влиянии партии помещиков, недовольных решением крестьянского вопроса, на революционеров выдвигалось верноподданическими либерально-бюрократическими кругами не раз. Ср. записи Одоевского 1866 г. о Каракозове.

Июль

8

«Домашняя Беседа» (1868—1877) — еженедельный журнал мракобеса Аскоче ского. О «Домашней Беседе», которая «...полезна, ибо пробуждает нашу лень показывает, какие еще понятия, несмотря на Петровскую реформу, могут гне диться в некоторых кружках», см. «Из бумаг В. Ф. Одоевского» — «Рус. Ар 1874, кн. 2, стр. 348.

А. П. Башуцкий присвоил деньги и бриллианты, пожертвованные с благотв рительной целью; эту кражу имел в виду Одоевский в своей статье «Из Тешки переулка в Лойолову улицу» («Искра», 1860, № 33), намекая названием своей стат на «Письмо с Спасской площади в Академический переулок» Башуцкого («Дома няя Беседа», 1860, № 29).

14, 19

А. Щапов. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII в. и в перв половине XVIII в. Опыт исторического исследования о причинах происхождения распространения русского раскола. Казань. 1859.

31

«Гриша» — рассказ П. И. Мельникова-Печерского. Был напечатан впервые «Совр.», 1861, кн. III (им. отдельные оттиски).

Август

7

В № 6 «Современника» за 1861 г. Н. Г. Чернышевский напечатал статью «Н почтительность к авторитетам», посвященную русскому переводу книги А. Токви «Демократия в Америке». В этой статье Чернышевский оспаривал основную мыс книги Токвиля о том, что демократия неизбежно ведет к развитию централизаци и подавлению свободы личности. Вместе с этим Чернышевский нападал на русски поклонников централизации. В № 6 «Русского Вестника» Каткова был напечата разбор статьи Чернышевского, в котором книга Токвиля бралась под защиту. Э полемика между «Современником» и «Русским Вестником» была лишь эпизодом общей полемике катковского журнала против Чернышевского в связи с обостр нием классовой борьбы после отмены крепостного права.

21

«Американские происшествия» — гражданская война в США.

В «Городе без имени» («Русские ночи». Ночь 5) Одоевский нападал на «эк номов-материалистов», руководящихся исключительно понятием пользы.

Октябрь

12

«Беспорядки» в Петербургском университете осенью 1861 г. изложены у Одое ского с фактической стороны более или менее точно. Неверны некоторые детал Так, из рассказа Одоевского следует, будто арест основной массы студентов бы произведен 25/IX по пути к квартире попечителя университета Филипсона. Н самом деле в день этой демонстрации были лишь единичные аресты; вся же толп студентов с Филипсоном во главе отправилась обратно в университет для пер говоров со студенческими депутациями.

Массовый арест студенческой сходки имел место 27/IX. Тогда же произоше и рассказываемый Одоевским эпизод с добровольным присоединением к аресто ванным студенческой группы около 130 человек. Относительно числа пострадавши («лишь кандидат Лебедев») Одоевский излагает официальную точку зрения; н самом деле насчитывалось около 20 чел. раненых; из них шестерых пришлось от править в госпиталь.

Кроме сказанного в тексте, к числу причин «беспорядков» надо отнести мело ный контроль над личной жизнью студентов. Подробное изложение всей универ ситетской истории см. в брошюре С. Я. Гессена. Студенческое движени в начале 60-х годов», М., 1932, стр. 57—58; его же статью в сб. «Революционно движение 60-х годов; Н. Шелгунов, Воспоминания. Л., 1923 и др. (полну библиографию см. в первой из названных работ С. Я. Гессена, стр. 142).

«Лупят под лопатку ли» и «гнать, и гнать, и гнать его» — строки из предна значавшегося для «Искры» и напечатанного только в 1906 г. стихотворения Д. Ми наева «Кумушки». Об обстоятельствах запрещения этого стихотворения см. прим И. Ямпольского в книге «Поэты «Искры». Л., 1933, стр. 671.

Эпиграмма Соболевского на Григория Книжника — эпиграмма на Г. Н. Ген нади, где действительно во 2-й строфе та же игра слов:

«Уж подучу Игнатьева,
что следует ему
и сечь его, и гнать его,
и засадить в тюрьму».

(«Эпиграммы и экспромпты»). М., 1912, стр. 18)

19

Запись касается празднования 50-летия Александровского лицея.

25

Об университетском проекте см. также записи 21/V и 26/X.
О «Великоруссе» см. 30/VI и прим.

Ноябрь

15

Статьи в защиту Соллогуба (ср. запись 4/IV) в «Нашем Времени» не появилось, что совершенно естественно, так как именно Н. Ф. Павлову принадлежал, как известно, резкий разбор комедии Соллогуба «Чиновник» в «Рус. Вести.» 1857 г. Тем не менее Одоевский участие в «Нашем Времени» принял.

19

«Выход в отставку... des professeurs» — отставка пяти либеральных профессоров Петербургского университета: Кавелина, Спасовича, Стасюлевича, Пыпина и Ф. Утина, происшедшая в связи со студенческими волнениями.

Пюзеизм—ритуальное движение в англиканской церкви, пропагандировавшее сближение с католицизмом.

Основной мыслью корреспонденции из Петербурга в «Indépendance Belge» (1861, № 330) было, что М. Л. Михайлов — единичный представитель революционного движения и за ним нет никого, кроме двух русских изгнанников в Лондоне. Заключительные строки корреспонденции переданы Одоевским не точно. Там приписывались Михайлову следующие слова: «Но я видел злую волю дворянства, я считал недостаточным этот акт верховной воли, поскольку другие радикальные реформы не подкрепили бы его». В действительности Михайлов в своем показании писал следующее: «Не скрою, что выйти из сферы моей обычной скромной деятельности заставили меня горькая боль сердца при вести о печальных случаях усмирения крестьян военной силой и опасения, что эти случаи могут долго еще повторяться в будущем... Покойный отец мой происходил из крепостного состояния и семейное предание глубоко запечатлело в моей памяти кровавые события, местом которых была его родина. По беспримерной несправедливости село, где он родился, было в начале нынешнего столетия подвержено всем ужасам военного усмирения. Рассказы о них пугали меня еще в детстве. Гроза прошла не даром и над моими родными. Дед мой был тоже жертвой несправедливости: он умер, не вынеся позора от назначенного ему незаслуженного телесного наказания. Такие воспоминания не истребляются из сердца». (Цит. по М. Лемке, Политические процессы в России 60-х гг. П. 1923, стр. 106—107).

Извещение Герцена о побеге Бакунина помещено в «Колоколе», 1861, *л.* 113.

Декабрь

2

Повидимому Одоевский имеет в виду В. М. Ведрова, профессора истории Казанского университета, в это время чиновника для особых поручений Главного управления цензуры. В «Совр.» 1857, т. 65, отд. 4, стр. 7—12 Добролюбов жестоко высмеял его книжку «Поход афинян в Сицилию и осада Сиракуз». СПБ 1857.

В литературе до сих пор не было никаких сведений о попытках Ведрова отомстить «Совр.»; наоборот, отмечалось, что Ведров был одним из образованнейших и культурных русских цензоров (ср. статью С. Венгерова в «Критико-биографическом словаре», т. V, стр. 155—261).

5

«День» — славянофильская газета, изд. И. С. Аксаковым в 1861—1865 гг. в Москве. Об отношении Одоевского в эти годы к славянофильству см. прим. к записи 16/VIII 1864 г.

1862 год

Январь

1—5

Здесь в «Дневник» вклеена вырезка из какой-то французской газеты о «довольно исключительной сцене», разыгравшейся в Париже. Маццини написал статью

в «Nouvelle Europe» о том, что вопрос о низвержении Романовых решен в тайных обществах, а вместе с тем должна рухнуть и монархия, так как у Романовых нет конкурентов на престол. Однако в одном отеле русские называли князя Odoefski в качестве рюриковича, имеющего больше прав на престол, чем Романовы.

8

См. прим. к записям 5/XII 1861 г. и 16/VIII 1864 г.

12

Указ об отмене наиболее жестоких телесных наказаний издан был только в апреле 1863 г. под назв. «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных». «Реформа» касалась только наказаний по суду. От телесных наказаний освобождались женщины, духовенство, интеллигенция и крестьяне, занимающие выборные должности. Одновременно в армии были отменены шпицрутены, а во флоте — кошки. Характерно, что как-раз первые пореформенные годы ознаменовались полным разгулом в применении розги. См. также запись 2/I 1863 г.

25

«Колокол» на смерть С. С. Ланского не откликнулся.

Февраль

4

Вместе с В. К. Кюхельбекером в 1824—1825 гг. Одоевский издал 4 книжки альманаха «Мнемозина». Брат Александр — декабрист А. И. Одоевский. Н. В. Гербель готовил в это время «Собрание стихотворений декабристов».

9

Книжный магазин и библиотека для чтения, открытые Н. А. Серно-Соловьевичем в 1861 г. были вскоре же закрыты правительством (после майских пожаров 1862 г.).

Появление за книжным прилавком в качестве продавщицы жены профессора Артиллерийской академии Энгельгардта вызвало в свое время сенсацию в Петербурге. В 1861 г. в связи с студенческими волнениями А. Н. Энгельгардт был подвергнут аресту, но свое профессорское место он, вопреки сообщению Одоевского, не потерял.

16

Сведения об этом инциденте в театральной школе попали в «Правдивый» кн. П. В. Долгорукова (1862, № 4).

17

Тверским дворянством на чрезвычайном собрании 1—13/II 1862 г. был принят ряд постановлений (о несостоятельности закона 19 февраля, необходимости обязательного выкупа и т. д.). 13 тверских мировых посредников заявили, что они принимают за руководство эти убеждения и всякий другой образ действий признают враждебным обществу. Все они были посажены в Петропавловскую крепость и приговорены Сенатом к заключению в смирительном доме на разные сроки, но вскоре были освобождены. Подр. об этом деле см. Герцен, т. XV, стр. 71—78, прим. М. Лемке.

Март

18

Кн. А. Ф. Голицын, «отборный из инквизиторов», по определению Герцена, специализировался на расследовании политических процессов. В 1834—1835 гг. он участвовал в следственной комиссии по делу Герцена и Огарева. В 1849 г. принимал участие в следствии по делу петрашевцев. В 1860 г. был председателем следственной комиссии по делу харьковских студентов (см. прим. к записи 28/II 1860 г.). В июне 1862 г. он был поставлен во главе особой следственной комиссии, в которой было сосредоточено расследование всех политических дел.

Апрель

9

Очевидно, речь идет о прокламации «К офицерам» (март 1862 г.). Прокламация перепеч. в сб. «Материалы для истории революционного движения в России 60-х годов». Paris, 1905, стр. 68—69, также в «Колоколе» 1862, л. 133. Прокламация призывала офицеров «спросить у своей совести, чего... держаться»... Правительство «само нарушает мирный ход реформ»... «Реформа, сопровождающаяся заточе-

ниями, ссылкой, каторгой и обагряемая кровью, есть уже настоящая революция». В марте и в апреле 1862 г. в Петербурге распространялись, впрочем, еще две прокламации от имени тайного общества «Русская правда». (Перепеч. в книге М. Лемке. Очерки освободительного движения, стр. 441—444).

10

«Le Nord» 1862, № 163 — корреспонденция из Петербурга об ожидавшихся будто бы к тысячелетию России преобразованиях и превращению Государственного совета в «Верховную земскую думу». Об этой же статье см. «Письма К. Д. Кавелина к И. С. Тургеневу и А. И. Герцену». М., 1892, стр. 47.

Май

5

Шахматный клуб был основан в Петербурге в начале 1862 г. группой литераторов во главе с Н. А. Серно-Соловьевичем. Основной задачей его было сближение оппозиционно настроенных писателей. Клуб имел политическое значение, так как в нем несомненно велись разговоры на политические темы. Известно, напр., что на одном из вечеров читался полученный из-за границы адрес царю о необходимости конституции, составленной Огаревым. В начале июня 1862 г. клуб этот был закрыт правительством на том основании, что в нем «распространяются... неосновательные суждения» о современных событиях.

6

С 1857 г. по начало 1861 г. в Государственный совет было внесено 14 отдельных законопроектов по судоустройству и судопроизводству. 29/IX 1861 г. были утверждены основные положения судебной реформы, а судебные уставы были обнародованы в 1864 г.

11

П. И. Мельников (Печерский) служил в министерстве внутренних дел по раскольничьим делам. В 1862 г. вышли его «Письма о расколе», первоначально печатавшиеся в «Сев. Пчеле».

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ
Фотография. 60-х гг.
Собрание Л. Бухгейма, Москва

11

«Глупые прокламации» — появившаяся в это время «Молодая Россия» (о ней см. ниже). После петербургских пожаров в конце мая 1862 г. Лесков напечатал в «Северной Пчеле» статью, в которой недвусмысленно обвинил студентов в поджоге в революционных целях.

19

«Студенческое дело» — дела Заичневского, Аргиропуло, Сулина, Ященко, Кельсиева, Шипова, Освальда и Гумилина — см. ниже.

20

Речь идет о назначении вел. кн. Константина Николаевича наместником Царства Польского; назначение К. Н., повидимому, было в интересах «реакционной» партии, так как отдаляло его от внутренней политики.

29

Петербургские пожары в мае 1862 г. явились поворотным пунктом в настроении русского общества и позволили правительству окончательно вступить на путь реакции. Есть основания думать, что пожары эти были провокацией. Освещение этого существенного для истории 60-х годов эпизода см. в статье С. Рейсера «Петербургские пожары 1862 г.» («Каторга и Ссылка» 1932, № 10, стр. 79—109). О «Молодой России» см. ниже.

31

Ф. — по всей вероятности, московский митрополит Филарет. Эмигрант кн. П. В. Долгоруков писал о нем в 1862 г. в своем журнале «Véridique», № 3 следующее: «Во время восстания 1825 г. петербургские заговорщики проектировали создание временного правительства в составе митрополита Филарета, адмирала графа Мордвинова и кн. С. П. Трубецкого не потому, чтобы митрополит Филарет участвовал в заговоре, но они его хорошо знали: они знали, что если успех будет на их стороне, то с этого момента он будет самым преданным их сотрудником. Они потерпели неудачу, и хитрый прелат стал выражать самую горячую преданность Николаю, который, однако, никогда не простил ему того, что заговорщики наметили его в числе лиц, имевших возглавить будущее правительство». (П. В. Долгоруков. Петербургские очерки. М., 1934 г., стр. 380; ср. стр. 360).

Июнь

11

Сыновья Я. И. Ростовцева «после кончины своего отца были у Герцена и просили его принять во внимание, что смертью на посту крестьянского дела он загладил свой грех 1825 г.» (прим. М. Лемке к Герцену, т. XV, стр. 238). Об этом стало известно правительству, и указом 5/VI 1862 г. оба брата были уволены от службы; оба они были флигель-адъютантами. См. также запись 24—30/VI.

В. Р. Завадский был арестован в 1862 г. по делу о распространении возмутительных воззваний и подчинен полицейскому надзору. Им, между прочим, был принесен в Сенат первый в Москве лист прокламации «Молодая Россия» (из донесения агента III Отделения — «Красный Архив», т. 29, стр. 180).

Я. Сулин был арестован в 1862 г. за напечатание и распространение книги Н. Огарева «Разбор книги барона Корфа о 14/XII 1825 г.». Приговорен к 3 мес. заключения в смирительном доме и оставлен в подозрении в печатании прокламации Чернышевского «К барским крестьянам». В 1863 г. он был арестован и предан суду по делу «Земли и Воли».

Л. Ященко был арестован в 1861 г. по делу о печатании и распространении запрещенных сочинений и подчинен полицейскому надзору. В 1862 г., по требованию высочайше учрежденной следственной комиссии он был посажен в Петропавловскую крепость и приговорен Сенатом к заключению в смирительном доме на год. О деле Ященко и Сулина см. в приводимой ниже литературе о кружке Заичневского.

23

Речь идет о покушении польского революционера Ярошинского на вел. кн. Константина Николаевича в Варшаве. См. также след. запись.

24—30

См. выше зап. 11/VI.

Июль

5—18

Кружок московского студента П. Г. Заичневского был одним из любопытнейших революционных кружков начала 60-х годов. Процесс кружка начался еще в 1861 г. Деятельность кружка заключалась в распространении нелегальной литературы и разъяснении крестьянам истинного смысла реформы 19 февраля. Сам, П. Заичневский был арестован в 1861 г. за произнесение речи об убитых в Варшаве поляках и за пропаганду среди крестьян. Во время следствия, находясь под арестом, он составил прокламацию «Молодая Россия», являющуюся одним из первых документов русского бланкизма (перепеч. в книге «Прокламации 60-х годов», стр. 57—59). Причастность Заичневского к составлению этой прокламации осталась неизвестной правительству. Заичневский был приговорен к каторжным работам и ссылке на поселение и впоследствии неоднократно вновь подвергался преследованиям за свою революционную деятельность. Он произвел глубокое впечатление на Одоевского. В 1868 г. в «Записке государю» Одоевский писал: «Что было бы с Россией при последней польской революции, если бы она случилась до 19 февраля! NB. Припомните суд в Сенате над социалистами в Москве». («Рус. Арх.» 1895, т. V, стр. 44). Ср. также записи 19—24/VIII. О кружке Заичневского см. Центрархив. Политические процессы 60-х гг.», т. I. М.—Л. 1923, стр. 137—269; «Крест. движ.», т. II, стр. 4—5; М. Лемке. Политические процессы, стр. 1—54; В. Алексеев. Студенческий кружок Аргиропуло и Заичневского и его деятельность («Голос Минувшего» 1922, № 1); Б. Козьмин. Заичневский и «Молодая Россия». М. 1932 (там же библиография) и его же статьи в «Каторге и Ссылке» 1930, №№ 5—9.

Записи Одоевского 5 и 6 июля были опубликованы Б. Козьминым в «Каторге и Ссылке» 1930, № 8—9, стр. 84.

26

О Моск.-Сергиевской жел. дор. см. запись 22/X 1860 г.

Сентябрь

8

8/IX 1862 г. праздновалось тысячелетие России.

11

Прокламация «К образованным классам» грозила им, «своим потворством, допускающим правительство к злодействам и преступлениям», народным восстанием, если они останутся «на стороне правительства» (перепеч. в сб. «Материалы для истории революционого движения в России 60-х годов». Париж 1905, стр. 69—71).

24

Н. Освальд был исключен из университета за участие в волнении 1861 г. В 1862 г. арестован за литографирование и распространение «Великорусса», был приговорен к каторжным работам, замененным ссылкой на поселение. О деле Освальда и Гумилина, помимо литературы о кружке Заичневского, см. В. И. Линде. Воспоминания о моей жизни («Русская Мысль» 1911, VII, стр. 122—125).

Октябрь

22

Плеть в царствование Николая I частично заменила кнут. «Плеть по гибкости своей не резала спины, как резал кнут, но зато от нее спина пухла и вздувалась.» (И. Гольденберг. Реформа телесных наказаний. СПБ 1863, стр. 32). По закону 1863 г. наказание плетьми было сохранено для ссыльных. Окончательно плеть вышла из официального употребления в 1903 г.

Ноябрь

26—27, 29

П. Шипов принимал участие в студенческих волнениях в Москве, был арестован в июне 1862 г. за хранение статьи, предназначенной к напечатанию в эмигрантском издании. В 1863 г. был приговорен Сенатом к 3 мес. тюремного заключения; в том же году привлекался по делу «Земли и Воли».

И. Кельсиев, брат раскаявшегося эмигранта В. И. Кельсиева, принимал участие в студенческих волнениях в качестве депутата и был выслан в Пермскую губернию. В июле 1862 г. он был арестован за написание противоправительственной статьи и в 1863 г. приговорен Сенатом к 4 мес. заключения в крепости; в том же году бежал за границу. О деле Шипова и Кельсиева см. Центрархив. «Политические процессы 60-х годов», т. I, стр. 66—136.

1863 год

Январь

2

Одоевский перешел из 6-го (уголовного) департамента в 8-й, рассматривавший гражданские дела; вследствие этого перехода он избавился от необходимости участвовать в вынесении приговоров, присуждавших обвиняемых к телесным наказаниям.

В 6-м департаменте в этот день был объявлен приговор по делу кружка Заичневского (см. запись 5—18/VII 1862 г.). Объявление приговора было отложено до отъезда Александра II из Москвы, так как власти опасались студенческих демонстраций. Аргиропуло скончался в тюрьме, и тело его было похоронено тайком, опять-таки из боязни демонстрации. Собравшиеся на объявление приговора студенты не были пропущены в зал заседаний, и все обошлось спокойно.

15

Речь идет о нападении польских повстанцев на русские воинские части в ночь с 10 на 11 января, открывшем собою польское восстание 1863 г. Внешним поводом к восстанию послужило проведение в Польше рекрутского набора, фактически имевшего целью освободить Царство Польское от неблагонадежных элементов.

29

Упоминаемая Одоевским статья И. С. Аксакова «О всенародном польском сейме для решения польского вопроса» к печати разрешена не была (вошла в «Полное собрание сочинений» И. С. Аксакова, т. III, стр. 22—32). Вместо нее была помещена заметка от редакции о том «что молчание не есть наша прихоть... Мы смеем уверить читателей, что при каждом № исполняем добросовестно свою редакторскую обязанность, и что отсутствие наших передовых статей еще не значит, чтоб их не было... Не все то можется, что хочется» («День» 1860, № 5). Не появились в «Дне» и следующие передовые статьи от 8 и 23/II и 2/III на польские темы (вошли в «Полное собрание сочинений», т. III, стр. 32—54).

Предложение И. Аксакова в общем верно изложено Одоевским. Равнодушие польского крестьянства к лозунгам политической независимости Польши, подчеркивающее классовый характер всего движения, было на руку русскому правительству, которое, стремясь еще больше оторвать крестьян от польского дворянства и буржуазии, дало крестьянам Царства Польского ряд льгот за счет польских землевладельцев. Польский всенародный сейм с непременным участием крестьянства должен был, по мнению Аксакова, решить вопрос, действительно ли отвечает желанию страны политическая независимость, на которую Польша безусловно имеет право, конечно, не в пределах бывшего польского королевства.

Наивное мнение Одоевского о «вине всех бед —иезуитизме» ср. с другими аналогичными высказываниями в «Дневнике», как по поводу польских дел, так и в связи с революционным движением (записи 11/V, 29/VIII и 20/X 1863 г., 2/I и 26/III 1864 г., 20/X 1866 г. и 26/XI 1868 г.).

«Социнизм» (социнианство)—крайне рационалистическое течение в протестантском богословии, принимающее евангелие, поскольку оно не противоречит человеческому разуму, и придающее значение главным образом этическому учению, изложенному в нем.

Февраль

19

Речь идет о первых выборах в московскую городскую думу, происходивших на основании Положения 1846 г. Согласно этому Положению, кандидатуры намечались на особых частных совещаниях сословных выборных. Упоминаемая Одоевским речь И. В. Селиванова была опубликована («Моск. Вед.» 1863, № 40) и вызвала оживленную дискуссию (там же, №№ 44, 47, 50 и 53; «Наше Время» № 57).

25

До своего назначения в Сенат В. А. Арцимович был губернатором в Тобольске (1854—1858) и в Калуге (1858—1862), где показал себя незаурядным администратором и человеком либеральных воззрений. Он основывал газеты, к участию в которых привлекал даже ссыльных, учреждал школы, всячески стимулировал умственную и общественную жизнь края. При проведении крестьянской реформы он устраивал в Калуге периодические съезды мировых посредников, на которых публично обсуждались острейшие вопросы практики крестьянской реформы. Подобная деятельность Арцимовича вызвала ожесточенный отпор со стороны местного дворянства и утвердила за Арцимовичем кличку «красного», хотя, разумеется, ни о какой революционности Арцимовича не может быть и речи. Напряженные отношения Арцимовича с местным дворянством вызвали его назначение в мо-

сковские департаменты Сената, где он, впрочем, прослужил недолго, так как вскоре, в разгар польского восстания, был переведен в Варшаву. Слава «красного» создала Арцимовичу в Москве в кругах высшей бюрократии известную изолированность, отмечаемую Одоевским. Об Арцимовиче см. сборник воспоминаний «В. А. Арцимович, Воспоминания» (СПБ, 1904).

Зимою 1863 г. профессор философии Московского университета, ранее проф Киевской духовной академии, П. Д. Юркевич прочел цикл публичных лекций по философии, направленный против материалистов (в частности против популярного тогда Бюхнера). «Здесь встречается цвет московского общества,—писали «Моск. Вед.»,—дам постоянно бывает очень много. Со своей стороны педагоги приписывают чтениям г. Юркевича большое значение, напр., директор I гимназии взял для лучших воспитанников высших классов значительное количество абонементных билетов. Это распоряжение объясняется очень просто тем, что в гимназиях высшие вопросы о жизни и человеке нередко разрешаются ныне с помощью Бюхнера...» (Несколько слов о публичном курсе г. Юркевича, «Моск. Вед.» 1863, № 58).

Упоминаемая Одоевским лекция была посвящена «трем основным формам душевной деятельности: представлению, чувствованию и желанию». Лекции Юркевича, прославившиеся в правых кругах своей полемикой против Чернышевского, вызвали уничтожающие отклики «Искры» и «Свистка».

Март

10

1863 год прошел в России под знаком угрозы войны, так как польское восстание вызвало дипломатическое вмешательство Англии, Австрии и, особенно, Франции, обеспокоенных опасностью международной революции и настаивавших на уступках польским требованиям. Насколько основательны были эти опасения, показывает, например, переписка Маркса и Энгельса. «Если они [поляки] продержатся некоторое время,—писал Энгельс Марксу 11 июня 1863 г.,—то они все же могут попасть в общеевропейское движение, которое их спасет... Европейское же движение кажется мне очень вероятным, ибо обыватель снова отделался от своего страха перед коммунистами и, в случае необходимости, готов пойти вместе с ними... Что меня больше всего удивляет, так это то, что в Великороссии не начинается крестьянское движение. Повидимому, польское восстание имело в этом смысле определенно неблагоприятное влияние» (Соч. т. XXIII, стр. 151—152). И действительно, польское восстание вызвало в России исключительный подъем национализма, охвативший значительные и разнообразные слои русского общества, в том числе и либерально-бюрократические круги, к которым принадлежал Одоевский. С этого момента в России резко упала, например, популярность «Колокола», принявшего сторону поляков.

13—18

Рихард Вагнер в 1863 г. приезжал в Россию, где дал несколько концертов в Петербурге и Москве, встречая горячий прием ряда русских музыкальных деятелей (Серов и др.). Статья Одоевского «Первый концерт Вагнера» появилась в газете «Наше Время» (1863, № 57) за подписью «О. О. О.». Восторженно приветствуя Вагнера, Одоевский определяет его, как эпоху в драматической музыке, а его концерты в России — как эпоху в русской музыкальной жизни, прозябавшей под знаком музыки итальянской.

В Москве Вагнер дал три концерта (13, 14 и 15 марта), при чем в программе были отрывки из его произведений, исполнявшиеся двойным составом оркестра (до 150 чел.) с участием хора и солистов московских театров.

Апрель

5

Подъем национализма в России (см. прим. к записи 10/III) вызвал ряд адресов Александру II, в которых самые разнообразные круги разнообразных местностей России изъявляли свой патриотизм и верноподданические чувства. Московское дворянство подало адрес на аудиенции 17 апреля. Тогда же был подан адрес и от московских старообрядцев, которым Александр сказал: «Мне хотели вас очернить, но я этому не поверил и уверен, что вы такие же верноподданные, как и все прочие». Текст адресов раскольников Рогожского кладбища и беспоповцев Преображенской богадельни см. Татищев, т. I, стр. 431—432 и в дневнике М. Погодина (Барсуков, т. XX, стр. 139—140). Адрес дворянства был написан И. С. Аксаковым, а адрес старообрядцев — М. Н. Катковым.

8

«Мастеровой» — драма Е. Е. Прохорова. Напечатана, повидимому, нигде не была. Е. Е. Прохоров напечатал только свою драму «Брантмейстер» (СПБ, 1858).

17

Речь идет о молебне «во славу русского оружия». В дневнике Никитенко под той же датой находим аналогичную картину в Петербурге (т. II, стр. 380).

19

Закон об отмене плетей—см. запись 2/I и прим. к записи 22/X 1862 г.

22

В действительности, в своей речи в ответ на поданные ему адреса, Александр говорил значительно скромнее: «Я еще не теряю надежды, что до общей войны не дойдет; но если она нам суждена, то я уверен, что с божьей помощью мы сумеем отстоять пределы империи и нераздельно соединенных с нею областей». См. Татищев, т. I, стр. 431.

29

Генерал Назимов, управлявший Сев.-Зап. краем, не смог совладать с польским движением, так как едва ли не вся администрация состояла из поляков, сочувствовавших и способствовавших восстанию. Лучшая часть русского офицерства также была на стороне Польши.

Генерал Муравьев, заслуживший беспощадным подавлением восстания кличку «Вешатель», образовал из крестьян сельскую стражу для охраны сел. См. М. Н. Муравьев. Записки об управлении Сев.-Зап. краем и об усмирении в нем мятежа 1863—1866 гг. («Рус. Стар.» 1882, т. XXXVI, стр. 394—398).

Май

19

Упоминаемая Одоевским статья в Journal de St.-Pét. (1863, № 112) являлась пространным ответом «Morning Post» от 12/V и «La Patrie» от 15/V, якобы односторонне осветившим один из ярких эпизодов польского восстания—захват русского транспорта с оружием отрядом гр. Платера под Динабургом (Двинском) 13 апреля. Главную роль в борьбе с отрядом Платера сыграли местные крестьяне-раскольники, давшие иностранной печати повод обвинять их в насилиях над польскими помещиками и в грабеже помещичьих мыз. Русская официальная пресса пыталась опровергнуть грабежи и насилия, подчеркивая «верноподданические чувства» крестьян. О фактической стороне дела см. «Крест. движ.», вып. II, стр. 75 и Н. Барсуков, т. XX, стр. 150—153.

«Замечательные сегодняшние статьи»: 1. «Моск. Вед.» № 108 — перед. ст. о намерениях Англии требовать перемирия между Польшей и Россией; это была третья из перед. ст. (№№ 106, 107 и 108), где вскрывались причины, руководившие, по мнению Каткова, Австрией, Францией и Англией в их польской политике: у Австрии — желание усилить отлив поляков в русскую Польшу и освободить Галицию для немецкого влияния; у Франции — необходимость обеспечить себе, в случае войны с Германией, помощь с востока и у Англии — желание отвлечь Россию от ближневосточных дел. 2. «День» № 20 — перед. ст. о невозможности для России согласиться на конгресс для решения «нашей внутренней польско-руоской тяжбы».

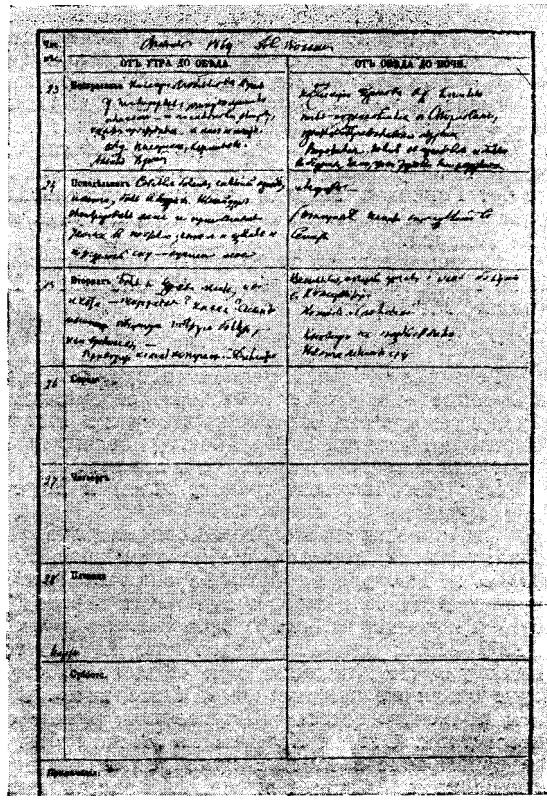
24—25

Статья Христиана Островского называлась «Les Massacres de Livonie» и была напечатана в газете «La Patrie», откуда она в целях полемики была перепечатана «Journal de St.-Pét.». В статье говорилось о преследовании польских помещиков в Лифляндии не латышскими крестьянами, как утверждали русские газеты, а русскими раскольниками, «которых уверяли, что целью польского восстания было уничтожение их до последнего» (Journ. de St.-Pét. 1863, № 113).

Капитан Полоцкого пехотного полка А. И. Никифоров был взят в плен отрядом повстанцев Чаховского 10 апреля 1863 г. в окрестностях г. Опочно. «Зверства поляков над пленными» в изображении русских газет, были, повидимому, преувеличены, но несомненно, что все пленные, взятые вместе с Никифоровым, кроме одного, случайно уцелевшего, были повстанцами повешены. Запись Одоевского основана на описании казни Никифорова в «Русском Инвалиде»: «...в минуту, когда вздергивали веревку капитана Никифорова, он успел поднять правую руку с угрожающим на толпу жестом, — рука сохранила это положение и тогда, когда тело его уже висело в воздухе: повешенный как бы грозил толпе» (1863, № 111).

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ДНЕВНИКА В. Ф. ОДОЕВСКОГО

Публичная Библиотека, Ленинград



29

Статья «Роковой вопрос» («Время» 1863, кн. 4, апрель, стр. 152—163, подп. «Русский») была резко направлена против общего патриотического подъема. Автор статьи Н. Страхов доказывал, что поляки считают свою борьбу с Россией борьбой цивилизации против варварства. Статья повлекла за собой запрещение журнала. См. запись 2—3/VI.

В «Рус. Вестн.» 1863, кн. 5 (вышла в конце июня) Катков реабилитировал «Время» и автора статьи, назвав все это дело «недоразумением» (стр. 398—418). С 1864 г. вместо «Времени» была разрешена «Эпоха».

30

«Польским катехизисом» назывался документ, едва ли не сфабрикованный III Отделением, в котором изложены «правила польского поведения» по отношению к России. Документ этот, якобы найденный на одном из убитых повстанцев, появился в «Рус. Инвалиде», откуда был перепечатан «Моск. Вед.» (1863, № 116).

Июнь

2

И. С. Аксаков в передовой, под заглавием «Заметка по поводу статьи в журнале «Время» (в 4-й книге) «Роковой вопрос» за подписью «Ред.» выступил против статьи, придравшись к одному месту ее, где неправильно цитировался И. В. Киреевский.

Июль

21

В середине июня английский, французский и австрийский посланники в Петербурге вручили Горчакову ноты, в которых предлагали России перенести решение

польского вопроса на европейскую конференцию из восьми держав, подписавших Венский трактат 1815 г., предусматривавший отношения России и Польши. Различные по форме, ноты эти требовали немедленного перемирия с Польшей с тем, чтобы конференция решила вопросы об амнистии повстанцам, о польской конституции, о польском языке и польской национальности, как официальных в Польше, об отмене стеснений католицизма и т. д. Ответ Горчакова решительно отвергал всякое перемирие с восставшими и необходимость европейской конференции из восьми держав, соглашаясь лишь на частное соглашение с Австрией и Пруссией, участницами раздела Польши, но и то только после подавления восстания. Вместе с этим Горчаков заявлял, что по «восстановлении порядка» в Польше русское правительство займется осуществлением ряда мер в целях «нравственного замирения» Польши.

Освещение всего этого дипломатического инцидента и его подоплеки см. в ст. М. Н. Покровского «Польша и Европа после Венского Конгресса» («Внешняя политика», М., 1919).

26—27

Речь идет об «освященном соборе» раскольников, на котором разбиралось так называемое «Окружное послание», стремившееся всячески сгладить разногласия между православием и раскольниками и примирить раскольников с господствующей церковью. Приезжавший в Москву Белокриницкий митрополит Кирилл, встретив сильное недовольство посланием, признал его недействительным.

Iсус (беспоповская транскрипция) и Iисус (православная) согласно посланию были признаны идентичными.

Столкновение Белокриницкого митрополита со сторонниками Герцена вполне вероятно, хотя, конечно, и не в том виде, как это передает Одоевский. «Колокол» в 1863 г. уделял большое внимание раскольникам. Близким в это время к Герцену В. И. Кельсиевым был начат перевод библии (часть была издана в Лондоне) и выпущен «Сборник правительственных сведений о раскольниках» Вып.1—4, 1860—1862; одной из задач поездки Кельсиева в Россию было сближение со старообрядцами; наконец, при «Колоколе» стало выходить посвященное расколу и раскольникам приложение «Общее вече». В среде же раскольников, под влиянием польского восстания, произошли резкие сдвиги в сторону сближения с правительством. Отъезд Кирилла из Москвы был вызван, повидимому, боязнью, что его пребывание в Москве приобретает политическую окраску в свете натянутых отношений с Австрией и может повлечь новые гонения на раскольников (Ср. «Колокол» 1863, «Общее вече» № 21).

30

О «Самарянине» см. прим. к записи 14/XII 1868 г. «Житейский быт» — см. Бумаги Одоевского, пер. 89.

Август

14

В 1863 г. в Париже вышла анонимно брошюра M. Granier de Cassagnac «L'empereur, la Pologne et l'Europe», выражавшая неудовлетворенность европейского общественного мнения дипломатическими ответами России и серьезно говорившая об угрозе войны. Брошюра вызвала оживленные отклики в Европе и ответ России («Reponse d'un Russe à la brochure fraçaise l'Empereur, la Pologne et l'Europe» (St-Pét., 1863), принадлежавший перу В. С. Неклюдова и представляющий польское восстание, как бунт кучки польских помещиков и духовенства.

29

Статья в «Дне» — повидимому, статья в № 34 — «О русском обществе Западного края. Письмо к редактору», где говорилось об отсутствии в Западном крае русского общества и успехах польской пропаганды.

Одновременно «День» защищал в передовой статье того же номера мысль о том, «что политическая самостоятельность Царства Польского представляет менее невыгод для России, чем его насильственное с нею соединение», подчеркивая одновременно необходимость подавления «мятежа» и уничтожения «народного жонда».

Сентябрь

9—14

Европейские державы в своих новых нотах настаивали на праве вмешательства в польские дела, поскольку эти дела всеевропейские и присоединение Польши к России произошло с санкции европейских держав, подписавших Венский трактат 1815 г. Горчаков в своем ответе категорически отклонил это вмешательство.

17

«Архипастырское увещание самогитского римско-католического епископа» Матвея Казимира Волончевского появилось в «Голосе» как перепечатка из «Виленского Вестника» и сопровождалось предложением ген. Муравьева Ковенскому губернатору «немедленно обнародовать по всей вверенной вам губернии, приказав прочитать его во всех костелах с амвонов, а также во всех селах, деревнях и городах, для чего препровождается к вам эти 5 тысяч печатных экземпляров оного» («Голос» 1863, № 243).

24

Опера «Демон» (впоследствии «Тамара») второстепенного русского композитора Б. А. Фитингофа-Шеля появилась на сцене только в 1885 г. и не имела успеха, не выдержав соперничества с известной оперой А. Рубинштейна. Фитингоф оставил после себя воспоминания под заглавием «Мировые знаменитости» (М., 1899), где охарактеризовал Одоевского, как «музыкального хирурга». «Он обладал глубоким знанием музыки, но так увлекался разбором музыкальных сочетаний, что музыкальные красоты так сказать стушевывались для него перед интересом звуковых комбинаций. В нем музыкальное сердце как бы отсутствовало, уступив место разуму» (стр. 47). Эта, в общем верная характеристика, объясняется, однако (особенно в части «отсутствия музыкального сердца»), и тем, что Фитингоф в понимании серьезной музыки стоял неизмеримо ниже Одоевского. Характерна деталь воспоминаний Фитингофа. «Он показывал мне самые курьезные музыкальные фокусы, составление коих его очень занимало. Была, например, пиеса Le Carillon. В ней шли одновременно: церковное пение, мотив веселый, другой грустный и педаль одной и той же ноты через всю пиесу. Или другая: Aller et retour. Играл мотив в тридцать два такта, после чего он повторялся, а при повторении играл одновременно тот же мотив, но с конца до начала. Подобных и других пиес гораздо сложнее было у Одоевского не мало» (стр. 48).

См. также воспроизведенный в нашем издании автограф музыкальной шутки Одоевского (стр. 259).

29—30

Полонофильская статья Charles de Marade «Hiut mois de guerre et de diplomatie en Pologne была помещена в «Revue de deux mondes» 1863, т. XLVII, 1 sert., pp. 922—963.

Октябрь

9

Приглашение американского посла на обед в Москву могло быть вызвано только тем обстоятельством, что США отказались от совместных с Англией, Францией и Австрией дипломатических шагов против России, за что А. М. Горчаков в особой ноте благодарил правительство США. Противоположность русских и американских интересов французским и английским подчеркивалась даже в официальных выступлениях. В пику Англии, Россия поддерживала Северные штаты во время междуусобной войны в Америке. В 1866 г. специальная миссия конгресса привезла Александру II поздравление по поводу «чудесного избавления» от выстрела Каракозова.

30

В рескрипте бывшему наместнику Царства Польского вел. кн. Константину Николаевичу деятельность его в Польше была представлена как путь мирных преобразований, отвергнутый восставшей Польшей.

Ноябрь

11

Речь идет о прекращении Гос. банком платежей звонкой монетой, в чем обвиняли министра финансов Рейтерна. См. Никитенко, т. II, стр. 150—151.

Статья Каткова о внутреннем займе — передовая «Моск. Вед.» № 241.

20

Речь идет о писавшейся тогда Серовым опере «Рогнеда», в которую Серов, несмотря на советы Одоевского, все же скита не ввел.

Упоминаемый Одоевским Skizzen-Buch — может быть тот самый, о котором рассказывает в своих воспоминаниях Б. А. Фитингоф-Шель.

О первом визите Серова с женой к Одоевскому, см. Воспоминания Серовой, стр. 42—43. Там же см. характеристику Одоевского.

1864 год

Январь

1—2

«Что делать?» написано Чернышевским в Петропавловской крепости; роман печатался в «Совр.» за 1863 г. Сводку откликов на «Что делать?» см. в ст. Н. Бродского «Чернышевский и читатели 60-х годов» («Вестн. воспитания». 1914 № 9) и в книге Г. Берлинера «Н. Г. Чернышевский и его литературные враги», М.-Л., 1930, гл. X—XII. В безнравственности первые обвинили Чернышевского «Сев. Пчела» и «Голос» еще в 1863 г. Как это ни странно, запись Одоевского показывает, что до января 1864 г. он не знал, что Чернышевский арестован, и не имел представления о его деле.

6

«Юдифь», первая опера А. Н. Серова, на основе одноименной трагедии Джиакометти, была поставлена впервые 16 мая 1863 г. в Мариинском театре.

10

Б. Н. Чичериным посвящены Одоевскому следующие иронические строки: «Некогда московский архивный юноша и писатель с некоторым дарованием он впоследствии обратился в весьма добродушного придворного, но продолжал серьезно заниматься всякими безделушками, что приобрело ему прозвание: великий человек на малые дела. Узнавши, что я направляюсь в Лондон, он тотчас поручил отыскать для него книгу сигналов, которой я впрочем не нашел и никогда не узнал, на что она была ему нужна» (Воспоминания Б. Н. Чичерина. Путешествие за границу. М., 1932, стр. 45).

Апрель

3

Поселившись в Москве, Одоевский возобновил свои вечера. По пятницам главенствовала музыка, по средам литература (ср. впрочем: «по субботам у меня бывает содомно» — письмо Одоевского С. А. Рачинскому в сб. «Е. А. Боратынский» П. 1916, стр. 123). Однако, вновь возникнув, салон Одоевского потерял свое значение; передовые писатели не бывают у него: «...представители русской литературы на вечерах Одоевского—все писатели либо старые, либо глубоко оппозиционные. В 60-х годах салон Одоевского живет уже воспоминаниями» (М. Аронсон и С. Рейсер. Литературные кружки и салоны. Л., 1929, стр. 283. См. там же материал о салоне Одоевского, стр. 171—182 и комментарий, стр. 280—283).

23

Речь идет о «Кружке любителей драматического искусства» — см. о нем «Русская сцена» 1864, № 5 и в готов. к печати работе В. Н. Всеволодского-Гернгросса. «Театр для народа в царской России». См. также «Антракт» 1864 от 17/II — ст. «По поводу исполнения «Грозы» на сцене кружка любителей драматического искусства».

Июль

27

Одоевский имеет в виду книгу Jacob Jusza. Vita Meletii Smotrijcii, Ed. nova, emendation et anctior curante Joanne Martinov, persb. S. J. Bruxelles, 1864.

Август

16

О крестьянском самоуправлении ср. откровенное признание предс. Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева: «Народу нужна была сильная власть, которая заменила бы власть помещика» (цит. по Покровскому, т. IV, стр. 110).

Споры с общинниками — полемика с славянофилами. Отношение Одоевского к славянофилам было очень сложно и противоречиво. Во второй половине 50-х и в начале 60-х годов он резко осуждал славянофильство. В бумагах Одоевского сохранилось несколько его статей, любопытных для характеристики этого отношения. К 1859 г. относится следующий незаконченный ответ К. Аксакову, озаглавленный Одоевским «Хмельное дитя», с эпиграфом из «сочинений госп. К. Аксакова»: «Душенька народ, миленький народенька».

«Ребенок забрался в нянюшкин шкап и вместо кваса выпил глоток сладкой водки. Понравилось; он и еще; оттого дитя несет всякую дичь; дитя пляшет, дитя плачет, в самозабвении повторяет без устали какую-нибудь заученную бессмыслицу или схватит китайскую куклу и то припевает ей: душенька урод, миленький уроденька! то величает своего уродца красавцем, и говорит, что нет ему

подобного в свете; иногда уронит куклу, разобьет, да и сам ушибется—а ему все нипочем,—лишь бы наболтаться вдоволь; иногда, вообразив себя богатырем, берется поднять [нрзб.] кресло, силишки нехватает, — дитя сердится и кричит; ничего не слушает, ничему не вникает; станут его усовещевать — он жалуется и ропщет; словом, в комнате от него беспокойство, не дает он никому прохода своею дребеденью и всякому делу от него помеха. Бывает хуже: разозлившись, дитя выдумывает какую-нибудь нелепость, утверждает, что слышал ее от кого-нибудь из домашних. Все это и смешно и жалко; но не обвиняйте дитяти, оно—охмелено.

Но странно, когда человек, который из ребят давно уже вышел, позволяет себе подобные проделки. В ребенке все это может быть забавно, но что тут милого, когда здоровенный мужик примется блажить или проситься на ручки. К сожалению, такие примеры не редки во всех литературах, а равно и в нашей.

Недавно г. К. Аксаков, издатель «Паруса», выдумал нелепую фразу, выставленную здесь в эпиграфе, на основании какого-то Китайско-Манджурского кодекса рассудив за благо приписать ее своему сопернику или кого он считает, нивесть почему, своим соперником» (Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 79—80).

Этот ответ К. Аксакову нуждается в пояснении. В газете «Парус» (издававшейся не Константином, а Иваном Аксаковым), закрытой после выхода двух номеров, была помещена едкая и убедительная рецензия К. Аксакова на новый журнал «Народное чтение, Книжка I, сост. А. Оболенским и Г. Щербачевым. СПБ, 1859». В рецензии К. Аксаков восставал против «просвещенных забот» образованного общества: «Чтение для народа! По нашему мнению, уже в этой мысли лежит ложь! Что же народ—разве особенный отдел людей?... И что это за чтение по сословиям? Но ведь в то же время у вас нет чтения дворянского, нет чтения купеческого...» («Парус», № 1). Далее Аксаков писал, что так называемое образованное общество, при всей массе своих сведений, не умеет самостоятельно мыслить; «шкап, наполненный самыми умными книгами, нисколько от того не выигрывает». Приступая к разбору самого «Народного чтения», Аксаков отметил, что все же «сотрудники «Народного чтения» не подходят к народу, как уж к совершенно несмысленному ребенку, как делал это князь Одоевский, который чуть не говорил народу: «душенька народ, миленький народенька». Аксаков подразумевал в данном случае издававшиеся в 1848—1863 гг. Одоевским совместно с А. П. Заблоцким сборники «Сельское чтение».

Любопытно, что Одоевский осуждал закрытие «Паруса» только потому, что это могло вызвать излишний интерес к вышедшим номерам «Паруса» (Бумаги Одоевского, пер. 19, л. 159—161).

То же, столь возмутившее его, выражение К. Аксакова взято Одоевским в качестве эпиграфа для неоконченной, очень резкой статьи «Стрелецкое толкование о всеобщем растлении» (Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 272—286), где Одоевский выступает (очевидно также против «Паруса») с апологией Петра I и с обвинениями славянофилов в презрении к науке. Характерны, например, следующие строки: «Теперь, в 1859 г., когда русская наука, русская промышленность, общественное устройство, что бы ни говорили, растут не по дням, а по часам... в это самое время находятся люди, которые ничего этого не видят и напевают старую песню о современном растлении и о патриархальной нравственности предков; что еще курьезнее, эту нелепую песню вкладывают для народного чтения; льстят всем народным слабостям, и вместо того, чтобы внушать простому народу смирение и кровную для него необходимость учиться, тешат его самолюбие уверениями, что он тем умнее и добрее, чем менее учится иноземным наукам, а что те, «кто многим наукам учен, тот и помолиться порядочно не умеет...»

Также против славянофильства направлены две неоконченные статьи без заглавий (Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 293—295 и 296—299 об.). Приводим начало второй из них:

«Что значат в самом деле слова: народное воззрение, народный быт, исторический народный быт.

Всякий мыслящий человек невольно от времени до времени должен спрашивать самого себя, что я такое? Куда я иду, чего я должен держаться, чтобы не сбиться с пути и достигнуть того, что мне следует.

Так спрашивает мыслящий человек и за самого себя и за то общество, которому он принадлежит, будет ли то дом, семья, деревня, город, народ, торговое товарищество или компания на акциях.

Подобный вопрос издавна поднялся и в русской литературе; спрашивали, что мы такое, куда нам идти и чего держаться.

Ответы были разные: одни говорили, мы Азия и останемся Азиею; протянем вокруг себя Китайскую стену и будем жить припеваючи, ни о чем не заботясь.

Другие говорят: поднимай выше, мы отнюдь не Азия мы Европа как она есть и как ей быть надлежит; окошко прорублено, его уже не заделать, да и те, которые за окошко выглядывают, утверждают, говоря словами поэта, что

За морем житье не худо.

Иные и так говорили: мы ни Азия, ни Европа, а так сами по себе и принадлежим к той части света, которая называется человечеством, чего нам и следует держаться, но тем споры не кончились; человек уже такой каламбурист от природы, что какое ему слово ни дай, он непременно постарается придать ему какой-нибудь посторонний смысл, чтобы вывести из него какую-нибудь огромную, великолепную пустоколосицу. Благо человечество есть слово эластическое, можно вытянуть его как угодно и куда угодно.

Грустно сознаться, а все это жестоко смахивает на Гулливерову историю. Лиллипуты, у которых важнейшим государственным вопросом было: с какого конца должно есть яйца, с большего или с маленького, обратились к древним преданиям, чтобы узнать, как отцы уложили; и действительно было найдено, что вопрос разрешался древним мудрецом, но следующим образом: есть яйца с того конца, с которого удобнее. Такое решение разумеется никого не удовлетворило; одни утверждали, что благочестивый праотец называл удобнейшим большой конец яйца, другие утверждали, что такое утверждение есть вполне еретическое и что великий праотец очевидно под словом удобнейший не мог принимать ничего иного, кроме острого конца и бедный Гулливер был заподозрен, что он в тайне разделяет учение тупоконечников.

В недавнее время появились люди, возвестившие, что решение вопроса найдено, а именно, что мы происходим от некоего коренья, что корение очень крепко, что оно имеет в себе представителя в народном воззрении, которое основано на народном быте и что сверх того этот быт не только народный, но еще и исторический народный быт. Может быть, что оно и так; только вот вопрос: откуда приняться за народный быт: с тупого конца или с острого? Этот вопрос не безделица».

Одоевским начата была также пьеса «Разгадка комедии «Князь Луповицкий»—ответ на известную комедию К. Аксакова.

Сентябрь

О симбирских пожарах см. прим. к записи 11/XI 1865 г.

8

О книге Шедо-Ферроти см. прим. к записи 30/IX.

15

См. прим. к записи 11/XI 1865 г.

17

Лекции Духинского — «Necéssité des réformes dans l'exposition de l'histoire des peuples aryàs—européens et tourans, particulièrement des Slaves et des Moscowites» par F. H. Duchinski (de Kiew). P. 1864.

В своих лекциях Духинский пытался доказать, что великороссы—не славянского, а монгольского происхождения. О Духинском см. Герцен, т. XIX, стр. 439; т. XX, стр. 117, 160; также «Отеч. Зап.» 1864, июль, стр. 426—448 «Историк Духинский из Киева».

Напечатанные Бартеневым бумаги—«Из бумаг кн. В. Ф. Одоевского» («Рус. Арх.» 1864, стр. 804—849). Это были письма Велланского, Шаховского и др. к Одоевскому, переписка Пушкина и Одоевского и т. п. В «Рус. Инвалиде» был перепеч. отрывок из примечаний Одоевского к его ненапечатанной в свое время статье 1836 г. «О нападении петербургских журналов на русского поэта Пушкина». В примечаниях этих Одоевский говорил о польской партии, польском направлении и крепко стоявших друг за друга поляках-журналистах.

21

Неоконч. ст. «Защитники польского панства» (против газ. «Весть»). Бумаги Одоевского, пер. 13, л. 5—8. Крепостники из «Вести» высказывались против той политики по отношению к польскому землевладению, которая проводилась русским правительством в Польше, усматривали в ней подрыв принципа частной собственности.

30

Речь идет о брошюре бар. Фиркса, писавшего под псевдонимом Schedo-Ferroti, «Que fera-t-on de la Pologne»; ее автор высказывался за проведение в Польше либеральных преобразований и против руссификаторской политики, проповедником которой выступал в «Московских Ведомостях» Катков. Брошюра была написана по указаниям, данным автору министром народного просвещения Головниным, враждовавшим против Каткова. По выходе ее Головнин разослал ее по всем

университетам и гимназиям. Катков счел необходимым выступить с возражениями против Шедо-Ферроти и при этом указал, что Головнин несколько раз обращался к нему с комплиментами по адресу его статей о польском вопросе и с предложением издать эти статьи в виде особого сборника. В передовой статье «Моск. Вед.». 29/IV фамилия Шедо-Ферроти и название его книги не приведены и сказано, что «по некоторым причинам мы затруднены печатанием заявлений по поводу этой книги». 7/X, в ответе на письмо Шедо-Ферроти, «Моск. Вед.» подчеркнули, что «сношения [с ним] путем печати были крайне затруднительны». Следовательно, цензурное запрещение сначала, действительно, существовало.

См. также записи 8/IX, 4 и 14/X и 11/XI.

Октябрь

4

См. прим. к записи 30/IX.

5

Очевидно, речь идет о нападках Каткова в «Моск. Вед.» на Головнина.

6

«Эсфирь» — очевидно описка — вм. «Юдифи».

11

Э. Ж. Шеве пропагандировал «цифирную методу для хорального пения». О неудачах Шеве в Петербурге и заботах о нем В. А. Соллогуба и его брошюре о Шеве см. В. А. Соллогуб. Воспоминания. Л. 1931, стр. 503. Одоевский писал о методе Шеве в ст. «Бесплатный класс хорового пения» («День» 1864, № 46. Им. отд. оттиск). Там же указана и литература.

12

Как известно, гр. Д. П. Блудов был делопроизводителем Верховной следственной комиссии и составителем ее «Донесения».

14

О книге Шедо-Ферроти см. прим. к записи 30/IX.

30

Статья была напечатана в «Дне» (см. прим. к записи 11/X).

Ноябрь

20

Поэма В. А. Соллогуба «Нигилист» была напеч. в сб. «Утро» (М., 1866), издававшемся М. Погодиным (всего вышло три книги на протяжении десяти лет). Весь сборник в целом (и, в частности, поэма Соллогуба) имел ультра-реакционный характер. Жестокий разбор «Утра» был напеч. в «Искре» 1866, № 11; см. также воспроизведенную в нашем издании карикатуру из № 12 «Искры». Д. Минаев написал пародийное продолжение «Нигилиста», мотивируя это тем, что «по всем вероятиям, второй [на самом деле третий] выпуск «Утра» выйдет никак не ранее 1966 г.». См. «Здравия желают». Стихотворения отставного майора Михаила Бурбонова». СПБ., 1867, стр. 243—263.

Уничтожающую рецензию на третью книгу «Утра» см. «Отеч. Зап.» 1868, № 7, совр. обозр., стр. 62—72.

28

Русское музыкальное общество подготовляло открытие в Москве Консерватории. А. Н. Серов, враждовавший с петербургским музыкальным обществом, кафедры не получил. О возможности разрыва между московским и петербургским отделами Общества в случае, если бы первый оказал Серову помощь (например, устройство концерта в его пользу) см. в письме А. Н. Серова Одоевскому от 4/XII 1864, напечатанном в сб. «Е. А. Боратынский» П., 1916, стр. 113—115 («Пружина препятствий — только та, что я не сгибаю спины перед музыкальным временщиком [А. Г. Рубинштейном], которого — по своим идеалам — ни с какой стороны (кроме пианизма) уважать не могу»).

Декабрь

28

«Рус. Вестн.» 1864. Октябрь, стр. 613—631. В статье доказывалось отсутствие наследственной вражды между Россией и Турцией и в столкновениях с Турцией обвинялись западные державы.

1865 год

Январь

5

Московское дворянское собрание 1865 г. и его адрес Александру II было одним из заключительных эпизодов дворянской фронды, последней вспышкой конституционно-аристократического движения. Собранием был принят всеподданнейший адрес о созыве выборных людей от земли русской и созыве выборных от дворянства — по два от каждой губернии. Правительство встретило выступление московского дворянства сурово. Все постановления собрания были отменены. Принятие адреса дало повод лишить дворянские собрания некоторых прав. См. также записи 13—23, 26 и 30/I, 1, 19 и 23/II с 9/III.

К этому эпизоду относится известное стихотворение Ф. И. Тютчева:

Куда себя морочите вы грубо!
Какой у вас с Россиею разлад!
Куда вам в члены английских палат?
Вы просто члены английского клуба.

Дворянскому собранию 1865 г. посвящены две эпиграммы С. А. Соболевского («Эпиграммы и экспромпты». М. 1912, ст. 64. первая редакция одной из этих эпиграмм находится в Бумагах Одоевского, пер. 93, л. 77). В бумагах Одоевского находятся списки еще двух стихотворений, вызванных этим инцидентом. Печатаем первое из них:

Во след за речью речь звучала:
«Народ, и правда, и права!»
Что ж это? Земские-ль начала?
Игра-ли ловкая в слова?

О, сколько узкости дворянской
И спеси в мыслях и крови!
Как мало света и любви!
Как мало доблести гражданской!
Нет! Гражданин дворянских прав
Ярмом на земство не положит,
И возглашать никто не может,
Народной думы не узнав,
И от земли не полномочен,
Что этот строй правдив и прочен.

Есть строй не ваш. Тот строй живуч,
Где равноправная свобода,
Как солнце над главой народа,
Льет всем живительный свой луч,
Во имя блага с мыслью зрелой
И кроме блага ничего!
Так вековое зиждут дело
Вожди народа своего.

Но вас, сословные витии,
Вас дух недобрый подучил
Почетной стражей стать России
Против подъема русских сил.
И сгинет, смешанное с прахом,
Что, как бы ряд острожных стен,
В тиши возводится под страхом
Предполагаемых измен.

Москва.

Янв. 1865.

(Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 78 и об.). Автор стихотворения нам неизвестен.

15—19

Протест Одоевского против выступления «дворянской партии», предназначавшийся к опубликованию за многими подписями, несмотря на все его попытки, к печати разрешен не был и какого-либо крупного общественного значения не имел. Вернувшись в Москву, Одоевский, по словам А. Пятковского, «был встречен целым градом сплетен... Его выдавали чуть не за доносчика, который хотел под-

служиться правительству» («Кн. В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов». СПБ., 1901, стр. 72). См. также записи 17 и 21/III. Протест напечатан Орлом-Ошмянцевым в «Рус. Арх.» 1881, т. II, стр. 491—492 и Пятковским (ук. соч., стр. 71—72). Объяснение самого Одоевского по поводу этой статьи см. в его письме от 18/III 1865 г., где, опровергая слухи, распространяемые по Москве, он говорил о гибельном влиянии олигархии и подчеркивал свой принцип: «Безусловное равенство перед судом и законом, без различия звания и состояния» («Рус. Арх.» 1881, т. II, стр. 492—493 и у Пятковского, стр. 71—75); в сохранившемся списке незначительные расхождения, в том числе дата — 26/III. См. Бумаги Одоевского, пер. 87, л. 32—35). В этом письме Одоевский писал между прочим, что после запрещения «Вести» и ареста № 4 этой газеты он «счел неприличным... настаивать на печатании статьи, ибо по пословице: лежачего не бьют», что, однако, противоречит записям настоящего дневника (см. записи 17 и 21/III; см. также записи 22, 23/I, 1/II и 22/III).

Сохранилась кроме того в трех редакциях ненапечатанная статья Одоевского против «защитников крепостного состояния», где московские происшествия названы «обер-церемониймейстерской революцией» (гр. Орлов-Давыдов был вторым обер-церемониймейстером императорского двора) и подчеркнуто подстрекательство из Петербурга (Бумаги Одоевского, пер. 93. В этом же переплете — ряд подобранных Одоевским материалов к московским происшествиям: речи Орлова-Давыдова и Погодина, специальные выписки из писем, полученных Одоевским из Москвы 13—20/I и др.).

Одоевский возвратился к выступлению московского дворянства в «Записке для государя» («Рус. Арх.» 1895, стр. 40), где характеризовал собрание так: «Вожаки постарались построить такую фразеологию, чтобы для демократов всеподданнейшее прошение казалось демократическим, а для помещиков — помещичьим».

Отрицательное отношение к направлению «Вести» отражено в ряде заметок и набросков Одоевского против этой газеты (Бумаги Одоевского, пер. 13, 19, 22 и 87).

22

Как известно, иностранная цензура отменена не была. Высказывания Одоевского против цензуры вообще и, в частности, против цензуры иностранных книг см. в «Рус. Арх.» 1874, кн. II «Из бумаг кн. В. Ф. Одоевского», стр. 11 и сл. Книги, о которых говорит Одоевский: 1) «Testament de Pierre le Grand ou plan de domination européenne laissé par lui à ses descendants et successeurs au trône de Russie». Последнее издание (Paris, 1860) сопровождалось манифестом Александра II от 3/III 1855 г. и примечанием: «Манифест показывает, что Россия не отказалась ни от одного из своих взглядов и желаний». Составителем этого, часто привлекавшегося иностранными публицистами, документа был франц. историк и публицист Ш. Лезюр, См. подр. G. Berkholz. Das Testament Peters des Grossen. Riga. 1859. 2) Al. Chodzko. La Pologne historique, littéraire, monumentale et pittoresque. V. 1—3. P. 1835—1842.

23

См. прим. к записям 15—19/I.

26

Статью Ц. Кюи см. «СПБ. Вед.» 1865, № 22, «Музыкальная летопись». В. В. Стасов был теоретиком знаменитой музыкальной «кучки», враждовавшей с Серовым. О дружбе Серова и Стасова и их разрыве см. «Воспоминания Серовой», стр. 21—22. и 72. По словам В. Серовой, попытка примирения над телом матери не удалась, по вине В. Стасова.

Социальный смысл московской и тверской дворянской фронды был совершенно различен. Ср. прим. к записям 28/II 1860 г., 17/II 1862 г. и 5/I 1865 г.

30

В рескрипте Александр II указал, что Московское дворянское собрание касалось вопросов об изменении основных начал империи и выразил уверенность, что впредь он не будет встречать затруднений со стороны русского дворянства.

Февраль

1

О затруднениях к постановке «Юдифи» в Москве см. большое письмо А. Н. Серова Одоевскому от 4/XII 1864 г. (Сб. «Е. А. Боратынский». П. 1916, стр. 113—115),

5

В 1865 г. Одоевский был назначен первоприсутствующим 8-го департамент Сената.

25

Речь идет о мексиканской экспедиции Наполеона III и конкуренции французского и американского капитала в Мексике; см. также запись 10/I 1866 г. и выш прим. к записи 9/X 1863 г.

Март

9

Такой адрес действительно был подан. Копия его сохранилась в Бумагах Одоевского (пер. 93, л. 149). В передаче Одоевского основная мысль несколько усилена; фраз вроде «мы их уймем» в адресе нет. Любопытен отклик «Моск. Вед.» «Наибольшее число шаров получило однако же 5 дворян. Это показывает, между прочим, как мало следует придавать значения тому, что по распространившимся в Москве слухам какая-то волость Коломенского уезда постановила приговор неблагосклонный к дворянству» (1862, № 53).

14

Тогда же Одоевским была напечатана статья «Лауб в Моцартовском гемольном квинтете» («Моск. Вед.» № 55, подп. О. О. О.).

22

«Давыдову о клевете...», см. выше прим. к записям 15—19/I.

25

Резкая полемическая статья А. М. Жемчужникова в «Дне» (1865, № 12 «Московские Ведомости по части добросовестности» заканчивалась сравнением автора передовой статьи «Моск. Вед.» (Каткова) с «не скажу Ноздревым, а как бы сестрою Ноздрева, вышедшей замуж за генерала». Ответ Каткова «неославянофильской газете» — в передовой статье «Моск. Вед.», № 66. Против Каткова направлены были не менее резкие и иронические стихи Жемчужникова «Пророк и я» (1868 г.).

Указания на Варшаву и Калугу — намеки на полемику о крестьянской реформе в Царстве Польском (и, возможно, на назначение в Польшу Арцимовича бывшего ранее губернатором в Калуге). Возмущенные нападки на книгу Даниеля «Учебная книга по географии», перев. с нем. и доп. отделом о русских владениях Н. Корсак, М., 1863 (см. «Моск. Вед.» 1864, № 241 и 1865 №№ 51 и 66) были для «Моск. Вед.» удобным поводом для ожесточенной полемики с «Голосом», а по существу с Головниным.

Апрель

7

Речь идет о смертельной болезни наследника Николая Александровича.

Комедия А. Н. Островского «Воевода. Сон на Волге» была поставлена впервые в Москве 9/IX 1865 г., по отзыву рецензента «Антракта» (1865, № 108), очень тщательно.

18

В 60-х годах в Кремле в праздничные дни происходили прения между старообрядцами и православными. В этих прениях принимали участие члены существовавшего в Москве в 1864—1866 гг. ишутинского кружка, к которому принадлежал Каракозов, неудачно покушавшийся в 1866 г. на Александра II. Ишутинцы стремились использовать эти прения для пропаганды революционных идей. Запись Одоевского интересна в том отношении, что она показывает, насколько открыто выступали ишутинцы со своей пропагандой.

Июнь

8

Ген. Кауфман, как директор канцелярии военного министерства (до середины 1863 г.) был помощником Д. Милютина по реорганизации армии.

13

Agénir Etienne Gasparini. Des Tables tournantes, du surnaturel en général et des esprits. P. 1854.

20.

«Les institutions de la Russie depuis les réformes de l'empereur Alexandre II» par M. J. H. Schnitzler. I—II. P. 1866.

Президент Королевского географического общества в Лондоне Родрик Мерчисон в своей речи отвергал какую-либо угрозу Индии со стороны России (в связи с среднеазиатскими завоеваниями). Эта точка зрения, однако, имела в Англии немного сторонников.

24

Статья «Недовольно» — ответ Одоевского на «Довольно» И. С. Тургенева — была напечатана в кн. I «Бесед общества любителей российской словесности» 1867 г. и тогда же вышла отдельными оттисками.

Сентябрь

22

«Антракт» 1865, № 113—114, «Юдифь» опера Серова, (подп. «Э»). «Современная летопись» 1865, № 35. К. Ц—в. «Два слова по поводу представления «Юдифи». Автор, сожалея о потраченных суммах, указывал между прочим, что на эти деньги можно было поставить хоть «Африканку» Мейербера.

«Моск. Вед.», № 204 «...газета, о которой мы говорим и в которой всякий узнает «Голос», отпираясь от факта получаемых ею субсидий, не ограничивается этим...»; см. также № 206. «Голос» действительно субсидировался министерством народного просвещения. См. об этом и подр. о полемике по этому вопросу М. Лемке. Эпоха цензурных рефоом, стр. 237—245.

25

«Голос», № 264, анонимная статья «Бурса в школе и в литературе». Статья принадлежала А. Милюкову. Перепеч. в его сб. «Отголоски на литературные и общественные явления», СПБ, 1875.

Октябрь

4

«Жидовка» — опера Галеви. Кардинал был назван в афише министром-президентом верховного совета.

5

М. Стебницкий [Н. Лесков] «С людьми древлего благочестия», СПБ., 1863 и вып. II 1865. Оттиски из «Б-ки для Чтения».

29 - 31

Статья о продаже ротонды — казенное объявление, связанное с перестройкой ряда правительственных зданий, в том числе сенатских, в 1865—1866 гг. в Москве.

Ноябрь

9

Полемике по злободневному вопросу о пожарах (в 1864—1865 гг. по всей России прошла волна опустошительных пожаров) положила начало «Сев. Почта» опубликованием выдержек из работы центрального статистического комитета «Статистические сведения о поджогах в России», СПБ., 1865. «Голос» обвинялся в клевете на весь русский народ в связи со статьей «Предание о красном петухе» (см. «Сев. Почта», №№ 227—229, 237, 241; «Голос», №№ 166, 301, 304, 308).

11

Сен. Жданов, ведший следствие о симбирских пожарах 1864 г., умер в дороге, возвращаясь в Петербург, а портфель с его бумагами исчез. Отсюда — версия об отравлении Жданова. Есть основания думать, что причиной и этих пожаров, подобно петербургским 1862 г., была провокация (если не полиции, то во всяком случае реакционных кругов). Надо, впрочем, отметить, что по словам сен. К. Лебедева «Жданов ничего не открыл, а что открыл — не имеет ни нравственной, ни юридической точности» («Рус. Арх.» 1911, № 7, стр. 344); сделанная тем же Лебедевым характеристика Жданова (там же, № 6, стр. 253—254) не позволяет предположить с его стороны желания раскрыть провокацию — поэтому и версия об отравления Жданова представляется сомнительной (см. также записи 3/IX и 15/IX 1864 г.).

21

«Русская Беседа» — славянофильский журнал, выходивший в 1856—1860 гг. Свербеев в «Русской Беседе» не участвовал.

Декабрь

4

Первое предостережение «Голосу» было дано за «резкие порицания и неприличные суждения о правительственных мероприятиях», «оскорбление на все дворянское сословие» и «превратное изложение исторических событий с очевидною целью возбудить безусловное сочувствие к лицам, противодействовавшим правительству» (статьи в ряде номеров о Средней Азии, Западном крае, Радищеве и Екатерине II и др.).

В Петербургском земском собрании предложение ходатайствовать о центральном земском учреждении было отклонено; сочувствие же мысли о необходимости такого учреждения было подтверждено почти единогласно.

5

Речь идет о мероприятиях правительства по водворению русского землевладения в Западном крае и связанной с этим газетной полемике.

[18]

Одоевский имеет в виду циркуляр Главного управления по делам печати цензорам Прибалтийского края по поводу полемики об учреждениях и делах Прибалтийского края. Циркуляр был направлен против «раздражительных увлечений той части русской печати», которая «как будто отрицает историческую неизбежность различий между Ригой и Костромой», т. е. против анти-немецких выпадов «Моск. Вед.» особенно «Дня». В передовой статье № 277 «Моск. Вед.» убеждали, что позиция газеты вполне сходится с основными идеями циркуляра.

19

Предложение Одоевского об издании параллельных словарей славянских наречий см. Бумаги Одоевского, пер. 93, л. 332—333. В том же переплете (л. 239—250 и 258—271) — его «Материалы к вопросу о Словаре О. Л. Р. С.» и «Первовстречные мысли по поводу словаря».

1866 год

Январь

6

«Journal de S-Pét.» № 2.

9

Речь идет о комитете по церковному ценению и выступлениях Одоевского против монополии придворной Капеллы, директором которой был Бахметьев, на издания так называемого «Церковного Обихода».

10

Просуществовавшая три года (1864—1867) мексиканская империя была основана в интересах французского капитала по требованию близкой к Наполеону III группы банкиров. Плебисцитом, произведенным под давлением французских войск, императором был провозглашен австрийский эрцгерцог Максимилиан, вскоре разбитый и расстрелянный республиканцами. США не признавали мексиканской империи и по их настоянию были отозваны из Мексики французские войска.

13

См. выше прим. к записи 9/I.

24

«Мазепа» — опера Б. А. Фитингофа-Шеля. Жестокую критику этой оперы см. А. Н. Серов. Критические статьи, т. II, стр. 1072.

31

Об этом эпизоде см. также у Лебедева («Рус. Арх.» 1911. 8, стр. 347). Котляревский находился три месяца в заключении в Алексеевском равелине по «делу о сношениях с лондонскими пропагандистами» (приезд В. И. Кельсиева в марте 1862 г.).

Март

12

Разговор с Конст. Николаев. относится к участию Одоевского в комитете по церковному пению (см. выше прим. к записи 9/I).

15

Речь идет о перевороте в Молдавии и Валахии, произведенном противниками крестьянской реформы, и отречении князя Александра Кузы от престола. На его место был избран принц Карл Гогенцоллерн, признанный Россией только в 1868 г. Молдавский вопрос (намерение России вернуть себе Бессарабию, значение для Англии румынского рынка и т. д.) был не последним в комплексе противоречий, получивших название вопроса восточного и приведшим к войне 1877—1878 гг.

Апрель

3

26 марта было сделано первое предостережение «Моск. Вед.» за передовую статью в № 61, где утверждалось, что в некоторых правительственных сферах употребляют все усилия ввести в России принцип национального разделения и превратить Россию в Австрию. Предостережение было напечатано в «Сев. Почте» от 31/III. Катков объявил, что предостережения не принимает и будет платить по 25 р. за каждый лист в течение трех месяцев, а затем прекратит свою деятельность. Дело кончилось встречей Каткова и Александра II в Москве и разрешением Каткову возобновить издание газеты. Об этом подр. см. М. Лемке. Прим. к Герцену, т. XIX, стр. 17—28 и едкую статью Герцена «Катков и государь» (т. XIX, стр. 31—34).

5

Речь идет о покушении Каракозова на Александра II.

6—7

Первые дни после покушения, пока не были известны подробности (Каракозов долго не открывал своего имени), патриотически настроенные круги надеялись, что покушавшийся — поляк. Как анекдот, можно привести ходивший слух о том, что по мнению экспертов, «сапоги его [Каракозова] сшиты не в России» (Лебедев, «Рус. Арх.» 1911, № 7, стр. 363).

10

М. Н. Муравьев был назначен председателем чрезвычайной следственной комиссии по делу Каракозова.

Приписывавшиеся Комиссарову слова — быстро распространившийся апокриф, как, впрочем, и вся версия о роли Комиссарова в «спасении» Александра II. См. хотя бы «Покушение Каракозова». т. I, стр. 292, прим. 4. Версия о Комиссарове была выдумана находившимся при покушении Э. И. Тотлебеном.

15

Увольнение Головнина было одним из первых проявлений реакции, последовавшей за выстрелом Каракозова. Головнин был заменен гр. Д. А. Толстым, близким к Каткову.

19

Речь идет об отставке начальника III Отделения кн. Василия Долгорукова, связанной с покушением Каракозова. Долгоруков был заменен гр. П. А. Шуваловым.

19—23

Характерно замечание Одоевского о социальном лице Каракозова. Последовавшие за покушением события показали, что массами покушение не было понято. Однако в истории русского революционного движения ишутинский кружок, членом которого был Каракозов, «имеет немаловажное значение. Ишутинцы нащупали те революционные пути, по которым пошло движение вскоре после их гибели» («Покушение Каракозова». Стенографический отчет... т. I. М., 1928. Предисл. М Клевенского, стр. XIII).

Май

15

Теоретическое обоснование реакции — рескрипт на имя председателя Комитета министров кн. Гагарина, где Александр II развернул свою программу охра-

нения русского народа от вредных лжеучений, говоря словами рескрипта. Подбор раболепных высказываний по поводу рескрипта см. в «Колоколе», 1866, л. 224.

22

В обществе ходили слухи, что покушение Каракозова было делом рук партии «конституционистов», приверженцев вел. кн. Константина Николаевича. Каракозов действительно в своих показаниях говорил о партии «константиновцев»; однако партии такой на самом деле не существовало. Кружок же либеральных бюрократов, группировавшийся вокруг Конст. Никол., не имел никакого отношения к делу Каракозова.

Принцесса — Мария Баденская, бывшая с Александром II в Летнем саду во время покушения.

28

«Отеч. Зап.», май, кн. I, Политическая хроника, стр. 1—6.

Июнь

5

В 1866 г. были окончательно запрещены «Русское Слово» и «Совр.», который не спасло даже стихотворение Н. А. Некрасова, посвященное Осипу Комиссарову.

8

Одоевский говорит о прусском воззвании от 16 (4) июня 1866 г. Расторжение Германского Союза оправдывалось в воззвании принятием германским сеймом австрийского предложения о мобилизации против Пруссии.

17

«Весть» (№ 45) полемизировала с «Голосом» по поводу толкования отдельных статей «Положения» 19 февраля.

20

О Каткове и «Моск. Вед.» см. выше прим. к записи 3/IV.

23

В «Моск. Вед.» № 130 под заглавием «Ки-Блунт, женщина-поэт, декламатор», была помещена заметка о чтении второстепенной американской поэтессы Key Blunt, подп. «К. В. О.» Подстрочный перевод двух стихотворений, «My little Boat» и «Gisn za Tsaria» («Жизнь за Царя» — о Комиссарове) сохранились в Бумагах Одоевского (пер. 19, л. 53—56).

Американская дуэль между наместником Царства Польского Ламбертом и генералом Герштенцвейгом произошла в 1861 г. после крупной размолвки между ними из-за освобождения Ламбертом ряда арестованных Герштенцвейгом участников польской манифестации. Дуэль закончилась смертью Герштенцвейга.

26

Побежденная Пруссией Австрия искала посредничества Франции и уступила ей Венецию. Наполеон III передал Венецию Италии.

Июль

10

Наполеон III явился посредником между Пруссией и Австрией, принявшей все условия перемирия. Гегемония Пруссии окончательно утвердилась после этой войны.

20, 22

В «Домашней Беседе» №№ 26—28, были помещены статьи Одоевского «Пение в приходских церквах» (подп. К. В. О.) и «К делу о церковном пении», направленные против придворной Капеллы и Комитета для цензуры музыкальных сочинений. Это были отрывки из брошюры: «Мнение кн. В. Ф. Одоевского по вопросам, возбужденным Министром Народного Просвещения по делу о церковном пении, которое не предназначалось для публики и «было напечатано М. Н. Пр. в весьма небольшом числе экземпляров и единственно для членов Комитета и некоторых духовных лиц» (Бумаги Одоевского, пер. 31, л. 175). Письма Одоевского в редакцию «Домашней Беседы» и лично Аскоченскому сохранились (там же, л. 175—180).

24

В. Вундт, «Душа человека и животных». Перев. с нем. т. I—II, СПБ., 1856—1866.

Август

4

В передовой статье «Сев. Почты» № 166 была дана краткая информация о результатах работы следственной комиссии, без указания имен соучастников Каракозова. Приводя извлечения из этой статьи, Катков в «Моск. Вед.» № 165 и особенно в № 168 полемизировал с официальной статьей, утверждая, что тайное общество в Москве было просто кружком испорченных школьников, и явно стараясь очернить петербургские либерально-бюрократические сферы. Об этой полемике см. Герцен, т. XIX, стр. 56—58 («чтобы выгородить Москву, Катков жертвует частью своих ложных доносов и частью клевет, которые он положил в основу дыбе, на которой издается его журнал»).

Спасение Домбровского — организация бегства Ярослава Домбровского 14 декабря 1864 г., из Московской пересыльной тюрьмы. Бегству Домбровского оказали содействие члены кружка ишутинцев.

8

Случай с Протасьевым часто приводился в литературе в передаче Кони: «Возвращаясь в летнюю белую ночь с островов и найдя мост разведенным, надел цепь и требовал его наведения» (Ф. Кони. За последние годы. СПБ., 1898, стр. 328).

12

Дело об оскорблении членов московского кредитного общества редактором «Руск. Вед.» Скворцовым.

Речь идет о приезде чрезвычайной американской миссии во главе с Густавом Фоксом.

Сентябрь

7

В «Journ. de St.-Pét.», 1866, № 198 в заметке об открытии московской Консерватории несколько строк было посвящено Одоевскому, призывавшему к музыкальной обработке русских песен с обязательным сохранением национального колорита.

23—25

«Моск. Вед.» №№ 199 и 201. Ю. Г. Жуковский за статью «Вопрос молодого поколения» («Совр.» 1866, № 2—3) был привлечен вместе с редактором А. Н. Пыпиным к суду за оскорбление дворянства. Петербургским окружным судом они были оправданы, а судебной палатой присуждены к трехмесячному аресту. Катков выступил в защиту оправдавшего Пыпина и Жуковского суда, который «не был призван судить автора за его направление», подчеркнув при этом свое беспристрастие (так как против «Моск. Вед.» «была собственно написана подсудимым статья»).

30

В результате следствия о послаблениях сосланному М. Л. Михайлову (при его проезде через Тобольск) ряд чиновников был предан суду, смещен и т. п. Подр. см. М. Лемке. Политические процессы, стр. 142—149.

Октябрь

4

Пролог к драме Ушакова напечатан в «Литературной Библиотеке» 1866, № 2.

8

Речь идет о передовой статье «Моск. Вед.» № 210.

15

В 1866 г. ходили слухи (появилось даже несколько заметок в газетах) о принятии константинопольским патриархом условий для соединения с католической церковью и освобождении его тем самым от русского влияния.

20

Речь идет о передовой статье «Моск. Вед.» № 219, «Вятские Губернские Ведомости» неосторожно и слишком поспешно выболтали недовольство административных властей и прокуратуры новыми судами.

Ноябрь

1

«Высочайшее повеление о пространстве и пределах власти губернаторов» — одно из проявлений реакции после покушения Каракозова, — чрезвычайно расширявшее компетенцию «начальников губерний».

6

Герцен напечатал это распоряжение ген. Огарева в «Колоколе» с соответствующим комментарием («Колокол» 1867, л. 231—232, «Скоты»). См. также Никитенко, т. II, стр. 310—311.

Декабрь

1

В 1866 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Н. М. Карамзина. См. также след. прим.

6

5/XII «Голосу» за статью в № 318 о петербургской полиции, где «заключаются неприличные изветы на высших чинов полицейского управления» было объявлено третье предостереженье, и он был приостановлен на два месяца. В № же 332 в передовой статье о юбилее Карамзина (см. запись 1/XII) было сказано: «Карамзин — это одно из редких исключений между людьми, пользующимися милостию своих государей и решающимися говорить им истину смело без всякой задней мысли».

Временными правилами 1864 г. был расширен круг предметов обложения на нужды земств, что вызвало ряд недоразумений и недовольство промышленников. Последующими разъяснениями права земств в этом направлении были очень урезаны. Было ограничено право обложения земель и торгово-промышленных заведений, что очень подорвало бюджет земства.

18

Смена ген. Кауфмана, управляющего Северо-Западным краем, и уход Н. Милютина и кн. Черкасского вызвали столь упорные слухи о перемене польской политики, что «Journ de St.-Pét.» и «Сев. Почта» должны были напечатать специальное опровержение. По существу, конечно, ничто не изменилось, и руссификация Польши продолжалась теми же темпами.

[25]

О Юркевиче-Литвинове см. запись 1/I 1867 г.

1867 год

Январь

1

Характерная газетка конца 60-х годов «Народный Голос» (1867 г.) издавалась мещанином Юркевичем-Литвиновым, выдававшим себя «прямо, без околичностей... за какого-то агента его императорского величества» (зап. 28/I 1867 г., рукопись «Дневника» Никитенко — ИРЛИ), а в действительности бывшим, повидимому, агентом шефа жандармов гр. Шувалова. «Орган для выражения народных чувств и воззрений», появившийся «в такое счастливое знаменательное время» сообщал о себе в программной статье: «Нельзя заранее сказать, будем ли мы либералами или консерваторами, потому что нельзя ведь предсказать ход событий». Национальная политика и самобытное развитие были credo газетки. В короткое время «Народный Голос» получил несколько предостережений и был приостановлен, а редактора-издателя присудили к трем неделям ареста и штрафу в 200 руб. Материал для обвинения был разнообразный—от вызывающих ответов на предостережение министерства внутренних дел до «окорбительных отзывов о главной надзирательнице женской гимназии». Министерство внутренних дел так характеризовало газетку: «Под личиною благонамеренности стремится колебать доверие и уважение к существующим постановлениям». Печать относилась к «Народному Голосу» иронически, на что жаловался сам Юркевич-Литвинов в письме из Литовского замка («СПБ Вед.» 1868, № 38). О «Народном Голосе» и Юркевиче-Литвинове см. Никитенко, т. II, стр. 324; Лебедев («Рус. Арх.» 1911, т. 8, стр. 466); Материалы для пересмотра действующих постановлений о цензуре. Ч. III, отд. I.

4

М. Погодин. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Материалы для биографии. 2 части, М., 1866.

16

В действительности, влияние фаворита Александра II гр. П. А. Шувалова очень возросло после покушения Каракозова и в скором времени за ним установилось прозвище «Петр IV» и «Аракчеев II». По поводу, например, закона о сообществах (см. запись 23/IV) Герцен писал: «Закон этот писан под влиянием Шувалова. Петр IV тоже хочет, как и Петр I, оставить потомству историческое завещание» (т. XIX, стр. 357). См. также, например, у Никитенко: «Возвысился гр. Шувалов и делает, что ему заблагорассудится, помимо закона и всех установленных государственных учреждений» (т. II, стр. 314).

О Шувалове же Тютчев писал:

Над Россией распростертой
Встал внезапною грозой—
Петр по прозвищу четвертый,
Аракчеев же второй.

(Ф. И. Тютчев. Полное собрание стихотворений. М.—Л. 1934 г. Т. II, стр. 205)

17

Временное закрытие земств СПБ губернии было официально объяснено тем, что земское собрание «действует несогласно с законом и... непрерывно обнаруживает стремление неточным изъяснением дел и неправильным толкованием законов возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству» («Сев. Почта» 1867, № 17). Ближайшим поводом к роспуску был отказ применить закон 21 ноября (см. запись 6/XII 1866 г.) к раскладке на 1867 г., составленной до издания этого закона. В петербургском земском собрании 1867 г. объединилась часть фрондировавшего дворянства с либеральными деятелями типа Крузе. Однако в целом господствующую позицию в земстве занимали средние землевладельцы, и орган крупнопоместной партии «Весть» выступал против земства (см. запись 19/III). Петербургское земство было вновь открыто через 4 месяца. Крузе был выслан на непродолжительное время не в Вологду, как указывает Одоевский, а в Оренбург.

21—22

Первое предостережение «Москва» получила за передовую статью в № 8 о панихиде по погибшим на Крите монахам. В этой статье И. Аксаков возмущался зависимостью православной церкви от правительства, говорил о приравнении «разных степеней духовного сана и благодати святого духа к табели о рангах», и т. д. Передовая статья № 18 осуждала систему предостережений, пагубно отражающуюся на искренности печатного слова. Кроме того, в № 17 помещено «Письмо к редактору из Парижа», подписанное Касьяновым, об отмене системы предостережений во Франции, а в № 18 перепечатана выдержка из руководящей статьи «Journal des Débats», где советовалось России и Турции, введшим эту систему по примеру Франции, и теперь последовать ее примеру.

24

Предисловие Ю. Самарина, в котором Хомяков назван учителем церкви, помещено в II т. полного собрания сочинений Хомякова, вышедшем в 1867 г. за границей. В России этот том был разрешен духовной цензурой только в 1879 г. с обязательной оговоркой в предисловии, что «неопределенность и неточность встречающихся в нем некоторых выражений произошла от неполучения автором специального богословского образования». Предисловие Самарина перепечатно также в VI т. его собрания сочинений (М., 1887).

Февраль

1

Первое предостережение «Народному Голосу» (напеч. в № 26) было дано за статью в № 15 об открытии финляндского сейма («возбуждение вражды одной части населения к другой»). Подлинной причиной, возможно, была перепечатка в №№ 19 и 20 статей из «Москвы» против предостережений с вступлением от редакции «Народного Голоса», где подчеркивалось, что «министр есть лицо ответственное».

9

Столкновение министерства народного просвещения и стоявшей за ним в данном случае редакции «Моск. Вед.» с «молодым меньшинством» московских профессоров произвело сильное впечатление на общество. Уход из университета Чичерина, Дмитриева и Рачинского и косвенно связанный с этим уход Бабста и Капустина (С. Соловьев остался) был вызван незаконным решением об оставлении в университете забаллотированного декана юридического факультета, проф. Лешкова. Подробно этот инцидент описан Б. Чичериным («Воспоминания. Московский университет», М., 1929, стр. 166—250). См. также запись 22/I, 31/III и 28/V. 1868.

10

Трагедия Хомякова «Димитрий Самозванец» была напечатана в 1833 г. Кашперов оперы на эту тему не написал.

13—14

«Дети степей или украинские цыгане», опера в 4 действиях, музыка А. Г. Рубинштейна.

[21]

Ср. у Никитенко, т. II, стр. 323 о неблагоприятном впечатлении за границей и подрыве кредита в связи с репрессиями против земства. См. также запись 13/VIII.

24

Второе предостережение было получено «Москвой» за передовую статью в № 35, где И. Аксаков в резких выражениях осуждал распоряжение о высылке из столиц содержателей гостиниц за несоблюдение правил о прописке паспортов. В передовой статье № 45, явно нарушавшей правила о печати, Аксаков иронически заявил о своей уверенности, что его статьи «обращают на себя внимание администрации и принимаются к сведению».

28

У кн. Лобковича служил отец Глюка.

Март

7

План и один незначительный набросок комедии «Суды и пересуды» см. в Бумагах Одоевского, пер. 87, л. 154—155. Действующие лица комедии — московские аристократы. Одоевский хотел, повидимому, дать в этой комедии сравнение старого и нового судопроизводства.

13

Опера Кашперова «Гроза» на текст Островского впервые поставлена в 1867 г.

18

Кошелеву принадлежала статья в №№ 48 и 49 «СПБ Вед.» «Несколько слов по поводу нападок на земство и земские учреждения», подписанная «Гласный из землевладельцев. Рязань». В первом предостережении «СПБ Вед.» было сказано, что статья «враждебно сопоставляет эти [земские] учреждения с правительственными властями» и обвиняет последние в произволе и несоблюдении законности. Несмотря на это, в № 82 было помещено окончание статьи. Перепечатана в сборнике Кошелева «Голос из земства» М., 1869. Прил., стр. 1—32.

19

В газете «Весть», № 30, было сказано, что передовую статью «Моск. Вед.», № 51 (в защиту земства и независимости суда), писал издатель «Колокола» или кто-то из его сотрудников. В № 32 «Весть» обвиняла «Моск. Вед.» в том, что «борьба с нигилизмом, социализмом и т. д. оказалась с л о в а м и», упрекала за защиту земства и уличала «Моск. Вед.» цитатами из 1863 г. в противоречиях». Повидимому, и статья «О земских и судебно-мировых учреждениях» Лапина («Весть», № 33—35) была направлена против московских газет.

Статья Самарина — передовая статья № 63 «Москвы» с рядом примеров бесправного положения русских в Прибалтийском крае. Статья была направлена против «Вести» и ее программы укрепления дворянства. Перепечатана в Сочинениях Ю. Самарина, т. IX, М., 1898, стр. 470. Самариным было написано несколько передовых статей «Москвы».

Апрель

14

«Русская и т. н. общая музыка». Исследование К. В. О. («Русский», 1867. №№ 11—12). Имеются отдельные оттиски.

23

В апреле 1867 г. Государственным советом был заменен, в соответствии с общим реакционным курсом, ряд статей о «противозаконных сообществах и запрещенных сходбищах» Уложения о наказаниях.

Май

14—16

В 1867 г. в Москве была открыта всероссийская этнографическая выставка, положившая основание Дашковскому этнографическому музею. Выставка послужила поводом для устройства демонстративного славянского съезда, собравшего около 80 чел., главным образом, из Австро-Венгрии.

26

Подразумевается покушение польского эмигранта Березовского на Александра II.

Июль

6

Имеются в виду: Alex. Moller. Situation de la Pologne au 1-er janvier 1865. P. 1865 и Prosp. Mérimée. Episode de l'histoire de Russie. Les faux Démétrius. 1853 (ряд изданий).

11

«Моск. Вед.», № 151.

31

Ратч, Сведения о польском мятеже 1863 г в северо-западной России. Вильна. 1867. Т. 1—2.

Указ 10/XII 1865 г. — запрещение полякам покупать помещичьи имения (см. также запись 5/XII 1865 г.).

Сентябрь

4

«Revue des deux mondes». 1867, t. 71, p. 132—181. Julien Klaczko. «Le congrès de Moscou et la propagande panslaviste».

8

Тотлебен. Описание обороны г. Севастополя. СПБ 1863. Ч. I.

24

По ходу гражданского процесса И. Арсеньева с А. и Н. Зарудными, созидателями «Петербургского Листка», были выявлены противозаконные действия Арсеньева, подлежавшие, в сущности, суду уголовному. Арсеньев был выкуплен из долговой тюрьмы за 12 000 руб. и, действительно, в основанной им «Петербургской Газете» (а не «Повседневном Листке», как указывает Одоевский) поместил ряд оскорблявших новые суды заметок. Особенно досталось чинам судебного ведомства в «заявлениях публики» (№ 107), где Д. Е. Звенигородский изложил свое дело, поданное им в кассационный департамент Сената. Звенигородский обвинял следователя Лоссовского в разбойничьих действиях и закончил свое заявление обобщением: «Тюрьмы набиты невинными». Арсеньев и Звенигородский были приговорены к аресту и штрафам; запрещение же издания «Петербургской Газеты» сенат отменил после кассационной жалобы Арсеньева.

Ноябрь

1

О предостережении «Голосу» за осуждение французской политики в итальянском вопросе появились статьи в иностранных газетах. После этого «Моск. Вед.» в явно инспирированной статье опровергли слух о том, что француз-

ский посол настаивал на предостережении и что, будто бы, предостережение сделано министром внутренних дел вопреки единогласному мнению совета по делам печати. Доказательство единодушия совета привела и «Сев. Почта» от 2/XI.

3

Второе предостережение «Голосу» было дано за передовую статью в № 299.

13

Ружьями системы Шасспо были вооружены французские войска, разбившие отряды Гарибальди и занявшие Рим. Папа благодарил французов за участие в обороне его престола и дал свое благословение французской армии, правительству, императору и его фамилии. Смысл остроты — сближение этого благословения с предостережением «Голосу» за порицание французской политики в итальянском вопросе (см. выше прим. к записи 24—29/X).

19—23

Одоевский относился к митрополиту Филарету очень отрицательно. В его «Памятках алфавитных» сохранилась следующая запись: «... Знаменитость его построена неизвестно на чем. Был он человек ловкий, честолюбивый и самолюбивый до крайности; искусный ритор, хотя и писал не русским языком; особенно изобретателен в словоизвитии... Спрашивается, что он сделал для церкви? Для духовных училищ? Для улучшения быта священников? Ничего и ничего!..: Уважение к Филарету должно было не всеобщее; вскоре после его смерти ходила по городу следующая эпиграмма [эпиграмму см. в тексте «Дневника»]. Рассказывают, что по смерти Филарета между духовными ходило следующее надгробное слово: «Во имя отца и сына и святого духа. Радость велию повем вам, благочестивые слушатели. Одним негодяем на свете стало меньше, от таковых сохранит нас господь Иисус Христос...» (Бумаги Одоевского, пер. 22, л. 379—380). Следует отметить, что в предназначавшемся для печати «Воспоминании о Качеповском» Одоевский тем не менее писал: «Спокойная и безмятежная кончина вечно незабвенного архипастыря Филарета» (С а к у л и н. Ч. I. Из истории русского идеализма, кн. В. Ф. Одоевский. М, 1913, стр. 107).

28

В результате ответа в № 169 на пятое предостережение (второе после возобновления газеты) «Москва» была приостановлена. О беспрестанных столкновениях И. С. Аксакова-журналиста с правительством см. «Тютчев и Аксаков в борьбе с цензурой» Г. Чулкова (Мурановский сборник. Вып. I, 1928), «Москва» за 22 месяца получила девять предостережений и трижды была приостановлена. Анализ поводов предостережений «Москве» см. К. А р с е н ь е в. Законодательство о печати. СПБ., 1903, стр. 37—40.

Декабрь

11

«На память о 9 июня 1867 г. Барону Модесту Андреевичу Корфу в день пятидесятилетия его службы». Сборник в честь Корфа был издан в трех экземплярах (один — корректурный). Одоевскому принадлежали в этом сборнике «Воспоминания помощника директора», где он отмечал заслуги Корфа, как первого изобретателя русской скорописи.

17.

Ироническая запись Одоевского и приведенная им эпиграмма относятся к юбилею обер-гофмейстера кн. Н. И. Трубецкого. Об этом юбилее отзывались насмешливо и другие современники.

27.

О речи Одоевского на обеде в честь Берлиоза см. прим. к записи 31/XII.

31

«Москвич», № 5, передовая статья — полемика с «Сев. Почтой», доказывавшей в №№ 279—280 пользу системы предостережений. Выражение «сердцеведец» относится к словам «Сев. Почты», что ни одно издание не было приостановлено без собственной и, очевидно, настойчивой на то решимости издателей». «Москвич» заменил на время запрещенную «Москву»; редактором числился Г. Андреев.

Черновик восторженного приветствия Берлиозу сохранился в бумагах Одоевского (пер. 62, л. 137—141 об.); ср. запись 11/II 1869 г. Характеристику речи Одоевского и его тоста в честь Берлиоза см. в ст. Б. Иванова-Корсунского «Музыкальная деятельность В. Ф. Одоевского» («Музыкальная Летопись». Сб. I. 1922, стр. 139—140):

1868 год

Январь

22

«Письмо к издателю» Дмитриева напеч. в «Русском», 1868, л. 7—8. Об уходе из университета нескольких московских профессоров см. запись 9/II 1867 г. и прим. Вмешательством Погодина в университетскую историю Дмитриев и его товарищи были недовольны. Чичерин по этому поводу охарактеризовал Погодина так: «Сей древний муж, представляющий странную смесь ума и нелепости, таланта и гнусной скаредности» («Воспоминания. Московский Университет». М., 1929, стр. 245).

25

Речь идет о трагедии А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного».

29

В «Моск. Вед.» № 19, была напеч. статья Одоевского (подп. «Современник Глинки») «Лучше поздно, нежели никогда», посвященная постановке «Руслана и Людмилы» на московской сцене. Корректура статьи с многочисленными поправками Одоевского сохранилась (Бумаги Одоевского, пер. 77, л. 103).

[*Февраль*]

[*15*]

Такова была официальная и вполне правдоподобная мотивировка закрытия «Москвича». По словам Никитенко (т. II, стр. 358) подлинной причиной запрещения были резкие нападки на администрацию (в № 35, а не № 37, как указывает там же Лемке) в статье об оправдательном приговоре суда по делу 53 крестьян, обвинявшихся в неповиновении и сопротивлении властям.

26

Незаконченная опера на сюжет Островского «Не так живи, как хочется» была названа А. Н. Серовым «Вражья сила».

Март

6

В «Моск. Вед.» № 49 была напеч. статья Одоевского (подп. О. О. О.) «О Лаубе, как основателе у нас настоящей скрипичной школы. Ср. запись 14/III 1865 г.

9

В «Совр. Изв.» № 65 была напеч. статья Одоевского (подп. Тихоныч) «Рогнеда и другая новая опера Серова в его концерте 10 марта, в воскресенье в Большом театре». Имеются отдельные оттиски.

14

«Музыкальная грамота для не-музыкантов», соч. Кн. В. Ф. О. Вып. I. Изд. А. О. Орла. М., 1868, была частью чтений о музыке, начатых Одоевским у себя на дому в 1864 г. (см. Д. Разумовский. Музыкальная деятельность кн. Вл. Одоевского. «Труды I Археологического съезда», т. I, стр. 483). В экземпляре, хранящемся в Публ. Б-ке, — большая вставка в тексте рукой Одоевского.

Апрель

10

В 1867—1868 гг. А. Н. Серов редактировал «Музыка и театр. Газета специально критическая». Издательницей числилась В. С. Серова.

28

См. прим. к записи 9/II 1867 г. и 22/X 1868 г.

Май

1

Второе (после возобновления) предостережение было получено «Москвой» за «резкое порицание правительственных мероприятий по важному предмету государственного правосудия». Действительно, в передовой статье № 18 очень прямо и резко говорилось о вреде смертной казни и о разгуле александровского «правосудия». Статья о паразитах — передовая статья № 20 о «нарасте на русском

народном организме», где полемика с «излюбленным органом паразитного мира «Вестью» переходила в утверждение о победе польской партии в северо-западном крае».

Июль

10

«Моск. Вед.» № 149, передовая статья, где говорилось о «средневековом феодализме» в Прибалтийских губерниях и проводилась традиционная катковская идея о необходимости передачи бывших казенных имений «в руки коренных русских помещиков».

Октябрь

24

Все указанные в распоряжении министра внутренних дел передовые статьи «Москвы», кроме № 185, были посвящены правительственной политике в прибалтийских губерниях; в последней статье Аксаков утверждал, что у правительства отсутствует уважение к русской народности, и требовал доверия обществу. В этих статьях часто упоминалась незадолго до того вышедшая за границей книга Ю. Самарина «Окраины России». В корреспонденции областного отдела «Москвы» сообщалось о преследовании проводивших антипольскую политику чиновников в северо-западном крае. Предостережение справедливо расценивалось современниками, как ответ правительства Самарину. Аксаков объявил, что он не возобновит издания «впредь до наступления более благоприятных обстоятельств».

В газетных откликах на прекращение «Москвы» на ряду с указаниями на ее заслуги в славянском вопросе подчеркивалось, что «Москва» — орган промышленных интересов, существовавший при материальной поддержке московских капиталистов (см. напр. «Современные Известия» № 312). Особо отмечались статьи «Москвы» по тарифному вопросу.

Ноябрь

1—2

Заметки Одоевского «Известные и мало известные причины пожаров» и «Печное мастерство» (о книге В. Собольщикова) помещены в «Крестном календаре» Гатцука на 1869 г. Заметка «Два слова для пьющих водку» — в «Крестном календаре» на 1870 г. (вместе с некрологом Одоевского).

Здесь в «Дневник» вклеена записка С. Соболевского: «Paul Grimm в своих записках (Würzbourg, 1868) в трех местах рассказывает, как le prince Odoewski, сочлен общества Petrachewski, выдавал от себя отпускные крепостным людям, угнетаемым своими помещиками. Я не знал таких твоих проделок». В 1868 г. в Германии вышел полный исторических несообразностей роман П. Гримма о России 1854—1855 годов «Les mystères du Palais des Czars». Герой книги — внук Рылеева и сын Николая I и актрисы Асенковой. Один из мелких, крайне благородных персонажей книги — le prince Odoewski. Одоевский записал в своих «Памятках алфавитных: «Роман, где я выведен в качестве сына декабриста — так пошло, что не мог дочитать» (Бумаги Одоевского, пер. 22, запись перед текстом).

24

Речь идет о «Заметке о смерти Верещагина» Д. Н. Свербеева, напечат. в «Рус. Арх.» 1870, стр. 518—522. Другая статья о Ростопчине—вероятно «Воспоминания о московских пожарах 1812 г.» («Вестник Европы» 1872, т. II, стр. 303—320), хотя она помечена октябрем 1869 г.

26

Полемическая статья, в которой московская пресса обвинялась в либерализме, а «Моск. Вед.» сравнивались с ревностно исполняющим обязанности хожалым, видящим везде и во всем один шиворот. Нападки «Вести» на «Московские Ведомости» объяснялись разногласиями, существовавшими между этими двумя органами реакционной печати по польскому вопросу. «Весть», как указано выше, отрицательно относилась к политике правительства в Польше, находя, что оно, стремясь ликвидировать польское дворянское землевладение, нарушает принцип неприкосновенности частной собственности и проводит в жизнь «социализм». Катков же и его «Московские Ведомости» выступали на защиту правительственной политики, оправдывая меры правительства необходимостью русифицировать край и предупредить возможность повторения в нем восстания.

Декабрь

8

«Димитрий Самозванец». Драматическая хроника Н. А. Чаева, напечатанная в «Эпохе», 1865, I.

14

«Не так живи, как хочется» — «Вражья сила».

Лажечников — очевидная описка Одоевского. «Люди сороковых годов» — роман Писемского, напеч. впервые в «Заре» в 1869 г.

«Самарянин. Рассказ из житейского быта» — неоконченный роман Одоевского. Сохранились планы романа и отдельные отрывки, частично перебеленные. Герой романа — школьный учитель, химик-самоучка (Бумаги Одоевского, пер. 80, л. 307—514).

15

Эпиграмма принадлежит С. А. Соболевскому. В другой редакции напеч. в кн. «Эпиграммы и экспромпты». М., 1912, стр. 32, где она отнесена В. В. Каллашем к юбилею Назимова.

1869 год

Январь

4

Отзыв Одоевского о музыкальной картине Н. А. Римского-Корсакова «Садко» лишний раз подчеркивает музыкальную проницательность Одоевского. Отзыв этот опубликован А. Н. Римским-Корсаковым (см. Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни. 4 издание. М., 1932, стр. 167).

19

Очевидно, этими куплетами гр. Соллогуба вызвана была эпиграмма С. А. Соболевского:

«Вчера я видел Соллогуба.
Как он солидно рассуждал
И как ведет себя — ну, любо.
Благодарю, не ожидал.
(Эпиграммы и экспромпты». М. 1912, стр. 88)

21

Запись свидетельствует о политической наивности Одоевского. Парижская конференция о разрыве между Турцией и Грецией, поддерживающей восставших против турецкого владычества критян, была созвана по инициативе России. Решением конференции вся вина возложена была на Грецию, поддавшуюся, как гласили телеграммы, «увлечениям, относительно коих патриотизм мог ввести ее в заблуждение».

Одновременно с третьим предостережением «Москве» министр внутренних дел А. Тимашев вошел в Сенат с рапортом о совершенном запрещении газеты. Дело перешло в Государственный совет, где и было решено в соответствии с представлением Тимашева. В № 15 «Вести» была помещена передовая статья, обвинявшая славянофильство в исповедывании самых «крайних принципов». В газете «Русь» 1881, №№ 54—58 напечатана докладная записка И. Аксакова о запрещении «Москвы», представленная им в Сенат. В сб. «Е. А. Боратынский» (П., 1916, стр. 131—132) напеч. любопытное примечание И. Аксакова к этой записке.

29—30

Об отношениях Одоевского и Чайковского см. М. Чайковский. Жизнь П. И. Чайковского. М. 1900, стр. 254—257. В письме П. И. Чайковского Одоевский назван «одной из самых светлых личностей» и «чудным старичком». Там же напечатано письмо Одоевского к Чайковскому от 9/II 1869 г.

«Воевода» — первая опера Чайковского. В Москве при постановке в 1869 г. не имела успеха. Была уничтожена в 70-х годах автором.

Февраль

6

«Доказательства улучшения русского быта», о которых говорит Одоевский, см. в передовой статье «Моск. Вед.» № 30.

Статью о дебюте московской певицы Александровой-Кочетовой на петербургской сцене в «Руслане и Людмиле» см. «Голос» № 36, Петербургская хроника».

8

«О юго-западном крае» — повидимому описка Одоевского. Речь идет о начале статьи С. Райковского «Польская молодежь западного края в мятеже 1862—1863 гг.» («Рус. Вестн.», 1869, январь, стр. 113—160).

Н. Ренненкампф, «новый возрожденный Катков», по определению министра народного просвещения Толстого, поместил в «Рус. Вестн.», 1868, кн. 8, статью о Герцене, вызвавшую отклик последнего. Ответом Герцена и прекращением «Колокола» была вызвана статья Н. Ренненкампфа «Невольное объяснение с издателем «Колокола», («Рус. Вестн.», 1869, январь, стр. 265—290).

«Отеч. Зап.» 1869, январь, современное обозрение, стр. 164: Речь идет о словах Одоевского по поводу оценки Берлиозом Глинки. «Отеч. Зап.» упрекали Одоевского в унижении русского искусства (ср. запись 31/XII 1867 г.).

23.

Лекция Бессонова о русских песнях.

24—25

По словам М. Погодина, 25 и 26/II Одоевский «беседовал о любимом своем предмете — древней музыке — со священником Разумовским. Икота усиливалась. Он обратился по обыкновению к медицинскому словарю и прочел статью об этой болезни — лег спать спокойно. Ночью вдруг сделался бред — послышалось какое-то рассуждение о музыке — по утру в четверг стало хуже, он не приходил в память» (Воспоминания М. П. Погодина в сб. «В память об Одоевском». М. 1869, стр. 67). Одоевский скончался в 4 часа пополудни 27 февраля 1869 г. от воспаления мозга.